

Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова

Институт стран Азии и Африки
кафедра тюркской филологии

Вопросы тюркской филологии

Выпуск XIII

Материалы Дмитриевских чтений

Москва
2020

УДК 811.512.1
ББК 80(=63)я431
В74

Вопросы тюркской филологии. Выпуск XIII: материалы Дмитриевский чтений / отв. ред. М.М. Репенкова, Е.А. Оганова ; ред. О.Н. Каменева, Е.М. Напольнова, А.В. Чиврикова; Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова, Ин-т стран Азии и Африки. – М. : Издательство МБА, 2020. – 431 с.

ISBN 978-5-6044476-1-1

*Утверждено к печати Ученым советом
ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова*

Рецензенты

кандидат филологических наук **Н.Н. Телицин**
кандидат филологических наук **Е.И. Ларионова**

Данный сборник содержит доклады, прочитанные в 2018–2019 гг. на ежегодных Дмитриевских чтениях в Институте стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова. Книга отражает некоторые ключевые проблемы современной тюркологии и рассчитана на специализирующихся в этой области работников высшей школы, академической науки, аспирантов, студентов и всех тех, кого интересуют актуальные вопросы лингвистической и литературоведческой тюркологии.

ISBN 978-5-6044476-1-1

© Сборник, 2020
© ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, 2020
© Авторы статей, 2020

Кафедра тюркской филологии
Института стран Азии и Африки МГУ
имени М.В. Ломоносова
благодарит
Международный турецко-казахский университет
имени Ахмеда Ясави
и лично председателя Попечительского совета университета
профессора **Мусу Йылдыза**
за финансовую поддержку,
оказанную в издании данного сборника

www.ayu.edu.tr

От редакторов

Тринадцатый выпуск «Вопросов тюркской филологии», осуществленный кафедрой тюркской филологии Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова, включает в себя статьи, написанные на основе докладов, прочитанных на Дмитриевских чтениях 2018 г. и 2019 г. сотрудниками кафедры, учеными ведущих тюркологических центров Российской Федерации (Институт языкознания РАН, Институт востоковедения РАН, Институт археологии РАН, Институт системного программирования РАН, Дипломатическая академия МИД России, Военный университет МО РФ, Московский городской педагогический университет, Федеральный институт развития образования РАНХиГС при Президенте РФ, Северо-Восточный Федеральный Университет имени М.К. Аммосова, Национальная библиотека Башкортостана имени А.-З. Валиди, Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН и др.), а также зарубежными востоковедными учреждениями (Международный турецко-казахский государственный университет имени Ахмеда Ясави /Казахстан/, Анкарский государственный университет /Турция/, Университет Хаджеттепе /Турция/, Государственный университет имени Бюлента Эджевита /Турция/, Университет имени Георга-Августа /Германия/, Государственный университет Азербайджана и др.).

Материалы сборника рассчитаны на специализирующихся в области тюркологии работников вузов, академической науки, аспирантов, студентов и широкий круг читателей, интересующихся данной проблематикой.

Сборник открывается статьей нашего турецкого коллеги С. Дагыстана о научных изысканиях, проводимых Международ-

ным турецко-казахском университетом имени Ахмеда Ясави и посвященных жизни и деятельности этого знаменитого турецкого суфия XII века.

Особое значение составители сборника придают статье известного тюрколога, специалиста по древнетюркским памятникам, выпускнику ИСАА Д.Д. Васильеву о Жаке Ихмальяне – современном турецком художнике-коммунисте, который долгие годы преподавал в ИСАА и оставил после себя помимо прекрасных картин, которые выставляются в ведущих музеях мира, включая Третьяковскую галерею, не менее замечательное учебное пособие по турецкому разговорному языку.

Далее традиционно статьи сборника представлены в двух разделах: тюркологическая лингвистика и тюркологическое литературоведение / культурология. Большинство лингвистических статей посвящено тюркской лексикологии и лексикографии (А.А. Глашев, З.Н. Экба, Ш.Х. Акалын, Е.И. Ларионова, Т.В. Лосева-Бахтиярова, Ф.Г. Хисамитдинова). Значительное место занимают статьи, посвященные грамматико-морфологическим особенностям тюркских языков (К.Н. Бурнакова, Т.Н. Боргоякова, А.А. Гаджиева, Е.А. Оганова, А.В. Чиврикова, Г.С. Сахатова, О.А. Алексева, К.А. Верховая). Интересны статьи, описывающие многообразие синтаксических моделей тюркских языков (Ш.Н. Камалова, О.М. Кадырова, Ю.В. Псянчин, К. Верховая). Особое место занимает статья, освещающая изучение енисейских рунических надписей в наше время с выявлением среди них современных подделок (И.Л. Кызласов).

Разнообразны по своей тематике и литературоведческие статьи. Выделяются статьи А.А. Гаджиева и О.Н. Пустогачевой, касающиеся проблем тюркского фольклора. Укоренение арабо-мусульманской культуры на территориях Крымского полуострова и исторического Башкортостана, выражавшееся в том числе и в богатых собраниях рукописей, исследуется в статьях Ф.Ш. Сибатова и Т.А. Аникеевой. Развитие литературной критики в Советском Туркменистане рассматривается в статье Т.А. Аширова. Проблемы современной турецкой литературы (интертекстуальные связи с русской и западной литературами, интерпретация фольклорных мотивов, развитие беллетризованной прозы и др.)

анализируются в статьях Б. Караджа, М.М. Репенковой, Г.А. Горбаткиной, С. Учгюль.

Богатая «география» и тематика, глубина постановки научных проблем данного сборника подтверждает его статус как одного из наиболее значимых современных тюркологических изданий, которое неизменно пользуется авторитетом в вузовской и академической среде и вызывает устойчивый интерес специалистов.

Публикация материалов Дмитриевских чтений является свидетельством того, как в современных условиях российская и международная тюркология сочетает в себе теоретическое (научная разработка тюркологических проблем, обеспечение широкой университетской тюркологической подготовки) и прикладное значение (вопросы преподавания турецкого и других тюркских языков), т.е. того, к чему всегда призывал основатель тюркологической школы и нашей кафедры в Московском университете Н.К. Дмитриев. Материалы Дмитриевских чтений показывают, что для авторов статей это своего рода подведение итогов и осмысление результатов проделанной научной работы, а также определение целей предстоящих научных изысканий.

* * *

Кафедра тюркской филологии выражает глубокую благодарность за спонсорскую помощь Международному турецко-казахскому университету имени Ахмеда Ясави (г. Туркестан, Казахстан) и лично председателю Попечительского совета университета, профессору Мусе Йылдызу. Без этой помощи и дружеской поддержки данное издание вряд ли могло бы состояться.

*д.ф.н. М.М. Репенкова,
к.ф.н. Е.А. Оганова*

**О деятельности
Евразийского научно-исследовательского института
при Международном турецко-казахском университете
имени Ахмеда Ясави**

Евразийский научно-исследовательский институт – это современный аналитический центр, сосредоточивший в своих стенах ученых разных социально-гуманитарных направлений, каждый из которых в рамках своей специализации занимается исследованием конкретных идей и сфер. Однако коллективно они создают общую панораму политической и социальной жизни евразийского пространства, включающего страны Центральной Азии, близких и дальних соседей по континенту, и, поскольку мы живем в эпоху глобального единения, то охватывает и государства, формально выходящие за пределы очерченной географической сферы, но тем не менее связанные многосторонними узами с указанным регионом.

Институт был создан при Международном турецко-казахском университете имени Ходжи Ахмеда Ясави в 2014 году и является одним из крупнейших успешных международных проектов, реализуемых с целью обеспечения научного прогресса – генерации новых идей, постоянного диалога и сотрудничества на локальном, региональном и межрегиональном уровнях, инициирования и исполнения инновационных проектов и активной публикационной деятельности. Институтом в сотрудничестве с другими академическими структурами Казахстана и Турции проводится большое количество конференций, круглых столов, летних школ, семинаров, выставок, как внутри страны, так и за рубежом, с вовлечением молодых исследователей и опытных экспертов из многих отечественных и зарубежных академических структур.

Междисциплинарность, актуальность, критический анализ – отличительные черты исследований, выполняемых в области экономики, финансов, энергетики, политики, международных отношений, безопасности, новых технологий, экологии, истории, образования и культуры.

Стратегические рекомендации по вопросам, касающимся Евразийского региона в целом и тюркоязычных стран в частности, разрабатываются и обсуждаются на таких авторитетных платформах, организуемых институтом, как Международный конгресс по экономике, финансам и энергетике, который уже трижды собирался в Алматы, и Евразийский форум по социальным наукам.

Евразийский научно-исследовательский институт ведет активную публикационную деятельность – доклады, еженедельные электронные бюллетени, ежемесячный журнал «Азия-Европа» на четырех языках, научный журнал «Eurasian Research Journal» на английском языке, ежегодные аналитические обзоры, научные монографии, отчеты по исследовательским проектам составляют его интеллектуальный фонд.

На сегодняшний день в Евразийском научно-исследовательском институте реализуются исследовательские проекты в различных областях с участием отечественных и зарубежных специалистов. Финансируемые институтом, они оказывают положительное влияние на творческий обмен мнениями между экспертами стран Центральной, Южной, Юго-восточной Азии, Европы и Америки по ключевым вопросам политического, социально-экономического и культурного развития Казахстана и стран-партнеров.

С особой заботой и вниманием руководство института относится к молодым исследователям, которых немало среди штатных сотрудников и получателей специальных грантов, ежегодно выделяемых магистрантам и докторантам высших учебных заведений страны. Многогранная высокопрофессиональная деятельность института вносит заметный вклад в научное пространство Казахстана и Евразии.

Dr. Serdar Dağıstan

HOCA AHMET YESEVİ ULUSLARARASI TÜRK-KAZAK ÜNİVERSİTESİ VE YESEVİLİKLE İLGİLİ ÇALIŞMALAR

Kuruluş

Hoca Ahmet Yesevi Uluslararası Türk-Kazak Üniversitesi, Türkiye ve Kazakistan Cumhuriyetlerinin uluslararası özerk statüye sahip ortak devlet üniversitesidir. İki ülke hükümetleri arasında, «Türkistan Şehrinde Hoca Ahmet Yesevi Uluslararası Türk-Kazak Üniversitesi kurulmasına dair anlaşma, Türk Dili Konuşan Ülkeler Devlet Başkanları Zirvesi'nde, 31 Ekim 1992'de imzalanmıştır»¹.

Ahmet Yesevi Üniversitesi yönetiminin teşkiline ilişkin anlaşmalarda zaman içerisinde gereken değişiklikler yapılmış, çeşitli protokoller çerçevesinde üniversite ile ilgili hak ve yükümlülükler yeniden düzenlenmiştir. Bunun gibi uluslararası anlaşmalar ile üniversitenin gelişiminin önü açılarak iki ülke mevzuatına kurumsal uyum sağlanmış ve yüksek hizmet kalite hedefine ulaşılmıştır. Gerekliğinde yeni ikili anlaşmalar ile akademik gelişmelere uygun yapılandırmalar ortak hükümlere bağlanarak üniversite eş güdüm ile yönetilmektedir.

¹ Yeni Anlaşma ve eki Protokol, Kazakistan Parlamentosunda 9 Ocak 2012'de (Egemen Kazakistan Gazetesi, 17 Ocak 2012), Türkiye Büyük Millet Meclisi'nde 25.01.2012'de 6272 Sayılı Kanunla (Resmi Gazete, 03.02.2012 tarih ve 28193 sayılı nüsha) kabul edilmiştir. Ayrıca, konuyla ilgili 5.3.2012 tarihli Bakanlar Kurulu Kararı (Resmi Gazete, 23.03.2012 tarih ve 28242 sayılı nüsha) yayımlanmıştır. 7 Ağustos 2012 tarihli Bakanlar Kurulu Kararı ile de (7 Ağustos 2012 tarih ve 28377 sayılı nüsha) Anlaşmanın yürürlük tarihi 28 Mart 2012 olarak belirlenmiştir. Tüzük gereği Üniversite Rektörü Kazakistan Cumhuriyeti, Rektör Vekili ise Türkiye Cumhuriyeti Yükseköğretim Kurulu tarafından atanmaktadır.

Ahmet Yesevi Üniversitesinde 2019–2020 öğretim yılı itibariyle 10.000 civarında öğrenci yükseköğrenim görmektedir. 1000’e yakın akademik personeliyle uluslararası akademik standartlara bağlı olarak kurumsal öğretim faaliyetleri başarı ile gerçekleştirilmektedir.

Vizyon ve Misyon

Türk Dünyası mensubu, Türk dili konuşan öğrencilerin yükseköğrenimlerini bilimsel düşünceye bağlı olarak üniversite müfredatı kapsamında gerçekleştirmek, onları çağdaş bilgi ile mesleki deneyime ulaştırmak; toplumsal sorumluluk duygusuna sahip, insan haklarına saygılı, hoşgörülü, millî ve ahlâkî değerlere bağlı, sorgulayıcı, araştıran, girişimci, demokratik ve laik devlet esaslarına bağlı, araştırma-geliştirme faaliyetleri ile evrensel düşünce gücüne ulaşmış bireyler yetiştirmektir.

Uluslararası standartlarda eğitim ortamı, bilimsel ve teknolojik araştırma altyapısı, standart hizmet kalitesi anlayışı ile eğitim ve araştırma faaliyetleri gerçekleştirmek, Türk devlet ve toplulukları arasındaki bilimsel faaliyetlere ve kültür bütünlüğünün sağlanmasına katkıda bulunmak Ahmet Yesevi Üniversitesi’nin temel vizyonudur.

Üniversitenin Adı

Türk Dünyasının manevi mimarı Hoca Ahmet Yesevî, Türklerin ortak dini inancını geliştirip, dinî ilimler ve tasavvufla donanmış âlimler yetiştiren filozof özelliği ile Türk kültürünün dünyada en çok tanınmış kurucu önderlerinden birisi olarak kabul edilir.

Hoca Ahmet Yesevî Orta Asya, Ortadoğu, Balkanlar ve Avrupa’ya uzanan sahada öğrenciler yetiştirerek İslam dininin değerlerinin dünyaya tanıtılmasına hizmet etmiştir. Ayrıca Kur’an’ın mesajını Türkçe ifade ederek İslâm’ın evrenselleşmesine katkı sunmuştur. Ahmet Yesevî, yaşadığı çağın en yaygın yöntemini kullanarak insanlığa ahlâkî ve bilim zihniyetini öğretme mücadelesi vermiş, bu bölgelerde yaşayan milletlere ve özellikle Türklere ilmin ve tefekkürün yolunu açmıştır. «Hoca, mürşid-i kâmil ve pir-i Türkistan tabirleri ile sıkça anılan Yesevî, öğrencilerinin sayesinde, «arzu edilen insan

modeline» ulaşabilmiş ve geleneksel medrese anlayışının idealize ettiği insan tipinden farklı bir model sunabilmiştir. Bu meyanda eski Türk düşünce hayatının idealleştirdiği üstün insan imajı içerisinde kullanılan soyluluk ölçüsünü kıırarak, sıradan bir insanın da ideal bir insan olabileceğini dile getirmiş, savunduğu ‘imanda eşitlik’ ilkesiyle genel olarak hemen herkesin; özellikle de yetim, fakir ve gariplerin de ‘ideal insan’ olabileceklerini ifade etmiştir» [Ergeshov, Yegenov 2018].

Orta Asya’da ilk dini ilimler medresesinin kurucusu olan Hoca Ahmet Yesevî, Arapça ve Farsça bilmesine rağmen, Türkçe şiirler söylemeyi tercih etmiştir. Bu tercih, Türklerin İslam dinini kabul ettikten sonraki toplumsal hayatını bilimsel düşünce ile birleştirmesine katkı sunmuştur.

Hoca Ahmet Yesevî’nin hayatı, eserleri, düşünce ve hikmetleri, kendi döneminde Türkler arasında en büyük aydınlanma hareketi olarak kabul edilir. Yesevilik aynı zamanda Türkçe bilim dili ile Türk bilim zihniyetinin çağdaş yaygın dilleri etkilemesi bağlamında çok önemlidir. Türkçe okumak ve öğrenmek, Türk kültürünün ve medeniyetinin bütünlüğünü koruyup geliştirmiştir. Türkler arasındaki temel bağ olan medeniyet bütünlüğü, dil birliğine bağlı düşünce eksenini doğurmuştur. Türk cumhuriyetleri ve Türk toplulukları tarafından Türklerin büyük manevi önderi kabul edilen Hoca Ahmet Yesevî’nin adı, Türk-Kazak Üniversitesi’ne verilerek Türk medeniyetinin anıt değerlerinin ölümsüzlüğü, hem ideallerde yer tutmuş, hem de kurumsal kimlikte de temsil edilerek Türk medeniyetinin büyük mirası yaşıtlamak istenmiştir.

Hoca Ahmet Yesevî’nin Hayatı ve Eserleri

Hoca Ahmet Yesevî’nin yaşadığı yıllar kesin olarak bilinmemekle birlikte «Fakr-nâme» adlı eserde yer alan bilgiye göre 1093 yılında doğduğu, 73 yıl yaşadığı ve 1166 yılında öldüğü kabul edilmektedir.

Onun bilinen başlıca eserleri Dîvân-ı Hikmet, Fakr-nâme, Risâle der Âdâb-ı Tarikat ve Risâle der Makâmât-ı Erba’in’dir. Dîvân-ı

Hikmet'in Ahmed Yesevî'nin bütün hikmetlerini içine alan tam ve güvenilir bir nüshası bulunmamaktadır. Eldeki yazma nüshaların en eskisi XVI–XVII. asra aittir. Hoca Ahmet Yesevî'ye ait hikmetler çeşitli bölgelerde ve değişik şahıslar tarafından derlenip yazıya geçirilmiştir. Bu yüzden yazmaların hepsinde hikmet sayısı farklıdır. *Dîvân-ı Hikmet*'in yazma ve basılı nüshalarında bulunan hikmetlerin çoğunluğunu Ahmet Yesevî'nin hikmetleri teşkil etmektedir. Bu hikmetlerde Kul Hâce Ahmet, Hâce Ahmet, Miskîn Ahmet, Yesevî gibi pek çok mahlaslar kullanılmıştır. *Dîvân-ı Hikmet* mecmualarında Hoca Ahmet Yesevî'ye ait olanların dışında, Ubeydî, Zelîlî, Seyfuddin, Nevâyî, Meşreb, Meczûb, Kul Şerîfî, Kemâl, Kasım, İkanî, Hüveydâ, Hacı Salih, Hâlis, Garîbî, Fuzulî, Fakîrî, Es'ad, Behbûdî, Azîm Hâce gibi Yesevî şahsiyetlerinin hikmetleri de bulunmaktadır. *Dîvân-ı Hikmet*'in yazma nüshalarını şu şekilde sıralayabiliriz:

1. Macar Akademisi Nüshası.
2. İstanbul Üniversitesi Türkiyat Araştırmaları Enstitüsü Yazmaları, no: 2497.
3. Ahmet Caferoğlu Nüshası.
4. Tek-Esin Vakfı Kütüphanesi, no: 4.
5. Manchester, The John Rylands University Library, no: 67.
6. İstanbul Üniversitesi Merkez Kütüphanesi, Türkçe Yazmalar, no: 3898.
7. Millet Kütüphanesi, Ali Emirî, Manzum no: 16.
8. Konya, Mevlânâ Müzesi, no: 2583.
9. Leningrad, Asya Halkları Enstitüsü Nüshası, no: D. 41.
10. Türk Dil Kurumu Nüshası.

Önceleri yazma nüshalar hâlinde bulunan *Dîvân-ı Hikmet*, daha sonraları yayımlanarak çoğaltılmıştır. Bilindiği kadarıyla geçen iki yüz yıl içinde on yedi kez Taşkent'te, dokuz kez İstanbul'da, beş kez Kazan'da ve bir kez de Buhara'da matbu olarak yayımlanmıştır.

Basma nüshalar ise şu şekildedir:

1. Kazan, h. 1295 baskısı.
2. Taşkent, h. 1314 baskısı.
3. İstanbul, h. 1299 baskısı [Özköse 2006].

«*Dîvân-ı Hikmet*», Hoca Ahmet Yesevî'nin Türkçe şiirlerini içine alan derleme bir eserdir. «*Fakr-nâme*» ise *Dîvân-ı Hikmet*'in makale biçimindeki önsözüdür. «*Risâle der Âdâb-ı Tarîkat*», tarikat âdâbı, tarikat makamları, mürid ve müşid ilişkileri, dervişlik, Allah'ı tanımak ve ilâhî aşk gibi konuları içermektedir. «*Risâle der Makâmât-ı Erba'în*» adlı eser ise şeriat, tarikat, marifet ve hakikattan her biri hakkında düşünce ve tespitleri içermektedir.

Üniversitemizin Hoca Ahmet Yesevî ve eserleri üzerine yaptığı yayınlar ve bilimsel faaliyetler kitap, makale, sempozyum, konferans, *Dîvân-ı Hikmet* Sohbetleri [Sohbetler 2018] başlıkları altında bilim insanlarına sunulmaktadır. Yesevîlik araştırmalarına bilimsel açıdan en önemli katkı, 2015–2019 yılları arasında gerçekleştirilen bilimsel faaliyetler ve bu faaliyetlerin sonucunda UNESCO ortaklığı ile yayımlanan kitaplar olmuştur. Ahmet Yesevî Üniversitesi Mütevelli Heyet Başkanlığı tarafından *Dîvân-ı Hikmet* adlı eserin ilk bölümü Türkiye Türkçesi ve Çağatay Türkçesi aynı sayfada olacak şekilde kitap olarak yayımlanmıştır. 2016'da orijinal Çağatay Türkçesi ile yayımlanan bu çalışma, özellikle Türk dünyası için ilk bilimsel prestij kitap olarak Yesevîlik araştırmaları bağlamında temel eser değerinde kabul edilmiş ve ilgi görmüştür. Hoca Ahmet Yesevî'nin şiirlerinin toplandığı bu çalışma, içindeki dini terminolojileri orijinal alfabesinde ve lehçesinde sunması bakımından diğer çalışmalara kaynak niteliğini taşımaktadır. Bu eserin çok dilde basılması ve Türk dili konuşan ülkelerin diline tercüme edilmesi, Türk tasavvufunun temel eserleri arasında kabul edilmiş olmasındandır.

Hoca Ahmet Yesevî ve Yesevîlik ile ilgili bilimsel araştırmalar, kitap serileri, makaleler, tezler ve diğer gri yayınlar bibliyografya olarak zaman içerisinde bazı araştırmacılar tarafından derlenerek yayımlanmıştır. Özellikle Türk Cumhuriyetleri üniversitelerinde ve diğer Türk dili konuşan ülkelerde «Hoca Ahmet Yesevî ve Yesevîlik» alanında binlerce yayın üretilmiştir. Bu konuda yayımlanmış toplu bir katalog veya bibliyografyaların bibliyografyası gibi temel referans kaynağı olmasa da, Hoca Ahmet Yesevî'nin hayatı, eserleri ile ilgili bibliyografik referans veren çok sayıda eser yayımlanmıştır. Onun fikirleri ve hizmetleri hakkında, dünya dillerinde her yıl yeni çalışmalar yapılmaktadır.

Hoca Ahmet Yesevî'nin düşünce mirası ile ilgili üniversitemizin gerçekleştirdiği kongre, konferans, panel ve çalıştaylar, ilmî-ahlakî farkındalığa yol açmıştır. Kazakistan ve diğer ülkelerdeki Yesevîlik düşünce sistemi ve onun ahlakî öğretisi ile ilgili yayınlar, Ahmet Yesevi Üniversitesi tarafından çok dilli olarak her yıl tanıtılmaktadır. *Dîvân-ı Hikmet* ile ilgili bulunan el yazmaları başta olmak üzere, dünyanın çeşitli devletlerinde mevcut olabileceği düşünülen nadir ve el yazma eserlerin Türkistan'da açılması planlanan modern müzede veya üniversite içerisindeki ilgili birimlerde toplanarak arşivlenmesi ve dijital ortamlarda sunulması için çalışılmaktadır.

Yesevîlik ile ilgili çalışmaların bilimsel anlamda geliştirilmesi için Prof. Dr. Cemâl Kurnaz ve Yrd. Doç. Dr. Mustafa Tatçı tarafından 1997'de, Ahmet Yesevi Üniversitesi'nin uluslararası sosyal bilimler dergisi olan *Bilig'*de, «Ahmet Yesevi Hakkında Bir Bibliyografya Denemesi» adlı makale, Türkiye'de Türkçe olarak yayımlanmış kitap ve makalelerin bibliyografik tanıtım çalışmalarının başlangıcı kabul edilir. Birgül Bozkurt tarafından 2016'da yayımlanan «Ahmed Yesevi Bibliyografyası: Türkiye'de Yesevî ile İlgili Çalışmalara Dair Değerlendirme» adlı makale bilimsel verilerin listesi ve yayınların içeriklerinin bildirilmesi açısından yönlendirici olmuştur. Bu alanda önemli bir çalışma ise Doç. Dr. Şahimardan Kusaynov'un 2015 yılındaki çalışmasıdır. 220 hikmeti Rusça'ya çevirmiş olan Kusaynov'un kitabının sonunda, *Dîvân-ı Hikmet*'teki dini terminolojilerin Rusça açıklamalı sözlüğü de yer almaktadır. Bu çalışma, Hoca Ahmet Yesevî'nin Rus bilim çevrelerinde tanıtılmasına katkı sağlamıştır.

Ayrıca; Dr. Hayati Bice tarafından hazırlanan «Pir-i Türkistan Hoca Ahmet Yesevî», Remzi Özçelik'in kaleme aldığı Ahmet Yesevî tiyatro kitabı, Prof. Dr. Kemal Eraslan tarafından hazırlanan Yesevî'nin *Fakrname*'si ile birlikte Prof. Dr. Necdet Tosun'un Farsça'dan Türkçe'ye tercüme ettiği «Risâle der Âdâbı Tarikat ve Risâle der Makâmâtı Erbaîn» başlıklı kitapların baskısı Ahmet Yesevi Üniversitesi'nin bilimsel yayıncılık faaliyeti kapsamında gerçekleştirilmiştir. Mütevelli Heyet Başkanlığımız tarafından yaklaşık 78 bilimsel eserin Türkçe ve çok dilli yayını gerçekleştirilmiştir. Bunlar arasında Rusça, Kazak Türkçesi, İngilizce, Kırgız Türkçesi, Azerbaycan Türkçesi, Romence, Arapça ve Farsça baskılar da mevcuttur.

Hoca Ahmet Yesevî'nin tanıtılması kapsamında Türkiye'de çeşitli sivil toplum kuruluşları ve belediyelerle işbirliği yapılarak başta Türkiye olmak üzere; Kazakistan, Azerbaycan, Kırgızistan ve Rusya'da sempozyumlar, kongreler, konferanslar, paneller, çalıştaylar, seminerler düzenlenirken bu verilerden yararlanılmıştır. Türk dünyasının diğer bölgelerinde de bilimsel ve kültürel etkinliklere bağlı yayıncılık çalışmaları desteklenmiştir.

TÜRKSOY, TİKA, Yunus Emre Enstitüsü, Başbakanlık Yurtdışı Türkler ve Akraba Topluluklar Başkanlığı, Hacı Bektaş Veli Kültür Derneği, UNESCO Türkiye Milli Komisyonu, Gazi Üniversitesi, Türk Kültürü ve Hacı Bektaş Veli Araştırma Merkezi, Türk Halk Bilimi Araştırma ve Uygulama Merkezi, Türkiye Diyanet İşleri Başkanlığı gibi pek çok kurum ve kuruluş ile Hoca Ahmet Yesevî ve Yesevîlik kapsamında ortak bilimsel faaliyetler yapılarak bunların sonuçları akademik çevrelerle paylaşılmıştır.

Bu paylaşımlardan birisi de Dr. Ercan Petek ve Dr. Serdar Dağıstan tarafından 2017 yılında Türk Dünyası Dil ve Edebiyat Dergisi'nde yayımlanan «Dîvân-ı Hikmet'in Kökşetav Nüshasının Dili» başlıklı çalışmadır [Petek, Dağıstan 2017]. Bu çalışmada Yesevîlik araştırmalarının Türk dünyası sahasındaki varlığı, etkisi ve durumu ile ilgili yeni bilimsel veriler paylaşılmıştır. Ahmet Yesevî Üniversitesi akademisyenleri başta olmak üzere, Dünya Türkoloji araştırmalarında Hoca Ahmet Yesevî ve onun düşünceleri araştırılarak yeni bulgular ve yeni fikirler literatüre kazandırılmaktadır. Bunun gibi birçok bilimsel araştırmada Hoca Ahmet Yesevî'nin dönemi ve eserleri üzerinde akademik inceleme ve araştırmalar sürdürülmektedir.

Kültür Bakanlığı ve Millî Eğitim Bakanlığı işbirliği ile «UNESCO 2016 Hoca Ahmet Yesevî Yılı» kapsamında, Hoca Ahmet Yesevî'nin adını taşıyan Türkiye'deki ilk, orta ve lise düzeyindeki 81 okulda «Hoca Ahmet Yesevî» konulu konferanslar düzenlenmiştir. Ayrıca bu okullara içinde yüz kitaptan fazla eser olan Hoca Ahmet Yesevî Kitaplığı Mütevelli Heyet Başkanlığı tarafından hediye edilmiştir.

Prof. Dr. Necdet Tosun editörlüğünde hazırlanan Hoca Ahmet Yesevî Seçme Makaleler kitabı, Ahmet Yesevî ve Yesevîlik hakkındaki akademik nitelikli yayınları bir araya toplamış kapsamlı

bir çalışma olarak üniversitemiz tarafından yayımlanmıştır [Hoca Ahmet 2017].

Tüm bu etkinliklerin sonunda çeşitli dillerde Hoca Ahmet Yesevî ve onun adını gururla taşıyan üniversitemiz yazılı, görsel ve işitsel kaynaklarla tanıtılmıştır. Üniversitemizin süreli yayınları olan *Bilig*, *Türkoloji*, *Haberci*, *Avrasya Araştırmaları*, *Asya Avrupa*, *Ay Haber* Dergileri de Yesevîlik ile ilgili araştırmaları ve bilimsel faaliyetleri çok dilli olarak dünya ile paylaşmaktadır.

Ayrıca üniversitemizin web sayfaları içeriklerinde de Yesevî ve Yesevîlik konusunda yüzlerce haber ve tanıtım yazısı yer almaktadır.

Ahmet Yesevi Okuma Salonu

Ahmet Yesevi Üniversitesi Mütevelli Heyet Başkanı Prof. Dr. Musa Yıldız tarafından 5 Nisan 2016 yılında hizmete açılan üniversite merkez kütüphanesinde Yesevi Kitaplığı ve Okuma Salonu, Hoca Ahmet Yesevî'nin eserlerini ve onun düşüncesine yönelik diğer ilgili tüm tasavvuf yayınlarını içermektedir. Hoca Ahmet Yesevî hakkındaki farklı dil ve alfabelerde yayımlanmış temel referans kaynakları ve multimedya setleri bu koleksiyon kapsamında arşivlenmiştir.

2016–2019 yılları arasında üniversitemizin yayınları ve bilimsel faaliyetlerine ait kitaplar, makaleler, sempozyum bildirileri, konferans kayıtları ve Divan-ı Hikmet Sohbetleri serisi olarak çıkarılan kitap ve çok dilli CD'ler de bu salonda araştırmacılara sunulmaktadır.

Salonda ayrıca istinsah tarihi belli olmayan Çağatay Türkçesiyle ve Arap harfleriyle yazılmış dört adet el yazma eser mevcuttur. Bunlar; 784 yapraklı şiir formatında Dîvân-ı Hikmet, 86 yapraklı şiir formatında Dîvân-ı Hikmet, 32 yapraklı şiir formatında Dîvân-ı Hikmet, 289 yapraklı şiir formatında Dîvân-ı Hikmet nüshaları olarak tasnif edilmiştir. 100'e yakın Türkiye Türkçesi, Kazak Türkçesi, Özbek Türkçesi, İngilizce ve Rusça eser açık raf erişim sisteminde Ahmet Yesevî Kitaplığı ve Okuma Salonunda araştırmacılara sunulmaktadır.

Rusça, İngilizce, Kazak Türkçesi ve diğer yaygın dünya dillerindeki basılı yayınların yanı sıra, bu salonda kurulu bilgisayar

ortamında 300'e yakın PDF formatında bilimsel yayın da sürekli erişime açık tutulmaktadır. Dünya dillerindeki diğer elektronik bilgi ortamlarında derlenen Kiril-Latin konu başlıkları erişim linkleri ile DSpace Kurumsal internet veri tabanından (Open Archives) erişime açık tutulmaktadır.

Sonuç

Hoca Ahmet Yesevî İslam dünyasında Türk tasavvuf kültürünün temsilcisi ve tasavvuf edebiyatının öncülerindedir. Müslüman Türklerin inanç değerlerinin ortak bir potada aynı yolda birliğe ulaşması için ilmi çalışmalar yapmıştır. *Dîvân-ı Hikmet* onun öğrencileri tarafından derlenerek günümüze ulaştırılmıştır. *Dîvân-ı Hikmet*'te Hoca Ahmet Yesevî'nin din ve dünya felsefesi dörtlükler ve beyitler formunda sunulmuştur.

İslama uygun olarak fertlerin dünya ve ahirette mutluluğa ulaştırılmasını esas alan hikmetli sözler bu alanda yapılmış ilk Türkçe çalışmadır. Kur'an ve hadislere dayalı öğütler içerir.

Hoca Ahmet Yesevî'nin adını taşıyan ve Yesevîliğin inkişaf ettiği coğrafyada kurulan, Orta Asya'da gençliği yeniden Yesevîlik düşünce sisteminde geleceğe hazırlayan Ahmet Yesevi Üniversitesi Kazakistan'da 10.000 öğrenci kapasitesine ulaşmıştır.

Mütevelli Heyet Başkanlığı ve UNESCO Türkiye Millî Komisyonu tarafından 2016'da düzenlenen «Ahmet Yesevi'nin Ölümünün 850. Yılı» etkinliklerinde Yesevîlik düşüncesi bilimsel boyutları ile değerlendirilerek kültürlerarası etkileşim ve medeniyetler birliği temelinde ulusların ve toplulukların yakınlaşması ve barışı ön plana çıkarılmıştır.

Yesevîlik felsefesinde insani değerler, varlıkların kutsallığı, özellikle kadın-erkek eşitliği gibi üstün insani öğretilerle UNESCO desteğinde tüm dünyada insanlığa hoşgörü ve sevgi dili yeniden hatırlatılmıştır. Ahmet Yesevi Üniversitesi ile UNESCO arasındaki bu iş birliği sonucunda önemli sayıda bilimsel eser ortaya çıkmış, çok sayıda makale ve kitap çeşitli dünya dillerinde yayımlanmıştır.

Hoca Ahmet Yesevî'nin günümüze kadar toplanan bütün hikmetlerinin biraraya getirildiği, «Dîvân-ı Hikmet-Hoca Ahmet

Yesevî» kitabı yayımlanarak çeşitli ülkelere dağıtılmıştır. Ayrıca, 2016–2017 yıllarında her ay farklı uzmanların katılımıyla düzenli olarak yapılan konferanslar «Divan-ı Hikmet Sohbetleri» ile insani değerleri medya aracılığı ile paylaşmıştır.

Türkiye’de Hoca Ahmet Yesevî’nin adını taşıyan ilk, orta ve lise düzeyindeki 81 okulda «Hoca Ahmet Yesevî» konulu konferanslar düzenlenmiştir. Çocuklara yönelik hikâye kitabı, «Hoca Ahmet Yesevî» konulu beste, «Hoca Ahmet Yesevî Şiir ve Kompozisyon» yarışması düzenlenerek gençlerin sevgi ve hoşgörü değerlerine ait bilgisi ve ilgisi artırılmıştır.

Özellikle görme ve işitme engellilerin Hoca Ahmet Yesevî’yi daha doğru ve yeterli seviyede tanımaları için Hikmetleri de içeren «Ahmet Yesevî Sesli Betimlemeli ve İşaret Dilli Kitap» çalışması yapılmıştır.

Avrasya ülkelerinde sempozyumlar, kongreler, konferanslar, paneller, çalıştaylar, seminerler ile onlarca bilimsel ve kültürel etkinlik düzenlenerek Hoca Ahmet Yesevî’nin düşünce sistemi Ahmet Yesevi Üniversitesi tarafından çeşitli organizasyonlarla insanlığa tanıtılmıştır. Bu türden çalışmaların artarak sürdürülmesi temel hedefdir.

Kaynakça

- Ergeshov, Yegenov 2018 – *Ergeshov E., Yegenov N.* Hoca Ahmet Yesevî ve Onun Eğitim Sisteminin Temeli // Oş Devlet Üniversitesi İlahiyat Fakültesi İlmî Dergisi. 2018. № 24. S. 49.
- Hoca Ahmet 2017 – Hoca Ahmet Yesevi Seçme Makaleler / ed. *Necdet Tosun*. 1. bsk. Ankara: Ahmet Yesevi Üniversitesi, 2017.
- Özköse 2006 – *Özköse, Kadir.* Ahmed Yesevi ve Divanı Hikmet // Tasavvuf: İlmî ve Akademik Araştırma Dergisi. Yıl: 7. 2006. № 16. S. 293–312.
- Petek, Dağıstan 2017 – *Petek E., Dağıstan S.* Divân-ı Hikmet’in Kökşetav Nüshasının Dili // Türk Dünyası Dil ve Edebiyat Dergisi. Bahar 2017. № 43. S. 111–119.
- Sohbetler 2018 – *Divân-ı Hikmet Sohbetleri* / ed. Zülfikar Güngör. Ankara: Ahmet Yesevi Üniversitesi, 2018.

Özet

Hoca Ahmet Yesevi Uluslararası Türk-Kazak Üniversitesi, Türkiye ve Kazakistan Cumhuriyetlerinin uluslararası özerk statüye sahip ortak devlet üniversitesidir. İki ülke hükümetleri arasında, Türkistan Şehrinde Hoca Ahmet Yesevi Uluslararası Türk-Kazak Üniversitesi kurulmasına dair anlaşma, Türk Dili Konuşan Ülkeler Devlet Başkanları Zirvesi'nde, 31 Ekim 1992'de imzalanmıştır.

Bu makalede Orta Asya, Ortadođu, Balkanlar ve Avrupa'ya uzanan sahada öğrenciler yetiştirerek İslam dininin değerlerinin dünyaya tanıtılmasına hizmet eden Hoca Ahmet Yesevi'nin hayatı ve Hoca Ahmet Yesevi Uluslararası Türk-Kazak Üniversitesi'nde Yesevilikle ilgili yapılan çalışmalar ele alınacaktır.

Anahtar kelimeler

Hoca Ahmet Yesevi Uluslararası Türk-Kazak Üniversitesi, Hoca Ahmet Yesevi, Yesevilik, Dívân-ı Hikmet

Yazar hakkında bilgiler

Serdar Dađistan – Filoloji Doktoru, Hoca Ahmet Yesevi Uluslararası Türk-Kazak Üniversitesi Filoloji Fakültesi Türk Dili ve Edebiyatı Bölümü (Türkistan/Kazakistan); e-mail: serdar.dagistan@ayu.edu.kz; serdar.dagistan81@gmail.com

Serdar Dađistan

Studies on Yassawism and Khoja Akhmed Yassawi International Turkish-Kazakh University

Summary

Khoja Ahmed Yassawi International Turkish-Kazakh University is a mutual state university, with an autonomous status, established intergovernmentally by the Republic of Turkey and Kazakhstan. The agreement to establish Khoja Ahmed Yassawi International Turkish-Kazakh University was signed during the Summit of the Presidents of Turkish Speaking Countries on the 31th of October, 1992.

This article aims at a multipurpose study; focusing on the studies carried out by Hodja Ahmed Yassawi International Turkish-Kazakh Universtiy and on Yassawism as well as on the life of Khoja Ahmed Yassawi who contributed to the spread and teaching of the values of Islam through Middle Asia, Middle East, Balkans and Europe by educating students.

Key words

Khoja Ahmed Yassawi International Turkish-Kazakh University, Khoja Ahmed Yassawi, Yassawism, Divan-i Khikmet

Information about the author

Serdar Dağıstan – PhD in Philology, Department of Turkish Language and Literature, Faculty of Philology, Khoja Ahmed Yassawi International Turkish-Kazakh University (Turkistan/Kazakhstan); e-mail: serdar.dagistan@ayu.edu.kz; serdar.dagistan81@gmail.com

НАШИ УЧИТЕЛЯ

Д.Д. Васильев

ТУРЕЦКАЯ ПРЕССА О НАШЕМ УЧИТЕЛЕ ЖАКЕ ИХМАЛЬЯНЕ (ненаучные заметки)

Мне посчастливилось быть выпускником учебного заведения, которое носило имя Институт восточных языков (ИВЯ при МГУ), и слушать лекции замечательных преподавателей кафедры тюркской филологии, которые еще застали Николая Константиновича Дмитриева и были носителями еще живых традиций его школы. Это была плеяда блестящих тюркологов, их курсы удивительным образом дополняли друг друга, что обеспечивало тот общий тюркологический комплекс знаний, необходимость которого для российских востоковедов была особо отмечена еще в конце XIX в. академиком В.В. Бартольдом.

Сейчас невозможно представить себе, но на кафедре шли на встречу нашим пожеланиям, в ряде случаев имелась возможность и прослушать индивидуальные тематические курсы. Перечислю здесь только филологов, чьи лекции посчастливилось мне прослушать по программе нашей кафедры: основные знания по турецкому (а затем и османскому) языку нам дала Э.А. Грунина, теоретическую грамматику турецкого языка преподавал С.А. Соколов, возглавлявший кафедру, турецкую фонетику читал автор учебника Ш.С. Айляров, начинавший у всех поколений тюркологов свои лекции фразой: «Мир полон звуков!», лекции по литературе Турции хронологически делили И.В. Боролина, благодаря которой мы смогли осмыслить суфийское мировосприятие, и И.Р. Сониная, перед которой стояла неразрешимая задача заинтересовать нас прозой турецких писателей о тяжелой судьбе

сельской и городской бедноты, блестящий оратор, профессор В.Д. Аракин, ученик академика В.А. Гордлевского, начавший свои занятия со строк Алишера Навои об историческом призвании тюрков, открыл нам мир культурного наследия тюркских народов; для меня и аспиранта Ивана Шервашидзе пригласили ушедшего к тому времени на пенсию профессора В.М. Насилова для прочтения спецкурса по древнетюркскому, древнеуйгурскому и чагатайскому языкам. Немалый вклад в наше знание турецкого языка внес и удивительно мягкий и добрейшей души человек, полковник Е.Н. Травкин, обучавший нас военному переводу. Должен сказать, что все наши учителя оставили в моей памяти глубокие воспоминания как очень близкие люди. Это было характерной особенностью взаимоотношений студентов и преподавателей кафедры тюркской филологии.

Но совершенно особое место в нашем обучении занимали преподаватели – носители языка – стамбульский армянин Жак Гарбисович Ихмальян и болгарский турок Ахмат Алиевич Зеке-риев. Жак занимался с нами разговорным языком, ситуационными текстами, которые мы заучивали наизусть, что до сих пор оказывает очень добрую службу при неформальном общении с турецкой аудиторией. Ахмет, сам блестящий стилист, пытался научить нас стилистике литературного перевода текстов. Мы знали о нелегкой судьбе обоих наших иностранных «преподов»: Ахмет испытал на себе репрессии болгарского «живковского» режима: придя однажды на занятия, сказал: «Меня нельзя больше называть Ахмет, мне приказано именоваться – Асен Ангелович Захарьев».

Жак как коммунист сидел в турецкой тюрьме, многое вытерпел, и в своей политической деятельности был сподвижником Назыма Хикмета, был нелегалом, бежал, работал в Китае, Польше. При этом он был замечательным профессиональным художником с романтическим мировосприятием, имел в Москве мастерскую в арбатских переулках, куда он часто водил нас после занятий и показывал свои новые работы. Его выставка в Москве прошла с большим успехом. После первого курса нам удалось съездить на практику в Узбекистан, и мы пригласили его поехать с нами. От этой поездки также остались на память его рисунки.

Д.Д. Васильев и Жак Ихмальян

Мои воспоминания были навеяны тем, что недавно в турецких газетах я встретил целый ряд публикаций о Жаке, интервью с его сыном Ваче (который также учился в ИСАА). Это было связано с первой выставкой картин Жака в Турции, ностальгическое воспоминание о которой хранит почти каждое его художественное произведение. Это было удивительно, поскольку долгие годы ему был запрещен въезд в Турцию, где он родился и провел всю молодость. В годы нашей учебы и знакомства с Жаком Турция была для нас практически закрытой страной. И мне захотелось рассказать о том, как изменилось отношение к нему, нашему учителю турецкого языка в Турции, как на его родине получил, наконец, признание его талант, и как повезло нашему поколению студентов-тюркологов общаться с этим замечательным, мужественным человеком, оказавшимся еще и блестящим педагогом.

Жак был коммунистом-нелегалом, и, естественно, в Турции того времени не могло быть и речи о его известности. Но времена меняются, и вот, когда его уже нет в живых, на родине его произведения называют достоянием нации. На рубеже нового столетия в газетах появляются упоминания о нем в связи с обзором

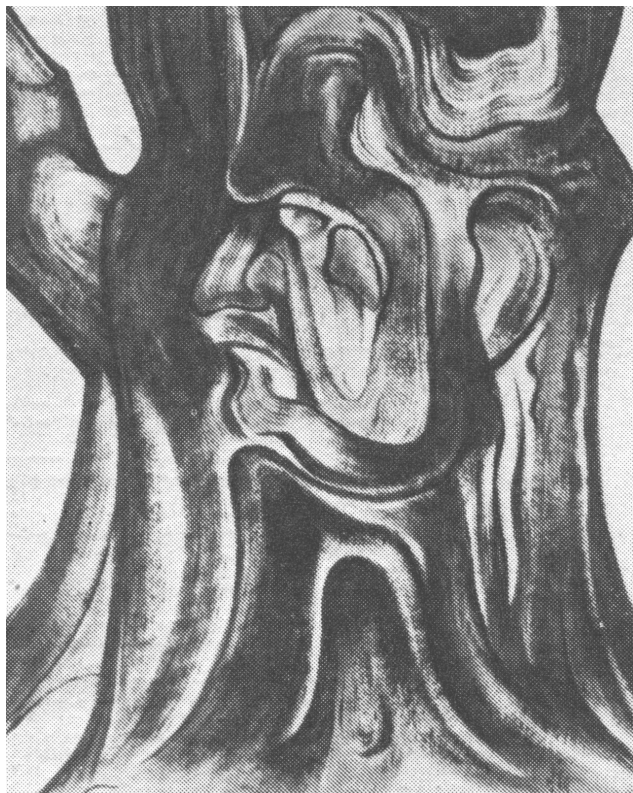
рами жизни и творчества Назыма Хикмета. Более того, в Турции устроены две выставки его работ. Мне удалось сделать подборку заметок о Жакe Ихмальяне из номеров газет «Джумхуриет» и «Радикал» и воспоминаний о нем известных турецких писателей и художников, которые я предлагаю Вашему вниманию с некоторыми сокращениями.

О своем детстве Жак напишет так: «Родился я в 1922 г. в Стамбуле, но родители мои по рождению, обычаям и традициям – анатолийцы, и Анатолия никогда не была мне чужой. Говорят, что в раннем детстве я все время рисовал. Забираясь на колени к отцу или матери, я тут же просил карандаши и начинал рисовать на чем придется».

«Джумхуриет», 29 мая 2013 г. в статье Айшегюль Озбек под заголовком «Умерший в изгнании художник Жак Ихмальян, благодаря своей выставке и книге снова на земле, где он родился»: «Жак Ихмальян, друг Назыма Хикмета, Абидина Дино, Азиза Несина, постоянно жил в изгнании. Назым, книгу стихов которого он проиллюстрировал, отблагодарил его так: “Когда-нибудь я постараюсь написать достойные твоих рисунков стихи”».

Жак Ихмальян и Назым Хикмет

Картина Жака Ихмальяна «Назым», конец 60-х годов

Большим культурным событием названа в статье открывшаяся выставка художника и вышедшая книга о нем: «Когда смотришь на каждый из рисунков Жака, видны любовь и надежда. Как жаль, что и Жак, и его семья пережили много незаслуженных страданий... Спустя 20 лет после кончины художника выпущенная книга и выставка важны для освещения определенного периода в искусстве Турции 40-х гг. Это был период, когда полиция врывается на выставки, срывала со стен картины и арестовывала художников. Жак формировался в этот сложный период, в его рисунках есть и светлая, и темная стороны жизни».

Писатель Ферит Эдгю вскоре после смерти Жака вместе с Метином Денизом организовал в память о нем представительную выставку его картин в Турции. Близкий друг Жака художник с мировым именем Абидин Дино написал предисловие для каталога выставки, но он опоздал, и его статья не вошла в издание. «Ферит бей был очень огорчен и передал ту статью мне, – пишет журналист-искусствовед Айшегюль Озбек. – С ее страниц как будто бы лился поток любви, и я позавидовала дружбе Жака и Абидина Дино. Тогда я и решила написать эту статью, а сейчас пишу книгу, которая откроется словами: “Памяти всех людей искусства, кто простился с жизнью в тоске, вдали от родины”». Он оказался в изгнании, пережил ссылку, тюрьму и пытки. Как повлияло на его жизнь в этой стране то обстоятельство, что он был и армянином, и коммунистом? В тот период быть левым уже само по себе означало беду. Запрещаются стихи Назыма Хикмета, коммунистов преследуют. Членов Турецкой коммунистической партии сажают в тюрьму. Поэтому Жак попадает в заключение и подвергается там пыткам не из-за своего армянского происхождения, а из-за своих политических взглядов. Азиз Несин, который встретился с Жаком и его братом Вартаном в камерах Сансарьян-хана так написал о них: «Полицейских больше всех раздражали эти два брата, они злили их вдвойне, во-первых, потому что были коммунистами, во-вторых, – армянами».

В каталоге выставки его картин в Москве Жак повествует, что стал интересоваться социальными проблемами и их отражением в искусстве еще в юном возрасте. Он сам признавал, что не отображал счастливую жизнь страны. Собственно, все его произведения наполнены признаниями... Тем, кто называл его пессимистом из-за того, что его картины выполнены в темных тонах, он отвечал: «Пока продолжают зло, войны, политические преступления, я не могу быть счастлив в полном смысле этого слова». Но при этом не забывал намекнуть: «Чтобы быть печальным, не надо быть пессимистом...» Даже в самом мрачном его рисунке вы чувствуете любовь. Он делит всех художников на «умных» и «сумасшедших» и говорит, что он на стороне последних. То есть он не имеет дела с праведниками, а преклоняется перед теми, кто не останавливается перед опасностью, кто рискует.

Пекин, Москва, Бейрут... Ихмальян жил в совершенно иных культурах. Несмотря на то что его семья происходила из Кайсери и Коньи, Абидин Дино характеризовал его как «коренного стамбульца»: «Жак – это художник, в котором самым удачным образом перемешались образы Азии и Европы. Но по сути он всегда оставался сыном Турции. На своих холстах он отразил не только Стамбул, но и солнце Анатолии. Он рисовал крестьян, пастухов, жизнь деревни, анатолийских мужчин и женщин. Его работы полны симпатии к ним».

В заметке «Художник из ссылки» в газете «Джумхуриет» публикуются личные воспоминания Жака Ихмальяна: «Сколько я себя помню, для меня были невыносимы не только в обществе, но даже и в семье несправедливость, угнетение сильным слабым, хитрым простодушного. Поэтому я рисую тех людей, тех живых существ, которых я люблю и хочу защищать. Даже если я пишу натюрморт, рука не поднимается изображать изысканные блюда в хрустальных вазах, кисть сама направляется к простому столу несчастного или не вполне счастливого большинства».

Жак Ихмальян, как и его брат Вартан, известный сочинитель детских сказок, был членом нелегальной Турецкой коммунистической партии, члены которой вели свою политическую деятельность, находясь за рубежом. Скитания Жака и его родных завершились в Москве. В последний период своей жизни он был принят в Союз художников СССР. Здесь состоялись его первые выставки. И вот, наконец, уже после его кончины – выставка в Турции.

Куратором его выставки, проходившей в мае-июне 2013 г. под патронажем консульства Греции в Стамбуле, была Майда Сарис (Mayda Saris), известная своими книгами о греческих художниках Стамбула.

Одновременно с этим в издательстве «Бирзаманлар» вышла книга «Жак Ихмальян» с подзаголовком «Художник в ссылке» (автор – Ферит Эдгю), в которой на 260 страницах размещены более 50 картин и рисунков Ихмальяна, а также его портреты, выполненные близким, знакомым с детства товарищем – фотографом Арой Гюлером (Ara Güler).

На выставке, где присутствовал сын художника Ваче Ихмальян, был также представлен рисунок, изображающий белого голубя, из коллекции Фонда Назыма Хикмета с автографом Ихмальяна, который посвятил его своему другу-поэту.

С 1936 г. настоящим мастером-наставником для Жака Ихмальяна становится Абидин Дино, а в 1942 г. он учится в Стамбульской государственной академии изящных искусств у Бедри Рахми Эюбоглу. Об этом периоде своего становления как художника Жак рассказывает: «Как у каждого вида искусства, у живописи есть свой язык, свое прочтение. Этот язык настолько далек от литературы, насколько я смог его отдалить; нахожу, что он ближе к музыке. Удачная картина – это такая картина, которая гипнотизирует зрителя своей композицией, черной краской, игрой света и тени, цветами, но потом правдиво, с большой искренностью раскрывает ему свою сущность, бесхитростно говорит с ним и легко осмысливается».

Последние по времени турецкие публикации о Жаке принадлежат Фонду Назыма Хикмета. 19 мая 2018 г. журналист Бурак Абатай под заголовком «Путешествие в изгнании художника – армянина и коммуниста из Стамбула» пишет: «На открывшейся 15 мая в Фонде Назыма Хикмета выставке “Добро пожаловать, брат мой” вы можете увидеть то, как Жак Ихмальян тосковал по Анатолии, стать свидетелем его жизни в изгнании и дружбы с Назымом. В его жизни были ссылки и тюрьмы, из Стамбула он уехал в Бейрут, оттуда в Варшаву, Китай и наконец в Москву. Жак Ихмальян родился в 1912 г. На серьезность живописи ему впервые указал Абидин Дино. В 1942 г. он поступил в Стамбульскую государственную академию изящных искусств к Бедри Рахми, а также сдал экзамены за первый курс. В 1944 г., будучи студентом-дипломником, был в первый раз арестован (Дело Решата Фуата и его товарищей). Во второй раз арестован в 1946 г. (это событие известно как Процесс Партии труда Шефика Хюсню). Заключение продолжалось три года. Выйдя из тюрьмы, он рисовал и писал стихи, работал в детских армянских журналах. В 1949 г. уехал без паспорта из Турции через Сирию в Бейрут, поселился там и женился на своей стамбульской знакомой Мари Абаджыгыл. Там же родился сын. Жак давал уроки рисования в

школах. В 1956 г. переехал в Варшаву, работал в радиокомитете, затем на студии мультфильмов, рисовал афиши. Проиллюстрировал “Песню пьющих солнце” Н. Хикмета, которая тогда вышла на польском языке. Они стали близкими друзьями. 1 апреля 1978 г. умер в Москве, похоронен в Ереване».

15 мая в Фонде культуры и искусства Н. Хикмета в стамбульском районе Шишли открылась выставка, где были представлены более 70 произведений художника. На открытие приехал его сын Ваче Ихмальян – выпускник ИСАА МГУ – и дал интервью: «У Назыма и моего отца сходные судьбы. Они оба были людьми искусства и коммунистами... Познакомились они в Варшаве, в Москве их дружба продолжалась. Нобелевский лауреат Назым Хикмет был членом Союза писателей СССР, а отец – Союза художников СССР. Оба они рано умерли на чужбине. 90% картин отца посвящено Турции. Отец его из Коньи, мать из Кайсери. <...> Мы часто бывали у Назыма в гостях. Первый раз родители взяли меня с собой, когда мне было 8 лет. Я тогда не говорил по-турецки, потому что в семье все общались на армянском. Мне запомнилось, что у Назыма было много кошек, и он, разговаривая, сидел в кресле и играл с ними. <...> Есть некоторые документы и переписка с Назымом. Все они переданы нами в Фонд Назыма в Турции. Мать говорила, что они очень ценные. Так, Назым оставил запись на странице проиллюстрированной Жаком книги: “Когда-нибудь я постараюсь написать стихи, достойные этих рисунков”. Есть и фотографии. <...> В Москве отец не слишком-то занимался политикой. Мать очень грустила по покинутой Турции, но отец никогда не жаловался. <...> Лучше всего картины отца понимают турки. Его произведения, созданные в Москве, можно сравнить с творчеством Фикрета Муалла во французский период. Судя по ним, он очень “местный” художник, и, может быть, даже больше матери тосковал по Турции. На его картинах – лицо бедняцкой Турции. Собственно, поэтому он и стал коммунистом. Он вступил в Турецкую коммунистическую партию, чтобы иметь возможность помогать бедным. Он был филантропом...»

Газета «Джумхурийет», 17.05.2019, Гюльджин Гюлян в статье «Произведения Жака Ихмальяна в доме культуры и искусства

Н. Хикмета “Добро пожаловать, брат мой!”: С Назымом художника объединяла тоска по родине. Во всех картинах чувствуется дух Турции». К выставке Ж. Ихмальяна в муниципалитете Нилуфер в 1993 г. Абидин Дино написал статью «Истинный стамбулец» (Anadan Doğma İstanbullu), в которой подчеркнул, что, несмотря на пребывание во многих странах Жак всегда оставался турецким художником. По его мнению, «жизнь существует только в Стамбуле. Город, который он любил, – это Стамбул, присутствующий в каждой строчке Саида Фаика, неброский, настоящий и простой».

После кончины Жака Ихмальяна прошли выставки его картин в разных странах. В 1996 г. вместе с произведениями других известных турецких художников (Фикрет Муалла, Мехмет Гюлерйюз) картины были выставлены на аукционе Сотбис в Лондоне.

В России широко известен писатель Азиз Несин, турки называют его «турецким Зощенко». Он часто приезжал в Москву и всегда встречался с Жаком. Приехав вскоре после кончины Жака, он попросил отвезти его в мастерскую художника. Кто-то хотел поправить одну из покосившихся картин: «Не трогайте, их развешивал Жак!» – сказал Азиз Несин. Он написал свои воспоминания о Жаке Ихмальяне под названием «Еще один из тех, с кем вместе умер и я», и я предлагаю здесь перевод небольшого отрывка из них: «Жака я всю жизнь воспринимал как ребенка, потому что, когда мы познакомились, мне было тридцать два года, а он был совсем молодым человеком. Он был тогда студентом стамбульской Академии изящных искусств. Познакомились мы в тюрьме в 1947 г. Он носил голубую полосатую пижаму и сандалии на деревянной подошве. Летом не надевал даже носков. Политические заключенные не стыдились своего заключения. Но перед ближайшими родственниками они испытывали чувство огромной неловкости: для своих семей – для родителей, жен и детей – они волей судьбы становились иждивенцами. Поэтому заключенные должны были быть очень бережливыми, стараться, чтобы одежда и обувь не изнашивались подольше. Вот почему Жак ходил в такой пижаме и таких сандалиях: как и все мы, он старался быть экономным. Мне кажется, что мой

товарищ по заключению Жак никогда не забывал разницу в нашем возрасте, поэтому письма ко мне он начинал словами «Азиз агабей» («Азиз, старший брат»).

Что касается меня, то я считал его ребенком не только из-за разницы в возрасте. Он всегда смотрел на мир глазами изумленного и смеющегося ребенка. И в тюрьме, и потом на воле, в самые тяжелые дни он продолжал оставаться улыбающимся ребенком, но не избалованным, а воспитанным и молчаливым. Жак, наверное, ощущал в себе это качество; в одном из стихотворений, которое он написал в сорокалетнем возрасте, он так говорит о себе:

«В детстве,
Пока не открывался занавес в зале,
Я не мог усидеть на месте.
Вот мне сорок,
А все по-прежнему –
То ли я остался ребенком,
То ли детство вошло в свое сорокалетие?»
(подстрочный перевод В. Феоновой)

Далее Азиз Несин пишет: «Убийство Сабахаттина Али, известного прогрессивного турецкого прозаика, 2 апреля 1948 г., вынужденная эмиграция Назыма Хикмета оказали влияние на многих представителей прогрессивной интеллигенции в Турции. Турецкий народ и турецкая интеллигенция не отделяли от себя армян. Но нельзя сказать того же про тогдашнее правительство, политическую полицию и тайные службы. Нас, представителей левой интеллигенции, унижали и подвергали пыткам, но нашим армянским товарищам приходилось много тяжелее, чем нам. Быть левым – считалось серьезным преступлением; быть левым армянином – пусть не перед законом, но в глазах тех, кто превращал законы в жизнь, – считалось преступным вдвойне. Вот поэтому Жак уехал за пределы Турции...»

Жак жил в Ливане, в Польше, в Китае. Потом поселился в Москве. И через много лет в Москве мы встретились. По его рисункам, по его стихам, по его разговорам я могу с уверенностью сказать: в какой бы уголок мира он ни поехал, он вез с собой

Анатолию. Стамбулец Жак был словно воплощением Анатолии. Дорогой Жак, будучи сыном Анатолии, впитал весь сплав культурного наследия хеттов, римлян, сельджуков, армян, византийцев, османов. Благословенная турецкая земля является наследницей всех этих цивилизаций. А Жак – сын этой земли. Отсюда его сердечное богатство».

В заключение можно привести отрывок из воспоминаний о встрече с Жаком Ихмальяном в Москве, в ИСАА МГУ «Свет безвременно погас» профессора Анкарского университета Тюрккая Атаева: «Письма моего друга Жака Ихмальяна, открытки, посланные им, его рисунки, сделанные мною его фотографии – все это сейчас передо мной. Бернард Шоу сетовал на то, что человек уходит от нас в момент, когда мы наилучшим образом можем использовать его опыт, его знания и способности, короче говоря – приобретенный им жизненный капитал.

Жак оставил большие творения. Он вошел в ту пору зрелости, когда мог бы создать еще более величественные. Он был одним из самых блестящих студентов Стамбульской Академии изящных искусств. Он даже перескочил через курс. Жак обладал массой познаний и не только в области искусства.

Как-то я взял в руки учебник, написанный Жаком для студентов Московского университета. Я никогда не видел более точной и кропотливой работы над языком; это было ясно уже по первой странице учебника, где приводились примеры употребления междометия «А!». Сколько лет благодаря Жаку студенты изучали во всех нюансах стамбульский диалект разговорного турецкого языка!

В 1970 г. я попал в университет на вечер студентов-тюркологов. Учащиеся разных курсов разыгрывали по-турецки различные сценки.

Я помню как сейчас студентов старшего курса, которые поставили один из рассказов Азиза Несина. Только Жак мог добиться такого успеха.

И уж, конечно, в области искусства, особенно в понимании живописи, он сумел использовать разносторонние культурные традиции: опыт советского общества, где прошли самые плодотворные годы его жизни, и других стран, в которых он находил

ся. Его интересовала проблема места искусства в обществе. И при этом Жак был постоянно работающим художником, палитра которого никогда не высыхала. Он много экспериментировал, пробуя выбранные им темные тона – мало кому он показывал эту работу. Если Жак увлекался какой-либо книгой, он тут же начинал рисовать. Самые красивые из женщин, которых он рисовал, были похожи на его жену Мари. Что бы ни делал Жак, чем бы он ни занимался, он смотрел на жизнь и на общество глазами художника.

И – что, может быть, еще ценнее – глазами гуманиста».

Сведения об авторе

Васильев Дмитрий Дмитриевич – кандидат исторических наук, профессор, заведующий отделом истории Востока ИВ РАН, научный руководитель Российско-турецкого УНЦ РГГУ, Москва; e-mail: dmivas46@mail.ru

Примечание от редакторов

Весной 2014 года студенты кафедры тюркской филологии посетили выставку картин Жака Ихмальяна в Государственной Третьяковской галерее на Крымском валу

Студенты на выставке Жака Ихмальяна, 2014 год

ЛИНГВИСТИКА

Акалын Шюкрю Халюк

НОВЫЕ РАЗРАБОТКИ В ТУРЕЦКОЙ ЛЕКSIКОГРАФИИ: ЭЛЕКТРОННЫЕ И ОНЛАЙН-СЛОВАРИ ТУРЕЦКОГО ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

Введение

Первый известный миру словарь – это подготовленный, по одной из версий, аккадцами в 2300 г. до н.э. справочник, содержащий шумеро-аккадские эквиваленты тематических слов. Эта первая словарная работа, выполненная клинописью на 24 глиняных табличках, была найдена в руинах городища Эбла в Сирии и экспонируется сегодня во французском Лувре. За первыми табличками, на которых на двух языках были представлены торговые термины, последовал словарь, в котором, также на двух языках, перечислялось все, что касалось морского и сухопутного транспорта, драгоценных камней и полезных ископаемых, животных и растений [Akalin 2010: 270]. На следующем историческом этапе для написания рукописных словарей стали использоваться разные носители – таблички, папирусы, бумажные свитки и книги, а с изобретением типографии появились печатные словари.

Появление новых технических терминов в современных языках приводит к тому, что старые объекты иногда приходится подвергать повторной номинации. Хотя первый в истории человечества словарь по-турецки именовался *tablet sözlük* ‘словарь на табличках’, с появлением термина *tablet bilgisayar* ‘планшетный компьютер’, древний словарь получил новое название *kil tablet*

sözlük ‘словарь на глиняных табличках’, уточняющий его характерную особенность. Примеры того, что обозначается термином «переименование» [Sarı 2013], можно привести для разных сфер деятельности. Первая мировая война, именовавшаяся по-османски *Harb-i Umumi* ‘Всеобщая война’, впоследствии стала называться *Cihan Harbi* ‘мировая война’, а далее, в 1939 г. после начала Второй мировой войны – *Birinci Dünya Savaşı* ‘Первая мировая война’. Компьютер, первоначально именовавшийся по-турецки *elektronik beyin* букв. ‘электронный мозг’, а затем *bilgisayar*, с появлением портативных переносных устройств стал называться *masaüstü bilgisayar* ‘настольный компьютер’, поскольку возникла необходимость уточнить способ его использования.

Аналогичным образом словари, после изобретения печатного станка именовавшиеся «рукописный словарь» и просто «словарь», с появлением современных электронных носителей подверглись новой классификации в следующем виде: «рукописный словарь», «печатный словарь» и «электронный словарь». Разные типы электронных словарей также получили собственные наименования. Ниже после краткого изложения истории турецкой лексикографии мы остановимся на последних разработках и электронных словарях турецкого языка, а также на сфере применения и функциях компакт-дисков «Актуальный словарь турецкого языка» и «Орфографический словарь турецкого языка».

Начальный период турецкой лексикографии

Лексикографические исследования тюркских языков, начавшиеся в XI в. с «Дивану лугат ит-тюрк» («Книга тюркских языков») Махмуда Кашгари, в последующие годы выражались главным образом в подготовке двуязычных словарей, нацеленных на арабскую или персидскую аудиторию. Работа Кашгари представляет собой двуязычный словарь, в котором целевой язык – тюркский, словарные единицы и примеры приведены на тюркском языке, а пояснения – на арабском. Этот словарь, написанный в 1072–1074 гг., содержит 8624 словарных единицы, из которых 5147 – существительные, а 3447 – глаголы. Известно, что этот словарь включает в себя лексические единицы из разных тюркских языков [Akalin 2008: 67].

Этапы развития тюркской лексикографии

Вслед за первым тюркским словарем, обозначившим начальный период тюркской лексикографии, последовал труд «Mukaddimetü'l-Edeb» («Введение в литературное обучение»), созданный Земахшери в виде словаря в честь правителя династии Хорезмшахов Атсыза бин Мухаммеда. «Mukaddimetü'l-Edeb» считается словарем по той причине, что в нем приводятся арабские слова, выражения и короткие предложения, а также их тюркские, персидские, хорезмийские и монгольские эквиваленты, написанные между строк, как выяснилось, с целью обучения арабскому языку. Считается, что работа была выполнена в 1128–1144 гг. [Akalin 2017: 28–30].

Одним из важных источников в истории тюркской лексикографии является написанный в том же веке труд Ибн Мухенны «Хильетюл-инсан ве Хальбетюль-лисан». Несмотря на то что официальным языком государства Ильханов был тюркский, Ибн Мухенна, приняв во внимание широкое использование арабского, персидского и монгольского языков в общественной и торговой жизни государства, написал свою работу на арабском с целью исследования особенностей этих языков и их лексики. В главу о тюркском языке он включил пояснения по фонологии, морфологии и происхождении слов, а в части, касающейся лексики, рассмотрел более двух тысяч тюркских слов в двадцати четырех различных подразделах [Akalin 2017: 30–31].

Другим важным словарем этого периода является «Codex Cumanicus», местом создания которого, как полагают ученые, является северное Причерноморье. «Кодекс Куманикус» состоял из двух разделов. Первый раздел, именуемый также итальянским, представляет собой словарь, содержащий латинские, персидские и куманские слова. Нет данных о том, кем именно была написана эта книга, но есть предположение, что ее автором мог быть венецианский или геновский торговец, итальянский священник или же францисканский миссионер, торговавший или проживавший в трехязычном городе Крыма Солхате. В 1362 г. итальянский поэт Петрарка подарил эту книгу библиотеке Святого Маркуса в Венеции. Соответственно, труд относится к 1292–1362 гг. [Akalin 2017: 31–33].

Такие словари периода становления тюркской лексикографии как «Китаб-ы Меджму-и Терджуман-ы Тюрки и Аджеми и Мугали», «Китабюль-Идракли Лисаниль-Этрак», «Китабюль-Эфаль», «Китабют-Тухфетиз-Зекие филь-Лугатит-Тюркие», «Китабю Булгатиль-мюцтак фи лугатит-Тюрк вель Кыфчак», «Эд-Дюрретюль-Мудие филь-Люгатит-Тюркие», «Эш-Шюзуруз-Зухебие вель-Китауль-Ахмедие филь-Лугатит-Тюркие» представляют собой описания тюркских языков. Все эти труды, как известно, написаны в XIV–XVII вв. в эпоху кыпчакского господства в Египте.

Период двуязычных словарей

Ввиду того что в период становления и подъема Османской империи арабский являлся языком науки и преподавался в медресе, а персидский был широко распространенным языком литературы и культуры в целом, наблюдается постепенное увеличение количество арабо- и персидско-турецких словарей. Я называю этот период эпохой двуязычных словарей по той причине, что целевыми были именно иностранные языки, слова переводились с иностранных языков на турецкий, а собственно турецкие словари не составлялись. Нет никаких сомнений в том, что это происходило по причине доминирующего на тот период восприятия родного и иностранного языка: в Османской империи и османском обществе арабский и персидский не рассматривались как иностранные, а считались языками исламского сообщества, культуры и цивилизации, иностранными же для османцев считались французский, немецкий, английский, русский и другие. Без сомнения, первый тюркский словарь «Дивану Лугатит-Тюрк» был двуязычным, но в нем тюркские слова переводились на арабский. В словарях же, подготовленных в рассматриваемый период с целью преподавания арабского и персидского языков, турецкий использовался только для пояснений, а словарными единицами были арабские и персидские слова.

Арабско-турецкие словари «Ахтери-и Кебир» Мустафы Карохисара, «Эль-Окянусюль-басит фи терджеметиль-Камусиль-Мухит» переводчика Асыма Эфенди отличаются от аналогов по

своему содержанию и охвату, а также лексике, использованной в турецких пояснениях. Хотя в наличии и имелись подобные персидско-турецкие словари, такие как «Шамилюль-Лугат» Хасана Имадуддина, «Люгат-ы Ниметуллах» Ниметуллаха и др., самым ценным с точки зрения турецкой лексикографии является труд «Тибьян-ы Нафи дер Терджеме-и Бурхан-ы Каты» переводчика Асыма Эфенди, привлекающий внимание своей турецкой лексикой, используемой в определениях и пояснениях [Akalin 2017: 39–48].

В эту эпоху самым важным с точки зрения турецкой лексикографии событием стало издание в Османской империи первой печатной книги «Ванкулу Люгати» после открытия Ибрагимом Мютеферриком в 1727 г. первой турецкой типографии, положившей начало новой технологической эпохе – переходу от рукописей к печатным текстам [Akalin 2017: 49].

Османский период тюркской лексикографии

В этот период, когда в словарях арабские и персидские слова переводились на турецкий и последний не являлся целевым языком, Шейхулислам Мехмед Асад Эфенди в 1725 г. взялся за подготовку словаря совершенно иного типа, в котором целевым языком был турецкий. Этот словарь, получивший название «Лехджет-уль-Люгат», был завершён в 1732 г. и преподнесен автором султану Махмуду I. Асад Эфенди изменил саму концепцию словаря, когда турецкие слова не только являлись словарными статьями, но и использовались в пояснительной части. Например, в статье, посвященной слову «лошадь», приводится информация о видах лошадей, их характеристиках, аллюрах, названия болезней и методы их лечения, поверья, связанные с лошадьми, и т.д. [Akalin 2017: 53]. При всех этих особенностях «Лехджет-уль-Люгат» – это не одноязычный турецкий, а переводной словарь с турецкого на арабский и персидский.

Джеймс Уильям Редхаус положил начало новой эпохе турецкой лексикографии. В словарях, составленных до него, используемые в литературном языке, официальной переписке и научных трудах османского периода арабские и персидские слова

указывались в своих оригинальных значениях в языках-источниках, а не в значениях, закрепившихся в турецком языке. В случаях, когда использование слов в турецком языке противоречило исконным, оно признавалось «неправильным». Редхаус в рукописном словаре, именуемом «Китаб-ы Мюнтахабат-ы Тюркие» впервые взял за основу значения арабских и персидских слов именно в турецком языке. Этот же подход был применен и в печатном словаре «Китаб-ы Мюнтахабат Люгат-и Османие», однако во всех этих словарях мало места отводилось собственно турецким словам, словарными статьями были арабизмы и персизмы [Akalin 2017: 54–60].

Первым словарем, охватившим весь словарный состав османского языка, а не только арабскую и персидскую лексику, стал «Лехдже-и Османи» Ахмеда Вефика Паши, первое издание которого вышло в свет в 1876 г., а второе – в 1889 г. Такой подход стал одним из переломных моментов в истории турецкой лексикографии [Akalin 2017: 62–66].

Достойными внимания можно считать такие работы этого периода, как «Эсер-и Шевкет» Мехмета Шевкета, «Словарь для детей», в последующем упоминаемый как «Лугат-и Наджи» Муаллима Наджи, «Лугат-и Ремзи» Хусейна Ремзи, «Камус-ы Османи» Мехмета Салахи, «Мукеммель османлы люгаты» Али Назима, «Ресимли камус-ы Османи» Али Сейди.

Монументальным словарем того времени был «Камус-ы тюрки» Шемседдина Сами. Использование автором в названии слово *Türki* ‘турецкий’, ознаменовало поворотный пункт в турецкой лексикографии с точки зрения как отбора словарных единиц, так и толкований и пояснительных примеров. Шемседдин Сами стал важной фигурой в развитии турецкой лексикографии также благодаря своим более ранним словарям «Камус-ы Франсеви», «Камусуль-Алам» и незаконченному «Камус-ы Араби» [Akalin 2017: 75–82].

В результате усиления националистических тенденций в период после Французской революции процесс написания словарей и энциклопедий в мире активизировался. Основными направлениями лексикографии в этот период стали расширение словарного состава языка и определение значений новых слов

с учетом национальных корней, культурных ценностей и особенностей мировоззрения. Этот вектор отчетливо выражен во вводной части «Лехдже-и Османи», написанной Ахмедом Вефиком Пашой, в лингвистических статьях Шемседдина Сами в журнале «Хафта» и во Введении к «Камус-ы Тюрки».

Другой примечательной особенностью османской лексикографии стало то, что автором большинства словарей были писатели, поэты и художники. Ахмед Вефик Паша – театральный переводчик и писатель. Эбуззия Тевфик – писатель и издатель. Муаллим Наджи – поэт и писатель. Шемседдин Сами является автором первого турецкого романа. Одним словом, этот романтический период не только привнес выдающиеся произведения в турецкую литературу, но и позволил турецкой лексикографии перейти в новую стадию развития.

Создание словарей на турецком языке

После того как Шемседдин Сами назвал свой словарь *Türki* ‘тюркский/турецкий’, начался период создания словарей на турецком языке. Первое издание словаря М. Бахаэддина получило название «Türkçe Lügat» («Словарь турецкого языка»), а второе издание «Yeni Türkçe Lügat» («Новый словарь турецкого языка»). Хусейн Казым Кадри в словаре «Türk Lügati» («Турецкий словарь») наряду с турецкой лексикой приводил также примеры слов из азербайджанского, туркменского, казахского, киргизского, якутского и других тюркских языков. Несмотря на то что он нигде не использует в отношении этого четырехтомного словаря определение «большой», его труд интересным образом даже в научных публикациях стал упоминаться как «Большой турецкий словарь» [Akalin 2017: 98–100].

Вслед за переходом на латиницу в Турции был опубликован словарь «Resimli Yeni Türkçe Lügat» («Новый иллюстрированный словарь турецкого языка») Али Сейди. К этому периоду относятся также «Yeni Türk Lügati» («Новый турецкий словарь») Ибрагима Алаэттина Гёвса, а позже его же «Resimli Yeni Lügat ve Ansiklopedi» («Новый иллюстрированный словарь и энциклопедия»); «Resimli Türkçe Kamus» («Иллюстрированный словарь

турецкого языка») и «Yeni Resimli Türkçe Kamus» («Новый иллюстрированный словарь турецкого языка») Раифа Неджета и Хасана Бедреддина.

Название «Türkçe Lügat» («Словарь турецкого языка») было впервые использовано в 1943–1945 гг. в отношении трехтомного труда, изданного Турецким лингвистическим обществом (ТДК), которое было учреждено в 1932 г. по указанию Ататюрка. Этот словарь, подготовленный большим коллективом ученых под руководством Мехмета Али Агакая, стал первым в ряду важных лексикографических трудов. Благодаря кропотливому труду и огромным знаниям сотен людей в течение более чем 75 лет было выпущено 11 изданий. В 11-м издании «Словаря турецкого языка» турецкими лексикографами был впервые использован корпусный метод: значения лексических единиц были проиллюстрированы примерами из произведений выдающихся представителей современной турецкой литературы. Предметом моей большой профессиональной гордости является тот факт, что в 2005 г. я являлся главным редактором 10-го, а в 2011 г. – 11-го издания этого словаря. Кроме того, в 2019 г. было выпущено факсимиле последнего издания «Турецкого словаря», главным редактором которого я был в 2011 г. [Akalin et al 2019: XIX–XXII].

Помимо «Словаря турецкого языка», изданного Турецким лингвистическим обществом, накопившим за 90 лет своего существования большой объем знаний, институциональный опыт и получившим специализацию в области лексикографии, следует также упомянуть об усилиях отдельных авторов и некоторых ассоциаций по изданию следующих словарей: «Okyanus 20. Yüzyıl Ansiklopedik Türkçe Sözlük» («Энциклопедический словарь турецкого языка XX века» издательства «Океан») Парса Туглачи, «Doğan Büyük Türkçe Sözlük» («Большой словарь турецкого языка» издательства «Доган») Д. Мехмета Догана, «Arkadaş Türkçe Sözlük» («Словарь турецкого языка» издательства «Аркадаш») Али Пюскюллюоглу, «Misalli Büyük Türkçe Sözlük» («Большой словарь турецкого языка с примерами») Ильхана Айверди, «Ötüken Türkçe Sözlük» («Словарь турецкого языка» издательства «Отюкен») Яшара Чахбайыра.

Электронные и онлайн-словари

В 2014 г. для проведения исследований в области теоретической лексикографии впервые в Турции мною был открыт Исследовательский центр лексикографии при Университете Хаджеттепе, директором которого я являюсь. В том же году Центр организовал в Турции первый международный симпозиум по лексикографии, а в 2015 и 2018 гг. провел еще два симпозиума по лексикографии. В 2015 г. был создан Исследовательский центр лексикографии при университете Османгази в городе Эскишехир. В настоящее время в этих двух центрах в Турции ведутся теоретические исследования в области лексикографии.

В XX в. благодаря последним достижениям в области информатики для лингвистических исследований открылись новые горизонты. Им способствует развитие таких сфер как компьютерная обработка естественного языка, искусственный интеллект и методика глубокого обучения, которые облегчают работу лексикографов, ускоряют создание программного обеспечения для проведения более совершенных исследований по лемматизации корпуса, позволяют определять значения и приводить примеры употребления словарных единиц.

В конце XX в. появились электронные словари в виде двуязычных или многоязычных устройств, похожих на калькулятор. В те же годы были созданы электронные словари в форме ручки. Продуктом того же периода было и словарное программное обеспечение для компьютеров. Однако все эти приспособления потеряли актуальность с появлением онлайн-словарей. В настоящее время люди пользуются такими сервисами как «Google Translate» и «Яндекс. Переводчик», способными переводить предложения, абзацы, тексты и даже устные тексты без использования словарей. Каждое исправление, которое пользователи вносят в предлагаемый этими системами перевод, также способствует совершенствованию самого сервиса. Международные компании, инвестирующие средства в межъязыковые переводы, самостоятельно не разрабатывают языковое программное обеспечение, а лишь используют базы данных соответствующих

языков, и это предполагает, что подготовка различных словарей национальных языков остается прерогативой национальных учреждений и компаний.

В Турции в этом направлении работают Турецкое лингвистическое общество, а также университеты совместно с добровольными общественными организациями и индивидуальными предпринимателями.

Турецкое лингвистическое общество в 2002 г. стало первым учреждением, предоставившим свободный доступ к такому интернет-источнику как «Актуальный словарь турецкого языка». Это была первая электронная версия «Словаря турецкого языка», опубликованная Турецким лингвистическим обществом на своем веб-сайте. Электронная база данных этого словаря, основу которой первоначально составил «Словарь турецкого языка», постоянно совершенствовалась, что позволяло публиковать его новые редакции. Сегодня в «Актуальном словаре турецкого языка» содержится около ста тысяч словарных единиц. По данным за 2018 г., пользователи ищут в среднем 410 слов в секунду. Благодаря анализу поступающих запросов пользователей возникает возможность дополнять словарные статьи.

В свободном доступе находится также «Словарь личных имен», объясняющий значение и происхождение 10 843 мужских и женских имен, используемых в Турции. С его помощью можно, например, выяснить, какие женские и мужские имена имеют значения «красивый», «храбрый», «трудолюбивый» и др.

«Глоссарий терминов науки и искусства» состоит из терминологических словарей, опубликованных Турецким лингвистическим обществом и подготовленных недавно созданными рабочими группами по различным направлениям. База данных содержит описание 185 332 терминов по отдельным отраслям науки и искусства и их эквивалентов на иностранных языках.

В базу данных «Словаря турецких диалектов» были внесены словарные части трудов по анатолийским диалектам, а также «Сборный диалектный словарь», опубликованный Турецким лингвистическим обществом, благодаря чему пользователи могут узнать значение 192 000 слов, используемых в региональных диалектах страны.

Онлайн-издание «Словарь пословиц и идиом» поясняет значение 2396 пословиц и 11 209 идиом на турецком языке. Наиболее важной особенностью словаря является возможность поиска по отдельным компонентам выражений. Например, если пользователь захочет узнать значение пословицы *ağaç yaşken eğilir* букв. 'Дерево гнется, пока оно влажное', он может ввести ее полностью, но при указании только слова «дерево» на экран выводятся все включающие его пословицы и идиомы, вне зависимости от его грамматического оформления.

«Звуковой словарь турецкого языка» – это голосовой сервис, демонстрирующий правильное произношение всех словарных единиц в «Словаре турецкого языка» и являющийся второй электронной версией турецкого словаря Турецкого лингвистического общества.

«Словарь исторических текстов» является доступной онлайн-формой изданного Турецким лингвистическим обществом в восьми томах «Словаря исторических текстов», состоящего из образцов арабографичных османских текстов XIII–XX вв.

«Словарь слов западного происхождения в турецком языке» – это словарь, в котором собраны заимствования из западных языков в турецкий, использованные в литературных произведениях, их значения и примеры с ними. Словарь содержит 5321 заимствование из французского, итальянского, немецкого, английского, русского, греческого и армянского языков.

«Сравнительный словарь тюркских диалектов» содержит азербайджанские, башкирские, кыргызские, узбекские, татарские, туркменские, уйгурские, а также русские эквиваленты 7000 наиболее высокочастотных турецких слов и таким образом является своего рода справочным изданием в этой области.

Все перечисленные электронные словари принадлежат Турецкому лингвистическому обществу – наиболее компетентной организации по турецкому языку, и я безмерно рад тому, что доступ ко всем ним был открыт во время моего председательства в Турецком лингвистическом обществе.

Эти онлайн-словари являются электронными базами данных, предоставляющими обычным пользователям возможность получить наиболее полную информацию, касающуюся словарного

состава турецкого языка. В этом году все эти словари собраны в новом интерфейсе и могут быть доступны для пользователей по адресу <https://sozluk.gov.tr>. В настоящее время Турецкое лингвистическое общество работает над преобразованием онлайн-словарей в приложения для мобильных телефонов.

Наряду с этим следует отметить, что в сети имеются электронные турецкие словари различных учреждений и организаций, такие как:

«Kubbealti Misalli Türkçe Sözlük» («Словарь турецкого языка Куббеалты с примерами»), по адресу <http://lugatim.com> позволяет приводить поиск значений слов, включая турецкие слова османского периода. Этот словарь с большой базой данных находится в свободном доступе.

«Ötüken Türkçe Sözlük» («Словарь турецкого языка» издательства «Отюкен») – это электронная версия пятитомного словаря, разработанного Яшаром Чагбайыром. В этом словаре, который продается в комплекте с CD-диском, собраны все слова, начиная с орхонского периода тюркского языка и заканчивая современным турецким языком. Электронной версией по адресу <http://www.otukensozluk.com> могут пользоваться без ограничений те пользователи, кто приобрел пятитомный словарь, остальные могут совершать поиск всего трех слов в день.

«Dil Derneği Türkçe Sözlük» («Словарь турецкого языка Лингвистической ассоциации») находится в свободном доступе по адресу <http://www.dilderneği.org.tr/TR,274/turkce-sozluk-ara-bul.html>.

«Doğan Büyük Türkçe Sözlük» («Большой словарь турецкого языка» издательства «Доган»), хотя и не обладает веб-версией, но имеет компакт-диск, который продается вместе со словарем.

Актуальный словарь турецкого языка и Орфографический справочник турецкого языка

Все эти словари содержат информацию о частеречной принадлежности, происхождении, правописании, произношении, значении и употреблении каждого слова.

База данных может варьироваться в зависимости от объема каждого словаря. Единственный словарь, в котором можно ус-

лышать произношение слова, – это словарь Турецкого лингвистического общества. Можно получить доступ к более подробной информации, например: сколько слов в турецком языке заимствованы из русского? Какие военные термины заимствованы из немецкого? Какие прилагательные существуют в турецком языке? Какие наречия заимствованы из арабского языка? Какие примеры из произведений Яшара Кемаля вошли в словарь? Какие предлоги персидского происхождения используются в турецком языке? Электронные словари не могут предоставить специалистам материал для таких исследований.

Турецкое лингвистическое общество разработало электронную версию такого словаря с различными поисковыми функциями в формате компакт-диска, предназначенную для лингвистов, исследователей и всех заинтересованных лиц. С этим словарем, специально подготовленным к 75-летию Турецкого лингвистического общества, можно работать в режиме офлайн. Нажав на кнопку *Söz Arama* 'Поиск слова', пользователь может узнать частеречную принадлежность, происхождение, значение, произношение неизвестного ему слова, примеры его употребления в идиомах, составном глаголе и пословицах. Введя несколько первых букв слова, которое нужно найти в этом разделе, пользователь может выбрать любое из слов, предложенных программой, и просмотреть всю информацию. Нажав на кнопку с символом динамика, можно услышать правильное произношение слова, а затем, нажав на кнопку с символом микрофона, сравнить его с собственным произношением. Каждое слово в этой части программного обеспечения было озвучено опытными дикторами государственной телерадиокомпании Турции (ТРТ) Гёксалом Дурна и Рахми Айгюном. Опция *Ayrıntılı Arama* 'Расширенный поиск' позволяет применять фильтры частей речи, происхождения, сфер использования и форм слов. Таким образом, пользователь может видеть все слова, заимствованные из русского языка в турецкий, в алфавитном порядке, с их значениями, формами и частеречной принадлежностью. Для того, чтобы увидеть примеры использования слова в литературных текстах, достаточно нажать на кнопку *Örnek İçi Arama* 'Поиск в выборке'. Можно ввести поиск по имени писателя или поэта и увидеть отдельные примеры из литературных

произведений. Сервис предлагает различные игры для тех, кто изучает турецкий язык. *Dağarcık* ‘Словарный состав’ – это игра, в которой предлагается составить слова из заданных букв. Цель игры *Terim Avı* ‘Охота на термины’ состоит в том, чтобы найти турецкие термины, составленные Турецким лингвистическим обществом, в сложной таблице букв. Игра *Şifre Çözümü* ‘Отгадка пароля’ предполагает разгадку пароля, закодированного программой. *Söz Hazinesi* ‘Сокровищница слов’ – это игра в форме пословиц и выражений. Сервис «Поиск рифмы» представляет собой обратный словарь и создан в помощь лингвистам, хотя на первый взгляд может показаться, что он предназначен исключительно для поэтов.

Благодаря всем этим функциям компакт-диск словаря Турецкого лингвистического общества является уникальной компьютерной программой и базой данных, способными помочь изучающим турецкий язык как иностранный, а также предлагает уникальный материал для специалистов, проводящих разноплановые исследования турецкого языка.

Литература

- Akalın 2008 – *Akalın Ş.H. Binyıl Önce Binyıl Sonra Kâşgarlı Mahmud ve Divanü Lugati't-Türk*. Ankara, 2008.
- Akalın 2017 – *Akalın Ş.H. Geçmişten Günümüze Türk Sözlükçülüğü*. İstanbul, 2017.
- Akalın et al 2019 – *Akalın Ş.H. (u dpygue)*. Türkçe Sözlük. Ankara, 2019.
- Sarı 2013 – *Sarı İ. Dilde Yeniden Adlandırma İhtiyacı: Retronimler // Türkbilg*. № 25. S. 19–26.
- Турецкий словарь Ассоциации языка. <http://www.dildernegi.org.tr/TR,274/turkce-sozluk-ara-bul.html> (дата обращения 05.09.2019).
- Турецкий словарь Куббеалты с примерами. <http://lugatim.com> (дата обращения 01.09.2019).
- Турецкий словарь Турецкого лингвистического общества. <http://sozluk.gov.tr> (дата обращения 02.09.2019).

Аннотация

Турецкая лексикография имеет почти тысячелетнюю историю. Первый турецкий словарь был написан Махмудом аль-Кашгари в период между 1072 и 1074 гг., после чего было написано большое количество словарей в

различных регионах в разные периоды. В статье рассматривается развитие турецкой лексикографии, в первую очередь в XX в. Особое внимание автор уделяет электронным словарям турецкого языка. В конце статьи содержится указание на компакт-диск с турецким словарем, который будет полезен специалистам и лицам, изучающим турецкий язык как иностранный.

Ключевые слова

турецкая лексикография, турецкий словарь, электронные словари, словарь на компакт-диске, Турецкое лингвистическое общество

Сведения об авторе

Акалын Шюкрю Халюк – доктор филологических наук, профессор, директор Прикладного и научно-исследовательского центра лексикографии Университета Хаджеттепе; e-mail: sukruhaluk.akalin@hacettepe.edu.tr, shakalin@shakalin.net

Şükrü Haluk Akalın

New Developments in Turkish Lexicography: Electronic and Online Versions of Turkish Dictionaries Prepared by Turkish Language Society

Summary

Turkish lexicography has a history of almost a thousand years. The first Turkish dictionary was written by Mahmud al-Kashgari between 1072 and 1074. After this first Turkish dictionary, a wide variety of dictionaries were written in various regions in different periods. This article discusses the development of Turkish lexicography. The main subject of the article is the development of Turkish lexicography within the last century, electronic dictionaries of Turkish being especially examined. At the end of the article the author introduces the Turkish Dictionary CD which will be useful both for specialists and learners of the Turkish as a foreign language.

Key words

Turkish lexicography, Turkish dictionary, electronic dictionaries, compact disc dictionary, Turkish Language Society

Information about the author

Şükrü Halük Akalın – PhD in Philology, Professor of Hacettepe University, Director of the Application and Research Center for Lexicography (Turkey); e-mail: sukruhaluk.akalin@hacettepe.edu.tr, shakalin@shakalin.net

О.А. Алексеева

ТЕМПОРАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ НОВОСТНЫХ МАТЕРИАЛОВ В СОВРЕМЕННЫХ ТУРЕЦКИХ СМИ

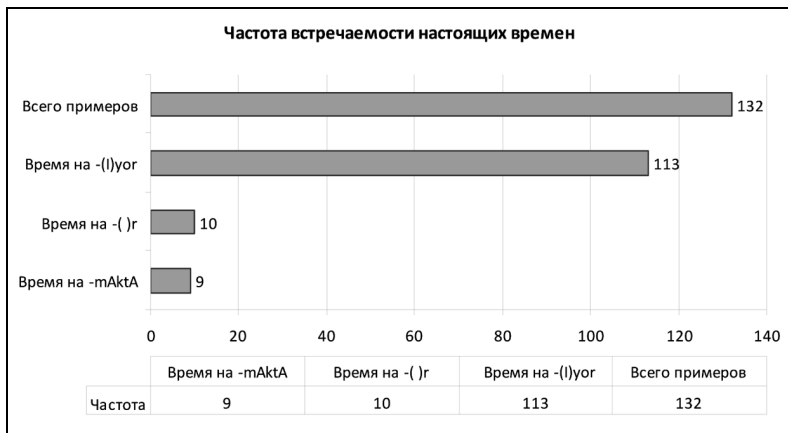
Система времен турецкого языка очень дифференцирована, т.е. каждый временной план (настоящего, прошлого и будущего) описывается при помощи нескольких грамматических форм.

Цель данной статьи – установить частотность употребления времен и передаваемые ими значения в современных турецких СМИ (2017–2020 гг.).

В ходе анализа был применен метод сплошной выборки, статистический метод и описательный метод. Для реализации поставленной цели мы проанализировали 500 предложений из материалов информационных агентств Anadolu Ajansı и İhlas Haber Ajansı и из газет различной политико-идеологической ориентации: Sabah, Yeni Şafak, Akşam, Sözcü, Milli Gazete, Hürriyet, Cumhuriyet, Milliyet, Habertürk. Из 500 предложений 132 относились к плану настоящего, 240 – к плану прошлого, 128 – к плану будущего.

В турецком языке план настоящего может быть выражен настоящим временем на *-(I)yor*, настоящим-будущим временем на *-()*r, настоящим длительным временем на *-mAktA*; прошлого – прошедшим категорическим временем на *-DI*, давнопрошедшим временем на *-mİştI*, прошедшим временем на *-mİştIr*, неопределенным имперфектом на *-()*rđl, будущим-прошедшим на *-AcAktI*, прошедшим длительным временем на *-mAktAydI*, конструкцией *-mAk üzereydi*, прошедшим субъективным временем на *-mİş*; будущего – будущим категорическим временем на *-AcAk*, настоящим-будущим временем на *-()*r, конструкцией на *-mAk üzere*.

План настоящего

Как видно из приведенной таблицы, наиболее употребительным для выражения плана настоящего является настоящее время на *-(I)yor*, времена на *-mAkTA* и на *-()r* используются в единичных случаях.

Обратимся к значениям, передаваемым этими временами¹.

Настоящее время на *-(I)yor*

Настоящее время на *-(I)yor* обозначает действие, происходящее в момент речи; действие, длившееся в течение некоторого времени и продолжающееся в настоящем; будущее запланированное действие при наличии соответствующего обстоятельства времени; обычно или регулярно совершаемое в настоящем действие.

В турецких новостных сообщениях из перечисленных выше значений время на *-(I)yor* употребляется для обозначения действия, происходящего в момент речи (пример 1), а также для обозначения действия, длившегося в течение некоторого времени и продолжающегося в настоящем (пример 2).

¹ Здесь и далее значения времен приводятся по [Щека 2007: 182–236]. Из списка исключены значения, относящиеся исключительно к художественному стилю, например, значение настоящего изобразительного или повествовательного времени.

- (1) *Altının gram fiyatı, güne artışla başlamasının ardından 312,9 lira seviyesinde **bulunuyor**.*

‘Цена одного грамма золота после некоторого роста в начале сегодняшнего дня **держится** на отметке 312,9 лир.’

- (2) *AKP’li ve MHP’li belediye meclis üyeleriyle belediye başkanları arasında sert polemikler **yaşanıyor**.*

‘**Ведутся** серьезные споры между членами муниципалитетов от Партии справедливости и развития и Партии националистического движения и главами муниципалитетов.’

Настоящее-будущее время на -()r

Настоящее-будущее время на -()r при описании действий в настоящем обозначает действие, происходящее в силу сложившегося порядка, привычки или его естественной природы, а также употребляется в составе определенных разговорных клише.

В языке СМИ настоящее-будущее время на -()r используется для обозначения действия, происходящего в силу сложившегося порядка и превратившегося в свойство, типичное положение дел, привычку (пример 3).

- (3) *İktidar değişmedikçe bir cemaat **gider** yenisi **gelir**.* (прямая речь)

‘До тех пор пока не сменится власть, всегда будет так: одно религиозное движение **уходит**, новое **приходит**.’

Данное высказывание принадлежит члену Великого национального собрания Турции (ВНСТ), который описывает положение дел в стране как некую закономерность, нечто типичное и ожидаемое.

В турецких новостных материалах встречается большое количество примеров, в которых настоящее-будущее время на -()r обозначает потенциальную возможность, вероятность совершения какого-либо действия (пример 4).

- (4) *Sosyal medya, «Bir kültür evi bir diktatöre nasıl ödül **verir**?» tartışmalarıyla sallandı.*

‘Пользователи социальных сетей были взбудоражены спорами на тему «Как культурный центр **может выдать** награду диктатору?»’

В примере 4 значение потенциальности, выраженное сказуемым, подтверждается контекстом: *Semper Opera Ball* (Государственная опера Дрездена) решила вручить орден Святого Георгия президенту Египта Абдельфаттаху ас-Сиси, что вызвало жаркие споры среди пользователей социальных сетей.

Также необходимо отметить, что время на *-(I)r* в подавляющем большинстве случаев употребляется в прямой речи.

Настоящее длительное время на *-mAktA*

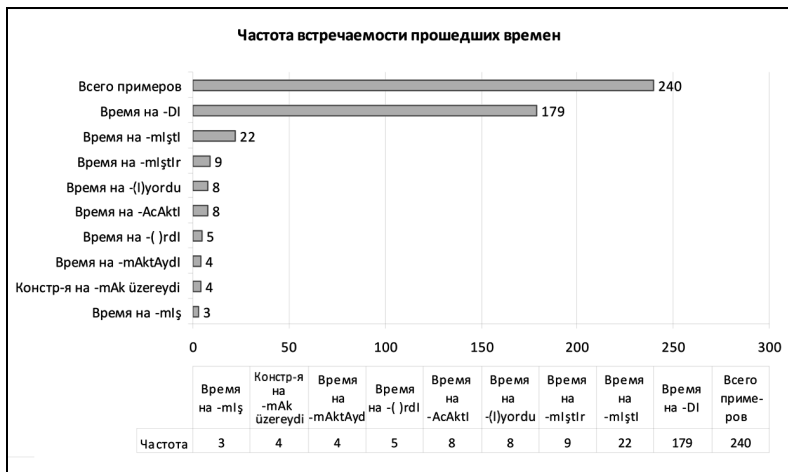
Настоящее длительное время на *-mAktA* обозначает действие, длившееся в течение некоторого времени и продолжающееся в настоящем. Как отмечает Ю.В. Щека, время на *-mAktA* отличается от времени на *-(I)yor* тем, что первое чаще употребляется в газетной и официально-деловой речи, чем в разговорной, а также используется в качестве стилистического средства для придания экспрессии выражению [Щека 2007: 199]. Э.А. Грунина в рукописи учебного пособия по переводу (1981 г.) отмечает: «Для больших хроникальных заметок характерна своя микросистема временных форм. Как правило, это *-mİşlr* для указания на имевший место факт и *-mAktA* для указания на происходящее событие. Будущее время передается формой на *-AcAk*» [Грунина 1981: 179], из чего можно сделать вывод, что время на *-mAktA* являлось стилистической особенностью новостных материалов 70–80-х гг. XX в.

В проанализированных нами примерах время на *-mAktA*, как и время на *-(I)yor*, используется для обозначения действия, длившегося в течение некоторого времени и продолжающегося в настоящем, однако в предложениях с временем на *-mAktA* присутствует акцент на том, что действие развивается сейчас, в данный отрезок времени (пример 5), а в предложениях с временем на *-(I)yor* такой акцент отсутствует. В большинстве случаев время на *-mAktA* употребляется в сочетании с аффиксом утвердительной модальности на *-Dir*.

(5) *Çiğ altında olanlar için arama kurtarma çalışmaları devam etmektedir.*

‘На месте схода лавины **продолжаются** поисково-спасательные работы (по розыску оставшихся под лавиной).’

План прошлого

Как видно из приведенной таблицы, наиболее употребительным для выражения плана прошлого является прошедшее категорическое время на *-DI*, остальные времена используются в единичных случаях.

Обратимся к значениям, передаваемым этими временами.

Прошедшее категорическое время на -DI

Прошедшее категорическое время на *-DI* обозначает действие, произошедшее в прошлом и передаваемое как факт без дополнительных смысловых и оценочных нюансов (пример 6).

(6) *Yeni tip koronavirüs (Kovid-19) salgını nedeniyle 2 bin 11 kişi yaşamını yitirdi.*

‘Из-за эпидемии коронавируса нового типа (COVID-19) погибло 2011 человек.’

Давнопрошедшее время на -mİŝti

Давнопрошедшее время на *-mİŝti* обозначает действие, предшествовавшее другому действию, совершенному в прошлом; действие, с точки зрения говорящего, произошедшее очень давно; перфектность.

В языке турецких СМИ давнопрошедшее время на *-mİştİ* используется в значении предшествования (пример 7), а также в значении перфектности (пример 8).

- (7) *Koronavirüs salgını nedeniyle Çin'de bulunan otomobil üreticileri üretimlerini **durdurmuştu**. Verilen aranın ardından üretim yeniden başladı.*

‘Из-за эпидемии коронавируса автопроизводители, работающие в Китае, **приостановили** производство. После некоторого перерыва производство возобновилось.’

- (8) *Fırat Kalkarı bölgesine saldırı hazırlığında olan 17 PKK/YPG'li terörist ile Tel Rıfat'tan Zeytin Dalı bölgesine sızma girişiminde bulunan 7 PKK/YPG'li terörist etkisiz hale getirildi. Ayrıca bugün Barış Pınarı bölgesine sızma girişimindeki 32 terörist **etkisiz hale getirilmişti**.*

‘17 террористов Рабочей партии Курдистана (РПК), готовившие атаку в районе проведения операции «Щит Евфрата», а также 7 террористов РПК, пытавшиеся проникнуть из Телль-Рифъата в район проведения операции «Оливковая ветвь», были нейтрализованы. Кроме того, сегодня также **были нейтрализованы** 32 террориста, пытавшиеся проникнуть на территорию действия операции «Источник мира».’

В данном примере второе предложение содержит обстоятельство времени *bugün* ‘сегодня’, указывающее на то, что действие второго предложения совершается после действия первого предложения, и, несмотря на это, сказуемое второго предложения употребляется в форме давнопрошедшего времени на *-mİştİ*, т.е. передает перфектность.

В турецких СМИ давнопрошедшее время на *-mİştİ* также используется в той части статьи, которая называется «справка» (в новостных материалах она, как правило, располагается в конце текста и представляет собой одно или несколько предложений), целью которой является информирование читателя о событии/событиях, предшествовавших описываемому в данном новостном материале (пример 9).

- (9) *Türkiye, İdlib'deki saldırı sonrası başlattığı Suriye operasyonuna «Bahar Kalkanı Harekâtı» adını verdiği açıklamıştı.*

‘Напомним / ранее² Турция **объявила** о том, что операция в Сирии, начатая ею после атаки в Идлибе, получила название «Весенний щит».’

Прошедшее время на -miştir

Прошедшее время на *-miştir* передает те же значения, что и прошедшее категорическое время на *-DI*, т.е. констатирует факт, но также может передавать значение модальности: выражать уверенность говорящего в том, что действие совершено в прошлом. Оно имеет неполную парадигму и употребляется только при субъекте в 3 лице ед. или мн. ч.

В языке турецких СМИ прошедшее время на *-miştir* в значении констатации факта (пример 10) встречается редко, в то время как оно активно употреблялось в этом значении вплоть до конца 80-х гг. XX в., указание на что содержится в учебном пособии Э.А. Груниной (см. выше).

- (10) *Manisa'nın Kırkağaç ilçesinde saat 19.09'da 5,2 büyüklüğünde bir deprem meydana gelmiştir.*

‘В районе Кыркагаç провинции Маниса в 19:09 ч. **произошло** землетрясение магнитудой 5,2 балла.’

Определенный имперфект на -(I)yordu

Определенный имперфект на *-(I)yordu* обозначает действие, происходившее в определенное время в прошлом; действие, длившееся в течение некоторого времени и продолжавшееся в прошлом; обычно или регулярно совершаемое в прошлом действие. Наличие в предложении временных рамок исключает употребление определенного имперфекта – в таких случаях используется прошедшее категорическое время на *-DI*.

В языке турецких СМИ определенный имперфект на *-(I)yordu* используется для обозначения действия, происходившего в определенный момент в прошлом (пример 11).

² Как правило, в новостных сообщениях на русском языке справки вводятся при помощи данных слов.

- (11) 24–27 Şubat arasında İspanya'nın Barselona şehrinde düzenlenmesi planlanan fuar, 33 yıllık tarihinde ilk kez iptal edildi. Fuarı 100 bin kişinin katılması **bekleniyordu**.

‘Ярмарка, которая должна была состояться в испанском городе Барселона 24–27 февраля, была отменена впервые за 33 года. **Ожидалось**, что в ярмарке примут участие 100 тысяч человек.’

Будущее-прошедшее время на -AcAktI

Будущее-прошедшее время на *-AcAktI* обозначает следующие действия: действие, которое говорящий собирался совершить, но не смог либо еще не совершил; действие, которое должно было произойти в прошлом, но по определенным причинам не было осуществлено; будущее действие в прошлом с оттенком долженствования; нереальное действие в прошлом при употреблении в предложении, придаточной частью которого является условное наклонение.

В языке турецких СМИ будущее-прошедшее время на *-AcAktI* используется для обозначения действий, которые должны были произойти в прошлом, но не были осуществлены по каким-либо причинам (пример 12), а также во времени на *-AcAktI* употребляется сказуемое главного предложения, придаточной частью которого является предложение со сказуемым в условном наклонении (пример 13).

- (12) 24–27 Şubat arasında İspanya'nın Barselona şehrinde düzenlenmesi planlanan fuar, 33 yıllık tarihinde ilk kez iptal edildi. <...> Katılımcıların 6 bini Çin'den **gelecekti**. Fuar pek çok yeni teknoloji ve icatın tanıtımına **sahne olacaktı**.

‘Ярмарка, которая должна была состояться в испанском городе Барселона 24–27 февраля, была отменена впервые за 33 года. <...> Из Китая **собиралось приехать** 6 тысяч участников. Ярмарка **должна была стать сценой** для демонстрации большого количества новых технологий и изобретений.’

- (13) Biz bunlara **cevap vermeseydik**, bu tehdit **yoğunlaşarak devam edecekti**. (прямая речь)

‘Если бы мы не ответили на это, угроза **продолжила бы расти**.’

Неопределенный имперфект на *-()rdI*

Неопределенный имперфект на *-()rdI* обозначает действие, регулярно происходившее в прошлом в силу сложившегося порядка или привычки; возможное, предположительное действие, близкое по смыслу русскому сослагательному наклонению; не-реальное действие в прошлом при употреблении в предложении, придаточной частью которого является условное наклонение.

В языке СМИ неопределенный имперфект на *-()rdI* используется в предложениях, повествующих о привычном положении дел в прошлом, о регулярно совершавшихся действиях (пример 14). Как правило, в предложении присутствуют обстоятельства времени типа «раньше», «... лет назад» и т.п. Необходимо отметить, что в этом значении время на *-()rdI* встречается только в прямой речи и в материалах, описывающих какие-либо исторические события.

(14) *5 yıl önce Rap diyince akıllara 3–5 isim gelirdi, şimdiki durumu görüyorsunuz.* (прямая речь)

‘5 лет назад при слове «рэп» в голову приходило 3–5 имен, но вы видите сегодняшнюю ситуацию.’

Также в языке СМИ время на *-()rdI* употребляется в предложениях с условным наклонением в придаточной части (пример 15).

(15) *Atatürk yaşasaydı Suriye’de ne yapardı?* (прямая речь)

‘Если бы Ататюрк был жив, что бы он сделал в Сирии?’

Как мы видим, в предложениях, сказуемое придаточной части которых выражено глаголом в форме условного наклонения, в главной части может использоваться как время на *-AcAktI*, так и время на *-()rdI*. Чтобы выявить наиболее употребительное время в такого рода предложениях, мы дополнительно проанализировали 100 предложений, сказуемое придаточной части которых было выражено формой условного наклонения. Результат анализа показал, что время на *-AcAktI* встречается в 28 предложениях из 100, а время на *-()rdI* – в 72 предложениях, что определяется нюансами речевой ситуации.

Прошедшее длительное время на -mAktAydI

Прошедшее длительное время на *-mAktAydI* обозначает действие, длившееся в течение некоторого времени и продолжавшееся в прошлом. Как отмечает Ю.В. Щека, время на *-mAktAydI* является типичным для газетного стиля [Щека 2007: 224].

В языке СМИ прошедшее длительное время на *-mAktAydI* используется в предложениях, действие которых происходило в течение некоторого времени до определенного момента в прошлом, после которого действие прекратилось (пример 16).

- (16) *Türkiye Cumhurbaşkanlığı Yatırım Ofisi Başkanlığı görevine N atandı. Ofis bünyesinde 2010 yılından bu yana görev alan N, son olarak Başkan Yardımcısı olarak görev yapmaktaydı.*

‘Главой инвестиционного ведомства Президента Турции **был назначен** N. N работал в структуре ведомства с 2010 года и в последнее время **занимал должность** заместителя главы ведомства.’

Конструкция на -mAk üzereydi

Конструкция на *-mAk üzereydi* обозначает действие, которое должно было произойти в ближайшем будущем относительно определенного момента в прошлом (пример 17).

- (17) *Kimse gelmeyince <...> uçağa geri döndük. Bu sırada TC-RZA kuyruk numaralı uçak hareket etmek üzereydi.* (прямая речь)

‘Так как никто не приехал <...>, мы вернулись к самолету. В этот момент самолет с номером TC-RZA **должен был вот-вот взлететь.**’

Прошедшее субъективное время на -mIş

Прошедшее субъективное время на *-mIş* обозначает действие, произошедшее в прошлом, свидетелем которого говорящий не был и передает его с чужих слов; перфектность; действие, вызвавшее у говорящего эмоциональную реакцию: удивление, досаду, возмущение и т.п.

В языке СМИ прошедшее субъективное время на *-mIş* употребляется в тех случаях, когда результат действия является неожиданным для говорящего и/или вызывает у него эмоциональ-

ную реакцию (пример 18). Необходимо отметить, что в новостных материалах время на *-mİŝ* встречается только в заголовках или в прямой речи.

(18) *Philips ABD'ye Türkiye'yi dinlemek için yardım etmiş* (заголовок)

‘Оказывается, компания Philips помогала США вести прослушивание в Турции’

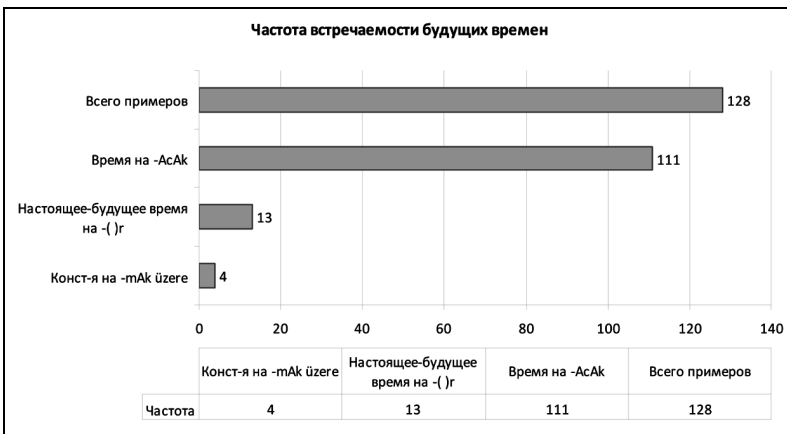
В данном примере прошедшее субъективное время на *-mİŝ* служит указанием на то, что информация об оказании помощи США со стороны компании Philips стала неожиданностью для журналиста.

В редких случаях время на *-mİŝ* используется для передачи перфектности (пример 19): как правило, в новостных материалах для передачи этого значения употребляется давнопрошедшее время на *-mİŝtİ* (пример 8).

(19) *Hali hazırda İdlib'de 1,5 milyon insan evlerini terk etmiş ve sınırlarımızda bekliyor.* (прямая речь)

‘К настоящему моменту в Идлибе 1,5 миллиона человек уже покинули свои дома и ожидают на нашей границе.’

План будущего

Как видно из приведенной таблицы, наиболее употребительным для выражения плана будущего является будущее категорическое время на *-AcAk*, остальные времена используются в единичных случаях.

Обратимся к значениям, передаваемым этими временами.

Будущее категорическое время на *-AcAk*

Будущее категорическое время на *-AcAk* обозначает будущее действие как достоверно предстоящее; будущее действие с оттенком долженствования или приказания.

В языке СМИ будущее категорическое время на *-AcAk* употребляется для обозначения достоверно предстоящих действий (пример 20).

(20) *Türkiye Cumhuriyet Merkez Bankası (TCMB) Para Politikası Kurulu (PPK), yılın ikinci faiz toplantısını bugün yapacak.*

‘Совет по кредитно-денежной политике Центрального банка Турецкой Республики сегодня **проведет** второе за этот год совещание по изменению процентной ставки.’

В предложениях с прямой речью время на *-AcAk* может передавать личную уверенность говорящего в том, что действие или событие обязательно произойдет (пример 21). Отметим, что во всех рассматриваемых примерах, передающих такое значение, время на *-AcAk* сочетается с утвердительной модальностью на *-Dir*.

(21) *Biz bu hattı tutmazsak yarın İdlib'in tamamı gidecektir.* (прямая речь)

‘Если мы не удержим эту линию, завтра весь Идлиб **уйдет** (в руки врагов – прим. авторов).’

Настоящее-будущее время на *-()*r

Настоящее-будущее время на *-()*r при описании действий в будущем обозначает возможное или предположительное действие в будущем; употребляется в просьбах, предложениях, обещаниях.

В языке СМИ настоящее-будущее время на *-(/)r* обозначает возможное или предположительное действие в будущем и используется для выражения плана будущего только в прямой речи (пример 22).

(22) *Bu hafta içerisinde bir karara **varırız** diye düşünüyorum.* (прямая речь)

‘Я думаю, что в течение этой недели мы примем решение.’

Часто время на *-(/)r* содержит в себе сему «потенциальности, возможности осуществления действия применительно к плану будущего» [Оганова] (пример 23).

(23) *ABD F-35'leri vermezse ihtiyaçlarımızı başka kaynaklardan **gideririz**.* (прямая речь)

‘Если США не продадут нам истребители F-35, мы **удовлетворим** // мы **сможем удовлетворить** наши потребности за счет других источников.’

Конструкция на *-mAk üzere*

Конструкция на *-mAk üzere* обозначает действие, которое совершится в ближайшем будущем (пример 24).

В языке СМИ время на *-mAk üzere* употребляется в прямой речи и преимущественно в новостных материалах, посвященных культурной жизни.

(24) *Şimdi karşımıza yeni bir sorun **çıkmaк üzere**.* (прямая речь)

‘**Скоро** перед нами **появится** новая проблема.’

Таким образом, проведенный нами статистический анализ встречаемости времен в турецких новостных материалах показал, что в языке турецких СМИ наиболее употребляемым временем для выражения плана настоящего является настоящее время на *-(I)yor*, плана прошлого – прошедшее категорическое время на *-DI*, плана будущего – будущее категорическое время на *-AcAk*.

Также следует выделить важную тенденцию: частотность встречаемости времен в новостном сообщении напрямую зависит от типа предложения: авторская речь или прямая речь (по-

следняя представляет собой комментарий, оценку и пр.). Так, настоящее время на *-(I)yor*, настоящее длительное время на *-mAktA*, прошлое категорическое время на *-DI*, давнопрошедшее время на *-mİştI*, прошедшее время на *-mİştIr*, будущее-прошедшее на *-AcAktI*, прошедшее длительное время на *-mAktAydI*, конструкция на *-mAk üzereydi*, будущее категорическое время на *-AcAk*, конструкция на *-mAk üzere* встречаются как в авторской, так и в прямой речи.

Настоящее-будущее время на *-()r*, неопределенный имперфект на *-()rdI* и прошедшее субъективное время на *-mİş* встречаются преимущественно в прямой речи и практически не встречаются в авторской речи. Соответственно, можно сделать вывод, что эти времена характерны для разговорной речи, в публицистическом стиле речи они встречаются только в том случае, если прямая речь инкорпорируется в тело новостного сообщения.

Также нам удалось установить, что в языке СМИ времена реализуют следующие значения.

Настоящее время на -(I)yor употребляется для обозначения действия, происходящего в момент речи и для действия, длившегося в течение некоторого времени и продолжающегося в настоящем.

Настоящее-будущее время на -()r при описании действий в настоящем обозначает действие, происходящее в силу сложившегося порядка и превратившееся в свойство, типичное положение дел, привычку, а также потенциальную возможность, вероятность совершения какого-либо действия.

Настоящее длительное время на -mAktA обозначает действие, длившееся в течение некоторого времени и продолжающееся в настоящем; в большинстве случаев употребляется в сочетании с аффиксом утвердительной модальности на *-DIr*.

Прошедшее категорическое время на -DI обозначает действие, произошедшее в прошлом и передаваемое как факт без дополнительных смысловых и оценочных нюансов.

Давнопрошедшее время на -mİştI используется для обозначения действия, предшествовавшего другому действию в прошлом, и для выражения перфектности; часто используется для оформления справки в новостной статье.

Прошедшее время на -mlŝtIr используется для констатации факта, но в крайне редких случаях.

Определенный имперфект на -(I)yordu обозначает действие, происходившее в определенный момент в прошлом.

Будущее-прошедшее время на -AcAktI используется для обозначения действий, которые должны были произойти в прошлом, но не были осуществлены по каким-либо причинам, а также во времени на -AcAktI употребляется сказуемое главного предложения, придаточной частью которого является предложение со сказуемым в условном наклонении.

Неопределенный имперфект на -()rdI используется в предложениях, повествующих о привычном положении дел в прошлом, о регулярно совершавшихся действиях и в предложениях с условным наклонением в придаточной части, однако в данной функции встречается почти в три раза чаще, чем время на -AcAktI.

Прошедшее длительное время на -mAktAydl используется в предложениях, действие которых происходило в течение некоторого времени до определенного момента в прошлом, после которого действие прекратилось.

Конструкция на -mAk üzereydi обозначает действие, которое должно было произойти в ближайшем будущем относительно определенного момента в прошлом.

Прошедшее субъективное время на -mlŝ употребляется в тех случаях, когда результат действия является неожиданным для говорящего и/или вызывает у него эмоциональную реакцию, в редких случаях используется для передачи перфектности.

Будущее категорическое время на -AcAk употребляется для обозначения достоверно предстоящих действий, а в предложениях с прямой речью используется для передачи личной уверенности говорящего в том, что какое-либо действие или событие обязательно произойдет (в таких случаях время на -AcAk сочетается с утвердительной модальностью на -DIr).

Настоящее-будущее время на -()r при описании действий в будущем используется только в прямой речи и часто содержит в себе сему потенциальности, возможности осуществления действия применительно к плану будущего.

Конструкция на -mAk üzere обозначает действие, которое совершится в ближайшем будущем.

Также можно сделать вывод о том, что темпоральная организация новостных материалов в современных турецких СМИ по сравнению с 70–80 гг. XX в. изменилась. Так, если в новостных материалах конца прошлого века для выражения плана настоящего преимущественно употреблялось настоящее время на *-mAkA*, а плана прошлого – время на *-mİŝtir*, то в современном языке СМИ план настоящего преимущественно выражается временем на *-(D)yor*, а план прошлого – временем на *-DI*. При этом как в материалах 70–80 гг. XX в., так и в современных материалах план будущего выражается временем на *-AcAk*.

Литература

- Грунина 1981 – Грунина Э.А. Учебное пособие по переводу для III–IV курсов. М., 1981. [рукопись].
- Оганова – Оганова Е.А. Настоящее-будущее время на -Ar как лингводидактическая проблема [рукопись].
- Щека 2007 – Щека Ю.В. Практическая грамматика турецкого языка. М.: АСТ: Восток-Запад, 2007.

Аннотация

В статье рассматриваются материалы современных турецких СМИ различной политико-идеологической ориентации и на основе их анализа делаются выводы относительно частотности употребления времен в новостных сообщениях и нюансов передаваемых ими значений.

Ключевые слова

турецкий язык, время, темпоральность, язык СМИ, новостные материалы, новостные сообщения

Сведения об авторе

Алексеева Ольга Андреевна – аспирант кафедры тюркской филологии ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова; e-mail: worksign@yandex.ru

Olga Alekseeva

**Temporal Organization of News Materials
in Modern Turkish Media**

Summary

The article deals with the materials of modern Turkish media of various political and ideological orientation and draws conclusions regarding frequency of tenses in news materials and nuances of their meanings.

Key words

Turkish, tense, temporal organization, temporality, media language, news materials, new reports

Information about the author

Olga Alekseeva – Postgraduate Student of Department of Turkic Philology, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University; e-mail: worksign@yandex.ru

ОЛЕНЕВОДЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА В ЯЗЫКЕ ТУНДРЕННЫХ ЮКАГИРОВ РЕСПУБЛИКИ САХА (ЯКУТИЯ)

Юкагиры, сохранившие родной язык, проживают только в Республике Саха (Якутия) и являются последними представителями исчезнувшей семьи юкагирских народов. В настоящее время имеется два юкагирских народа, проживающих в Нижнеколымском и Верхнеколымском улусах Республики Саха (Якутия).

Оленеводство является основой экономики и уклада жизни, исконным занятием коренных жителей Севера, Сибири и Дальнего Востока. С оленеводством связаны культурные традиции этих народов, их образ жизни и хозяйственная деятельность. В Олеринской тундре оленеводство обеспечивает все жизненные потребности человека, определяет его образ жизни и основные элементы культуры – типы поселений, особенности жилища, одежды, утвари, продуктов питания, транспорта, общественных отношений, духовной культуры.

Актуальность работы. Представленная тема не становилась предметом специального исследования. В статье выявлены особенности формирования и пополнения терминологического фонда юкагирского языка на примере наименований оленей в зависимости от их внешних признаков, возраста и масти, а также названий нарт разного назначения и их частей. **Целью данной работы** является исследование оленеводческой лексики в современном юкагирском языке. Изучение данного вида хозяйственной лексики представляет большой интерес не только для лингвистов, но и для историков, этнографов, а также для практического использования оленеводами-юкагирами. Поставленная цель подразумевает решение следующих задач:

- 1) провести анализ и сравнить материалы научных трудов исследователей юкагирского языка;
- 2) выявить оленеводческую терминологию, зафиксированную в словарях;
- 3) рассмотреть оленеводческую терминологию юкагиров Нижней Колымы.

Объектом исследования является оленеводческая терминология юкагиров Нижней Колымы Республики Саха (Якутия). Далее термин «олeneводство» будет пониматься как оленеводство юкагиров Нижней Колымы. **Теоретической базой работы** стали труды Е.А. Крейновича, Г.Н. Курилова и других исследователей юкагирского языка.

Научная новизна. В работе проанализирована оленеводческая терминология юкагирского языка и осуществлено распределение слов по лексико-семантическим группам.

В юкагирском языке имеется значительный пласт лексики, характеризующей масти оленей, их внешние признаки и возраст, например: *ньаавэй* ‘белый’; *йарахадьаа* (сущ.) ‘олень серой масти с беловатой шерстью по бокам’, *йобун подьарха* (сущ.) ‘олень с пестрым носом’, *ирангал* (сущ.) ‘олень светло-коричневой масти’, *ньамучаа* (сущ.) ‘олень красноватой масти’, *сингааньяавийаа* (сущ.) ‘олень с белым пятном, охватывающим часть брюха и задние ноги’, *сисиньяавийаа* (сущ.) ‘олень с белой шерстью на груди’.

В юкагирском языке нами зафиксированы следующие половозрастные наименования оленей, соответствующие их хозяйственному использованию: *ньархайэвлидьэ* (сущ.) ‘новорожденный олененок’, *ондьэ ньархайэвлидьэ* ‘только что появившийся на свет олененок’, *монхомонгодьаа* (эвф.) ‘годовалый дикий олень, у которого появились панты’, *паадьэчурба* (сущ.) ‘двухгодовалая самка оленя’, *хундизтэгэ* ‘ездовой олень-самец шести лет’. Для обозначения пола и возраста используются исконные юкагирские названия, за исключением двух: *шитэнэл* ‘трехгодовалый олень-самец’ и *шитээнкээн* ‘трехгодовалый дикий олень’. Последние являются заимствованиями из языка эвенов, в тесном контакте с которыми проживали нижнеколымские юкагиры. Нами проанализированы фольклорные и научные материалы, где не было обнаружено исконно юкагирских названий трехгодовалых оленей.

Любая лексика, в том числе и оленеводческая, отражает знания носителей языка не только о материальной, но и духовной культуре. У юкагиров с оленем связаны все верования и представления об окружающем мире, бытовые традиции, обычаи и обряды.

Юкагиры обычно давали оленям клички в зависимости от их масти или особенностей их жизни, но, как правило, такие наименования были очень однообразны. Приведём следующие примеры: *Йарахадъаа* – кличка оленя светло-серой масти с беловатым оттенком; *Йэнгурчиз* ‘Пестряк (олень пестрой масти)’; *Ньойирдъаа* – непереводаемая кличка оленя.

Рассмотрим термины, именующие названия частей тела оленя в юкагирском языке: *аавандъэ* ‘короткошерстная шкура оленя темно-коричневой масти’; *ваґадъумул* ‘отросток рога с разветвлениями на конце, растущий от основного ствола вперед’; *йэвлидъэрава* ‘пыжик (шкура олененка)’; *куодъикиль* ‘маленькие копытца (расположенные с задней стороны ног оленей)’; *лайаґарэ* ‘задняя часть (туши)’; *лайадугурчэ* ‘задние ноги’; *лалимэн ньободаґиль* ‘выделанная шкура годовалого олененка, используемая как коврик для сиденья на нартах’; *либэркэ* ‘отростки, разветвления на конце оленьих рогов’; *лырэсава* ‘брюшная часть шкуры’; *мумуль* ‘панты; летние рога (оленя)’; *нунныйэ* ‘толстая часть шкуры’; *савадараавйэ* ‘облезлая часть шкуры’; *суойаальэлдъэравэ* ‘прокопчёная шкура’; *ньамин пугучэ* ‘подшейная шерсть’; *тэнмэн пугучэ* ‘подшейная длинная шерсть (оленя)’; *пугучэ* ‘шерсть’. Нужно отметить, что все термины являются производными от существительных или глаголов.

Названия юкагирского транспорта и нарт. Юкагиры преодолевали огромные расстояния на оленьих или собачьих упряжках. Олений транспорт был максимально приспособлен к северным условиям и на протяжении веков оставался главным способом передвижения. Он никогда не ломался, и его пассажиры не подвергались риску застрять в дороге. В связи с тем, что одним из основных видов повозок, в которые запрягались олени, были нарты, в языке сохраняется много названий их разновидностей и отдельных частей. Приведем некоторые примеры таких лексических единиц: *анундаал* ‘поперечная перекладина в передней части нарт’; *архаа аньибэ* ‘крытые нарты, следующие в аргише

непосредственно за нартами каюра’; *архаа лалимэ* ‘нарты, следующие в аргише за передними’; *йааттиэ* ‘легкие чукотские мужские нарты из березовых пластин’; *ивин лалимэ* ‘нарты для перевозки жердей яранги’; *илкэ* ‘поперечная перекладина в передней части нарт’; *инингээ* ‘нарты для перевозки вещей, жердей яранги’; *киайаалэл тууйэ* ‘покрытые замшевым чехлом нарты для перевозки особо ценных вещей’; *киайаалэланьибэ* ‘покрытые замшевым чехлом нарты для женских вещей’; *кэтнишлалимэ* ‘нарты для перевозки домашней утвари’; *лалимэн йуо* ‘передняя часть нарт’; *лалимэнлайаҕанэ* ‘задняя (хвостовая) часть нарт’; *лэгундавурлалимэ* ‘нарты для перевозки сум с продуктами’; *мамнандьэдоной* ‘сума для нарт (раскладывается во всю длину нарт, имеет сверху отверстие, которое затягивается ремнем)’; *нимэн лалимэ* ‘нарты для перевозки покрывала яранги’; *параа* ‘груз на нартах, которые с трудом тащат два оленя’; *нэтчэлалимэ* ‘ездовые нарты’; *тууйэ лалимэ* ‘нарты для перевозки ценных вещей’; *угиль* ‘передняя часть детских крытых нарт (обычно представляет собой олений рог, отколотый вместе с черепной костью)’.

В заключение отметим, что оленеводческая лексика юкагирского языка составляет обширный и самобытный пласт, в котором можно выделить такие тематические группы, как масть, внешний вид, половозрастные названия, клички, части тела, условия содержания оленей, а также названия одежды, продуктов питания, предметов культуры и др. Оленеводческая лексика юкагиров является богатейшим источником пополнения словарного запаса языка тундрных юкагиров.

Литература

Атласова 2008 – Атласова Э.С. Юкагирско-русский, русско-юкагирский словарь для 5–9 кл. СПб., 2008.

Курилов 2001 – Курилов Г.Н. Юкагирско-русский словарь. Новосибирск, 2001.

Аннотация

Статья посвящена оленеводческой лексике юкагиров Нижней Колымы Республики Саха (Якутия). В статье приводятся примеры оленеводческой терминологии: наименования оленей в соответствии с полом и возрастом;

ключки оленей в зависимости от масти; названия частей тела оленей; наименования видов нарт и их частей.

Ключевые слова

юкагиры, оленеводческая лексика, названия мастей оленя, названия транспорта юкагиров, части тела оленя

Сведения об авторе

Атласова Элида Спиридоновна – кандидат филологических наук; доцент СВФУ имени М.К. Аммосова; e-mail: atlas_elli@rambler.ru

Elida Atlasova

Reindeer Herding Vocabulary in the Language of Tundra Yukagirs of Sakha (Yakutia)

Summary

The article is devoted to the reindeer herding vocabulary of the Yukagirs of the Lower Kolyma of Sakha (Yakutia). The article provides examples of reindeer herding terminology of the Yukagirs: names of deer according to gender and age; names of deer depending on the suit colors; names of deer body parts; names of types of sleds and their parts.

Key words

Yukagirs, reindeer herding vocabulary, name of the deer's suits, name of the Yukaghir transport, parts of the deer's body

Information about the author

Atlasova Elida Spiridonovna – PhD in Philology, Associate Professor of North-Eastern Federal University in Yakutsk; e-mail: atlas_elli@rambler.ru

К.Н. Бурнакова, Т.Н. Боргоякова

ГЛАГОЛЬНЫЕ АНАЛИТИЧЕСКИЕ ОБРАЗОВАНИЯ И ИХ РОЛЬ В ФОРМИРОВАНИИ ВИДОВРЕМЕННОЙ СИСТЕМЫ В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ ЮЖНОЙ СИБИРИ¹

В течение нескольких последних десятилетий в публикациях по грамматике тюркских языков значительное место занимают глагольные аналитические конструкции, представляющие собой сочетание деепричастий или причастий с вспомогательными глаголами. В исследовании системы глагольных категорий в центре внимания оказываются конструкции с бытийными глаголами и некоторыми другими вспомогательными глаголами, используемыми для выражения аспектуального значения – недлительности действия. Глагольные аналитические конструкции, выражающие аспектуальные значения, способы глагольного действия и модальное значение, получили довольно полное описание на материале отдельных тюркских языков Южной Сибири. Накопленная в публикациях информация позволяет сделать заключение, что основной фонд указанных конструкций учтен и представлен почти во всех языках. Имеются специальные системные описания структурно-семантических и функциональных характеристик данных конструкций на материале тувинского, алтайского и шорского языков [Курпешко 1991, Тазранова 2005, Озонова 2006, Шамина 2010]. При общем сходстве исходных составляющих, участвующих в образовании глагольных аналитических

¹ Работа выполнена в рамках проекта 18.16 «Разработка концептуальных основ двуязычной общеобразовательной деятельности на языках из числа языков народов России», осуществляемого в рамках государственного задания РАНХиГС при Президенте РФ.

образований, и их функциональной общности в каждом языке проявляются свои особенности при грамматикализации, ведущей к образованию аналитических, аналитико-синтетических и синтетических форм.

Система видовременных форм сибирских тюркских языков основана главным образом на сочетании соединительного деепричастия на *-n* с бытийными глаголами в служебной функции. Хакасский язык отличается большим разнообразием этих форм [Боргоякова 2002, 2019]. В структурном отношении имеются синтетические формы, прошедшие длительный период грамматикализации и утратившие семантическую прозрачность своего происхождения, и, наоборот, формы, остающиеся семантически очевидными несмотря на завершение процесса синтетизации. Для полного представления системы временных форм в статье будут рассмотрены не только аналитические образования деепричастного типа, но и те, которые не обладают четко выраженной ясностью своего происхождения, а также форма, происхождение которой в языках Сибири можно считать спорной.

В современном хакасском языке настоящее время представляют четыре синтетические и три аналитические формы с бытийными глаголами: настоящее время на *-ча*, настоящее время на *-чадыр*, настоящее обычное на *-адыр*, настоящее время на *-ир* и настоящее время на *-п одыр-*, *-п тур-*, *-п чөр-*.

Форма *-адыр/-едір*

Эта форма представлена во всех южносибирских тюркских языках. Ее принято считать сочетанием слитного деепричастия на *-а* с формой на *-дыр*, но при определении ее значения наблюдаются расхождения во мнениях [Исхаков 1961: 383; Монгуш 1958]. Значение и употребление данной формы подробно раскрыты в работе Б.Ч. Ооржак, но при этом констатируется, что «трудность в терминологии и определении значения данной формы, установлении ее грамматического статуса требует тщательного изучения данной формы со стороны семантики и функционирования в речи и в тексте» [Ооржак 2014: 88, 114]. В тофском, алтайском и хакасском языках эта форма рассматривается

как сочетание деепричастия на *-а* с аффиксом *-дыр* (< *тур-* ‘стоять’) [Грамматика 1975: 204; Рассадин 1978: 201; Тазранова 2005: 27].

При такой трактовке компонентов анализируемой формы сложно понять, каким образом появляется значение широкого настоящего, не ограниченного моментом речи. Все эти вопросы обусловили поиск формы, которая раскрыла бы данную семантику. В этой связи рассмотрим хакасскую форму на *-адыр*. Интересующий нас смысл становится возможным, если в первом компоненте этого сложного аффикса уже заложено базовое значение широкого настоящего, какой является древняя форма настоящего времени на *-ар*. Компонент *-дыр* является общеизвестной в тюркских языках утвердительной частицей [Исхаков 1961: 432; Дмитриев 2005: 126]. Форма настоящего времени на *-адыр* получилась в результате стяжения вследствие того, что выпал звук *p* (*-ар-дыр* < *-адыр*), и представляет собой характерное явление для многих сибирских тюркских языков. Форма имеет два фонетических варианта: *-адыр/-едір*. Н.Н. Широбокова считает, что в сибирских языках «выпадение *p* совершенно закономерно происходит в интервокальной позиции», и далее она отмечает выпадение *p* у формы на *-ар* в бельтирском говоре сагайского диалекта хакасского языка [Широбокова 2005: 209].

Рассмотрим форму настоящего времени на *-адыр/-едір*, имеющую отрицательную форму *-а чогыл/-ар чогыл*, например:

Мин пу чирні тан-ир чогыл-бын, піл-е чогыл-бын, чыл даа ирткенін піл-е чогыл-бын [ХП 98]. ‘Я не узнаю эту землю, даже не знаю, как год проходит’.

В этом предложении использованы оба варианта отрицания: в первой части полная форма отрицания – *тан-ир чогыл-бын*; во второй части звук *p* выпал – *піл-е чогыл-бын*. Отрицание *чогыл* ‘нет, не имеется’ представляет собой именное отрицание. Приведем предложения, относящиеся к одной временной ситуации.

Пістің чирде кізі кирибинче, кирир тус читсе, тіс тўс парын, аның орнына наа тіс өз-едір. Ипчі кізілер паланы пір-ікіден артық таб-а чогыл-лар [ХП 99]. ‘На нашей земле человек не

стареет; когда приходит время стареть, зуб выпадает, и вместо него **вырастает** новый зуб. Женщины **не рожают** больше одного-двух детей’.

В этом примере два предложения представляют одну пару действий (положительное + отрицательное), объединенную единой ситуацией и единым временным планом. Именно поэтому временная форма не относит действие ни к прошлому, ни к будущему, и нельзя утверждать, что оно локализовано только в настоящем. Чрезвычайно важно отметить также, что в плане широкого настоящего ею акцентируется: существующий порядок вещей, правило, закономерность или повторяемость действия, которое характеризуется как постоянное, независимое от течения времени.

Согласно мнению Э.А. Груниной, памятники древнетюркской письменности отразили такое состояние индикатива, в котором настоящее-будущее (НБ) на $-(^l)r$ «выступало со значениями настоящего актуального, настоящего общего (в том числе и со значениями действия, не локализованного во времени) и будущего (потенциального и будущего намерения)» [Грунина 1976: 94]. Хакасские примеры подтверждают положения, высказанные Э.А. Груниной, исходя из материалов памятников древнетюркской письменности. В хакасском языке существует также форма на $-ap/-ep$, являющаяся главным средством выражения будущего времени: $par-ap$ ‘пойдёт’. Кроме того, на базе будущего времени и частицы $-чых$ образуется сослагательное наклонение $-арчых$: $par-ap-чых$ ‘пошел бы’. В таком окружении форма настоящего времени могла сохраниться только с утвердительной частицей $-дыр$: $par-ap-дыр$ ‘ходит’ (обычно, всегда, постоянно).

Форма настоящего времени на **-ча**

Она широко распространена в современном хакасском языке и является основным средством выражения настоящего времени. Эта временная форма происходит из сочетания соединительного деепричастия на $-n$ и вспомогательного глагола $чат-$ ‘лежать’ и имеет несколько фонетических вариантов: $-ча/-че$, $-пча/-пче$. Данная форма интересна тем, что она представляет собой глагольную аналитическую конструкцию, которая достигла макси-

мальной абстракции своего исходного значения и перешла в разряд аффиксов.

По своей семантике указанная форма является неопределенной, занимает ведущее положение в поле настоящего времени, имеет неограниченную сочетаемость, при этом любое дополнительное значение должно сопровождаться специальным средством: синтетическим, аналитическим, отдельным обстоятельством или другими средствами.

Следующая форма настоящего времени – это настоящее на *-чадыр/-чедір/-пчадыр/-пчедір*. Данная форма является производной от предыдущей, частица *-дыр* вносит модальное значение утвердительности, но, несмотря на это, они тесно взаимосвязаны и выступают в качестве близких синонимов, например: 1) *пар-ча* ‘идет’ и 2) *пар-ча-дыр* ‘идет’. Первый пример является констатацией факта, а второй – описанием действия. При сохранении базового значения обеими формами, форма с частицей вносит в утверждение субъективную оценку говорящего, локализуя действие в реальном времени. Высказывание приобретает описательный характер с оттенком уверенного утверждения. Эта разница оказалась незначительной для носителей языка и в современном хакасском языке форма на *-ча* практически вытеснила *-чадыр* из употребления. В настоящее время *-чадыр* сохраняется в фольклорных текстах, иногда встречается в художественных произведениях раннего периода, почти не используется современными авторами и в разговорной речи носителей языка.

Настоящее время на *-ир*

Эта форма не обнаружена нами в других тюркских языках Сибири, в грамматике хакасского языка нет комментариев, дающих информацию о ее происхождении, но имеется краткая характеристика, раскрывающая ее состояние и статус в современном литературном языке. Из этого следует, что форма сочетается только с двумя глаголами – *пар-* ‘уходить’ и *кил-* ‘приходить’ – и «выражает очевидное действие, совершаемое в данный момент» [Грамматика 1975: 206]. Данная синтетическая форма тре-

бует специального исследования, поскольку ее семантика и функции дают основание предположить, что она обладает свойствами аналитической конструкции. Несмотря на кажущуюся простоту, форма имеет сложную семантическую структуру, состоящую из значения времени и аспектуальной семантики длительности, а способность осложнять другие аффиксы подтверждает наличие функций, выходящих за пределы временных. Например: *кем-де кил-ур* 'кто-то идёт' (конечное сказуемое), *пеер кил-и-ген кизи* 'человек, который идет сюда' (определение, выраженное причастием настоящего времени), *пар-ур-ып* 'идя туда' (деепричастный оборот). Эта форма способна сочетаться с другими формами глагола в качестве компонента, изменяющего аспектуальную характеристику исходной формы.

Формант *-и/-ур* в хакасских текстах разного жанра, а также в устной разговорной речи встречается не только в системе временных форм. Он вступает в сочетание с соединительным деепричастием на *-ып* (*пар-ур-ып*), с формой условного наклонения на *-са* (*пар-и-за*), а в результате его сочетания с причастием прошедшего времени на *-ган* образуется причастие настоящего времени на *-иган*. Во всех этих сложных образованиях базовые значения исходных форм подвергаются существенным модификациям благодаря элементу *-и*, имеющему значение длительности, процессуальности.

Формы настоящего времени *-п одыр-*, *-п тур-*, *-п чыр-*

Эти аналитические форманты являются средствами выражения настоящего времени в хакасском языке и выражают «действие, находящееся в данный момент в развитии» [Грамматика 1975: 207]. Вышеуказанные аналитические образования представлены во всех тюркских языках. Они могут использоваться самостоятельно, без показателей настоящего времени, например: *чоохтан тур* 'говорит'; *килпн одыр* 'идёт (сюда)'. В этом случае данные формы выступают как синкретичные, которые сочетают в себе разные специфические черты настоящего длительного действия или события. Характер длительности зависит от специфики самого вспомогательного глагола, а точнее, от специфики совокупности вспомогательного и знаменательного глаголов.

В этой функции они не оформляются другими временными формами и не имеют нулевого показателя настоящего времени на *-ча*. Выступая в качестве самостоятельных видовременных форм, они образуют один синонимический ряд с формой настоящего времени на *-ча*, противостоят ей как маркированные формы немаркированной, то есть доминанте. Каждый из них занимает строго определенное место в поле настоящего времени в соответствии с заложенным в них потенциалом, позволяющим сочетаться со знаменательными глаголами. Самым низким потенциалом обладает вспомогательный глагол *чөр* – ‘идти’, а образуемые им сочетания требуют серьезного комплексного анализа.

Результаты исследования показывают, что эти же бытийные глаголы образуют глагольные аналитические конструкции с аспектуальной семантикой. В высказывании они занимают фиксированное место перед показателем времени, в том числе перед формой настоящего времени на *-ча*. В качестве средства выражения аспектуальной семантики длительности выступает и показатель *-чат/-пчат*, который не следует смешивать с формой на *-ча/-пча*: это не алломорфы, а разные аффиксы, грамматикализованные в разной степени и функционирующие в разных сферах. Аналогичные параллели можно провести с формой на *-ир*, которая способна входить в систему как временных, так и аспектуальных форм.

Литература

- Боргоякова 2002 – *Боргоякова Т.Н.* Способы выражения временных отношений между двумя событиями (на материале хакасского языка). М.: Изд-во РУДН, 2002.
- Боргоякова 2019 – *Боргоякова Т.Н.* Система временных форм глагола в тюркских языках Южной Сибири (на материале хакасского языка) // Материалы Всероссийского научного симпозиума с международным участием «Предложение как единица языка и речи», посвященного 95-летию со дня рождения М.И. Черемисиной. Новосибирск, 8–11 октября 2019 г. Новосибирск: Академиздат, 2019.
- Грамматика 1975 – *Грамматика хакасского языка*. М.: Наука, 1975.
- Грунина 1976 – *Грунина Э.А.* О форме настоящего-будущего на $-(^0)г$ в тюркских языках // Тюркологические исследования. М.: Наука, 1976. С. 94–111.

- Дмитриев 2007 – *Дмитриев Н.К.* Грамматика башкирского языка. – М.: Наука, Уфа: ГУП РБ «Уфимский полиграфкомбинат», 2007.
- Исхаков 1961 – *Исхаков Ф.Г., Пальмбах А.А.* Грамматика тувинского языка. Фонетика и морфология. М.: Изд-во Восточной литературы, 1961.
- Курпешко 1991 – *Курпешко Н.Н., Широбокова Н.Н.* Бивербальные конструкции с глаголами бытия *-п чат, -п одыр-, -п тур-, -п чор-* в шорском языке: Учебное пособие. Кемерово, 1991.
- Монгуш 1958 – *Монгуш Д.А.* Настоящее заглазное время в тувинском языке // УЗ ТНИИЯЛИ. Вып. 6. Кызыл, 1958. С. 111–114.
- Озонава 2006 – *Озонава А.А.* Модальные аналитические конструкции в алтайском языке. Новосибирск, 2006.
- Ооржак 2014 – *Ооржак Б.Ч.* Временная система тувинского языка. М.: Языки славянской культуры, 2014.
- Рассадин 1978 – *Рассадин В.И.* Морфология тофаларского языка в сравнительном освещении. М.: Наука, 1978.
- СИГТЯ 1988 – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Морфология / под ред. *Э.Р. Тенишева*. М.: Наука, 1988.
- Тазранова 2005 – *Тазранова А.Р.* Бивербальные конструкции со вспомогательными глаголами бытия в алтайском языке. Новосибирск: ИД «Сова», 2005.
- Тенишев 1976 – *Тенишев Э.Р.* Строй саларского языка. М.: Наука, 1976.
- ХП – Хара паар. Абакан, 1979.
- Шамина 2010 – *Шамина Л.А.* Аналитические грамматические формы и конструкции в функции сказуемого в тувинском языке. Новосибирск, 2010.
- Широбокова 2005 – *Широбокова Н.Н.* Отношение якутского языка к тюркским языкам Южной Сибири. Новосибирск: Наука, 2005.
- Щербак 1981 – *Щербак А.М.* Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков: глагол. Л.: Наука, 1981.

Аннотация

Статья посвящена актуальной теме – глагольным аналитическим образованиям, используемым для выражения временных, аспектуальных и иных значений в сибирских тюркских языках. Обладая общими сходствами в структурно-семантическом и функциональном плане, они проявляют свои специфические особенности при грамматикализации, способствующие образованию новых аналитических, аналитико-синтетических и синтетических форм. Представленный лингвистический материал проанализирован сравнительно-сопоставительным методом. Такой анализ позволил выявить уникальные специфические формы (*-ур/-и* и др.), которые способны в определенных сочетаниях выражать как временное значение, так и приобретать аспектуальную семантику. Судя по имеющимся материалам, проанализированные грамматические формы сохранили указанные свойства с древних времен.

Ключевые слова

видовременная система, глагольные аналитические образования, структура, семантика, функция, форма, формант

Сведения об авторах

Бурнакова Клара Николаевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры раннего изучения иностранных языков, Институт иностранных языков, Московский городской педагогический университет (ИИЯ ГАОУ ВО МГПУ); e-mail: klara_burnakova@mail.ru

Боргоякова Татьяна Николаевна – кандидат филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Научно-исследовательский центр национальных проблем образования, Федеральный институт развития образования РАНХиГС при Президенте РФ; e-mail: borgatyana@rambler.ru

Klara Burnakova, Tatyana Borgoyakova

Verbal Analytical Formations and Their Role in Creating Aspect-Tense System in Turkic Languages of Southern Siberia

Summary

The article is devoted to an urgent theme – verbal analytical formations used to express temporal, aspectual, and other meanings in the Siberian Turkic languages. Having common similarities in structural, semantic and functional fields, they show their specific features in grammaticalization, which contribute to the formation of new analytical, analytical-synthetic and synthetic forms. The linguistic material collected by the method of analytical comparison from Khakass fiction allowed us to identify specific forms (-*ir/-i*, etc.) that can be included both in the system of tense and aspectual forms. According to the available materials, the analyzed grammatical forms have preserved these properties since ancient times.

Key words

aspect-tense system, verbal analytical formations, structure, semantics, function, form, formant

Information about the authors

Klara N. Burnakova – PhD in Philology, Associate Professor, professor of Early Foreign Language Learning Department, Institute of Foreign Languages, Moscow City Pedagogical University (MCU); e-mail: klara_burnakova@mail.ru

Tatyana N. Borgoyakova – PhD in Philology, Associate Professor, Leading Researcher, Research Center for National Problems of Education, Federal Institute for Educational Development, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; e-mail: borgatyana@rambler.ru

**ПОСЛЕЛОЖНЫЕ ОБОРОТЫ ВРЕМЕНИ
С ФОРМАМИ НА *-DIğI-* И *-AcAğI-*:
ФУНКЦИОНАЛЬНО-СТИЛИСТИЧЕСКИЙ
И ДИАХРОНИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

В структуре турецкого предложения конструкции, образованные по модели «*-DIğI-//AcAğI-*+послелог», являющиеся репрезентантами функционально-семантической категории вторичной предикации и таким образом выполняющие роль предикативного центра развернутого зависимого оборота. *-DIğI-* и *-AcAğI-* представляют собой сочетание форм на *-DIK-* и *-AcAK-* с притяжательным аффиксом, который, по устоявшейся в отечественной тюркологии традиции, обозначается в виде аффикса 3-го лица единственного числа *-(s)I*. Поскольку в отечественной лингвистике нет терминологического единства по вопросу морфологического статуса этих грамматических форм¹, в настоящей статье мы будем именовать их «формы на *-DIğI-* и *-AcAğI-*».

Функциональные и семантические особенности исследуемых конструкций традиционно являются объектом описания как российских, так и зарубежных исследователей, однако анализ частотности вхождения рассматриваемых конструкций в турецкие тексты различной стилистической и хронологической принадлежности проводится впервые, что обуславливает актуальность данного исследования.

¹ Авторы наиболее авторитетных отечественных грамматик турецкого языка используют различные термины: так, А.Н. Кононов обозначает данные формы как отглагольные имена [Кононов 1941: 241], Ю.В. Щека – как герундии [Щека 2007: 394–395], В.Г. Гузев – как субстантивно-адъективные формы [Гузев 2014: 161–166].

Цель статьи – выявление функционально-стилистических и диахронических закономерностей употребления данных конструкций в турецком тексте.

Исследование проводилось на основе подборки художественных текстов (драма Н. Кемаля «Джеляледдин, шах Хорезма» /1885/, романы Х.З. Ушаклыгиля «Запретная любовь» /1900/, Р.Н. Гюнтекина «Королек – птичка певчая» /1922/, С. Али «Мадонна в меховом мантио» /1943/, О. Памука «Снег» /2002/, Э. Шафак «Блошиный дворец» /2002/), публицистических (журналы «Дамский вестник» /1895–1908/, «Проба пера» /1910–1912/, газеты «Джумхурийет» /1950/, «Терджуман» /1970–1980/, «Сабах» /2017–2020/, журнал «Капитал» /2019–2020/) и официально-деловых материалов (сборник документов «Произведения эпохи конституционализма» /1851–1912/, «Дело группировки “Дэв-Генч”» /1975/, «Уголовный кодекс Турецкой республики» /2019/), а также научных трудов (А. Джевдет Паша «Введение в грамматику османского языка» и «Грамматика османского языка» /1851/, А.С. Левенд «Этапы развития и очищения турецкого языка» /1960/, К. Имер «Реформа турецкого языка с точки зрения развития языка» /1974/, З. Коркмаз «Грамматика турецкого языка. Морфология» /2001/, Б. Качмаз «Орфография и правила чтения турецкого языка» /2007/) с применением корпусной методики: поиск коллокаций, оценка частотности словоупотребления, составление выборки текстов.

Основными критериями для подбора текстов послужили их хронологическая принадлежность (1850–1920 гг., 1921–1999 гг. и 2000–2020 гг.), социокультурная значимость, наличие в свободном доступе и размер (для художественных текстов – 55 000–250 000 слов, для публицистических текстов – 5000–50 000 слов, для официально-деловых текстов – 25 000–50 000 слов, для научных текстов – 40 000–250 000 слов). Из научных текстов были вручную удалены прямые цитаты других авторов в целях сохранения авторского текста в чистом виде.

Для отбора примеров употребления исследуемых конструкций из анализируемых текстов был применен метод сплошной выборки, на основании которой была вычислена частотность вхождения – величина, используемая в корпусной лингвистике.

Для выявления зависимости между частотностью вхождения конструкций и хронологической/стилистической принадлежностью текстов был применен дисперсионный анализ (ANOVA): метод математической статистики, разработанный Р. Фишером, позволяющий установить наличие или отсутствие зависимости экспериментальных данных и реализуемый на основе сравнения значений средних величин в нескольких независимых выборках. Проверка значимости основана на сравнении межгрупповой и внутригрупповой дисперсий (MS), вычисляемые при помощи сумм квадратов отклонений (SS). F-тест однофакторного дисперсионного анализа заключается в сравнении отношения между этими дисперсиями (F) и критического значения (F-критическое). Уровень значимости (P-значение) показывает вероятность принятия нулевой гипотезы H_0 , постулирующей отсутствие зависимости между исследуемыми данными: при P, не превышающем 0,05, вероятность принятия нулевой гипотезы мала, что обуславливает выбор в пользу альтернативной гипотезы H_1 .

Для проводимого исследования нулевая и альтернативная гипотезы формулируются следующим образом:

H_0 : частотность не зависит от времени написания текста.

H_1 : частотность зависит от времени написания текста.

Для передачи временной семантики в турецком языке используются конструкции *-DIđI//AcAđI zaman*, *-DIđI//AcAđI vakit*, *-DIđI//AcAđI sırada*, *-DIđI anda*, *-DIđI müddetçe*, *-DIđI sürece*, *-DIđIndAn beri*, представляющие собой сочетание определения, выраженного формами на *-DIđI* и *-AcAđI*, и определяемого, выраженного наречиями (*müddetçe*, *sürece*), существительными в форме основного (*zaman*, *vakit*) или местного падежа (*sırada*, *anda*) или послелогом (*beri*). При употреблении данных конструкций в предложении указанные существительные и наречия теряют свое основное значение и по функции сближаются с послелогом, по причине чего отечественные и зарубежные исследователи относят данные конструкции к послеложным.

В общем виде форма на *-DIđI-* выражает действие, предшествующее действию, обозначаемому сказуемым главного предложения, или протекающее одновременно с ним. Форма на *-AcAđI-*

выражает действие, следующее за действием сказуемого главного предложения, а также передает различные модальные оттенки.

Синонимичные конструкции *-DIğI//AcAğI zaman* и *-DIğI//AcAğI vakit* используются для выражения завершенного или незавершенного, однократно или многократно совершаемого действия в прошлом или настоящем, а также запланированного действия в будущем:

- 1) *Eski ve basit kelimelerden yapılan bu tamlama o kadar yeni bir hayal âlemi yaratmış oldu ki, ilk kullanıldığında zaman sert itirazlarla karşılandı* [Levend 1960]. ‘Это словосочетание, состоящее из старых и простых слов, создало настолько новый мир иллюзий, что при первом употреблении (букв. **когда** впервые **было употреблено**) было встречено резкими возражениями’;
- 2) *Bu da [hotoz] evde iken başa konmayıp evde yapılmış, hazır olarak mahfuz olur ve bir mahalle veya düğüne gidildiğinde başa geçirilir* [HMG 1895]. ‘Он [хотоз²] не надевается на голову, когда [женщина] дома, он изготавливается дома, хранится в готовом состоянии, и, **когда** [женщина] **идет** на улицу или на праздник, надевается на голову’;
- 3) *İşte o zaman <...> kız, dedesinin kucağına zıplayıp pembe-beyaz dirseklerini yaşlı adamın böğrüne bastırması ve büyüklerden bir şey iste-yeceğ-i zaman bürünmediği şeker şerbet edayla şöyle demişti: «Hadi dedecim, biz de çadır yapalım!»* [Şafak 2002] ‘И вот тогда <...> девочка, прыгнув в объятия дедушки, уперлась бело-розовыми локтями в живот пожилого мужчины и сказала с тем слащавым жеманством, которое вдруг напускала на себя, **когда собиралась** что-то **попросить** у взрослых: «Деда, давай и мы сделаем шатер!»’

Синонимичные конструкции *-DIğI//AcAğI sırada* и *-DIğI anda* используются для выражения завершенного или незавершенно-

² Хотоз (тур. *Hotoz*) – женский головной убор, элемент турецкого национального женского костюма.

го, однократно совершаемого действия в прошлом или настоящем, а также запланированного действия в будущем:

- 4) *Ben merhumu defin et-tiğ-im anda buradan çıkıyorum* [Kemal 1885]. ‘Я ухожу отсюда, похоронив (букв. **когда я похоронил**) покойного’;
- 5) <...> *bakkal dükkânından levazım-ı beytiyye mubayya et-tiğ-im sırada sahib-i dükkân-ı bakkal Teodori veznin noksanını kendine ihtar ettikten başka otuz lira kıymetinde olup üzerimde bulunan saatimin altın kösteğini de parçaladığından <...> kendisinden tazminatını dâvâ ederim efendim* [ММ 1851]. ‘Уважаемый господин, по причине того что, **когда я <...> покупал** в бакалейной лавке товары для дома, хозяин бакалейной лавки Теодори не только обвесил меня, но и разорвал золотую цепочку от часов стоимостью тридцать лир, которые были на мне, <...> я подаю [на него] в суд для [взыскания] с него компенсации’;
- 6) *Tam kapıdan çık-acağ-im sırada, karşı evin bir odasında kira ile oturan bekârın radyosu, Weber’in Oberon operası uvertürünü çalmaya başladı* [Ali 1943]. ‘Как раз **когда я собирался выйти** из комнаты, из радио холостяка, который жил в съёмной комнате в квартире напротив, донеслась музыка – увертюра из оперы Вебера «Оберон»’.

Синонимичные конструкции *-DIğI müddetçe* и *-DIğI sürece* используются для выражения незавершенного, длительного действия с усилением или ослабеванием признака:

- 7) *Tiyatroya devam et-tiğ-im müddetçe nefsin ve umûr-ı beytiyyeni ıslâh edecek ne fikir alabildin?* [HMG 1896]. ‘Что ты смогла узнать такого, что поможет тебе привести в порядок саму себя и свои важные дела, за всё время, **пока ты продолжала ходить** в театр?’
- 8) *Sıfatlar, sıfat ol-duk-ları sürece herhangi bir işletme eki almadıkları için işaret sıfatlarının çokluk biçimleri yapılmaz, yalnız teklik biçimleri ile kullanılır* [Korkmaz 2009]. ‘Поскольку прилагательные, будучи прилагательными (букв. **пока** они **являются** прилагательными), не принимают словоизменительных аффиксов, указательные прилагательные не ставятся

в форму множественного числа, а используются только в единственном числе’.

Конструкция *-DIğIndAn beri* используется для выражения начального момента действия:

- 9) *Bu kimsesiz haliyle, buralara taşın-dığ-ım-dan beri ilk defa güzel göründü yaşadığım sokak gözüme* [Şafak 2002]. ‘В таком, опустевшем, виде улица, на которой я живу, показалась мне красивой впервые с тех пор, как я переехала сюда’.

Теперь обратимся непосредственно к анализу употребления конструкций в исследуемых текстах. Всего в текстах зафиксировано 504 случая употребления оборотов времени с формами на *-DIğI-* и *-AcAğI-* и послелогоми, из них 372 случая – в художественных текстах, 57 – в публицистических текстах, 29 – в официально-деловых текстах и 46 – в научных текстах. Частотность данных конструкций представлена в таблицах ниже.

Таблица 1.

Частотность употребления оборотов времени в художественных текстах

	<i>-DIğI/ -AcAğI zaman</i>	<i>-DIğI/ -AcAğI vakit</i>	<i>-DIğI/ -AcAğI sırada</i>	<i>-DIğI anda</i>	<i>-DIğI müddetçe</i>	<i>-DIğI sürece</i>	<i>-DIğIndAn beri</i>
Джеляледдин, шах Хорезма (1885)	378,100³	181,488	30,248	30,248	0	0	0
Запретная любовь (1900)	76,687	28,757	19,171	0	19,171	0	9,585
Средняя частотность по текстам 1850–1920 гг.	193,616	88,007	23,468	11,734	11,734	0	5,867
Королек – птичка певчая (1922)	813,725	911,764	19,607	0	29,411	0	19,607

³ Здесь и далее числа, приведенные в таблице, округлены до тысячных долей. Частотность >100 здесь и далее отмечена полужирным шрифтом.

Мадонна в меховом манто (1943)	923,866	17,108	136,869	51,325	17,108	0	34,217
Средняя частотность по текстам 1921–1999 гг.	853,848	585,852	62,324	18,697	24,929	0	24,929
Снег (2002)	21,656	4,331	17,325	4,331	0	4,331	17,325
Блошинный дворец (2002)	64,642	18,469	9,234	27,703	110,815	0	203,161
Средняя частотность по текстам 2000–2020 гг.	35,380	8,845	14,741	11,793	35,380	2,948	76,658

Таблица 2.
Частотность употребления оборотов времени
в публицистических текстах

	<i>-Dİğİ/ -AcAğİ zaman</i>	<i>-Dİğİ/ -AcAğİ vakit</i>	<i>-Dİğİ/ -AcAğİ sırada</i>	<i>-Dİğİ anda</i>	<i>-Dİğİ müddetçe</i>	<i>-Dİğİ sürece</i>	<i>-DİğİndAn beri</i>
Дамский вестник (1895–1908)	33,069	33,069	33,069	0	16,534	0	16,534
Проба пера (1910–1912)	331,686	82,921	16,584	0	0	0	0
Средняя частотность по текстам 1850–1920 гг.	182,152	57,958	24,839	0	8,280	0	8,280
Джумхурийет (1950)	248,880	165,920	207,400	0	0	0	0
Терджуман (1970–1980)	200	0	0	0	0	0	0
Средняя частотность по текстам 1921–1999 гг.	240,484	137,419	171,774	0	0	0	0
Сабах (2017–2020)	122,294	0	0	0	0	0	0

Капитал (2019–2020)	280,151	0	0	0	0	0	0
Средняя частотность по текстам 2000–2020 гг.	236,534	0	0	0	0	0	0

Таблица 3.

Частотность употребления оборотов времени в официально-деловых текстах

	<i>-DIğI/ -AcAğI zaman</i>	<i>-DIğI/ -AcAğI vakit</i>	<i>-DIğI/ -AcAğI sırada</i>	<i>-DIğI anda</i>	<i>-DIğI müddetçe</i>	<i>-DIğI sürece</i>	<i>-DIğIndAn beri</i>
Произведения эпохи конституционализма (1851–1912)	0	36,550	36,550	0	0	0	0
Дело группировки Дэв-Генч (1975)	62,073	20,691	41,382	41,382	0	20,691	0
Уголовный кодекс Турецкой Республики (2019)	66,741	0	311,457	0	0	22,247	0

Таблица 4.

Частотность употребления оборотов времени в научных текстах

	<i>-DIğI/ -AcAğI zaman</i>	<i>-DIğI/ -AcAğI vakit</i>	<i>-DIğI/ -AcAğI sırada</i>	<i>-DIğI anda</i>	<i>-DIğI müddetçe</i>	<i>-DIğI sürece</i>	<i>-DIğIndAn beri</i>
Введение в грамматику османского языка (1851)	0	20,385	0	20,385	0	0	0
Грамматика османского языка (1851)	0	85,200	0	0	0	0	0
Средняя частотность по текстам 1850–1920 гг.	0	60,968	0	7,621	0	0	0
Этапы развития и очищения турецкого языка (1960)	91,553	0	50,863	0	0	0	0

Реформа турецкого языка с точки зрения изменений в языке (1974)	87,489	0	21,872	0	0	0	0
Средняя частотность по текстам 1921–1999 гг.	90,263	0	41,660	0	0	0	0
Грамматика турецкого языка. Морфология (2001)	53,737	0	0	0	0	8,267	0
Орфография и правила чтения турецкого языка (2007)	25,880	0	0	25,880	0	25,880	0
Средняя частотность по текстам 2000–2020 гг.	49,900	0	0	3,564	0	10,693	0

Данные, представленные в таблицах 1–4, свидетельствуют о следующем:

1) Наибольшая вариативность конструкций проявляется в художественных текстах, где представлены все исследуемые конструкции, наименьшая вариативность – в официально-деловых и научных текстах, где представлены только *-DIğI//AcAğI zaman*, *-DIğI//AcAğI vakit*, *-DIğI//AcAğI sirada*, *-DIğI anda* и *-DIğI sürece*.

Данный вывод служит подтверждением того, что художественный стиль является более гибким и подверженным вливанию новых лексических и грамматических средств в диахроническом срезе, тогда как официально-деловой и научный стили более регламентированы, что обуславливает ограниченный выбор языковых средств.

2) Конструкция *-DIğI//AcAğI zaman* является наиболее частотной конструкцией и употребляется в текстах различной стилистической и хронологической принадлежности.

Конструкция *-DIğI//AcAğI vakit* употребляется в текстах всех рассматриваемых стилей XIX–XX вв. и только в художественных текстах XXI в., при этом наблюдается тенденция снижения частотности в течение последних 20 лет.

Наибольшая частотность вхождения обеих синонимичных конструкций наблюдается в художественных текстах периода

с 1921–1999 гг., однако частотность вхождения конструкции *-DIđI//AcAđI zaman* существенно выше частотности вхождения конструкции *-DIđI//AcAđI vakit*.

3) Конструкция *-DIđI//AcAđI sırada* употребляется в художественных и официально-деловых текстах XIX–XXI вв., публицистических текстах XIX–XX вв. и научных текстах XX в. Наибольшая частотность ее вхождения представлена в официально-деловых текстах периода с 2000–2020 гг.

Конструкция *-DIđI anda* употребляется в художественных текстах XIX–XXI вв., в научных текстах XIX и XXI вв. и в официально-деловых текстах XX в., но не употребляется в публицистических текстах. Наибольшая частотность ее вхождения наблюдается в официально-деловых текстах периода с 1921–1999 гг.

На основании этого можно сделать вывод, что данные синонимичные конструкции «разделили» между собой стилистические регистры: так, в публицистическом и официально-деловом тексте *-DIđI//AcAđI sırada* вытеснила конструкцию *-DIđI anda*, в художественном тексте частотность ее вхождения также выше частотности вхождения конструкции *-DIđI anda*, однако в современном научном тексте *-DIđI anda* вытеснила конструкцию *-DIđI//AcAđI sırada*.

4) Конструкция *-DIđI müddetçe* употребляется в художественных текстах XIX–XXI вв. и в публицистических текстах XIX в., но не употребляется в официально-деловых и научных текстах. Наибольшая частотность ее вхождения наблюдается в художественных текстах периода с 2000–2020 гг.

Конструкция *-DIđI sürece* является новообразованием и употребляется в официально-деловых текстах XX–XXI вв., в художественных и научных текстах XXI в., но не употребляется в публицистических текстах. Наибольшая частотность ее вхождения наблюдается в официально-деловых текстах периода с 2000–2020 гг.

Таким образом, можно сделать вывод, что данные конструкции на современном этапе также «разделили» между собой стилистические регистры: конструкция *-DIđI müddetçe* употребляется в художественном и публицистическом стилях, а конструкция *-DIđI sürece* – в официально-деловом и научном стилях.

5) Конструкция *-DIgIndAn beri* употребляется в художественных текстах XIX–XXI вв. и в публицистических текстах XIX в., но не употребляется в официально-деловых и научных текстах. Наибольшая частотность ее вхождения представлена в художественных текстах периода с 2000–2020 гг. Таким образом, данная конструкция встречается реже других послеложных конструкций с временной семантикой.

Для того чтобы дополнительно проверить справедливость наших выводов, рассмотрим результаты применения дисперсионного анализа (ANOVA).

Таблица 5.

Однофакторный дисперсионный анализ частотности употребления оборотов времени в художественных текстах

<i>Источник вариации</i>	<i>SS</i>	<i>df</i>	<i>MS</i>	<i>F</i>	<i>P-значение</i>	<i>F критическое</i>
Между группами	735434,577	6	122572,429	5,334	0,0005	2,371
Внутри групп	804184,359	35	22976,695			
Итого	1539618,937	41				

Поскольку $F_{\text{стат}} > F_{\text{критич}}$ ($5,334 > 2,371$), *P*-значение не превышает 0,05, вероятность принятия нулевой гипотезы мала. Таким образом, принимаем альтернативную гипотезу: частотность вхождения оборотов времени в художественных текстах зависит от времени написания текста.

Таблица 6.

Однофакторный дисперсионный анализ частотности употребления оборотов времени в публицистических текстах

<i>Источник вариации</i>	<i>SS</i>	<i>df</i>	<i>MS</i>	<i>F</i>	<i>P-значение</i>	<i>F критическое</i>
Между группами	194697,339	6	32449,556	9,783	2,48E-06	2,371
Внутри групп	116095,485	35	3317,013			
Итого	310792,825	41				

Поскольку $F_{\text{стат}} > F_{\text{критич}}$ ($9,783 > 2,371$), Р-значение не превышает 0,05, вероятность принятия нулевой гипотезы мала. Таким образом, принимаем альтернативную гипотезу: частотность вхождения оборотов времени в публицистических текстах зависит от времени написания текста.

Таблица 7.

Однофакторный дисперсионный анализ частотности употребления оборотов времени в официально-деловых текстах

<i>Источник вариации</i>	<i>SS</i>	<i>df</i>	<i>MS</i>	<i>F</i>	<i>P-значение</i>	<i>F критическое</i>
Между группами	37621,821	6	6270,303	1,613	0,215	2,847
Внутри групп	54411,041	14	3886,502			
Итого	92032,863	20				

Поскольку $F_{\text{стат}} < F_{\text{критич}}$ ($1,613 < 2,847$), Р-значение превышает 0,05, принимаем нулевую гипотезу об отсутствии зависимости между частотностью вхождения оборотов времени и хронологической принадлежностью официально-делового текста.

Таблица 8.

Однофакторный дисперсионный анализ частотности употребления оборотов времени в научных текстах

<i>Источник вариации</i>	<i>SS</i>	<i>df</i>	<i>MS</i>	<i>F</i>	<i>P-значение</i>	<i>F критическое</i>
Между группами	8067,896	6	1344,649	2,656	0,031	2,371
Внутри групп	17715,48	35	506,156			
Итого	25783,376	41				

Поскольку $F_{\text{стат}} > F_{\text{критич}}$ ($2,656 > 2,371$), Р-значение не превышает 0,05, вероятность принятия нулевой гипотезы мала. Таким образом, принимаем альтернативную гипотезу: частотность

вхождения оборотов времени в научных текстах зависит от времени написания текста.

На основе данных, приведенных в таблицах 5–8, мы можем сделать заключение, что применительно к художественным, публицистическим и научным текстам наблюдается статистически значимая зависимость между частотностью вхождения послеложных оборотов времени с формами на *-DIğI-* и *-AcAğI-* и хронологической принадлежностью текста, а применительно к официально-деловым текстам говорить о наличии такой зависимости нельзя. Таким образом, полученные результаты также подтверждают наличие закономерности между стилистической и хронологической принадлежностью текста и частотностью вхождения оборотов времени, что было выявлено на основе анализа данных в таблицах 1–4.

Выводы, сформулированные в результате исследования, позволяют более точно определить сферу употребления послеложных оборотов времени с формами на *-DIğI-* и *-AcAğI-* в турецком тексте и способствуют расширению представлений о функциональной стилистике турецкого языка в диахроническом аспекте, а также могут быть полезны в практике преподавания турецкого языка. Перспективы дальнейшего исследования проблемы заключаются в анализе более обширных и сбалансированных текстовых массивов для выявления статистически значимых тенденций в употреблении данных оборотов.

Литература

- Гузев 2014 – Гузев В.Г. Теоретическая грамматика турецкого языка. СПб., 2014.
Кононов 1941 – Кононов А.Н. Грамматика турецкого языка. М., 1941.
Щека 2007 – Щека Ю.В. Практическая грамматика турецкого языка. М., 2007.

Материалы для исследования

- Ali Cezmi*. Mahsul-u Meşrutiyet. Ankara, 2011.
Ali S. Kürk Mantolu Madonna. İstanbul, 2004.
Güntekin R.N. Çalığışu. İstanbul, 1978.
Korkmaz Z. Türkiye Türkçesi Grameri: Şekil Bilgisi. Ankara, 2009.

- Levend A.S.* Türk Dilinde Gelişme ve Sadeleşme Evreleri. Ankara, 1960.
Kemal N. Celaleddin Harzemşah / Haz. Hüseyin Ayan. İstanbul, 1975.
Pamuk O. Kar. İstanbul, 2002.
Şafak E. Bit Palas. İstanbul, 2002.
Uşaklıgil H.Z. Aşk-ı Memnu. İstanbul, 2001.
Yeni Harflerle Hanımlara Mahsus Gazete 1895–1908 Seçki // Kadınların Belleği Dizisi. № 2. İstanbul, 2009.

Аннотация

В статье исследуются функционально-стилистические особенности и диахронические закономерности употребления послеложных оборотов времени с формами на *-DIğI-* и *-AcAğI-* в турецком тексте. При помощи дисперсионного анализа выявляется зависимость частотности их вхождения от стилистической и хронологической принадлежности текста.

Ключевые слова

обороты времени, формы на *-DIğI-* и *-AcAğI-*, функциональная стилистика, дисперсионный анализ, турецкий язык

Сведения об авторе

Верхова Ксения Александровна – магистрант кафедры тюркской филологии ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова; e-mail: xeni96muse@mail.ru

Kseniia Verkhova

Postpositional Attributes of Time with Forms *-DIğI-* and *-AcAğI-*: Functional-Stylistic and Diachronic Patterns of Use

Summary

This paper covers functional-stylistic and diachronic features of postpositional attribute of time with forms *-DIğI-* and *-AcAğI-* in Turkish texts. The texts are researched on the base of ANOVA analysis correlations between frequency and stylistic and chronological reference.

Key words

attributes of time, *-DIğI-* and *-AcAğI-* forms, functional stylistics, ANOVA analysis, Turkish language

Information about the author

Kseniia Verkhova – Master Degree Student of Department of Turkic Philology, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University; e-mail: xeni96muse@mail.ru

А.А. Гаджиева

**МОРФОНОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ
«АКЫЛ БЕРЕ ТУГУН КНЕГЕ»
 («Изь премудрости Исуса сына Сирахова»,
Казань, 1891)**

В условиях полуторавековой давности просвещение многих народов Российской империи напрямую связывалось с идеологической задачей их христианизации, в том числе с переводом на их язык вероучительной литературы. Исходя из этой задачи Н.И. Ильминский создавал для этих языков письменности на основе русской азбуки; по его замыслу, дополнительно это должно было послужить более точной фиксации живых языков и диалектов [Благова 2005: 104].

Только с 1860 по 1917 гг. на казахский язык было переведено 72 книги вероучительного содержания [Каримуллин 1971: 158]. Среди них можно отметить: Святое Евангелие оть Луки (Казань, 1883), Первоначальные сведения о святой Христианской вере готовящимся ко Святому крещению (Казань, б.г.), Жизнь и страдания Св. Великомученика Евстафия Плакиды съ семействомъ (Казань, 1886), Из премудрости Исуса сына Сирахова (1890), Священная история Ветхаго завета (Казань, 1890), Благоверный князь Владимир (1892), Училище благочестия (Казань, 1892), Крещение Руси (Казань, 1892), Священная история Ветхаго и Новаго завета (Казань, 1893), Притчи Исуса Христа (Казань, 1893) и др.

Отметим, что для современных лингвистов, изучающих историю казахских диалектов и процесс развития и становления современного литературного языка, первые кириллические книги на казахском языке являются весьма важным источником для исследований.

Безусловно, в работе с письменными памятниками необходимо учитывать данные различных историко-архивных и лингвистических источников, подтверждающих и уточняющих языковые факты. Такой подход даст возможность понять и изучить особенности территориальных вариантов языка памятников, а также процесс формирования норм современного литературного языка.

Исследователям первых кириллических книг на казахском языке А.В. Дыбо и Ю.В. Норманской удалось отыскать архивные свидетельства о казахских переводчиках, принимавших участие в создании книг, и провести комплексный анализ текстов. Ученые сопоставили результаты лингвистических исследований особенностей употребления гласных и согласных звуков с информацией о месте создания и авторах текста памятников. Таким образом они пришли к выводу о том, что в составлении «Киргизско-русского словаря» (Оренбург, 1897) принимали участие носители казахского языка из Западного Казахстана. Это позволило им сделать предположение о диалектной принадлежности Словаря [Дыбо, Норманская 2016: 138, 147].

К сожалению, нам не удалось установить авторство перевода [Премудрости 1891], однако данные исследований казахских диалектологов дают нам возможность верифицировать диалектную принадлежность текстов рассматриваемой книги.

Морфонологический анализ языка книги «Акыл бере тугун кнеге» (Казань, 1891), написанной кириллическим алфавитом, позволил выявить следующие особенности употребления аффиксов:

1. Употребление *-л-* в аффиксах после глухих согласных, соответствующего литературному *-т-* (*-ла/ле>-та/те*; *-лан/лен>-тан/тен*; *-лык/лік>-тық/тік*; *-лар/лер>-тар/тер*): *олуклап* вместо лит. каз. *ұлықтап* ‘возвеличивая’; *тнышландырады* вм. *тынышландырады* ‘успокаивает’; *жумсаклык пенен* вм. *жұмсақтықпенен* ‘с мягкостью’; *ізгіліклі* вм. *ізгілікті* ‘благодетельный’; *жасызқарымды* вм. *жасызқарымды* ‘грехи мои’.

2. Употребление *-н-*, соответствующего литературному *-д-*, встречается, в основном, в аффиксах винительного и исходного падежей:

Кудайны ~ лит. каз. *Құдайды* ‘Бога’

тезнен ~ лит. каз. *тезден* 'быстро'

Это явление представлено также в аффиксе множественного числа, но здесь оно может объясняться ассимиляцией после предшествующего сонорного *-н-*:

турганнарга ~ лит. каз. *тұрғандарға* 'стоящим'

3. Употребление *-д-* в падежных аффиксах, соответствующего литературному *-н-*, в позиции после сонорных *-н, -ң* встречается в аффиксах родительного и исходного падежей:

катындың ~ лит. каз. *қатынның* 'женщины'

үйңден ~ лит. каз. *үйіңнен* 'из твоего дома'

қуанышыңдан ~ лит. каз. *қуанышыңнан* 'от радости твоей'

сұрағандан ~ лит. каз. *сұрағаннан* 'чем просить'

4. Употребление *-н-*, соответствующего литературному *-л-*, в позиции после гласных отмечается в аффиксе возвратного залога однокоренных лексем *беринип* – лит. каз. *беріліп* 'отдав-шись' и *беринген* – лит. каз. *берілген* 'отдавшийся, увлеченный'.

5. В аффиксе деепричастия соответствие *n>б* встречается только три раза: *омтолоб* ~ лит. каз. *ұмтылып* 'стремясь'; *сүйүйнүб* ~ лит. каз. *сүйініп* 'восторгаясь'; *қорланыб* ~ лит. каз. *қорланып* 'унижаясь'.

6. Явление диерезы встречается в указательных местоимени-ях *бу* – лит. каз. *бұл* 'это', *со* – лит. каз. *сол* 'тот'; в притяжа-тельном местоимении *бзинг* – лит. каз. *біздің* 'наш'¹; в личных аффиксах слов *экенм* – лит. каз. *екенмін* 'оказывается, я', *блем* – лит. каз. *білемін* 'я знаю', *қылам* – лит. каз. *қыламын* 'буду де-лать'.

7. Также следует отметить особенности употребления инстру-ментального падежа. В разряд падежных аффиксов этот формант перешел достаточно поздно в процессе грамматикализации послелого *біле, бірле*. В образцах письменной литературы конца XIX – начала XX вв. функцию инструментального падежа вы-

¹ В диалектологических исследованиях Аманжолова употребление местоимений 1 и 2 лица /біз, сіз/ в форме бізің, сізің описаны как особенности западного диалекта.

полняло служебное слово *білән, бірлән, мінән*, в дальнейшем приобретшее форму *мәнән*, а ещё позднее – форму *менен/бенен/пенен* и *мен/бен/пен* [Исаев 2010: 92]. Дело в том, что этот специфический падеж имеет три фонетических варианта – *бен, мен, пен*, которые не подчиняются закону небной гармонии, но закон гармонии согласных при этом соблюдается. Однако в [Премудрости 1891] мы встречаем иную картину. Во-первых, аффикс падежа пишется отдельно от имени, во-вторых, в словах не зафиксирована ассимиляция согласных. К основам с конечными глухими согласными присоединяется аффикс с анлаутным -м или -б, в то время как после основ с конечным звонким -з выбирается аффикс с анлаутным -п²: *сарандык менен* в м. *сарандықпенен* ‘с жадностью’, *кындык бен* в м. *қындықпен* ‘с трудом, едва’, *дос бенен* в м. *доспен* ‘с другом’, *ақылсыз пен* в м. *ақылсызбен* ‘с глупым’.

8. Кроме того, в памятнике достаточно часто встречается аффикс отрицания *-ба/бе* в глаголах, причастиях и деепричастиях после глухих согласных вместо литературного *-на/не*: *айтба* ~ лит. каз. *айтпа* ‘не говори’, *үйретбе* ~ лит. каз. *үйретпе* ‘не учи’, *келісбейди* ~ лит. каз. *келіспейді* ‘не соглашается’, *қалжыңдасба* ~ лит. каз. *қалжыңдаспа* ‘не шути’, *қосбаған* ~ лит. каз. *қоспаған* ‘не прибавил’, *омутбасн* ~ лит. каз. *ұмытпасын* ‘пусть не забывают’, *кемитбе* ~ лит. каз. *кемітпе* ‘не унижай’, *қарсыласбай* ~ лит. каз. *қарсыласпай* ‘не сопротивляясь’ и др.

Параллельно с этим встречаются примеры, соответствующие литературной норме: *истетпейди* ‘не заставит совершать’, *ауыспай* ‘не меняясь’, *этпегендигинен* ‘из-за того, что не делал’, *ренжітпе* ‘не обижай’, *жетпейтинди* ‘недостающее’, *түзетпейди* ‘не исправит’, *телміртпе* ‘не утомляй’.

9. Слово, встречающееся в исследуемом памятнике в форме *олуг* ‘великий’, в результате морфонологического явления апакопы в современном литературном казахском языке употребляется в форме *ұлы*. По мнению казахского языковеда Б. Сагынды-

² В тексте книги встречаются также формы, соответствующие литературной норме.

кова, это явилось причиной частичного изменения функционально-стилистического оттенка слова: в первом случае в семантике преобладает абстрактность, во втором – конкретность [Сагындыкұлы 1994: 70–71].

10. Обращает на себя внимание и то, что в случае употребления имени действия на -у в сочетании с модальным словом *керек* ‘необходимо’ имя действия принимает аффикс дательного падежа: *көндөгүге керек* в.м. *көндігу керек* ‘необходимо привыкнуть’; *өгуттеуге керек* в.м. *үгіттеу керек* ‘необходимо давать наставления’. Аналогичные явления встречаются в центральном говоре западного диалекта (охватывает Уральскую, Актюбинскую, Костанайскую и Оренбургскую области, а также город Атырау³): *тоқтатуға керек* в.м. *тоқтату керек* ‘необходимо остановить’ [Нурмагамбетов 1986: 86].

11. В текстах книги зафиксировано неполное стяжение в именах действия (добавление звуков -е; -а перед суффиксом имени действия -у): *береуди* в.м. *беруді* ‘подавать’, *билеуге* в.м. *білуге* ‘знать, узнать’, *береуши* в.м. *беруші* ‘дающий’, *көреуге* в.м. *көруге* ‘чтобы, видеть’, *етеу* в.м. *ету* ‘делать’, *төзеуге* в.м. *төзуге* ‘выдержать’, *жорау* в.м. *жору* ‘предсказывать’, *рянжигеу* в.м. *ренжіту* ‘обижать’. Это явление было отмечено в говорах западного диалекта казахского языка [Нурмагамбетов 1986: 88].

12. Можно отметить формы причастий будущего времени на -ыр/ур: *зорайырсын* ‘возвеличишься’, *орырсын* ‘пожнешь’, *шығарыр* ‘выведет’, *алырсын* ‘получишь’, *болурсын* ‘будешь’, *сүйүнүр* ‘будет восторгаться’, *турур* ‘будет стоять’. В языке древнетюркских памятников формант -ар/ер употреблялся в основах с открытыми гласными, -ыр/ір – с узкими гласными, а -ур/үр – с лабиальными. В западном диалекте казахского языка было зафиксировано соответствие а>ұ в глагольных формах *болұр* (олұр) в.м. *болар* ‘будет’ [Аманжолов 1959: 399].

Таким образом, анализ морфонологических особенностей языка [Премудрости 1891] показал, что большинство отклоне-

³ До 1991 г. – Гурьев. Город в Западной части Казахстана.

ний, зафиксированных в книге, соответствуют особенностям западного диалекта казахского языка. Тем не менее, выводы, сделанные в рамках настоящей статьи, являются весьма предварительными. Представляется необходимым провести дальнейшие исследования первых кириллических книг на казахском языке, которые являются важным источником для изучения истории сложения территориальных особенностей языка письменных памятников и становления казахского литературного языка.

Литература

- Акыл бере тугун кнеге. Изъ Премудрости Исуса сына Сирахова. Казань: Типография и литография В.М. Ключникова. 1891.
- Аманжолов 1959 – *Аманжолов С.А.* Вопросы диалектологии и истории казахского языка. Алматы: Санат. 1997.
- Благова 2005 – *Благова Г.Ф.* Николай Иванович Ильминский как исследователь туркменских диалектов // Вопросы языкознания. № 6. 2005. С. 97–114.
- ДТС 2016 – Древнетюркский словарь. Астана: Ғылым, 2016.
- Дыбо, Норманская 2016 – *Дыбо А.В., Норманская Ю.В.* Первые кириллические книги на казахском языке как источники для изучения истории диалектов и создания литературной нормы // Урало-алтайские исследования. № 4. 2016. С. 138–152.
- Исаев 2010 – *Исаев С.* Қазіргі қазақ тіліндегі негізгі грамматикалық ұғымдар. Павлодар: Павлодар мемлекеттік университеті, 2010.
- Каримуллин 1971 – *Каримуллин А.Г.* У истоков татарской книги. Казань, Татарское книжное издательство, 1971.
- Нұрмағамбетов 1986 – *Нұрмағамбетов Ә.* Қазақ говорларының грамматикасы. Алматы: Ғылым. 1986.
- Сағындықұлы 1994 – *Сағындықұлы Б.* Қазақ тілі лексикасы дамуының этимологиялық негіздері. Алматы: Санат, 1994.
- Томанов 1988 – *Томанов М.* Қазақ тілінің тарихи грамматикасы. Алматы: Мектеп, 1988.

Аннотация

В статье проводится анализ морфонологических особенностей языка «Акыл бере тугун кнеге» («Изъ премудрости Исуса сына Сирахова», Казань, 1891), изданной в рамках деятельности Переводческой комиссии в конце XIX – начале XX вв., рассмотрены особенности употребления аффиксов в сопоставлении с данными современных казахских говоров, описанных казах-

скими диалектологами, и современного литературного языка. На основании сравнения полученных данных сделан вывод о том, что особенности употребления аффиксов в [Премудрости 1891] в большей степени совпадают с западным диалектом казахского языка.

Ключевые слова

казахский язык, литературный язык, диалект, миссионерская литература, морфонология

Сведения об авторе

Гаджиева Анар Ахметбековна – кандидат филологических наук, доцент Военного университета МО РФ; e-mail: nuanar@yandex.ru

Anar Gadzhieva

Morphophonemic Features of «Akyl Bere Tugun Knege» («Wisdom of Jesus the Son of Sirach». Kazan, 1891)

Summary

The article analyzes morphophonemic features of «Akyl Bere Tugun Knege» («Wisdom of Jesus the Son of Sirach», Kazan, 1891), which were published within the framework of the Translation committee of the Orthodox Missionary Society of the brotherhood of St. Gury at the end of the 19th and the beginning of the 20th century, the features of using affixes in comparison with the data of modern Kazakh dialects and modern literary language. Based on the comparison of the data obtained, it was concluded that the characteristics of the use of affixes in [Wisdom 1891] are more coinciding with the western dialect of the Kazakh language.

Keywords

Kazakh language, literary language, dialect, missionary literature, morphophonemics

Information about the author

Anar Gadzhieva – PhD in Philology, Associate Professor, Military University of Ministry of Defense of Russian Federation; e-mail: nuanar@yandex.ru

ДРЕВНЕТЮРКСКИЕ РЕЛИГИОЗНЫЕ ТЕРМИНЫ В ЯЗЫКАХ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

В культуре и языках ряда тюркских и нетюркских народов Северного Кавказа сохранились некоторые древнетюркские реликты, отсутствующие у других тюркских народов. Один из таких терминов сохранился в карачаево-балкарском, осетинском, абхазском, кабардинском языках как напоминание о значительном влиянии древнетюркской культуры в регионе Евразийских степей. Русский исследователь Кавказа Г.Ф. Чурсин пишет: «В Карачае мною собраны в 1914 г. подробные сведения относительно “Чоппы”. У карачаевцев под названием “*Чоптаны таши*”, т.е. “Камень Чоппы”, были известны священные камни, почитаемые народом. “*Чопта*”, по объяснению карачаевцев, был каким-то богом, к которому обращались во всех важных жизненных ситуациях. Ежегодный праздник Чоппе устраивался весной. Около “камня Чоппы” ставили козлы из жердей и к их поперечной перекладине подвешивали за ноги серого козленка. Козленка раскачивали за рога, он кричал, а молящиеся устраивали вокруг хоровод и пели песню “*Эллири Чопта*”. По окончании церемонии козленка варили и ели...» [Джуртубаев 1991: 126–127]. В первом слове из названия этой песни некоторые исследователи усмотрели имя пророка Ильи, который часто ассоциировался с кар.-балк. богом грома и молнии Элией. Однако, по обоснованному мнению ряда авторов, такое предположение не соответствует действительности, и в данном случае речь идет о древнетюркском термине [Биджиев 1993: 276]. В действительности в этом имени (*Эллири Чопта*) мы имеем уникальный, дошедший до наших дней древнетюркский термин *elri (eldri)* ‘шку-

ра козленка' [ДТС: 170–171]. В.В. Радлов приводит ком. (кыпч.) *ältiri* 'шкура ягненка', каз.-тат. *iltir* 'мерлушка', 'шкура ягненка грубошерстной породы возрастом до 30 суток', *eltirik* 'красивая меховая шкурка' [Радлов 1893: 826, 1494].

Второе слово в выражении *Эллири Чоппа – ёорра* также может иметь тюркское происхождение, а сам этот культ мог быть привнесен на Кавказ древними тюрками (булгарами, гуннами-савирами, хазарами и тюрками Западного Тюркского каганата). Культ Чоппа (Чопа) очень древний и связан с жатвой, вследствие чего имеет амбивалентную природу: являясь прежде всего богом грома и молнии, он в определенной мере был и божеством хтоническим. Образ этого божества также сохранился у татар-кряшен (*Чуппа*), шорцев (*Алтын Шаппа*, *Алтын Ченне*) [Арбачакова 2001: 134, 156] и марийцев (*Чопáкин Керемёт*). Марийцы приносили в жертву этому божеству теленка [Смирнов 1889: 137]. В.П. Невская отмечает: «На то, что это божество было «привнесено» на Северный Кавказ, указывает тот факт, что его культ, до недавнего времени, бытовал именно у тюркских народов – шорцев (*Алтын-Шаппа*), татар-кряшен (*Чуппи*, *Чон*) и др.» [Невская 1957: 15–53; Народы 1998]. Из карачаево-балкарского или древнетюркского это слово перешло и в кавказские (абхазский, кабардино-черкесский) и осетинский языки. Е. Шиллинг указывает: «Культ молнии у верхних черкесов (кабардинцев) не сохранился, но о его существовании в прошлом говорят воспоминания стариков, которые знают, что при грозе пелась особая песнь: «*еле-еле, елери шопа*». Значение этих слов утрачено» [Религиозные верования 1931: 48]. Он же пишет об абхазах: «Если молния убьет человека, то на этом месте в тот же день устраивается моление. Собирается народ и сооружает “афюнкят” – вышку, состоящую из четырех воткнутых в землю жердей, на которые сверху накладываются ветки. Вокруг трупа и вышки обходят три раза с возгласами “*Атлар-чоппа*”, стараясь не плакать и не выражать печали <...> При подъеме трупа на вышку поют “песню Афы” на два хора. Первый хор “*вай этлар*”. Второй хор: “*айтар этлар*”. Первый: “*Чопнар этлар*”. Второй: “*Этлар чопнар*”. Айтар – имя божества, остальные слова необъяснимы» [Там же: 58, 59]. В сноске на стр. 58 автор также указывает:

«Значение возгласа “*Атлар-чонна*” современным абхазам непонятно» [Там же]. По нашему мнению, термин *elri* объясним только на материале древнетюркского и карачаево-балкарского языков, исходя из состава соответствующих пантеонов. У осетин словом *coppaj* (*цоптай*) обозначается обрядовая пляска вокруг пораженного молнией человека, а повторяемый при этом припев был зафиксирован в XVIII в. путешественником Штедером: «Сильная гроза убила молодую женщину. После удара те, кто с ней шли, издавали крик радости, стали петь и танцевать вокруг убитой. Все жители селения собрались вокруг танцующего круга, невзирая на то, что гроза продолжала бушевать. Их единственным и простым припевом было: “*O, Elia, Elia! ældari coppaj*” <...> рядом с этой кучей камней (погребальной – А.Г.) воздвигли шест с натянутой козьей шкурой и головой» [Абаев 1958: 314]. В.И. Абаев не смог дать перевод слову *coppaj* (балк. *Чонна*) ни с осетинского, ни с кавказских языков, отметив лишь, что «вопрос о том, какого оно происхождения и что оно собственно означает, остается пока открытым» [Абаев 1958: 316]. А вот слову *ældari* он дает неверный перевод, считая его осетинским *ældar* ‘князь’ [там же] и подгоняя таким образом тюркское слово под осетинскую этимологию. Между тем, Словарь Махмуда Кашгарского к тому времени уже был опубликован на турецком языке. Таким образом, этот термин, как и термин *Чонна*, которым обозначался в древнем пантеоне карачаево-балкарцев бог грозы и жатвы, покровительствовавший также семье и деторождению, уходит своими корнями в древнетюркско-финно-угорскую культуру.

Чонна не переводим с осетинского и с кавказских языков и может быть связан с проникновением на Кавказ древнетюркской культуры. Только в карачаево-балкарском языческом пантеоне он имеет конкретное значение: это бог грозы, злаков и жатвы, плодородия, покровитель семьи и деторождения. Ему в жертву всегда приносили только козлят, шкуру которых растягивали на специальных жердях. Для определения этимологии имени этого божества интерес представляют следующие тюркские слова, которые мы разделили на две группы.

Группа I: др.-тюрк. *çör* ‘кусочек, щепка, зерно (семя)’ [ДТС 145], арм.-кыпч. *çor* ‘сухая трава’, ‘мусор, сор’ [Гаркавец 2001:

402], чаг., ккалп., алт., тел., леб., кар.-балк. *сёр* ‘сор’, ‘щепка’, ‘грязь’, ‘зерно’ [Радлов 1905: 2047], тат., чул. *чўп* ‘сор’, ‘место (после родов)’ [Радлов 1905: 2201], чув. *сəпăсси* ‘дерево’ [Федотов 1965: 116].

Группа II: верх.-балк. *цапай* ‘козленок’¹; телеут. *чāп* ‘детеныш козули по первому году’ [Радлов 1905: 1916]; аз. *чāпийи* ‘годовалый козленок’, аз. (диал.) ‘козленок’ (чаще самка) от 6 мес. до 1 года, турк. *чāпич* ‘годовалый козленок’, каз. *шйбйи* ‘годовалая коза’ [Щербак 1961: 102]; аз. (диал.) *чōп* ‘верблюжонок’ [Там же 107]; гаг. *цап* ‘козел’ [Там же 119] > укр. *цап* ‘козел’; чаг. *чўпйак* ‘сокол самец’ [Радлов 1905: 2201]. Вызывает определенный интерес наличие этого слова в нескольких говорах таджиков Кулябской области: в Шууроабадском районе (Сарчашма): *чапыйи* ‘годовалый козленок’, в ховалингском (*чапыйи*) и файзабадском (*чапуи*) ‘козочка до 1 года’ [Колпаков 1948: 31]. Этот факт несомненно заслуживает нашего пристального внимания, т.к. может свидетельствовать о ранних культурно-религиозных контактах тюркских и иранских народов в Средней Азии. В эту же группу, полагаю, можно включить ккалп. *чап* ‘растянутый’ [Радлов 1905: 1916], исходя из того, что шкурку жертвенного козленка/козла растягивали на специальных жердях или ветвях священного дерева. Также у карачаево-балкарцев распространено мужское личное имя *Чонне, Чоне, Чонна, Чоннай*, а у балкарцев Черекского ущелья – также имя *Чонай* [Посемейные списки 2004: 202, 247, 252, 327, 464]. Интересно, что в отличие от верх.-балк., где *Чонай* обычно употребляется как мужское личное имя, в остальных диалектах, особенно в карачаевском, это слово относится к табуированной лексике. В этой связи еще одно значение в кар.-балк. заслуживает внимания: *чонай* ‘фаллос’ (только в отношении малолетнего мальчика), хотя, возможно, в древности оно означало ‘фаллос’ вообще.

Приведенные значения относятся к древнему этапу развития тюркских языков, что даёт нам возможность выстроить следующую

¹ Балкарцы Черекского ущелья до сих пор называют козленка уменьшительно-ласкательным *цапай* или *цапайчикъ*, т.е. ‘козленок’. При этом имеется стандартное наименование *улакъ* или *улахъых* (лит. *улакъчыкъ*), но когда козленка хотят приласкать, его называют именно *цапай*.

щую конструкцию: др.-тюрк. *çöp* ‘кусочек, щепка, зерно [семя]’ + *най* (*baj, pajat*) ‘бог’, ‘дух’ > *Чонна* > *çöp/çар* ‘жертвенный козленок’, связанный с культом бога жатвы и злаков. Именно отсюда и вторая ипостась *Чонна* – покровитель семьи и деторождения, что характерно для фаллического культа у скифов и тюрков. При чем же тут гроза и молния? Связь *Чонна* с громом и молнией также понятна из его первичной ипостаси – божества жатвы и урожая: проливные дожди, обеспечивающие плодородие почвы, как правило, сопровождаются грозой и молниями. Соответственно, гроза и молния мыслились как проявление необузданной рождающей энергии Чонна, высвобождавшейся при проливных дождях, символизовавших семя этого божества. Одним из самых ярких, зафиксированных явно очевидцем, описываемых событий свидетельства наличия этого культа у одного из гуннских племён Северного Кавказа – савиров, является сообщение, содержащееся в «Истории Агван» Моисея Каганкатвази. Автор рассказывает о поклонении гуннов страшному богу-герою Тангри-хану и другому грозовому божеству – *Чона* (в переводе Патканяна *Чонай չոնայ*, или *чтнчи, чонайчи*, а в переводе Смбатяна – *Чона*), о совершавшихся в честь последнего сексуально-магических плясах и обрядах на древнем кладбище *Даркунанд*, а также об обожествлении явлений грома и молнии: «<...> прежде всего, должно быть сожжено громогласное кладбище **чона**, называемое Даркунанд, руками этих уверовавших старших жрецов. Они должны пойти туда с проклятиями и сжечь [кладбищещу], лишь после того они могут быть крещены и причищены <...> То было адское зрелище, когда совершенно нагие мужчины – муж за мужем и отряд за отрядом – бились мечами на ристалище у могил. Многочисленные толпы людей состязались друг с другом, а после предавались разврату и скакали на лошадях то в ту, то в другую сторону. Кто плакал, кто рыдал, а кто забавлялся по дьявольскому обычаю своему. Они забавлялись, резвились, пускались в пляски и, предаваясь скверным поступкам, погружались в мрачную мерзость, ибо были лишены света творца <...> и еще преданные похотливым желанием, [присущим Афродите], по диким языческим нравам своим, жен отцов своих брали себе, или два брата брали одну жену, или [один]

брал много разных жен» [Смбатян 1984: 124, 126, 131]. Вышеизложенные факты говорят о том, что на Кавказ эти два термина проникли в гуннское время и связаны с древнетюркско-финно-угорским культурным миром. Наиболее детально культ, связанный с этими двумя терминами, был разработан именно у тюркоязычных карачаево-балкарцев, и это наводит на мысль о том, что соответствующая традиция могла быть принесена на Кавказ гуннами-сабирами (савирами), местом локализации которых в источниках устойчиво называется Центральное Предкавказье [Прокопий Кесарийский 2006: 532–549].

В этой связи не меньший интерес представляет другой важный факт: этноним *савир* дожил до наших дней. Исследователи отмечают, что савиры проникли далеко в горные районы Центрального Кавказа, и их влияние здесь было чрезвычайно велико, при этом крайне важно, что сваны и мегрелы до сих пор называют своих соседей карачаево-балкарцев савирами *sav-i* (мн. ч. *saviyar*) [Финник 2008: 21; Гадло 1979: 101; Аликберов 2010: 47; Боровков 1932: 53]. У самих карачаево-балкарцев распространено старинное мужское личное имя *Савар*, *Сауар*, а у алтайцев – имя *Саныр* [Анохин 1924: 134].

Остается сказать несколько слов о не менее (а, может быть, и более) интересном вопросе – происхождении терминов *elri* / *eldri*, используемых тюрками. Этот вопрос выходит за рамки настоящей статьи, однако, скорее всего, поиски следует вести в направлении языков Древней Передней Азии (как индоевропейских и семитских, так и языков, не входивших в эти группы). Также возникает вопрос о возможном времени таких заимствований (если они были). Ясно одно: столь важный термин духовной культуры не мог появиться у тюрков в позднее время. В этой связи крайне интересен тот факт, что оба термина (*elri* / *eldri* и *џора*) однозначно и устойчиво фиксируются именно на Северном Кавказе, причем отчетливее всего – как у раннесредневековых тюрков этого региона – гуннов-савиров (*џора*), так и у более поздних тюрков – карачаево-балкарцев (*elri* и *џора*), детально разработавших соответствующий культ (в отличие от осетин-дигорцев и абхазов), и оба эти народа (гунны-савиры и карачаево-балкарцы) отличаются территориальной преемственностью. Не

должны ли эти факты заставить нас вспомнить о том, что культурное взаимодействие между Передней Азией (и, шире, Ближним Востоком) и Кавказом было не менее интенсивным и древним, чем в Средней Азии?

Литература

- Абаев 1958 – *Абаев В.И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. I. М.-Л., 1958.
- Аликберов 2010 – *Аликберов А.К.* Ранние хазары (до 652/653 г.), тюрки и Хазарский каганат // Хазары: миф и история. М.: ИВ РАН, 2010.
- Анохин 1924 – *Анохин А.В.* Материалы по шаманству у алтайцев // Сб. Музея Антропологии и Этнографии РАН. Т. IV, 2. М., 1924.
- Арбачакова 2001 – *Арбачакова А.Н.* Текстология шорского героического эпоса. Новосибирск, 2001.
- Биджиев 1993 – *Биджиев Х.Х.* Тюрки Северного Кавказа. Черкесск, 1993.
- Боровков 1932 – *Боровков А.К.* Карачаево-балкарский язык // Яфетический сборник. VII. Л., 1932.
- Гадло 1979 – *Гадло А.В.* Этническая история Северного Кавказа IV–X вв. Л., 1979.
- Гаркавец 2001 – *Гаркавец А.Н.* Кыпчакское письменное наследие. Том III. Кыпчакский словарь. Алматы, 2010.
- Джуртубаев 1991 – *Джуртубаев М.Ч.* Древние верования балкарцев и карачаевцев. Нальчик, 1991.
- ДТС 1969 – *Древнетюркский словарь.* Л., 1969.
- Колпаков 1948 – *Колпаков А.П.* К вопросу о скотоводческих терминах у таджиков Кулябской области // Сообщения Тадж. филиала АН СССР. Вып. IX. Сталинабад, 1948.
- Народы 1998 – *Народы Карачаево-Черкесии: история и культура.* Черкесск, 1998.
- Невская 1957 – *Невская В.П.* Карачаевцы // Народы Карачаево-Черкесии. Историко-этнографические очерки. Ставрополь, 1957.
- Посемейные списки 2004 – *Посемейные списки населенных пунктов Нальчикского округа 1886 г.* Том IV. Ч. 2. Нальчик, 2004.
- Прокопий Кесарийский 2006 – *Прокопий Кесарийский.* Война с готами. Кн. VII. 10. Перевод С.П. Кондратьева // Сб.: А.Н. Гаркавец. Великая степь в античных и византийских источниках. Алматы, 2006.
- Радлов 1893 – *Радлов В.В.* Опыт словаря тюркских наречий. Т. I. Ч. 1–2. СПб., 1893.
- Радлов 1905 – *Радлов В.В.* Опыт словаря тюркских наречий. Т. III. СПб., 1905.
- Религиозные верования 1931 – *Религиозные верования народов СССР // Сб. этнографических мат-лов.* Т. II. М.-Л., 1931.

- Смбатян 1984 – *Мовсес Каланакатуацци*. История страны Алуанк / пер. Ш.В. Смбатяна. Ереван, 1984.
- Смирнов 1889 – *Смирнов И.Н.* Черемисы. Историко-этнографический очерк. Казань, 1889.
- Федотов 1965 – *Федотов М.Р.* Исторические связи чувашского языка с языками угро-финнов Поволжья и Перми. Ч. 1. Чебоксары, 1965.
- Финник 2008 – *Финник С.В.* Происхождение кочевого этноса савиров в связи с возможностью пересмотра их роли в землях славян Днепровского Лесостепного Левобережья // Харьковский археологический сборник. Вып. 3. Харьков, 2008.
- Щербак 1961 – *Щербак А.М.* Названия домашних и диких животных в тюркских языках // Историческое развитие лексики тюркских языков. М., 1961.

Аннотация

В статье на основе анализа слова *eldri (elri)* из древнетюркских текстов устанавливается происхождение доисламских религиозных терминов *elliri* and *çoppa*, сохранившихся у ряда современных народов Северного Кавказа.

Ключевые слова

древнетюркский религиозный термин, гунны-савиры, карачаево-балкарцы, кавказские языки

Сведения об авторе

Глашев Ахмед Алабиевич – директор Института тюркологии, главный редактор журнала «Вопросы тюркологии»; e-mail: a.glashev@mail.ru

Akhmed Glashev

Old Turkic Religious Terms in The Northern Caucasus

Summary

The article is related to study of the word *eldri (elri)* from the old Turkic texts. The author discovers the origin of religious terms *elliri* and *çoppa*, which are preserved in the languages of the Northern Caucasus region today.

Key words

old Turkic religious term, Sabir Huns, Karachay-Balkar, Caucasian languages

Information about the author

Akhmed A. Glashev – Head of Institute of Turkology, Chief Editor of Scientific Journal «Voprosi Turkologii» (Issues of Turkology); e-mail: a.glashev@mail.ru

О.М. Кадырова

К ПРОБЛЕМЕ РАЗГРАНИЧЕНИЯ СОЧИНЕННЫХ И ПОДЧИНЕННЫХ КЛАУЗ В ТУРЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

В языкознании применяются разнообразные способы проверки синтаксических конструкций для определения типа связи – сочинительной или подчинительной, разработанные на материалах языков индоевропейского типа [Пешковский 1959 (1926): 140–141; Зализняк 1975: 58; Е.Н. Ширяев 1986: 18–21; Тестелец 2008: 61–85, 229–261]. Однако применение разработанных критериев к материалам урало-алтайских языков вызывает вопросы. Проблемой разграничения сочинения и подчинения в языках урало-алтайского типа занимались В.И. Подлеская (японский), Е.Л. Рудницкая (корейский), П.В. Гращенков (мишарский диалект татарского, киргизский, казахский), А.Г. Пазельская (мишарский диалект татарского), О.М. Кадырова (турецкий), Л.С. Селендили (крымско-татарский) и др. Применение тестов на соположение и вложение клауз [Пазельская 2007: 2016; Гращенков 2015, Кадырова 2016], (не)возможность экстрапозиции [Гращенков 2015], релятивизацию и воздействие матричного глагола [Пазельская 2007: 116–124] дают результаты, которые свидетельствуют о признаках сочинительной или подчинительной связи у тех или иных конструкций упомянутых языков. При этом протестированные выражения могут иметь формальные или смысловые признаки сочинения и подчинения одновременно. Поэтому В.И. Подлеская в [Подлеская 1993] предлагает не бинарный, а градуальный подход к определению типа связи, а Е.Л. Рудницкая утверждает, что в отношении языков урало-алтайского типа можно говорить только о присутствии признаков сочинительной связи [Рудниц-

кая 1997]. Задача данной работы состоит в поиске формальных признаков сочинения и подчинения в турецких полипредикативных конструкциях с союзами.

Союзная связь признается нехарактерной для турецкой речи [Кононов 1956; Lewis 1967], однако словарь содержит довольно большое число единиц, которые определяются специалистами как союзы. Например, Ю.В. Щека предлагает список из 30 сочинительных и 14 подчинительных союзов [Щека 2007: 328–332]. З. Коркмаз в разделе *bağlaçlar* ‘союзы’ или ‘соединители’ указывает гораздо более обширный список единиц, не все из которых попадают под привычное нам определение союза: «Служебное слово, синтаксическая функция которого состоит в том, чтобы соединять полнозначные слова или связывать между собой предложения и другие синтаксические единства, устанавливая разные виды их отношений друг с другом» [Ахманова 1966: 146]. При этом З. Коркмаз не классифицирует перечисляемые единицы как сочинительные и подчинительные. В турецкой тюркологии термин «сочинение» не применяется. Мы поставили перед собой задачу протестировать турецкие союзы *çünkü*, *bunun için*, *ve* и *ama* (*amma*) по общепринятым критериям сочинения и подчинения. Перед тем как изложить результаты тестов, уточним, что все приведенные в тексте примеры проверены носителями языка на предмет их грамматичности.

Союз *ve* заимствован, по мнению З. Коркмаз, из арабского [Korkmaz: 1104], а по мнению Дж.Л. Льюиса, из персидского [Lewis: 206] языка. *Ve* употребляется при перечислении. В отечественной тюркологии обозначается как сочинительный [Кононов 1956; Щека 2017].

- (1) *Ahmet çalıştı ve Mehmet ona yardım etti.*
‘Ахмет работал, и Мехмет ему помогал’.

Союз *ama* является арабским заимствованием [Lewis 2010], в отечественной тюркологии его относят к классу сочинительно-противительных.

- (2) *Ahmet işini yaptı, ama Mehmet ona yardım etmedi.*
‘Ахмет выполнил свою работу, но Мехмет ему не помог’.

Союз *çünkü* является персидским заимствованием [Lewis 2010], в отечественной тюркологии определяется как подчинительный союз с причинным значением.

(3) *Ahmet işini yaptı çünkü Mehmet ona yardım etti.*

‘Ахмет выполнил свою работу, потому что ему помог Мехмет’.

Союз *bunun için* сформирован сочетанием указательного местоимения и послелога и выступает как соединительный элемент со значением следствия или цели. В отечественной и турецкой тюркологии данный композит считается союзом [Кононов 1956; Щека 2007]. В грамматике [Lewis 2010] данная единица в списке союзов отсутствует.

(4) *Mehmet Ahmed'e yardım etti, bunun için Ahmet işini yaptı.*

‘Мехмет Ахмеду помог, поэтому Ахмед и выполнил свою работу’.

Природа сочинительной связи состоит в симметричности, равноправности сочиненных единиц. Однако судить о равноправии не всегда бывает просто, особенно если речь об иностранном языке. Поэтому на сегодняшний день лингвистами накоплен некоторый список наблюдений, ставшими критериями, признаками сочинения и подчинения.

1. Линейная позиция союза

Сочинительный союз не может быть в препозиции сочиненной группы, а подчиненный обычно может [Пешковский 1956 (1928): 464; Тестелец 2008: 255]. В турецком языке *ve*, *ama*, *çünkü*, *bunun için* не могут быть в препозиции, кроме случаев разъяснения предыдущего утверждения, что ставит под сомнение самостоятельность высказываний, оформленных этими союзами. В некоторых случаях *ama* бывает в начале предложения, но не в роли союза, а в роли междометия и с удвоенной *m*.

(5) *Amma da yaptın!*

‘Да ну?!’

Закрепленность линейной позиции союзов *ve*, *ama*, *çünkü*, *bunun için* с невозможностью препозиции является формальным признаком сочинения.

Таблица 1.

Наличие признаков сочинения и подчинения по критерию линейной позиции (наличие +, отсутствие -)

Союз	Сочинение	Подчинение
<i>ve</i>	+	-
<i>ama</i>	+	-
<i>çünkü</i>	+	-
<i>bunun için</i>	+	-

2. Гнездование.

Трансформация во вложенный сирконстант

Правило звучит так: сложная клауза X называется сложно-подчиненной, если в нее вложена другая клауза Y [Тестелец 2008: 257].

- (6) [*Ahmet çalıştı*] [*ve Mehmet ona yardım etti*].
‘Ахмет работал, и Мехмет ему помогал’.
- (7) [*Ahmet işini yaptı*], [*ama Mehmet ona yardım etmedi*].
‘Ахмет выполнил свою работу, но Мехмет ему не помог’.
- (8) [*Ahmet işini yaptı*] [*çünkü Mehmet ona yardım etti*].
‘Ахмет выполнил свою работу, потому что ему помог Мехмет’.
- (9) [*Mehmet Ahmed’e yardım etti*] [*bunun için Ahmet işini yaptı*].
‘Мехмет Ахмеду помог, поэтому Ахмед и выполнил свою работу’.

По правилам турецкого языка, ни одна из клауз, указанных в примерах 6, 7, 8, 9, не может быть вложена в другую. При этом в турецком языке обычно подчиненный элемент занимает линейную позицию предшествования главному. В примерах постпозиция клауз с *ve*, *ama*, *çünkü* и *bunun için* закреплена. Клаузы сопо-

ложены, клаузу с союзом невозможно вложить. И это формальный признак сочинения. Но в 8 и 9 одна из клауз является сирконстантом по смыслу. Докажем это путем морфологической трансформации.

(10) [*Ahmet, [Mehmet ona yardım ettiği için] işini yaptı*].

‘Ахмет, благодаря тому, что Мехмет ему помог, выполнил свою работу’.

Клауза с *çünkü* может быть трансформирована во вложенный сирконстант, если выбрать бессоюзный способ связи, в данном случае конверб на *-DIĞI için*. Это признак подчинения.

Предположительно, подчиненная клауза с *bunun için*, выступающая в значении следствия, не может быть трансформирована во вложенный сирконстант, если выбрать бессоюзный способ связи. Но во вложенный сирконстант трансформируется клауза без *bunun için*, которую мы предполагали назначить главной. В этом случае она обретает морфологию обстоятельства причины и пример 9 трансформируется в пример 10. Данный результат можно рассматривать как формальный признак подчинения, потому что клаузу с *bunun için* нельзя вложить, но по смыслу на лицо признак взаимного соподчинения причины и следствия.

Таблица 2.

Наличие признаков сочинения и подчинения по критерию гнездования

Союз	Сочинение	Подчинение
<i>ve</i>	+	-
<i>ama</i>	+	-
<i>çünkü</i>	-	+
<i>bunun için</i>	+	+

3. Морфосинтаксический локус. Воздействие матричного глагола

Я.Г. Тестелец: «Если две клаузы X и Y не вложены одна в другую и при этом обе являются непосредственными состав-

ляющими третьей клаузы Z, то отношения между X и Y называется сочинением, а Z – сложно-сочиненной клаузой» [Тестелец: 255–256].

Грамматика турецкого языка предполагает обязательное изменение морфологии сказуемых X и Y, чтобы их вложить в клаузу Z. Притом, возможно, с потерей или заменой соединительного средства. Морфологический тест предполагает одинаковую замену двух сказуемых в случае сочинения.

(11) [*Şef, [Ahmed'in çalıştuğunu] ve [Mehmed'in ona yardım ettiğini] öğrendi*].

‘Шеф узнал о том, что Ахмет работал и Мехмет ему помог’.

Сказуемые несут на себе одинаковую морфологию. Это признак сочинения.

(12) [*Şef, [Ahmed'in çalıştuğunu] ama [Mehmed'in ona yardım etmediğini] öğrendi*].

‘Шеф узнал, что Ахмет работал, но Мехмет ему не помог’.

Сказуемые несут на себе одинаковую морфологию. Это признак сочинения.

Трансформация *çünkü* с участием другого соединительного средства – замена на конверб:

(13) [*Şef, [Ahmed'in [Mehmet ona yardım etmeyince] işini yapmadığını] öğrendi*].

‘Шеф узнал, что Ахмет не выполнил свою работу, потому что Мехмет ему не помог’.

(14) [*Şef, [Ahmed'in [Mehmet ona yardım etmediği için işini yapmadığını] öğrendi*].

‘Шеф узнал, что Ахмет не выполнил свою работу, потому что Мехмет ему не помог’.

Результаты трансформации указывают на подчиненное положение клаузы с *çünkü* (13) и подчинение бессоюзной клаузы без *bunun için* (14): сказуемые клауз несут на себе разную морфологию и при этом одна вложена в другую.

Однако предложение с *bunun için* может быть трансформировано иначе:

(15) [*Şef, [Mehmet Ahmed'e yardım etmediği için] [onun işi yapmadığını] öğrendi*].

‘Шеф узнал, что Ахмет не выполнил свою работу, потому что Мехмет ему не помог’.

В примере 15 клаузы соположены, но несут на себе все же разную морфологию, что является признаком подчинения.

Таблица 3.

Наличие признаков сочинения и подчинения по критерию воздействия матричного глагола

Союз	Сочинение	Подчинение
<i>ve</i>	+	-
<i>ama</i>	+	-
<i>çünkü</i>	-	+
<i>bunun için</i>	-	+

4. Критерий синтагматического развертывания

Е.Н. Ширяева [Ширяев 1986]

Клауза, которую возглавляет подчинительный союз, может сочиняться с другой клаузой, возглавляемой тем же союзом. Данный критерий не годится для турецкого языка, так как повторение одинаковых союзов в предложении не принято.

5. Ограничение на сочиненную структуру.

Способность к экстрапозиции

А'-передвижение элемента из предположительно главной клаузы путем образования вопроса или топикализации обычно бывает неграмматичным, если структура сочиненная. Подчиненная же структура обычно позволяет, например, задавать вопрос к одному из элементов главной клаузы [Ross, 1967]. Данный тест был проведен в [Гращенко 2015] на материале казахского и киргизского языков в отношении конструкций с конвербами на *-p*. Тесты показали, что вынос элемента относительно главной клау-

зы возможен для односубъектных конструкций и неграмматичен для разносубъектных, что указывает на «двойственную природу тюркских конвербов» [Гращенко 2015]. Протестируем турецкие конструкции с союзами.

- (16) **Kime Ahmet çalıştı ve Mehmet yardım etti?*
 ‘*Кому Ахмет работал, и Мехмет помог?’
- (17) **Kime Ahmet işini yaptı, ama Mehmet yardım etmedi?*
 ‘*Кому Ахмет выполнил свою работу, но Мехмет не помог?’
- (18) *Neyi Ahmet yaptı çünkü Mehmet ona yardım etti?*
 ‘Что Ахмет выполнил, потому что Мехмет помог?’
- (19) *Mehmet kime yardım etti, bunun için Ahmet işini yaptı?*
 ‘Кому помог Мехмет, поэтому Ахмет выполнил свою работу?’

Невозможность экстрапозиции для примеров с *ve* и *ama* (16, 17) говорит о формальном признаке сочинения. Конструкция с *çünkü* продемонстрировала признаки подчинения (18). Вынос элемента из предположительно главной клаузы предложения с *bunun için* привел к созданию нетипичного, но допустимого варианта вопроса.

Таблица 4.
 Наличие признаков сочинения и подчинения
 по критерию способности к экстрапозиции

Союз	Сочинение	Подчинение
<i>ve</i>	+	-
<i>ama</i>	+	-
<i>çünkü</i>	-	+
<i>bunun için</i>	-	+

6. Критерий обратимости Пешковского

Сочиненные единицы можно поменять местами, оставляя союз на месте, а подчиненные нельзя [Пешковский 1956].

- (20) *Ahmet çalıştı ve Mehmet ona yardım etti.* = *Mehmet ona yardım etti ve Ahmet çalıştı.*
 ‘Ахмет работал, и Мехмет ему помог. = Мехмет ему помог, и Ахмет работал’.
- (21) *Ahmet işini yaptı, ama Mehmet ona yardım etmedi.* = *Mehmet ona yardım etmedi ama Ahmet işini yaptı.*
 ‘Ахмет выполнил свою работу, но Мехмет ему не помог. = Мехмет ему не помог, но Ахмет выполнил свою работу’.
- (22) *Ahmet işini yaptı çünkü Mehmet ona yardım etti.* ≠ *Mehmet ona yardım etti çünkü Ahmet işini yaptı.*
 ‘Ахмет выполнил свою работу, потому что Мехмет ему помог. ≠ Мехмет ему помог, потому что Ахмет выполнил свою работу’.
- (23) *Mehmet Ahmet’e yardım etti, bunun için Ahmet işini yaptı.* ≠ *Ahmet işini yaptı bunun için Mehmet Ahmet’e yardım etti.*
 ‘Мехмет помог Ахмеду, поэтому он выполнил свою работу. ≠ Ахмет выполнил свою работу, поэтому Мехмет ему помог’.

Возможность перестановки клауз в предложениях с *ve* и *ama* говорит о признаках сочинения. Невозможность перестановки клауз в предложениях с *çünkü* и *bunun için* говорит о признаках подчинения. Данный тест достаточно прозрачно продемонстрировал, что союзы установили определенные типы связи между клаузами.

Таблица 5.

Наличие признаков сочинения и подчинения по критерию обратимости

Союз	Сочинение	Подчинение
<i>ve</i>	+	-
<i>ama</i>	+	-
<i>çünkü</i>	-	+
<i>bunun için</i>	-	+

Выводы

В вопросе определения типа синтаксической связи клауз с союзами в турецком языке приемлемо руководствоваться следующими критериями: воздействие матричного глагола, трансформация во вложенный сирконстант, ограничение на сочиненную структуру (здесь способность к экстрапозиции) и критерий обратимости. Целесообразность применения таких критериев, как линейная позиция союза и синтагматическое развертывание, в отношении явлений турецкого языка вызывает сомнения.

Принимая во внимание выборочный подход к критериям сочинения и подчинения, по результатам тестов можно утверждать, что союзы *ve* и *ama* относятся к сочинительным, союз *çünkü* относится к подчинительным, союз *bunun için* является скорее подчинительным, но имеет признаки сочинительного союза.

Литература

- Ахманова 1966 – *Ахманова О.С.* Словарь лингвистических терминов. М.: Изд. «Советская энциклопедия». 1966.
- Гращенков 2015 – *Гращенков П.В., Ермолаева М.Б.* О двойственной природе тюркских конвербов // Вестник Московского государственного университета. Сер. 9. Филология. 2015. № 2. С. 42–55.
- Зализняк 1975 – *Зализняк А.А., Падучева Е.В.* К типологии относительного предложения // Семиотика и информатика. 1975. Вып. 6. С. 58.
- Кадырова 2016 – *Кадырова О.М.* Турецкие конвербы на -İr: сочинение или подчинение // Успехи современной науки и образования. № 5. 2016. С. 113–116.
- Кононов 1956 – *Кононов А.Н.* Грамматика современного турецкого литературного языка. М.-Л.: Изд. АН СССР. 1956.
- Пазельская 2007 – *Пазельская А.Г.* Проблема сочинения и подчинения // Мишарский диалект татарского языка. Очерки по синтаксису и семантике / под ред. Е.А. Лютиковой, К.И. Казенина, В.Д. Соловьева, С.Г. Татевосова. Казань: «Магариф». 2007. С. 115–125.
- Пешковский 1956 – *Пешковский А.М.* Русский синтаксис в научном освещении. Изд. 7-е. М., 1956.
- Подлеская 1993 – *Подлеская В.И.* Сложное предложение в современном японском языке. Материалы к типологии теории полипредикативности. М.: Изд-во Ин-та востоковедения. 1993.

- Рудницкая 1997 – *Рудницкая Е.Л.* Проблема алтайского сочинения в корейском языке // Вопросы языкознания. № 6. 1997. С. 89–99.
- Селендили 2015 – *Селендили Л.С.* Лексико-семантические и синтморфологические особенности конструкторов крымскотатарского предложения (формальный и прикладной аспекты). Дис. ... д.ф.н. Симферополь. 2015.
- Тестелец 2008 – *Тестелец Я.Г.* Введение в общий синтаксис. М., 2008.
- Ширяев – *Ширяев Е.Н.* Бессоюзное сложное предложение в современном русском языке. М.: Наука. 1986.
- Щека 2007 – *Щека Ю.В.* Практическая грамматика турецкого языка. М.: АСТ: Восток-Запад. 2007.
- Korkmaz 2009 – *Korkmaz Z.* Türkiye Türkçesi Grameri (Şekil Bilgisi). Ankara: Türk Dil Kurumu. 2009.
- Lewis 1967 – *Lewis G.L.* Turkish grammar. Oxford. 1967.
- Ross 1967 – *Ross J.R.* Constraints on Variables in Syntax. PhD Thesis. MIT, Cambridge, MA. 1967.

Аннотация

В статье рассматривается проблема применения формальных критериев для разграничения типов синтаксической связи в сложных предложениях турецкого языка. К предложениям с союзами *ve*, *ama*, *çünkü*, *bunun için* применяются формальные тесты.

Ключевые слова

союзная связь в турецком, признаки сочинения, признаки подчинения, критерии сочинения в урало-алтайских языках, признаки подчинения в урало-алтайских языках, сложное предложение в турецком, урало-алтайское сложное предложение

Сведения об авторе

Кадырова Ольга Михайловна – младший научный сотрудник отдела Языков народов Азии и Африки Института Востоковедения Российской Академии Наук (ИВ РАН); e-mail: alfabem@yandex.ru

Olga Kadyrova

On the Problem of Distinction between Coordinate and Subordinate Clauses in Turkish

Summary

The article deals with some formal criteria distinguishing the types of complex predication in Turkish. Some formal tests were made to research Turkish compound vs. complex sentences with conjunctions *ve*, *ama*, *çünkü*, and *bunun için*.

Key words

conjunctions in Turkish, Ural-Altaic coordinative conjunctions, Ural-Altaic subordinative conjunctions, coordination criteria, subordination criteria, complex sentence in Turkish, complex sentence in Uraltaic, compound sentence in Uraltaic

Information about the author

Olga M. Kadyrova – Junior Researcher of Institute of Oriental Studies of Russian Academy of Sciences, Department of Asian and African languages; e-mail: alfabem@yandex.ru

Ш.Н. Камалова

КОПУЛЯТИВНАЯ МОДЕЛЬ В ЯЗЫКЕ ДРЕВНЕТЮРКСКИХ РУНИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ И СОВРЕМЕННОМ АЗЕРБАЙДЖАНСКОМ ЯЗЫКЕ

Задачей данной статьи является структурно-семантическое описание одной синтаксической модели, компоненты которой связаны между собой копулятивной связью. В языкознании существует мнение, согласно которому в синтаксической подсистеме языка имеется всего лишь три типа наиболее общих синтаксических структур – моделей синтаксических конструкций, внутри которых возникает определенная связь: копулятивная структура, атрибутивная структура и предикативная структура [Баскаков 1974: 13–27; Мельников 1969: 107; Гузев 2015: 259; Камалова 2018: 28].

Настоящая работа посвящена исследованию копулятивных моделей, в которых отношения между компонентами носят сочинительный характер и представляют собой объединение двух и более знаменательных слов. Объединенные одинаковой синтаксической функцией, но независимые по отношению друг к другу слова в предложении (однородные члены предложения) вступают в сочинительные отношения. В отличие от сочетания таких слов, словосочетание всегда предполагает зависимость одного слова от другого.

«Отношение подлежащего и сказуемого является тем основным отношением, из которого вытекают все остальные синтаксические отношения, за исключением одного-единственного: я имею в виду копулятивную связь между несколькими элементами, объединенными в один член предложения» [Пауль 2014: 163].

Копулятивные модели в языке древнетюркских рунических памятников (далее ДТРП) весьма ограничены и ранее не явля-

лись объектом специальных исследований в разных работах [Баскаков 1974: 27; Гузев 2015: 261; Мельников 1969: 107]. Копулятивные модели недостаточно изучены не только в древних тюркских языках, но и в современном азербайджанском языке [Камал 2016: 75].

Язык ДТРП является генетическим предшественником современного азербайджанского языка [Камалова 2017: 93]. Вследствие чего перед нами ставится задача на материале двух этих языков проследить диахроническую линию развития копулятивных конструкций как с семантической, так и с формально-морфологической точки зрения. В этой статье мы рассмотрим структурно-семантическую близость параллельных компонентов со схожими элементами.

Примеры и переводы древнетюркских текстов мы взяли из книги С.Е. Малова [Малов 1951; 1959], а азербайджанских – из художественной литературы и речи носителей языка.

В копулятивных моделях отсутствуют атрибутивные отношения между компонентами. Лексические единицы, входящие в словосочетания этого типа, принадлежат к одному грамматическому ряду. Близкие по значению слова в составе единого словосочетания логически дополняют друг друга и чаще всего принадлежат к одному тематическому ряду.

В копулятивных моделях каждое слово в словосочетании имеет свое собственное ударение. Сочинительные словосочетания способны в семантическом плане расширить объем значений денотата с эмоционально-оценочной окраской.

В современном азербайджанском языке сфера употребления словосочетаний с копулятивной связью очень разнообразна. Такие словосочетания служат строительным материалом для составления предложений; смысловое и структурное единство сочетающихся лексических единиц представляет собой развернутое наименование предметов, явлений, их признаков отношений к реальной действительности.

Структурный вариант копулятивной модели и в языке ДТРП и в современном азербайджанском языке характеризуется простым перечислением однородных членов предложения. В основе копулятивных моделей лежит модель объединения подлежащих:

1. *kirkiz kurikan otuz tatar*
 киргизи-SUB курыканы-SUB тридцать татар-SUB
kitan tatabi kop jayi ärmis
 кытай-SUB татаби-SUB все враги были
 ‘...киргизы, курыканы, тридцать татар, кытай и татаби все были врагами’ (Ktb 14).

Иногда бывает в одном предложении две копулятивные модели, то есть однородные подлежащие и сказуемые:

2. *tabyač, tüpüt, apar, purum,*
 Табгач-SUB тибетцы-SUB авары-SUB римы-SUB
kirkiz, üç kurikan, otuz tatar
 киргизи-SUB три-курыкана-SUB тридцать-татар-SUB
kitan, tatabi- bunča budun kälipän
 кытай-SUB татабийцы-SUB столько народов придя
süytmis jylamis
 стонали-PRED плакали-PRED
 ‘табгач, тибетцы, авары и римы, киргизы, три-курыкана, тридцать-татар, кытай и татабийцы, столько народов придя, стонали и плакали’ (Ktb 4).

В этом предложении *tabyač, tüpüt, apar, purum, kirkiz, üç kurikan, otuz tatar, kitan, tatabi* – однородные подлежащие, а *süytmis, jylamis* – однородные сказуемые.

В ДТРП однородные сказуемые были широко распространены.

3. *Eçümüz-apamız Bumın kağan tört buluğu*
 Наш предок Бумын-каган четыре угла
kismis, jümüš, jajmıš,
 притеснил-PRED повалил-PRED победил-PRED
basmiš
 раздавил-PRED
 ‘Наш предок Бумын-каган четыре угла (мира) притеснил, повалил, победил, раздавил’ (O1).

Выделенные однородные сказуемые являются компонентами высказывания, в целом имеющего предикативную структуру. Оба главных члена предложения имеют атрибутивные структуры: субъект, называющий производителя действий, – определительную, предикат имеет дополнительную, а также копулятивную конструкцию в составе сказуемого, которая состоит из четырёх членов.

Однородные определения:

4. *içre ašsüz* *tašra tonsüz*
внутри без пищи-DEF снаружи без одежды-DEF
yabız *yablak* *bodunta* *üzä olurtım*
жалкий-DEF низкий-DEF народом над я сел

‘...я сел (на царство) над народом, у которого внутри не было пищи, а снаружи — одежды, (над народом) жалким и низким’ (Ktb 26).

Компоненты копулятивной конструкции – распространенные и нераспространенные определения: *içre ašsüz*, *tašra tonsüz*, *yabız*, *yablak*.

Вся копулятивная цепочка представляет собой распространенное определение, где определяемое – слово *bodun* ‘народ’. Это предложение завершается дополнительной конструкцией *bodunta üzä olurtım* ‘я сел (на царство) над народом’.

Однородные дополнения:

5. *...türkimä* *bodunıma* *jegin anča*
моих тюрок-ADD моего народа-ADD добро так
qazıyanu birtim
приобрел

‘Для моих тюрок, для моего народа я добра как много приобрел’ (М Ха 10).

С одним и тем же сказуемым вступают в связь два подлежащих или же с одним подлежащим – два сказуемых. Если при этом отношение двух подлежащих к общему сказуемому или

двух сказуемых к общему подлежащему совершенно одинаково, то такое трехчленное предложение может быть заменено предложением из двух членов, один из которых является копулятивным соединением двух элементов, причем существенного изменения смысла не происходит.

Однородные обстоятельства:

6. *Îlqäri kün toysık(k)a*

Вперед к солнечному восходу-CİRC

birgäri gün ortusïjaru, kurïyaru gün batsikiña,

справа, полуденной-CİRC назад, к солнечному закату-CİRC

jüryaru tün ortusïjaru, anta içräki budun

слева полноточной-CİRC там находящиеся внутри народы

kop m(aña körür, anç) a budun

все мне подвластны

‘Вперед, к солнечному восходу, справа, (в стране) полуденной, назад, к солнечному закату, слева (в стране) полноточной, – (повсюду) там (т.е. в этих пределах) живущие (букв. находящиеся внутри) народы – все мне подвластны’ (Ktm 2).

Первоначально язык мог обходиться безо всяких особых средств выражения копулятивной связи. В развитых языках связь между членами копулятивной модели обозначена с помощью союзов. Например:

jemä ‘также’, ‘еще’

Kün jämä, tün jämä jülü bardimiz (Т 27). ‘Мы мчались [на конях] и днем и ночью’.

При отрицательном сказуемом:

Îl jämä, budun jämä joq ärtäci ärti (Т 55). ‘Ни эля, ни народа не было бы’.

artuqi ‘еще’, ‘кроме того’

Kirk artuk(i jiti) jolü sülämis (КТб 15). ‘Сорок да еще семь раз ходили они в поход’.

В современных тюркских языках, в том числе современном азербайджанском языке, однородные члены предложения часто употребляются без союзов.

Qalx, oyan, zövq al bu fürsətdən [Cavid 2005: 58] ‘Вставай, проснись, получи удовольствие от этой возможности’.

Или с сочинительными союзами:

Aygün gözəl və ağıllıdır ‘Айгун красивая и умная’.

Формальные средства связи (сочинительные союзы) могут иметь место, но могут и отсутствовать, в таком случае наличествует простое соположение компонентов словосочетания. «Но даже в тех языках, в которых есть специальные морфемы (например, союзы) для выражения копулятивности, последние используются несравненно реже, чем средства перечислительной интонации. Следовательно, в языках, в которых господствует принцип экономии служебных элементов, выражение копулятивности тем более должно быть основано на интонации» [Мельников 1969: 107].

В современном азербайджанском языке союзные сочинительные словосочетания можно подразделить по характеру отношений между их компонентами на:

1) соединительные, образуемые посредством союза *və* ‘и’, послелога *ilə, -la, -lə* ‘с’, энклитики *da, də* ‘и’, ‘же’. Например:

Dilsiz və sağır göylər onun halını duymaz [Cavid 2005: 146] ‘Немое и глухое небо не слышит его состояние’.

Keçərat yolunda baş ilə candan [Vurğun 2005: 99] ‘Ради тебя я готов пожертвовать головой и жизнью’.

Güldən də, çiçəkdən də, günəşdən də sən gözəlsən [Vahid 1975: 293]. Ты красивей розы, цветка и солнца’.

2) противительные, образуемые словами *amma, ancaq, lakin* ‘но’, *deyil, yox* ‘не’.

Varlı amma xəsisdir. ‘Богатый, но жадный’.

Kitab yox, qəzet aldim. ‘Купил не книгу, а газету’.

Alma deyil, armud almağımı istəmişdim. ‘Я попросила купить не яблоко, а грушу’.

Если в этих примерах убрать союзы, смысл предложения меняется, а точнее, предложение его теряет.

3) разделительные, образуемые посредством союзов *vəya* ‘или’, *nə ... nə (də)* ‘ни ... ни’, *bir... bir (də)* ‘то ...то’, *həm ... həm (də)* ‘и...и’.

Nə tən, nə qardaşım, nə də başqa qohumlar o il kəndə getmədik.
‘Ни я, ни брат, ни другие родственники в тот год не поехали в деревню’.

Həm ağaclar, həm çiçəklər. ‘И деревья, и цветы’.

4) пояснительные, образуемые посредством союза *yəni* ‘то есть’.

Bakının zəngin sərəvəti, yəni nefti var. ‘У Баку есть богатство, то есть нефть’.

Бессоюзные сочинительные словосочетания по соотносительности лексико-семантических значений своих компонентов могут быть приближенны.

Firuzə on altı, on yeddi yaşlarında gözəl bir qızıdır. ‘Фируза шестнадцати-семнадцатилетняя красивая девушка’.

В языке ДТРП мы встречаем похожий пример: *İki üç kişiligin* (М 41) ‘Двумя или тремя людьми’. И в языке древнетюркских рунических памятников, и в современном азербайджанском языке компоненты копулятивных моделей объединяются на основе морфологического подобия и следующих основных семантических свойств составляющих их компонентов:

а) семантическая близость и синонимия, например: *söz sab* (в ДТРП), *söz söhbət* (в азерб.), ‘беседа’;

б) антонимия, например: *açsîk toksîk ömâz sân* (Ktm 8). ‘Когда же ты тощ и голоден (но тем не менее), ты не понимаешь (состояния) сытости?’.

Qış, yay, gecə, gündüz çalışırdı. ‘Он работал зимой и летом, днем и ночью’.

в) бинарность, например: *eçüm aram* (в ДТРП) ‘Мои старшие предки’.

Pəki, sənin anan-baban varmı?[Cavid 2005; 49] ‘Ладно, есть ли у тебя папа-мама?’

В своей работе, посвященной персидскому языку, Талыбова написала: «Копулятивная связь в сложных словах имеет функцию интерфикса/капулы – *واو میان وند vāv-e miyānvand* и является неотъемлемой частью составных числительных после 20: 22 *بیست و دو bist-o do*, 157 *صد و پنجا و هفت sad-o pancāh-o haft*» [Талыбова 2002]. Хусейин Даллы тоже в своей работе показывал составные числительные как копулятивные модели в современном турецком языке: «*beş yüz altmış üç*» [Даллы 2018: 126]. По нашему мнению, между составными числительными в тюркских, в том числе в языке ДТРП, и современном турецком и азербайджанском языках копулятивная связь не присутствует. Компоненты копулятивных моделей не зависят друг от друга и любой из них можно заменить его же синонимом или сократить без ущерба для содержания. Если мы сократим или поменяем одно из числительных в предложении, то смысл поменяется. Например, *yüz əlli iki* ‘сто пятьдесят два’ и *yüz iki* ‘сто два’.

В копулятивных моделях близкие по значению слова в составе единого словосочетания логически дополняют друг друга и принадлежат к одному тематическому ряду.

Заключение

Сочинительные словосочетания, синтаксические средства образования весьма ограничены, в значительной степени формируются на основе указанных семантических свойств своих компо-

нентов и в большинстве своем являются лексическими единствами. В языках, где господствует принцип экономии служебных элементов, копулятивность должна выражаться в основном интонацией. В современном азербайджанском языке копулятивная модель используется чаще, чем в языке древнетюркских рунических памятников. С одной стороны, это показывает развитие языка, с другой стороны, в современных языках союзы, которые не характерны для тюркских языков, заимствованы и часто используются.

Список сокращений

ЇВ – «Irk bitig» («Гадательная книга»)
Ктв – Памятники в честь Кюль-тегина, большая надпись
Ктм – Памятники в честь Кюль-тегина, малая надпись
Т – Памятник в честь Тоньюкука
М, Ха, Хб – Памятник хану Могилияну
О – Онгинский памятник
ADD (addition) – дополнение
CIRC (circumstance) – обстоятельство
DEF (definition) – определение
PRED (predicate) – сказуемое
SUB (subject) – подлежащее

Литература

- Аманжолов – *Аманжолов А.С.* Глагольное управление в системе синтаксических связей слов (на основании данных древнетюркского языка). <http://old.ehistory.kz/media/upload/1466/2014/07/24/cd362235a11c2a1b5fd7130dab54fb58.pdf> (дата обращения 20.09.2019).
- Баскаков 1974 – *Баскаков А.Н.* Словосочетания в современном турецком языке. М.: «Наука». 1974.
- Гузев 2015 – *Гузев В.Г.* Теоретическая грамматика турецкого языка. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского государственного университета. 2015.
- Камалова 2017 – *Камалова Ш.Н.* Субстантивная определительная конструкция «изафет» в языке древнетюркских рунических надписей и в современном азербайджанском языке // *Филологические науки: вопросы теории и практики.* Часть 3. 2017. № 5 (71). С. 93–96.
- Малов 1951 – *Малов С.Е.* Памятники древнетюркской письменности. М.-Л.: Издательство Академии Наук СССР. 1951.

- Малов 1969 – *Малов С.Е.* Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.-Л.: Издательство Академии Наук СССР. 1959.
- Мельников 1969 – *Мельников Г.П.* Синтаксический строй тюркских языков с позиций системной лингвистики // Народы Азии и Африки. 1969. № 6. С. 104–113.
- Пауль 2014 – *Пауль Герман.* Принципы истории языка / пер. с нем. вступ. ст. С.Д. Канцельсона. М.: Книжный дом «Либроком». 2014.
- Талыбова – *Талыбова С.Э.* Словосочетания в современном персидском языке. <https://www.ayk.gov.tr/wp-content/uploads/2015/01/TALİBOVA-S.-E.-TALİBOVA-C.-Э-Словосочетания-в-современном-персидском-языке.pdf> (дата обращения 28.09.2019).
- Abdulla Kamal 2016 – *Kamal Abdulla.* Azərbaycan dili sintaksisinin nəzəri problemləri. Bakı: MTM-İnovation. 2016.
- Cavid 2005 – *Cavid Hüseyin* Seçilmiş əsərləri, beş cildə, I cild, “Lider Nəşriyyat”, Bakı. 2005. 256 s.
- Dallı 2018 – *Dallı Hüseyin.* Türkçede söz diziminin yapı birimleri. İstanbul: Papatya yay., Eğitim. 2018.
- Kamalova 2018 – *Kamalova Sh.N.* On the question of structural units of the Turkic syntax // TEXTE- Revue de critique et de theorie itteraire. 2018. Vol. 13. Issue 4. P. 27–30.
- Vahid 1975 – *Vahid Əliğa* Seçilmiş əsərləri, iki cildə, II cild, Azərbaycan Dövlət nəşriyyatı. 1975.
- Vurğun 2005 – *Vurğun Səməd* Seçilmiş əsərləri, beş cildə, IV cild, Şərq-Qərb, Bakı. 2005.

Аннотация

В статье рассматриваются копулятивные модели в языке древнетюркских рунических памятников и в современном азербайджанском языке. В ходе исследования были определены копулятивные модели в языке ДТРП и сопоставлены с современным азербайджанским языком. В языках, где господствует принцип экономии служебных элементов, копулятивность должна выражаться в основном интонацией. В современном азербайджанском языке копулятивная модель используется чаще, чем в языке древнетюркских рунических памятников.

Ключевые слова

древнетюркский язык, азербайджанский язык, копулятивная модель, союз

Сведения об авторе

Камалова Шахназ Новруз кызы – исследователь; Viva Lingua group – центр иностранных языков; e-mail: shahnazkamal@gmail.com

Shahnaz Kamalova

Copulative Model in Language of Ancient Turkic Runic Monuments and Modern Azerbaijani Language

Summary

The article uses copulative models on ancient Turkic runic monuments and in the modern Azerbaijani language. In the course of the research, copulative models in the ATRM language were identified and compared with the Azerbaijani language. In the languages where auxiliary elements tend to be saved, copulativity is mainly expressed intonationally. In the modern Azerbaijani language the copulative model is used more often than in the language of ancient Turkic runic inscriptions.

Key words

ancient Turkic runic monuments, Azerbaijani language, copulative model, conjunction

Information about the author

Shahnaz Novruz kızı Kamalova – Researcher; Viva Lingua group – center of foreign languages; e-mail: shahnazkamal@gmail.com

И.А. Кызласов

ОПАСНОСТЬ СОВРЕМЕННОГО ПИСЬМА РУНАМИ ТЮРКОВ

С 1980-х гг. и особенно с приходом 1990-х у ряда тюркских народов СССР проявился практический интерес к руноподобной письменности средневековья. Он возник даже там, где основой национальной культуры издавна служила арабица. Коренным жителям Южной Сибири, осмыслявшим самобытное прошлое, кроме рун, обратиться было не к чему. Процессу способствовала наглядность – осваивая научную литературу, люди устремились к камнеписным памятникам, окружавшим их на родине. Особенно этому помогли музейные собрания Минусинска, Кызыла, Абакана.

В Хакасии появились энтузиасты, освоившие письмо рунами: оно вошло в оформление газетных шапок, афиш, плакатов. Серьезность положения прояснилась, когда стали высекать надписи на могильных камнях кладбищ и уличных памятниках. Здесь уже не было места орфографическим вольностям. Но мало кто понимал, что в руническом письме, как в любой графической словесности, существовало свое правописание.

Этого не учитывала не только интеллигенция младописьменных народов, но даже и языковеды тех стран, в которых многими веками бытовали системы письма, разные по алфавиту и языку. Показательно, что и в тех, и в других землях ошибки в отношении рунической орфографии, были одинаковы: всюду практиковалось полногласное написание и не соблюдалось деление рун для согласных надвое – при твердых или мягких гласных. Примеры такого современного письма рунами уже приводились

мною [Кызласов 1996а: 129, 130, рис. 6; 1997: 183, 184; 1999: 104, 105], число их можно увеличить.

В составлении руководства «Как писать рунами по-хакасски» (или на другом тюркском языке – дело касается разных народов) основную сложность представляли звуки нашей речи, не имеющие знаков в руническом алфавите. Правда, кое-какие фонетические сложности заимствований преодолевались уже во времена рунической древности¹. Но запись обеих пар губных *o/ö* и *u/ü*, обычных в современных тюркских языках, требовала бы увеличения алфавита. Не укладывался в руны и отход от гармонии гласных, ныне существующий, например, в хакасском. Однако не это остановило разработку, казалось бы, необходимой «Новой тюркской рунической азбуки».

Во второй половине 90-х и начале 2000-х я несколько раз читал в Горно-Алтайском университете лекции по рунической письменности. Разбор орфографии обычно включал примеры написания знакомых для аудитории топонимов. Особенно часто мною на доске писалось **D** $\hat{=}$ **↓** (*a*)*lt(a)**j*, поскольку слово было коротким, а правописание его показательным. Помимо того, этим исправлялось неверное написание слова ‘Алтай’ рунами, служившее заставкой для местного телевидения: **↯** **Υ** **⋈** **↯** **D**.

Однако этот прием вскоре пришлось оставить. Как оказалось, лектор не учел природных и связанных с ними историко-культурных особенностей края.

¹ 60 лет назад на орхонских материалах это заметил Дж. Клосон в отношении руны **⋈**², передававшей *v*, и руны **↯** применявшейся вместо *f* [Clauson 1962: 77]. Ныне применение **⋈**² и **↯**¹ для обозначения *v* подтверждается енисейскими надписями: Алтай, Адыр-Кая I: ‘*jevig*’ > **⋈** **⋈** **⋈** – рел. ‘качества бодисатвы, необходимые для просветления’ [Кызласов 2001: 248, рис. 7; ДТС 1969: 260]; Хакасия, Уйбат I: **↯** **↯** **⋈** **^** **↯** **⋈** *č(a)b š(a)un* ‘имя собственное’ [Малов 1952: 59, Е 30, 3; ДТС 1969: 135; Кормушин 1997: 94, 95, Е 30, 2], или *č(a)b(i)š ton* [Кормушин 2008: 122, 123]; как *čab* ‘слава, известность; известный, прославленный’, так и *čabiš* ‘средства, способы, умение’ являются рунической записью слов *čav* и *čaviš / čeviš* текстов иной графики [ДТС 1969: 135, 142, 322]; на памятнике Е 30, 5 (и в надписи Алтын-Кель II (Хакасия), Е 29, 8) встречаем **⋈** **↯** **↓** **D** *j(a)l(a)b(a)č* ‘посол’, которое в ранних тюркских текстах иного письма известно только в форме *jalavač* или *jalawač* [ДТС 1969: 227, 228].

Саяно-Алтайское нагорье богато обнажениями песчаников и сланцев, образующих гладкие скальные поверхности. С глубокой древности существовали здесь горные культы, отмеченные петроглифами, а в средневековье – и культовыми надписями. Для местных жителей все они так же привычны, как прочие природные объекты. Сакральное восприятие ландшафта поубавилось со временем, резко снизилась и обрядовая строгость действий на природе – рисунки и надписи на скалах создаются ныне как средство личного выражения молодежи. Но одно дело использовать *тодо-бичиг* ('ясное письмо') или кириллицу, другое – руны.

В 2001 г. во время летних работ мне довелось встретить в долине р. Кара-Кол на скале Бичикту-Боом, знаменитой древними петроглифами и надписями, свежие граффити, выполненные рунами (дважды было начертано одно и то же слово **D ≈ J** 'Алтай'). Стало очевидным: мое преподавание рунического письма побудило кого-то из слушателей писать на скале азбукой предков и заданными на лекциях образцами.

Алтайский случай нового написания на скале рунами, несомненно, вызван наивностью юного романтизма. Но в том же 2001 г. был обнаружен и намеренный фальсификат – осознанная, злонамеренная подделка рунической надписи.

* * *

В то лето мною в Хакасии был в очередной раз осмотрен сложный для восприятия письменный памятник Уйбат V (E 34). Высокий камень со вторично нанесенной на него рунической надписью стоит на западной стороне ограды кургана раннего железного века, называемого Хара кӱрген (Кара-Курган). Надпись известна с 1793 г., изучалась и эстампировалась в 1888 г. и не раз публиковалась и читалась по этому оттиску [Малов 1952: 65; Васильев 1983: 26, 27]. В 1895 г. курган, высотой около 4 м и 60 м в поперечнике, раскапывался в течение нескольких дней [Адрианов 1902–1924: 55], тогда полагали, что он современник надписи. Затем о местонахождении и судьбе стелы сведений не имелось до 1974 г., когда курган был вновь отыскан и обследован Хакасской археологической экспедицией МГУ. Его

Рис. 1.

Кара-Курган. Менгир с надписью.

За ним на склоне два камня – на правом надпись-подделка. 2019 г.

Фото автора

описание, план-схема и абрис с размещением стелы, фотоснимки камня, новая прорисовка, прочтение и анализ надписи были изданы [Кызласов Л.Р., Кызласов, 1976]. В 1977 г. руны еще раз изучались и копировались на месте М.И. Боргояковым и Д.Д. Васильевым, опубликовавшим результаты исследования и сравнительные материалы [Васильев 1983: 26, 27, 58, 65, 66, 68, 80, 105, 126]. Курган неоднократно посещался и после этого ради уточнения рунических знаков. Вновь издавались общий вид стелы

Рис. 2.
Кара-Курган. Куски камня на склоне насыпи.
На левом надпись-подделка. 2019 г. Фото автора

Рис. 3.
Кара-Курган. Надпись, вырубленная в 2001 г.,
покрылась пустынным загаром и лишайниками. 2019 г. Фото автора

и прорисовка ее камнеписной строки [Кызласов Л.Р. 1981: 101, рис. 34; Кызласов 1994а: 183, рис. 16].

Наши предшественники (лингвист М.А. Кастрен, археологи И.Р. Аспелин и А.В. Адрианов) и последователи, как и мы сами, изучая этот курган, всякий раз фиксировали на отдельных его камнях петроглифы, тамгу и единственную руническую надпись. Разумеется, всеми исследователями многократно осматривались и два массивных каменных обломка, лежащие близ стелы с надписью на склоне курганной насыпи (рис. 1). Никаких знаков на этих камнях никогда не было.

20 июля 2001 г. на поверхности самого крупного из них (155×50×25 см), имевшего округлое сечение, была обнаружена свежая глубоко вырубленная стальным зубилом руническая надпись в две горизонтальных строки (рис. 2). Они ярко выделялись на потускневшей древней поверхности светлым нутром камня.

Летом 2019 г. знаки камнеписного текста уже покрылись пустынным загаром, обросли лишайниками и стали неотличимы от древних написаний и изображений (рис. 3). Поэтому в прошлый полевой сезон новодельные руны были мною скопированы и публикуются ныне, дабы они не ввели в заблуждение кого-нибудь из специалистов.

Протяженность верхней строки 67, нижней – 109 см. Знаки расположены свободно, крупны, их высота нарастает от начала к концу надписи от 7–9 до 10,5–11,5 см в верхней и до 13–14 см в нижней строке. Ширина рун колеблется от 3 до 7–8 см. В первой строке 7, а во второй 14 письменных знаков, включая слово-разделительную отметку. Текст читается справа налево от верхней строки к нижней (рис. 4)²:

𐰃 𐰄 𐰅 𐰆 𐰇 𐰈 𐰉 𐰊 𐰋 𐰌 𐰍 𐰎 𐰏 𐰐 𐰑 𐰒 𐰓 𐰔 𐰕 𐰖 𐰗 𐰘 𐰙 𐰚 𐰛 𐰜 𐰝 𐰞 𐰟 𐰠 𐰡 𐰢 𐰣 𐰤 𐰥 𐰦 𐰧 𐰨 𐰩 𐰪 𐰫 𐰬 𐰭 𐰮 𐰯 𐰰 𐰱 𐰲 𐰳 𐰴 𐰵 𐰶 𐰷 𐰸 𐰹 𐰺 𐰻 𐰼 𐰽 𐰾 𐰿 (стк. II) 𐰀 𐰁 𐰂 𐰃 𐰄 𐰅 𐰆 𐰇 𐰈 𐰉 𐰊 𐰋 𐰌 𐰍 𐰎 𐰏 𐰐 𐰑 𐰒 𐰓 𐰔 𐰕 𐰖 𐰗 𐰘 𐰙 𐰚 𐰛 𐰜 𐰝 𐰞 𐰟 𐰠 𐰡 𐰢 𐰣 𐰤 𐰥 𐰦 𐰧 𐰨 𐰩 𐰪 𐰫 𐰬 𐰭 𐰮 𐰯 𐰰 𐰱 𐰲 𐰳 𐰴 𐰵 𐰶 𐰷 𐰸 𐰹 𐰺 𐰻 𐰼 𐰽 𐰾 𐰿 (стк. I)

(I) *(e)r (a)t(i)m (a)ztaj* (II) *b(e)n: (a)z q(i)rq(i)z oylī b(e)n* ‘(I) Мое мужское имя – Азтай (II) я: Я сын аз кыргыза’.

² Использована транскрипция [ДТС 1969], в круглых скобках не обозначенные звуки, в квадратных – опущенные слова. Надстрочные цифры к согласным: ¹ руна для твердоядного, ² для мягкорядного звука. Индексы надписей приняты рунологией, цифра следом – № строки. Стк. – строка.

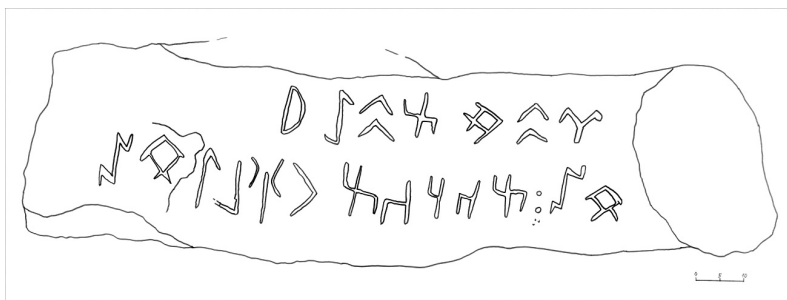

Рис. 4.
Кара-Курган. Надпись-подделка. Прорисовка автора

О фальсификации в этом случае свидетельствует неумелость высекания надписи: использование лишь одного зубила, разная толщина линий, образующих буквы (от 1 до 0,5 см) и нарастание размера знаков к концу строки.

В средневековой технике создания камнеписных текстов была иной. Руны высекали профессионалы, всякий раз используя несколько зубил с различными по форме рабочими концами. Более того, надписи древнехакасской эпитафийной традиции, в каких бы краях ни высекался памятник (мы знаем их в Хакасско-Минусинской котловине, Туве, Монголии и Восточном Туркестане), делали по одним правилам. При нанесении любой руны выдерживалась единая, вероятно, канонизированная последовательность употребления зубил каждого вида [Кызласов 1992; 1994б: 59, 60; 2013: 86; 2017: 70–72]. У подлинных надписей крупные знаки обычно начинают, а не заканчивают строку.

На подделку указывает также совмещение архаичных (для q , r^1 и z) и более поздних (для n^2) начертаний письменных знаков. Грамотное письмо не требовало обозначения руны ∇a в слове **D** ∇ \hat{a} ∇ **Ч** *aztaj*, ибо сам знак **D** читался как *aj*: **D** \hat{a} **Ч**. Не знало енисейское письмо и переноса части фразы с одной строки на другую, как сделал это современный каменотес, завершив предложение первой строки в начале второй: (I) *er atim aztaj* (II) *ben*: '(I) [Вот] мое мужское имя – Азтай (II) я'. Отсюда появление после начинающего стк. 2 местоимения словоразделительной

отметки в виде двоеточия (третий справа знак), использованной не по назначению.

Только в больших надписях II Восточнотюркского каганата (таких, как на стелах Кюль-тегина, Бильге-кагана и Тоньюкука) знак : нередко завершал строку многорядного текста. Тем знаменовалось не отделение, а связь с последующим написанием [Кызласов 1994а: 112–115]. Такая роль знака ясна, поскольку в орхонских текстах со строки на строку часто переходит продолжение фразы (например, КТм 6–7, 12–13; БК 25–27, Тон 2–7 и др.). Такое использование словоразделителя вместе с орхонским алфавитом было воспринято и торжественным письмом Уйгурского каганата (к примеру, МЧ 13–15) [Малов 1951; 1959] (судя по публикациям во многом фрагментарных Терхинской и Тэсинской стел [Кляшторный 1980; 1983; 1987а; 2010: 28–49, 78–91, илл.; Klyashtornyy 1982: fig. 3–17; 1985: fig. 1–4b], выдерживалось оно непоследовательно).

Несмотря на лаконизм енисейских эпитафий, текст размещался малым числом строк – на нескольких, обычно трех или всех четырех сторонах стелы (см.: [Васильев 1983: альбом]). Как выяснилось, такое размещение отражало облик деревянного черновика – узкого граненого стержня, на который предварительно наносился текст для высекания [Кызласов 1998]. Перенос не допускался. Вмещающая длинное предложение, линия рун заходила на боковину или вершину стелы, либо изгибалась, переворачиваясь вверх ногами, не прерываясь, буквенный ряд мог принять обратное направление.

Единичные примеры перехода предложения на следующую строку (три памятника на семь десятков: Е 30, 1–2, 4–5; Е 45, 2–3 или 2–4, 9–10; Е 73, 3–4) не столь очевидны. Хотя понимание написанного близко у разных тюркологов [Малов 1952: 58, 59, 81, 82; Щербак 1964: 143, 144; Аманжолов 1981: 35–37; 2003: 127, 128; Кормушин 2008: 64, 65, 122, 123, 135, 136], оно может отражать современное восприятие текста. Единственный несомненный случай переноса личного местоимения, завершавшего часть титулования высокородного вельможи, содержит енисейская Суджинская надпись (Е 47, 2–3 = С 2–3) [Ramstedt 1913: 4, 5, вклейка I; Малов 1952: 84, 85]:

...𐰽𐰺 (стк. 3): 𐰽𐰺𐰾𐰼 𐰽𐰺𐰾𐰼 𐰽𐰺𐰾𐰼 𐰽𐰺𐰾𐰼 𐰽𐰺𐰾𐰼 𐰽𐰺𐰾𐰼 𐰽𐰺𐰾𐰼 𐰽𐰺𐰾𐰼 𐰽𐰺𐰾𐰼 𐰽𐰺𐰾𐰼 𐰽𐰺𐰾𐰼 (стк. 2) *bojla : qutl(u)g : j(a)rg(a)n* : (стк. 3) *m(e)n* ‘я – Бойла Кутлуг-ярган’. Но это написание не могло стать образцом для разбираемой поддельной надписи. Иначе фальсификатор употребил бы личное местоимение в виде 𐰽𐰺𐰾𐰼 *men*, единственной разновидности, трижды примененной в надписи Е 47. Эта форма служит диалектной особенностью енисейских рунических надписей, являясь прямой предтечей современного хакасского *мин* ‘я’. Согласно подсчетам по изданным стелам, литературная форма рукописьюменного языка той эпохи 𐰽𐰺𐰾𐰼 *ben* отмечена в 19 эпитафиях и одной наскальной надписи, что составляет 2/3 памятников, использующих местоимение 1-го лица ед. числа. Но и разновидность 𐰽𐰺𐰾𐰼 *men* – не случайное явление: она встречается в 7 текстах, т.е. в 1/3 памятников.

В Суджинской стеле отделение перенесенной части именной формулы словоразделом не выглядит намеренным, поскольку в тексте такая отметка проставлена за каждым словом.

Тем самым, следует заключить, что в этом отношении автор поддельной надписи не копировал какой-то один образец рунического текста, доступный по специальной литературе. К этому выводу приводят, как увидим, и иные особенности новоявленных камнеписных строк. Рассмотрение лексики надписи выявляет лекционный источник знаний фальсификатора.

Несмотря на то, что камень с новодельной надписью не может быть эпитафийным (поскольку те ставились лишь у средневековых погребений), автор начинает ее с формулы, характерной для енисейских надгробных памятников. В текстах стел, идущих от первого лица, прежде всего сообщается личное, титулованное имя умершего. Воинское аристократическое сословие называлось *эр’ами*. Прямым указанием на принадлежность к нему – 𐰽𐰺𐰾𐰼 𐰽𐰺𐰾𐰼 (e)r (a)t(i)t ‘мое имя эра’ – вводятся имена только на 12 енисейских стелах (Е 2, 5, Е 40, Е 41, 3, Е 42, 2, Е 49, 2, Е 50, 4, Е 51, 1, Е 59, 1, Е 65, 1, Е 66, 3, Е 91, 1, Е 109, 2; нумерация строк по И.В. Кормушину). Из них единственная Е 40 найдена в Хакасии, 11 – в Туве. Видно, ратоборцы, отбившие ее у Уйгурского каганата, считались особенно доблестными. Так или иначе, но создатель фальшивой надписи не знал об этой особенности род-

ных памятников. И высеченную им формулу мог вынести лишь из обобщенных представлений о енисейских эпитафиях.

Используя енисейский алфавит, фальсификатор не знал также, что ни в одном из многих сотен известных в Южной Сибири образцов этого письма не упоминается этноним «*кыркыз/кыргыз*». Ни эпитафии, ни наскальные и иные начертания, выполненные енисейскими рунами, не излагают исторических событий, поэтому вообще лишены этнонимов. Этим они кардинально отличаются от мемориальных памятников орхонского письма Монголии.

Следует яснее показать эту характерную, но все еще мало осознанную тюркологической наукой особенность памятников енисейской рунической письменности.

Известно единственное наименование владений (*Kešdim* – E 24, 5, Хая Бажи VII) [Малов 1952: 44, 45, 107; Кызласов 1994а: 194]. Дважды страны названы через этнонимы их правителей (*tabyaç qan* ‘китайский хан’ – E 11, 9; *tüpüt qan* ‘тибетский хан’ – E 29, 8), третий случай (*türk qan* ‘тюркский хан’, E 32, 10) отвергнут [Малов 1952: 33, 57, 62, 63, 110, 111; Кормушин 1997: 71–72, 105, 106, 270–274, стк. 3, 292, 293]. В надписи Узун-Оба II неверно читать ‘татарский эль’, преодолевая грамматические и лексические трудности и «сознавая определенную условность этой интерпретации в руническом тексте» [Кляшторный 1987б: 33–35]. Фиксируемая изафетная конструкция *tatarïy eli* не применялась в таких случаях, в то время как отделение на письме аффикса от имени было обычным явлением [Кызласов 1987: 22–24]. Как в орхонских (*elin*), так и особенно в енисейских памятниках (*elim*) ‘эль’ всякий раз бывает чьим-то. *Tatar* здесь – личное имя обладателя конкретного надела-эля. Содержание строки определяет местонахождение кургана и надписи.

При дальнейшей работе с памятниками не были подтверждены предложенные В.В. Радловым этнонимы *ač*, *belig*, *bolšar*, *tülbäri* [Radloff 1895: 428]. Вероятно, под влиянием орхонских текстов С.В. Киселев [Киселев 1939: 127–130, 132], публикуя Абаканский памятник E 48, встретил в нем рассказ о походах и победах с упоминанием этнонимов *türk*, *basmal*, *oγuz* (*öküz*), *ač*, а на издаваемом памятнике Д из Тувы (E 51) – *toquz oγuz*. Изучив

в 1948 г. подлинники, все эти прочтения отверг С.Е. Малов [Малов 1952: 91–100].

Поныне трудно различимые и трудно понимаемые слова енисейских эпитафий выдаются за названия племен и народов, никогда и нигде иначе не встречающихся: *kökmüš*, *qiq*, *čač*, *tabduz* [Кормушин 1997: 286, 289, 291, 292; 2008: 312, 319, 323, 325, 326]. Прочтение первой части личного имени **Л Л** как *č(a)č* возможно, но видеть в нем этноним ‘согдиец’ невероятно. Чач (или Шаш), как известно, древнее иранское название не всего Согда, а Ташкентского оазиса – области и главного города в ней, но не их обитателей. Этноним ‘согдиец, согды’, отмеченный не в одном орхонском памятнике, иной – *soyɖ(a)q*, для старшего письма **Л ЗЗ ЧС > Ɔ** (КТ 31, 39, БК 24, Тон 46), для младшего – **Л [ЗЗ] ЧС > Ɔ** (МЧ 44). Точное звучание и значение всех трех компонентов личного имени, высеченного на стеле Элегест II (Е 52, 3) девятью письменными знаками **Ч Ч ЧС Ɔ Ч Ч Ч : Л Л**, остается пока неясным³.

Слово *oɣdamdam*, долго числилось в списке слов, значение которых не установлено [Малов 1951: 100, 108; Батманов 1959: 212]. Но это не этноним, «возможно, кетоязычный» [Кормушин 1997: 262–264, 289; 2008: 143, 311, 312], поскольку означает мерную единицу, равную полету стрелы, дистанцию выстрела из лука: озвончение первичной формы *oqtam* [ДТС 1969: 370, МК I 107] при характерном для аборигенных памятников Тувы написании *oɣdam*, снабженном продуктивным отыменным аффиксом *-dam*: ср. *erdäm*, *teyrädäm*, *tildäm* и т.д. Жаль, что мимо внимания наших рунологов прошли две публикации на основе докладов, представляющие фонетические и алфавитные особенности памятников Тувинской котловины, на фоне которых получило объяснение и это слово [Кызласов 2003а: 284, 285; 2003б: 20]⁴, из-

³ Объяснения повторного появления в надписи чина *soɣun* ‘военачальник, полководец > генерал’ и психологические мотивы персонажа являются творческими фантазиями [Кормушин 1997: 177].

⁴ Знакомство с иным прочтением, быть может, избавило бы текст Е 51 и от привнесенных в него тюркологом «шести балбалов» – черты, в отличие от народа *türk*, совершенно не свойственной древнехакасской культуре, оставившей нам енисейские эпитафии.

вестное в четырех местных эпитафиях (Е 51, 2, Е 70, 3, Е 109, 3, Е 110, 1) [Кормушин 1997: 260–270; 2008: 323].

Не внушает доверия этнонимическое значение, придаваемое слову *kümül* [Щербак 1964: 141–145, 150; 1970: 127; Кормушин 1997: 289; 2008: 311]. Оно в разном употреблении встречается в трех памятниках Тувы (Е 44, 4; Е 45, 1, 9, Е 68/2, 6; нумерация строк по И.В. Кормушину). Видеть здесь этноним мешают два обстоятельства. Во-первых, устойчиво связанное с *kümül* числительное ‘сто’ (*juz kümül bodun* – Е 44, 4, Е 68/2, 6) не входило тогда в наименования тюркских народов (было только 3, 7, 8, 9, 10, 30) [Кызласов 1998: 73, прим. 7, Е 68/2, 9]. Поэтому выражение ‘стокюмюльный народ’ воспринимается, скорее, как количественная социальная, а не этническая характеристика. Вспомним, что слово *bodun* в рунических памятниках означает не только ‘народ’, но и ‘войско’ [Кызласов 1996б: 86, 87]. Во-вторых, титул *ögä*, сопровождающий искомое слово (*kümül ögä* в Е 45, 1), характерен для енисейских эпитафий (Е 13, 2, Е 26, 1, Е 47, 3, Е 49, 2, Е 53, 3, Е 100, 2) и везде относится к личным именам. Именно так он воспринимался и в Е 45: «Есть, конечно, и имена покойников, особенно, например, могу указать памятник 45» [Малов 1952: 13; ср. ДТС 1969: 326; Аманжолов 1981: 36, 37; 2003: 217, 218]. Дополню ряд пометкой Л.Р. Кызласова: «Здесь собственное имя», сделанной против строки Е 45, 1 в книге С.Е. Малова. Значение слова *kümül* еще предстоит отыскать. Быть может, оно имеет нетюркское происхождение, относясь к субстратным языкам Саяно-Алтайского нагорья. Ряд терминов такого происхождения в местном тюркоязычном средневековье обнаружен благодаря китайским сочинениям той эпохи [Кызласов Л.Р. 1984: 59–63; Кызласов 2011: 27–30].

Даже выдвигаемые известные этнонимы средневековых народов недостоверны. Всякий раз прочтение рун может быть иным. Так, два этнонима были прочитаны в памятнике Е 37, лишенном контекста, несущего только разрозненные посетительские надписи в виде кратких назывных предложений с личными именами и титулами: ‘я такой-то’. В стк. 2, сохранившейся хуже прочих, четыре знака для исследователя «складываются в $\text{> } \text{Л} \text{ } \text{Д} \text{ } \text{Д}$ $j^1(a)b^1(a)qu$ – чтение сколь заманчивое, столь и недостоверное»

[Кормушин 1997: 124, 287; 2008: 321]. У меня при изучении подлинника в этом месте сложились иные руны и, соответственно, другое прочтение [Кызласов Л.Р., Кызласов 1994: 35–37, рис. 3]. Иные буквы ранее видел здесь и Л.Р. Кызласов [1964: рис. 1], выполнивший прорисовку по оригиналу. Ныне по-прежнему нельзя считать достоверным ни один из вариантов прочтения этой части надписи. Сказанное относится и к другому слову того же памятника Е 37. Следует воздержаться от прочтения здесь этнонима *türgäš / türgiš* [Щербак 1970: 127; Кормушин 1997: 126, 127, 292, 293; 2008: 128, 312, 328]. Ср. иное в названных работах Л.Р. и И.Л. Кызласовых. Не только в енисейской, но и в орхонской рунике нет манеры писавшего представляться по национальной или племенной принадлежности. Связь псевдоэтнонимов с иностранными представителями на поминальной церемонии [Кормушин 1997: 127; 2008: 127, 128, 312] навеяна излишне обобщенным представлением о тюркских народах эпохи: умозрительным привнесением обычая II Восточнотюркского каганата на земли иного государства, где такие обряды не зафиксированы (ср. выше прим. 4).

На трудной для рассмотрения поверхности стелы Е 98 ошибочны прочтения этнонимов *[qu]rïqan* [Бутанаев 1973: 150, 151] или *[uj]jur* [Кормушин 1997: 118, 119, 121, 122, 293; 2008: 310–312, 328]. В начале стк. 3 на деле высечено отделенное словоразделом говорящее имя и титул :᠋ᠨᠠᠮᠤᠨᠠᠨᠠ (a)ᠶᠢᠷ q(a)n, в котором *aḃir* означает ‘уважаемый, почитаемый, почтенный’ [ДТС 1969: 19; ср.: Аманжолов 1981: 47, 48] (так читаю это место и я). Прилагательное не только уже встречалось в орхонских памятниках старшего письма [Малов 1959: 89], но, по моему мнению, входит в величальную часть личного имени, высеченного на стеле Е 55, 1: *qanč aḃir Töläš Tirig* ‘столь уважаемый (многоуважаемый) Тёлеш Тириг’.

Как в случае с надписью Е 55, это слово выступает не этнонимом (‘бег телесов’) [Кормушин 1997: 48, 49, 54–56; 2008: 138–140], а элементом личного титулованного имени и в памятнике Е 48, 7: *Töläš Bilgä tutuq bæg* [ДТС 1969: 579] (С.Е. Малов [1952: 95, 96] также видел там имя собственное *Töläš Bilgä*, хотя титул ныне читается иначе). Величание умершего продолжено и в сле-

дующей строке Е 48, 8, где он назван *Töläš Alp tutuq*. И.В. Кормушин при равных орфографических возможностях в енисейских эпитафиях всюду читает *töl(ä)s*, а не *töl(i)s*, как этноним звучал на орхонском его написании (КТб 13: **Т У П И** *tölis* [Малов 1951: 22, 30, 433]). Пожалуй, столь же строго на енисейском письме следует читать и последнюю руну слова **^** – *š*, а не *s* **Т**, как это выписывалось по-орхонски (см. выше КТб, а также БК, Ха, 13 и МЧ 19: **Т У П И** [Малов 1959: 15, 18, 23, 32, 36, 40, 104 (где для БК, но не МЧ, сделано исключение: *töläs*)]). Учтем, что фонетические расхождения (енисейское *töläš*, и орхонское *tölis*) послужили для авторов «Древнетюркского словаря» отличием имени собственного от этнонима [ДТС 1969: 579].

В эпитафии Е 147, 3 *töläs* написано **Т У П И** [Кормушин 1997: 252–254; 2008: 164, 165, фото Е 147, з]. Облик лично-фамильной тамги этого памятника сопоставлен И.В. Кормушиным с получившей геральдическую датировку стелой Е 10. При сравнении герба на фото Е 147 с прорисовкой тамги Е 10 Л.Р. Кызласовым (тамги III-й группы) выясняется, что новый памятник Е 147 моложе на поколение, т.е. создан не ранее конца X в. [Кызласов 1965: рис. 3, 8 приложение]. В это время видеть в написании слова *töläs* орхонское влияние не следует. Енисейская традиция склоняет и здесь читать знак **Т** как *š* (ср. его использование как *š* в той же и следующей строке: *teginmišim, ermiš* (дважды), значение *s* сохраняется более всего в стандартных горестных восклицаниях *esiz*, четырежды). Содержание надписи Е 147, 3 убеждает, что и в ней *töläš* – часть личного имени. Ничто не мешает понять фразу *töläš alp tarqan atimqa bökmädim* в прямом значении: ‘[моим взрослым именем ~ моим именем эра] *Töläš Alp tarqan* я не наслаждался’. Иначе после указания детского имени остается неназванным гордое личное имя умершего (*er atı*) – обязательный элемент эпитафии, отражавший не только сословную принадлежность, но и само право на создание камнеписного памятника.

Привнесение телесов в енисейские надписи неоправданно изначально, ибо не имеет никакого отношения к известным историческим реалиям.

При учете всего сказанного уникальным исключением является эпитафийный текст Е 59, 4, в незавершенном контексте со-

державший несомненный этноним $\mathcal{M} \hat{\wedge} \hat{\wedge} \mathcal{S} \uparrow \hat{\wedge}$ *toq(u)z t(a)t(a)r* [Щербак 1961; 1964; Аманжолов 1981: 43–45; 2003: 138–140; Кормушин 1997: 242–247; 2008: 146–148, 326]. Но это народное имя не имеет отношения к жителям Юной Сибири, писавших енисейскими рунами. Оно встречено в двух орхонских надписях (тюркской – БК 34, уйгурской – МЧ 13, 15), в третьей известен другой этноним – *otuz tatar* (КТб 4, 14) [Малов 1951; 1959]. За отсутствием источников языковая принадлежность *otuz tatar* и *toquz tatar* остается неизвестной.

Как видим, предложения видеть в енисейских надписях эндо-этнонимы недоказательны.

Обосновав отсутствие имен племен и народов как характерную черту енисейских эпитафий, можно перейти к рассмотрению выдающейся в этом отношении Суждинской стелы (Е 47). На ней, установленной вдалеке от коренных земель, после захвата Уйгурии, единственный раз начертан этноним ‘кыргыз’: $\mathcal{M} \gg : \mathcal{I} \downarrow \mathcal{J} \mathcal{C} \gg : \mathcal{C} \mathcal{L} \mathcal{M} \mathcal{I} \mathcal{L} \mathcal{L}$ *qïrq(i)z : oylï : m(e)n* ‘я – сын кыргыза’ (стк. 2). Уже довелось говорить, что этот памятник не был образцом для создания поддельной надписи на Кара-Кургане. Об этом же свидетельствует и написание в ней слова ‘кыргыз’. На Е 47 высечено $\mathcal{C} \mathcal{L} \mathcal{M} \mathcal{I} \mathcal{L} \mathcal{L}$, как и на орхонских памятниках КТб, 20 и Мон 22. Во всех иных случаях на тюркских стелах оно записано с иным знаком в начале – $\mathcal{C} \mathcal{L} \mathcal{M} \mathcal{I} \mathcal{L} \blacktriangleleft$ (БК 26, дважды, КТ 36, 53, Тон 20, 28) или $\mathcal{M} \mathcal{L} \mathcal{M} \mathcal{I} \mathcal{L} \blacktriangleleft$ (КТб 4, 14) и с разворотом одной руны $\mathcal{M} \mathcal{H} \mathcal{M} \mathcal{I} \mathcal{L} \blacktriangleleft$ (Тон, 29) [Малов 1951; 1952; 1959]. Тем самым, очевидно, что автор фальшивой надписи не копировал книжные образцы. Однако его написание $\mathcal{C} \mathcal{L} \mathcal{M} \mathcal{L}$ *q(i)rq(i)z* отвечает нормам рунического письма, т.е. общие знания правописания у него были.

Мне думается, картину проясняет употребленное в новеделе словосочетания *az qïrqiz*. Это выражение отмечено в единственном памятнике орхонского письма II Восточнотюркского каганата.

Обобщая отмеченные особенности поддельной надписи (перенос текста на следующую строку, знание орфографических основ письма, использование характерной лексики и словосочетаний без использования специальной литературы), правомерно заключить, что знания, полученные создателем надписи, имели

не книжную, а лекционную природу. Полагаю, он – один из слушателей профессора И.В. Кормушина, в конце 90-х гг. читавшего рунологические лекции в Хакасском государственном университете [Кормушин 2009: 6, 12, 13]. В ходе учебного курса Игорь Валентинович уделял специальное внимание и правилам письма рунами, и значению слова *az*, и сочетанию *az qırqız* в орхонских памятниках [Кормушин 2004: 139–141, 144].

Отсюда же и знакомство нашего каменотеса с показанными выше характерными фразеологизмами енисейских надписей типа *ben* и *er atım*. Остается рассмотреть еще одно связанное с ними словоупотребление – *qırqız oylı*.

Очередная специфика енисейских эпитафий, вполне понятная для историка, – не только указание славного имени (*er atı*) умершего, но и упоминание имени его отца. *Baj apa saıun oylı* ‘[Я] сын Бай Апа-сангуна’ (Е 7, 1), *Arslan Küliüg Tirig oylı ben* ‘Я сын Арслан Кюлюг Тирига’ (Е 44, 6), *Beşgek Jegüg beg oylı ben* ‘Я сын Бешгек Йегюг-бега’ (Е 100, 1) (чтение имени здесь и далее предположительно [Кормушина 1997: 248, 250, 251; 2008: 67, 68, 292], *Kün Čökbe oylı* ‘[Я] сын Кюн Чёлбе’ (Е 108, 1). Эта традиция позволила Л.Р. Кызласову сопоставить тамги на памятниках отца, сына и внука (Е 3 – Е 43 – Е 44) [1960: 107, 108], отметить лично-фамильную принадлежность разных графических основ, выявить законы изменения тамг каждой семейной линии по поколениям. С опорой на археологические материалы по геральдическим знакам было произведено датирование основной серии известных тогда енисейских эпитафий – 49 экземпляров [Кызласов Л.Р. 1960; 1965].

К этому эпитафийному обычаю принадлежит и Суджинская стела (Е 47). Словосочетание *qırqız oylı* (стк. 2) указывает в ней на отца вельможи, названного в тексте. Потому понимать и переводить эти слова следует единственно возможным образом: ‘Я – сын кыргыза’. Придавая в данном случае несвойственную высказыванию грамматическую форму множественного числа (‘Я – сын кыргызов’ [Кормушин 2008: 77, 81, 292]), тюрколог на деле насаждает в текст свои личные современные представления. Так поступать с древними памятниками недопустимо. Нет оснований видеть в этом тексте упоминание народа (настаивая в пе-

реводах: ‘Я – кыргыз (по национальности)’ [Кормушин 2008: 81]). Речь идет о принадлежности умершего к аристократическому правящему роду Кыргыз Древнехакасского государства, противопоставленного в Суджинской надписи династийному роду Яглакар поверженного Уйгурского каганата. Каждому знающему историографию Саяно-Алтая известна концепция, относящая кыргызов к древнему правящему роду этих мест. Текст Е 47 подтверждает такое понимание: в особо показательном контексте слово *qırqız* употреблено как клановый термин высочайшего социального ранга, а не этноним.

Разумеется, в учебном пособии для Хакасского университета клановый термин *qırqız* также подается как имя народа [Кормушин 2004].

Фальсификатор намеренно вводит *qırqız* как этноним в круг не знавших его местных камнеписных памятников, выявляя тем самым цель создания фальшивой рунической надписи. Его задача – ценою сотворения подделки утвердить мысль о том, что енисейской письменностью в раннем средневековье владел народ кыргызов.

Енисейский алфавит имел не этнический, а официальный, государственный статус, на что указывает его распространение с середины IX в. и у чиков Тувы, у тюркоязычных жителей Алтая и Монголии. Ошибочно также распространенное мнение о происхождении с Енисея современного кыргызского народа Средней Азии.

* * *

Два названных здесь случая применения рунического письма для создания современных надписей на скале и камне, встреченные в Хакасии и на Алтае в полевой сезон 2001 г., побудили меня уже в учебном пособии 2002 г. обратиться со специальным призывом к студентам и преподавателям Горно-Алтайского университета [Кызласов 2002: 7, 8], а ныне – и к изданию соответствующих материалов.

Ни один современный тюркский народ не сохранил рунического письма. Но хакасы, тувинцы и алтайцы веками хранили на своей земле памятники этой письменности, осознавая свою пря-

мую связь с предками. Однако возвращение этой письменности сегодня, даже в форме университетского знания, несет в себе большую опасность для подлинных рунических надписей ранне-средневековья, ставших ныне деталями южносибирской природы. Эту угрозу следует осознавать преподавателям, читающим курсы рунического письма. И более всего тем, кто работает в регионах традиционных камнеписных культур. К ним и принадлежат земли Южной Сибири, сохранившие рунические памятники раннего средневековья.

Постигнув особенности раннесредневековой рунической письменности вполне возможно пользоваться им в современной жизни — для создания надписей на бумаге, ткани, дереве. На водружаемых нами новых памятниках, наконец. На чем угодно, но не на древних камнях и не на вечных скалах.

Знание рунической письменности и стремление познакомиться с ее памятниками в оригиналах не должны сочетаться со стремлением самим писать рунами на камнях и скалах. Важно понять: в этом случае уже через 10–15 лет мы перестанем отличать современные надписи от древних. Камень на столетия сохранит наши надписи, и потомки также не смогут отличить нашей резьбы от писания предков. Создавая новые надписи на вечном, мы тем самым совершим тяжкий грех и невероятное кощунство – смешаем времена и этим, пусть не желая того, сами уничтожим великое наследие предков.

Сохранить все в неприкосновенности – единственный способ обеспечить и новое, будущее знание.

Литература

- Адрианов 1902–1924 – *Адрианов А.В.* Выборки из дневников курганных раскопок в Минусинском крае. Минусинск: Минусинский гос. музей им. Н.М. Мартянова. 1902–1924. С. 41–76.
- Аманжолов 1981 – *Аманжолов А.С.* Тюркская руническая графика. Ч. II (наглядный материал). Алма-Ата: КазГУ. 1981.
- Аманжолов 2003 – *Аманжолов А.С.* История и теория древнетюркского письма. Алматы: Мектеп. 2003.
- Батманов 1959 – *Батманов И.А.* Язык енисейских памятников древнетюркской письменности. Фрунзе: Изд-во АН КиргССР. 1959.

- Бутанаев 1973 – *Бутанаев В.Я.* Новая уйбатская сабра // Учёные записки Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. Абакан: Хака. обл. типография. 1973. Вып. XVIII. С. 149–152.
- Васильев 1983 – *Васильев Д.Д.* Корпус тюркских рунических памятников бассейна Енисея. Л.: Наука. 1983.
- ДТС 1969 – Древнетюркский словарь / ред. *В.М. Наделяев, Д.М. Насилов, Э.Р. Тенишев, А.М. Щербак.* Л.: Наука. 1969.
- Киселев 1939 – *Киселев С.В.* Неизданные надписи енисейских кыргызов // Вестник древней истории. 1939. № 3. С. 124–134.
- Кляшторный 1980 – *Кляшторный С.Г.* Терхинская надпись (предварительная публикация) // Советская тюркология. 1980. № 3. С. 82–95.
- Кляшторный 1983 – *Кляшторный С.Г.* Тэсинская стела (предварительная публикация) // Советская тюркология. 1983. № 6. С. 76–90.
- Кляшторный 1987а – *Кляшторный С.Г.* Надпись уйгурского Бёгю-кагана в Северо-Западной Монголии // Центральная Азия. Новые памятники письменности и искусства. М.: Наука. 1987а. С. 19–37.
- Кляшторный 1987б – *Кляшторный С.Г.* Девятая надпись с Уйбата // Советская тюркология. 1987б. № 1. С. 33–36.
- Кляшторный 2010 – *Кляшторный С.Г.* Рунические памятники Уйгурского каганата и история евразийских степей. СПб.: Петербургское востоковедение. 2010.
- Кормушин 1997 – *Кормушин И.В.* Тюркские енисейские эпитафии. Тексты и исследования. М.: Наука. 1997.
- Кормушин 2004 – *Кормушин И.В.* Древние тюркские языки. Учебное пособие. Абакан: Изд-во ХГУ. 2004.
- Кормушин 2008 – *Кормушин И.В.* Тюркские енисейские эпитафии. Грамматика, текстология. М.: Наука, 2008.
- Кызласов 1987 – *Кызласов И.Л.* Земледельческое жертвоприношение древнехакасской общины (Новый рунический памятник на Среднем Енисее) // Советская тюркология. 1987. № 1. С. 21–32.
- Кызласов 1992 – *Кызласов И.Л.* О профессиональных писцах-каменотесах Древнехакасского государства // Вторые Исторические чтения памяти М.П. Грязнова. Омск. 1992. Ч. 2. С. 45–47.
- Кызласов 1994а – *Кызласов И.Л.* Рунические письменности евразийских степей. М.: Восточная литература. 1994а.
- Кызласов 1994б – *Кызласов И.Л.* Древняя письменность саяно-алтайских тюрков. Рассказы археолога. М.: Восточная литература. 1994б.
- Кызласов 1996а – *Кызласов И.Л.* Три типа древнетюркской рунической орфографии // 90 лет Н.А. Баскакову. М.: Языки русской культуры. 1996. С. 124–136.
- Кызласов 1996б – *Кызласов И.Л.* Материалы к ранней истории тюрков. I. Древнейшие свидетельства об армии // Российская археология. 1996. № 3. С. 73–88.

- Кызласов 1997 – *Кызласов И.Л.* Разновидности древнетюркской рунической орфографии. Отражение манихейской письменной культуры в памятниках енисейского и орхонского письма // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. Budapest, 1997. T. L., fasc. 1–3. С. 163–184.
- Кызласов 1998 – *Кызласов И.Л.* Материалы к ранней истории тюрков. III. Древнейшие свидетельства о письменности // *Российская археология*. 1998. № 2. С. 68–84.
- Кызласов 1999 – *Кызласов И.Л.* Орфографические признаки манихейских рунических надписей // *Вопросы тюркской филологии*. М.: [б. и.]. 1999. Вып. IV. С. 85–112.
- Кызласов 2001б – *Кызласов И.Л.* Смена мировоззрения в Южной Сибири в раннем средневековье (Идеи единобожия в енисейских надписях) // *Древние цивилизации Евразии. История и культура*. М.: Восточная литература РАН. 2001б. С. 243–270.
- Кызласов 2002 – *Кызласов И.Л.* Памятники рунической письменности Горного Алтая. Учебное пособие. Горно-Алтайск: Универ-Принт. 2002.
- Кызласов 2003а – *Кызласов И.Л.* Местные речевые особенности енисейских надписей // *Дешт-и Кипчак и Золотая Орда в становлении культуры евразийских народов*. М.: ИСАА при МГУ. 2003а. С. 283–286.
- Кызласов 2003б – *Кызласов И.Л.* Отличительные особенности рунической письменности Тувинской котловины // *Письменное наследие тюрков*. Кызыл: [б.и.]. 2003б. С. 17–20.
- Кызласов 2011 – *Кызласов И.Л.* Алтаистика и археология. М.: Институт тюркологии. 2011.
- Кызласов 2013 – *Кызласов И.Л.* Религиозная природа енисейской письменности. I // *Российская тюркология*. 2013. № 2. С. 79–90.
- Кызласов 2017 – *Кызласов И.Л.* Енисейская письменность Древнехакасского государства. Рассказы археолога. М.–Абакан: Хакасское книжное изд-во. 2017.
- Кызласов Л.Р. 1960 – *Кызласов Л.Р.* Новая датировка памятников енисейской письменности // *Советская археология*. 1960. № 3. С. 93–120.
- Кызласов Л.Р. 1964 – *Кызласов Л.Р.* О назначении древнетюркских каменных изваяний, изображающих людей // *Советская археология*. 1964. № 2. С. 27–39.
- Кызласов Л.Р. 1965 – *Кызласов Л.Р.* О датировке памятников енисейской письменности // *Советская археология*. 1965. № 3. С. 38–49.
- Кызласов Л.Р. 1981 – *Кызласов Л.Р.* Тюхтятская культура древних хакасов (IX–X вв.) // *Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья*. М.: Наука. 1981. С. 54–59, 101, 143–146, рис. 32–34.
- Кызласов Л.Р. 1984 – *Кызласов Л.Р.* История Южной Сибири в средние века. М.: Высшая школа. 1984.
- Кызласов, Кызласов 1976 – *Кызласов Л.Р., Кызласов И.Л.* Средневековая пограничная надпись с низовьев Уйбата (Хакасия) // *Советская тюркология*. 1976. № 1. С. 58–64.

- Кызласов, Кызласов 1994 – *Кызласов Л.Р., Кызласов И.Л.* Новый этап развития енисейской письменности (конец XIII – начало XV в.) // *Российская археология*. 1994. № 1. С. 33–50.
- Малов 1951 – *Малов С.Е.* Памятники древнетюркской письменности. М.-Л.: Изд-во АН СССР. 1951.
- Малов 1952 – *Малов С.Е.* Енисейская письменность тюрков. М.-Л.: Изд-во АН СССР. 1952.
- Малов 1959 – *Малов С.Е.* Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.-Л.: Изд-во АН СССР. 1959.
- Профессор 2009 – Профессор Игорь Валентинович Кормушин. Биобиблиографический указатель к 70-летию со дня рождения. Кызыл: ТывГУ. 2009.
- Щербак 1961 – *Щербак А.М.* Новая руническая надпись на камне // *Ученые записки Тувинского НИИ языка, литературы и истории*. Кызыл, 1961. Вып. IX. С. 238–241.
- Щербак 1964 – *Щербак А.М.* Памятники рунического письма енисейских тюрков // *Народы Азии и Африки*. 1964. № 4. С. 140–151.
- Щербак 1970 – *Щербак А.М.* Енисейские рунические надписи. К истории открытия и изучения // *Туркологический сборник*. 1970. М.: Восточная литература. 1970. С. 111–134.
- Clauson 1962 – *Clauson G., sir.* Turkish and Mongolian Studies. London: Headley Brothers LTD, 1962.
- Klyashtorny 1982 – *Klyashtorny S.G.* The Terkhin Inscription // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. Budapest, 1982. T. XXXVI, fasc. 1–3. P. 337–366.
- Klyashtorny 1985 – *Klyashtorny S.G.* The Tes Inscription of the Uighur Böğü Qaghan // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. Budapest, 1985. T. XXXIX, fasc. 1. P. 137–156.
- Radloff 1895 – *Radloff W.* Die alttürkischen Inschriften der Mongolei. SPb, 1895. Lfg. 3. S. 175–460, I–XI.
- Ramstedt 1913 – *Ramstedt G.J.* Zwei uigurische runeninschriften in der Nord-Mongolei // *Journal de la Société Finno-Ougrienne*. Helsinki, 1913. T. XXX, fasc. 3. S. 1–70, вклейка.

Аннотация

Преподавание рунического письма тюркских народов раннего средневековья в университетах Республик Алтай и Хакасия привело к появлению на камнях и скалах новых рунических надписей. Публикуя одну из них, автор разбирает особенности енисейского рунического письма, показывающие, что эта надпись подделка. Через 10–15 лет фальшивые надписи нельзя будет отличить от древних. Так мы можем сами уничтожить культурное достояние предков.

Ключевые слова

тюркология, рунология, обучение рунам, современное письмо рунами, опасность для эпитафических памятников

Сведения об авторе

Кызласов Игорь Леонидович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института археологии РАН, г. Москва, e-mail: kyzlasovil@mail.ru

Kyzlasov I.

Danger of Modern Writing in Turkic Runes

Summary

Teaching of Turkic runic writings at the universities of the Altai and Khakas Republic (Southern Siberia) led to emergence of the new runic inscriptions on stones and rocks. The author publishes one of them and analyzes the features of the Yenisei runic letter showing that this inscription is a fake. In 10–15 years false inscriptions cannot be distinguished from the original. So we can destroy cultural property of our ancestors.

Keywords

turkology, runology, teaching of Turkic runic writings, modern runic inscriptions, danger to epigraphic monuments

Information about the author

Igor Kyzlasov – PhD in History, Leading Researcher of Institute of Archaeology of Russian Academy of Sciences; e-mail: kyzlasovil@mail.ru

Е.И. Ларионова

**БЕЗЭКВИВАЛЕНТНАЯ ЛЕКСИКА
В ДЕТЕКТИВНОМ РОМАНЕ А. УМИТА
«ВОСПОМИНАНИЕ О СТАМБУЛЕ»**

Детектив, долгое время остававшийся на периферии литературного процесса, в конце XX в. превратился в один из самых популярных жанров массовой литературы. Связано это, во-первых, с процессом «размывания границ» между элитарной и массовой литературой во второй половине прошлого столетия, а, во-вторых, с трансформацией роли читателя, который долгое время рассматривался как «пассивный объект художественно-эстетического воздействия» [Киреева 2009: 203], и лишь в указанный период обрел новый статус, что привело к активизации коммуникативно-рецептивного аспекта детективного жанра с учетом господствующей модели читательской интерпретации.

Появление детективного жанра в турецкой литературе относится к 1883 г., когда в газете «Герджюманы Хакикат» («Переводчик истин») был напечатан роман Ахмеда Митхата «Таинственное убийство» («Esrarî Cinayet»). В 1940–1950-е гг. детектив превратился в ведущий жанр массовой литературы Турции [Репенкова 2014: 75], а расцвет его пришелся на 2000-е гг., когда жанровая модель детектива претерпела существенную трансформацию, выразившуюся в гибридизации жанровых форм как между собой, так и с другими формульными жанрами массовой литературы [Ibid: 77]. Детектив обозначается в турецкой литературе термином *polisliye roman* ('полицейский роман'), что говорит о его изначальной тесной связи с полицией.

В настоящее время одним из самых известных и читаемых авторов детективных романов в Турции является Ахмет Умит (род. 1960). Начав свой путь в литературе с поэзии и малых литературур-

ных жанров, в 1990-е гг. писатель постепенно сосредоточился на детективных историях. Его перу принадлежит более десятка детективных романов: «Босоногая ночь» (1992), «Звук пронзает ночь» (1994), «Запах снега» (1998), «Патасана» (2000), «Дьявол скрыт в мелочах» (2002), «Рапсодия Бейоглу» (2003), «Кукла» (2003), «Сука-любовь» (2004), «Воспоминание о Стамбуле» (2010), «Убить султана» (2012), «Крик ласточки» (2018), «Наш старый любовный роман» (2019) и др. Детективные произведения А. Умита до настоящего времени не переводились на русский язык.

Самым известным детективом А. Умита является вышедший в 2010 г. роман «Воспоминание о Стамбуле». Его суммарный тираж в Турции насчитывает 350 тысяч экземпляров. На данный момент роман переведен на 26 иностранных языков, что говорит о международном успехе произведения.

В центре повествования – история семи загадочных убийств, произошедших в Стамбуле и так или иначе связанных с историей города. За расследование преступлений берется инспектор Невзат, которому помогают его напарники – Зейнеп и Али. Работая над этим делом, они погружаются в историю Стамбула, так как места загадочных преступлений имеют прямую связь с историческим прошлым города. В конце романа расследование Невзата пересекается с его личной жизнью. Убийцами оказываются самые близкие друзья инспектора Йекта и Демир. Повествование ведется в настоящем времени от лица главного героя.

Наибольшую сложность при переводе детективного романа А. Умита на русский язык представляет безэквивалентная лексика (БЭЛ). Под БЭЛ принято понимать такие лексические и грамматические единицы исходного языка (ИЯ), которые не имеют регулярных словарных соответствий в переводящем языке (ПЯ). В науке существует масса определений этого феномена. За базовое определение можно принять дефиницию, предложенную болгарскими исследователями С. Влаховым и С. Флориным. В работе «Непереводимое в переводе» они отмечают, что БЭЛ – это «лексические единицы, которые не имеют переводческих эквивалентов в языке перевода» [Влахов, Флорин 1980: 51].

В настоящее время в лингвистике безэквивалентность в переводе означает отсутствие в ПЯ эквивалента исходной лексической

единице, т.е. такой лексической единицы в словарном составе переводящего языка, которая передает на аналогичном уровне плана выражения ПЯ все релевантные для данного контекста компоненты значения исходной лексической единицы исходного языка. Безэквивалентность в переводе вызывается расхождениями референциального и прагматического значений между соответствующими лексическими единицами ИЯ и ПЯ. В соответствии с типом значения, в котором расходятся исходная лексическая единица и ее соответствие в ПЯ, безэквивалентность может определяться как *референциальная* или *прагматическая*.

Референциальная безэквивалентность вызывается расхождениями референциального значения между единицами ИЯ и ПЯ. К референциально-безэквивалентной лексике относятся: *реалии, термины, фразеологизмы, индивидуальные (авторские) неологизмы, семантические лакуны*, а также *слова широкой семантики* и сложные слова некоторых типов, не имеющие структурных аналогов в ПЯ, для передачи референциального значения которых требуется применение различных переводческих трансформаций или развернутого описательного перевода [Иванов 1980: 119–120].

Прагматическая безэквивалентность вызывается расхождением прагматического значения между соответствующими единицами исходного языка и переводящего языка, то есть несовпадением стилистических характеристик, регистра или эмоциональной окраски этих единиц при совпадении их референциального значения. К прагматически-безэквивалентной лексике относятся прежде всего различные *отклонения от общезыковой нормы*, как в сторону понижения (диалектизмы, субстандартная лексика, вольности устной речи), так и в сторону повышения (*архаизмы, поэтизмы*), *иноязычные вкрапления, аббревиатуры, междометия, звукоподражания и ассоциативные лакуны*, не имеющие прагматически равноценных эквивалентов в переводящем языке [Ibid: 120].

Особую группу безэквивалентной лексики составляют имена собственные и обращения, которые, в зависимости от избранного способа перевода, могут стать либо референциально, либо прагматически безэквивалентными [Ibid: 121]. Роман А. Умита

представляет обширный материал для исследования основных типов БЭЛ.

1. Референциальная безэквивалентность

А. Реалии

- (1) *Bazen Tatabla dışında, farklı bir yerde **rakı** içmek istediğimizde Evgeniya'yla buraya geliriz.*

‘Иногда, когда нам с Евгенией хотелось попить турецкой водки **ракы** где-то за пределами Татавлы, мы приезжали сюда’ [Ümit 2010: 16]¹.

В русском переводе название алкогольного напитка вводится курсивом и через описательное пояснение «турецкая водка».

В. Термины

- (2) «*Oo bütün takım buradaymış», diyen Şefik'in sesiyle kapıya döndüm. **Olay Yeri İnceleme**'nin acar komiseri laboratuvarın eşliğinde dikilmiş, neşeyle bizi süzüyordu.*

‘ – Так-так, вся банда в сборе, – послышался голос Шефика.

Я обернулся. Энергичный инспектор из **отдела досмотра места преступления**, стоя в дверях, обвел нас взглядом’ [Ümit 2010: 12].

В русском переводе безэквивалентная единица передается дословно.

С. Фразеологизмы

- (3) *Kral ürpermedi. Ne rüzgarın görünmez dokunuşuna aldırdı, ne **tüyleri diken diken eden serinliğe.***

‘Но не вздрогнул Царь. Он не улавливал невидимого прикосновения ветра, не замечал **прохлады, от которой мурашки бежали по телу**’ [Ümit 2010: 3].

При переводе на русский язык можно прибегнуть к переводческой трансформации и передать турецкий фразеологизм

¹ Здесь и далее перевод с турецкого языка автора статьи.

(‘делать волосы шипами’) приблизительным русским аналогом ‘от которого мурашки бегут по телу’.

D. Индивидуальные метафоры

(4) *Adamı Atatürk'e kurban mı ettiler diyorsun?* (досл.: ‘говоришь, мужчину принесли в жертву Ататюрку?’)

‘Звезда и полумесяц’ [Ümit 2010: 7].

Многие главы в романе А. Умита озаглавлены внутренней, наиболее кульминационной репликой одного из героев из текущей главы. При переводе на русский язык сделано сокращение с опорой на наиболее значимые в главе детали.

E. Семантические лакуны (национально-специфические элементы культуры)

(5) *Şey, gelirken, diyorum, şu senin sevdiğin bizim mezelerden...*

‘Хотела сказать, что по пути к тебе могла бы, ну, захватить отсюда немного твоих любимых закусок **мезе...**’ [Ümit 2010: 19].

Семантические лакуны при переводе на русский язык нуждаются в пояснении, которое присутствует либо в самом тексте, либо выносится в сноску: *мезе* – в кухне Восточного Средиземноморья набор закусок в небольших тарелочках, часто подаваемых с алкогольными напитками раки, узо, вино и др.).

2. Прагматическая безэквивалентность

A. Вольности устной речи

(6) *Psammatis, derdi Evgeniya buraya. Rumca adı buymuş.*

‘Евгения называла это место *Псамматя*. Оказалось, это было его румейским названием и означало «песчаный край», «пески» [Ümit 2010: 19].

Героиня А. Умита произносит название стамбульского района Саматья на собственный манер, и автор намеренно выделяет это курсивом в тексте. При переводе на русский язык используется метод транслитерации.

В. Поэтизмы

(7) *Sana d̄in bir tepeden baktım aziz İstanbul... (Yahya Kemal)*

‘Вчера я **взирал** на тебя с холма, милый Стамбул’ (Яхья Кемаль) [Ümit 2010: ix].

Одним из вариантов передачи цитаты известного турецкого поэта в эпитафии к роману может быть вынесение перевода в сноску (в английском варианте перевода романа). В русской версии цитата Я. Кемаля переведена дословно, при этом вариантом достаточно нейтрального турецкого глагола *bakmak* ‘смотреть’ выбран стилистически маркированный вариант «взирал».

3. Приложения и обращения

(8) *Peki ne yazıyor orada **Başkomiserim** diyerek merakla sordu Zeynep.*

‘Отлично! Что там написано, **инспектор**? – сгорая от любопытства, спросила Зейнеп.’ [Ümit 2010: 10].

В переводе на русский язык обращение *Başkomiser* ‘главный комиссар’ было заменено на ‘инспектор’, поскольку первый вариант вызывает прочную ассоциацию с советской действительностью, где комиссар осуществлял политическое наблюдение за военным командованием и личным составом, был «политработником», который нес ответственность за формирование политико-просветительской и воспитательной работы.

Подводя итог, следует отметить, что при переводе различных типов безэквивалентной лексики в паре турецкий-русский языки наименьшие трудности вызывают имена собственные и термины. Однако реалии, фразеологизмы, диалектизмы, архаизмы, обращения, междометия, звукоподражания и особенно семантические и ассоциативные лакуны нуждаются в дальнейшем изучении с целью выработки четких механизмов переводческих трансформаций.

Литература

- Влахов, Флорин 1980 – *Влахов С., Флорин С.* Непереводимое в переводе. М.: Международные отношения. 1980.
- Иванов 1984 – *Иванов А.О.* Безэквивалентное и непереводимое в переводе в свете современной лингвистической теории. Диссертация...к.ф.н. Ленинград. 1984.
- Киреева 2009 – *Киреева Н.В.* Приключения детектива: массовый жанр в зеркале западного литературоведения 2-й половины XX в. // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Т. 11. 4. 2009. С. 200–204.
- Репенкова 2014 – *Репенкова М.М.* Турецкий детектив (к истории вопроса) // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2014. № 2. С. 72–80.
- Ümit 2010 – *Ümit Ahmet.* İstanbul Hatırası. İstanbul: Everest Yayınları. 2010.

Аннотация

В статье на примере перевода детективного романа турецкого писателя А. Умита «Воспоминание о Стамбуле» рассматриваются основные типы безэквивалентной лексики и приводятся способы их передачи на русский язык.

Ключевые слова

турецкий язык, безэквивалентная лексика, переводческие трансформации, турецкий детектив, Ахмет Умит, турецкая литература, проблемы художественного перевода

Сведения об авторе

Ларионова Евгения Ивановна – кандидат филологических наук, доцент кафедры восточных языков Дипломатической академии МИД России; e-mail: haziiran@mail.ru

Evgeniya Larionova

Untranslatables in the Detective Novel

«A Memento for Istanbul» by Ahmet Ümit

Summary

The article deals with the problem of the basic types of untranslatables in detective novel ‘A Memento For Istanbul’ by Ahmet Ümit and their translation from Turkish into Russian language.

Key words

Turkish language, untranslatables, translation transformations, Turkish detective novel, Ahmet Ümit, Turkish literature, the problems of literary translation

Information about the author

Evgeniya Larionova – PhD in Philology, Associate Professor, Diplomatic Academy of Ministry of Foreign Affairs of Russian Federation; e-mail: haziiran@mail.ru

Т.В. Лосева-Бахтиярова

К ВОПРОСУ О ПЕРВЫХ ОПЫТАХ СОСТАВЛЕНИЯ СЛОВАРЕЙ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ ТЕРМИНОВ В УЗБЕКИСТАНЕ В 1930-е гг.

Рост профессиональных кадров из представителей местных национальностей в 20–30 гг. XX в. после установления советской власти на территориях проживания тюркоязычных народов требовал создания специальной литературы, в том числе терминологических словарей на местных языках. Данная задача была сопряжена с большими трудностями вследствие отсутствия устоявшихся терминов. Это относилось и к такой важной и бурно развивавшейся отрасли, как сельское хозяйство. Другой проблемой была нехватка специалистов из числа узбекского населения, обладавших не только формальным знанием языка, но хорошо знакомых со способами номинации и особенностями словообразования в целом.

Одни из первых подобных словарей сельскохозяйственной терминологии, выпущенных в Узбекистане в 30-е гг. прошлого века, и попали в наши руки из библиотеки известного ученого-востоковеда, лингвиста Ивана Михайловича Стеблина-Каменского, умершего в 2018 г. Под одной обложкой – время и место переплета нам, к сожалению, неизвестно – собраны три словаря, изданные в Ташкенте в период с 1931 по 1935 гг. Словари написаны на раннем узбекском яналифе и с полным правом могут считаться лексикографической ценностью.

Первый словарь носит название «*Qʻshlaq-choʻchaliq terminologiyasi. I-nci bōlak. Өsimlik zərərkyünəndələri və kəsəlləri bilən kurgəşyvgə dajyr termenlər*» («Сельскохозяйственная терминология. Выпуск I. Терминология по борьбе с вредителями и болез-

нями сельскохозяйственных растений»). Он написан профессором В.Ю. Плотниковым и издан в Ташкенте в 1931 г.

Второй словарь называется «*Paxtacilikka dair qisqaca izahli luqat*» («Краткий толковый словарь хлопководства»). Его автором является Сабирчан Ибрахим, который в предисловии указывает, что подобный труд являлся важнейшим и совершенно необходимым для той эпохи, имея в виду ведущую роль хлопководства среди прочих отраслей сельского хозяйства. Словарь датирован 1935 г.

Последний из словарей представляет собой первый опыт по созданию терминологического словаря на местно-еврейском языке – языке евреев, издавна проживающих в Узбекистане, в качестве которого использовался (и используется до сих пор) бухарский диалект таджикского языка. «*Luqati terminologi (rusi – jahudigi). Paxtakori*» («Терминологический словарь (русско – местно-еврейский). Хлопководство») был составлен агрономом И.С. Давыдовым и издан в 1935 г. Как пишет сам автор, он использовал ту сельскохозяйственную терминологию, которую употребляли в своей практике евреи, работавшие в местных колхозах.

Объектом исследования данной статьи является первый из указанных словарей. Новизна работы заключается в том, что нами не были отмечены случаи, когда словари сельскохозяйственных терминов того периода на материале узбекского языка становились предметом рассмотрения. Таким образом, наши предварительные наблюдения могут оказаться полезными при изучении истории терминологии узбекского языка.

Почти вековой словарь обнаруживает очень хорошую сохранность. Его объем – 28 пронумерованных листов + 2 листа в конце – без нумерации. Название словаря на узбекском языке вместе с датой и местом издания расположены на первой странице, а на русском языке – на последней. На второй странице можно видеть тираж – 20 000 экземпляров. Наглядные иллюстрации в словаре отсутствуют.

Словарь является двуязычным, а именно русско-узбекским, и насчитывает, по нашим подсчетам, 670 слов, отнесенных автором к группе «вредители и болезни сельскохозяйственных рас-

тений и борьба с ними». На данный момент нам не известно, увидели ли свет последующие части (выпуски) словаря.

Слова в словаре расположены не в алфавитном порядке, а сгруппированы по родству понятий, например: «типы ножек», «вредители побегов и почек», «непаразитические болезни растений», «плодовые деревья» и т.д. Поэтому для облегчения работы со словарем и поиска необходимого слова в начале книги приводится алфавитный указатель на русском языке с указанием страницы.

Исходя из слов автора в предисловии к словарю: «Местных специалистов для составления хорошей и меткой терминологии пока нет, а нужда в ней весьма насущна, поэтому я взял на себя инициативу составления терминологии в моей специальности» [Плотников 1931: 5], мы можем сделать вывод, что перед нами по-настоящему первый опыт, первая попытка создания подобных словарей на материале узбекского языка. Словарь был одобрен Терминологическим Комитетом при Народном Комиссариате Просвещения УзССР.

Профессор Плотников отмечает, что в его книге использованы, разумеется, не все местные названия сельскохозяйственных растений, болезней, насекомых, но смеет надеяться, что его труд послужит основой для дальнейшего дополнения и усовершенствования сельскохозяйственной терминологии и примером для составления терминологии на узбекском языке в других областях науки.

Автор приводит следующее определение термина (*termin, atama*): «Термин есть условное выражение специальных предметов или понятий» [Плотников 1931: 5]. Основным материалом для создания терминов – «для большей их усвояемости» [там же] профессор считал лексику и словообразовательные элементы того языка, на котором эти термины составляются. Таким образом, функциональное развитие языка рассматривается в рамках самого языка и его носителей, а термин становится понятен тем, для кого он, собственно, и создавался. Такой подход будет высоко оценен исследователями, занимающимися проблемами терминологии, в том числе тюркских языков, уже в наши дни. «Одним из основных способов развития языка служит словообразование

и семантическое развертывание, что ставит задачу называния новых понятий посредством своего языка. Нет сомнений, что какими бы не были сложными все научные понятия, образованные средствами родного языка, они будут прозрачными для восприятия» [Ахаев 2004: 45].

Нами было выделено несколько способов номинации терминов, собранных в рассматриваемом словаре. Первый способ – лексико-семантический. Под данным способом мы понимаем процесс номинации предметов, явлений, который не сопровождается появлением новой языковой единицы, а лишь ограничивается применением старых слов в новом значении. Он, в свою очередь, делится на:

а) переход слов из общеупотребительной лексики, в том числе местных народных названий, в термины. Например: *kəzсə* ‘глазок’, *dəvr* ‘стадия’, *tamсь* ‘капля’, *jasъqса* ‘подушечка’, *vel* ‘тулье’ и другие;

б) переход диалектных терминов в национальные термины. Например, употребление слова *kekinaj* ‘бахчевая божья коровка’, пришедшего из бухарского диалекта, в качестве общеузбекского термина с тем же значением;

в) переход терминов из одной области науки в другую. Например: *kislətə* ‘кислота’, *altъn gogirt* ‘сера’ и другие.

Подобный способ номинации можно отнести к достаточно продуктивным.

Второй выделенный нами способ номинации – морфологический, который представляет собой образование новых лексических единиц путем присоединения словообразовательных аффиксов к основе. В общенародном узбекском языке этот способ номинации является самым продуктивным, что объясняется самим строем языка как агглютинативного. Однако, это нельзя сказать применительно к образованию рассматриваемых терминов. Так, нами было отмечено лишь несколько аффиксов, участвующих в образовании сельскохозяйственной терминологии, собранной в словаре. Среди них, например, персидский аффикс *-simon*, образующий прилагательные, соответствующие русским сложным прилагательным со вторым компонентом ‘= образный, = видный’: *ipsъtan* ‘нитевидный’, *qъlsъtan* ‘щетинковидный’,

jiksъman ‘веретенovidный’, *taraqъman* ‘гребенчатый’; и исконно тюркский аффикс -увъсь, образующий имена со значением деятеля от глагольных основ: *soruvъсь najsъ* ‘сосательная трубка’, *tilib-soruvъсь* ‘режуще-сосущий’, *sancъв-soruvъсь* ‘колюще-сосущий’.

Следующий отмеченный нами способ – синтаксический. При синтаксическом способе образование нового названия происходит путем сочетания уже известного в языке слова с другим словом или словами. Данный способ включает в себя, в частности, словосложение и словосочетания, которые по структуре относятся к сложным словам. Данный способ в нашем случае можно считать весьма продуктивным, так как с его помощью образована значительная часть терминов в рассматриваемом нами словаре.

Здесь необходимо сказать, что одна из трудностей, с которой столкнулся В.Ю. Плотников во время работы над словарем, заключалась в том, что в узбекском языке имеется мало названий насекомых. И за немногими исключениями, они не относятся к какой-либо группе насекомых. Например, *qo'ng'iz* означает ‘жук вообще’, но им называют также горного клопа, хруща, златку, бронзовку. Основное значение слова *bit* – ‘вошь’, но оно обозначает и тлю. *Ari* – это ‘оса’, но передает и пчелу, и шершня, и шмеля. То же можно сказать и о названиях животных. Так, слово *sichqon* именуется ‘мышь’, но и полевку, песчанку, соню. Недостаток названий вызвал необходимость создания новых слов, что потребовало от ученого знания языка, механизмов словообразования, а также знакомства с бытом и местными реалиями.

Таким образом, профессор во многих случаях шел путем создания устойчивых описательных словосочетаний – синтаксически организованных соединений двух и более знаменательных слов, выражающих единое лексическое целое. Подобные словосочетания относятся и к синтаксическому, и к лексическому уровням языка и представляют собой лексико-синтаксический способ номинации. Такие наименования часто мотивированы формой, цветом, материалом, предназначением. К подобным терминам, которые, в основном, передают видовые различия, можно отнести: *qattъq qanatlar* ‘жесткокрылые’, *altъn kezlar* ‘златоглазки’, *uzun ajaqlar* ‘долгоножки’, *zъrъrli vizaqbaъ qonqъz*

‘вредный хрущ’, *vərg filcəsi* ‘лиственный слоник’, *qoza kujəsi* ‘хлопковый мотылек’. В данном случае, как нам видится, мы нередко имеем дело с прямым переводом с латыни, русского или иного иностранного языка.

В качестве примеров реже встреченного нами словосложения можно привести слова: *torqanatlar* ‘сетчатокрылые’, *jarqanat* ‘летучая мышь’, *olymtikxorlar* ‘мертвоеды’.

Наконец, сельскохозяйственная терминология узбекского языка того периода в большом количестве обогащалась заимствованиями из русского языка и посредством русского языка. Так, на страницах словаря нами отмечены случаи, когда автор оставлял заимствованное слово – при отсутствии его эквивалента в лексическом фонде узбекского языка – вместе с новым понятием: *kislətə* ‘кислота’, *neft* ‘нефть’, *mazut* ‘мазут’, *kəlij* ‘калий’, *nasos* ‘насос’. Явление синонимичности обычно оценивается отрицательно применительно к терминологии, однако присутствует и функционирует во многих терминологических словарях. Примеры, когда заимствованное из русского языка слово составляет синонимичный ряд с исконно узбекским словом: *qarqaq* и *kləpən* ‘клапан’, или с персидским: *çəvhər* и *ekstrəkt* ‘экстракт’. В нашем словаре они, однако, единичны.

В целом же отсылки к истории составления русской терминологии просматриваются в словаре весьма явно. Влияние русской научной литературы на формирование узбекской терминологии продолжится и в последующие годы. Но ученые уже того периода, взявшиеся за составление словарей и пособий, осознавали важность соблюдения требований к правильности подбора или же построения термина как с научной, так и с языковой точки зрения, поскольку приемлемый термин может возникнуть лишь в результате сосуществования этих двух условий. Как верно заметил Р.А. Будагов в своем труде «Филология и культура»: «Наука, чтобы действительно влиять на жизнь общества, требует ясного выражения, точной передачи мысли средствами данного языка» [Будагов 1980: 8].

Литература

- Русско-узбекский словарь. М., 1954.
Узбекско-русский словарь. М., 1959.
Ахаев 2004 – *Ахаев С.Т.* Познавательная и языковая природа термина // Тюркская и смежная лексикология и лексикография. Сборник к 70-летию Кенесбая Мусаева. М., 2004.
Бертагаев 2004 – *Бертагаев Т.А., Дешериев Ю.Д.* Роль русского языка в развитии словарного состава языков народов СССР // Вопросы терминологии. М., 1961.
Будагов 1980 – *Будагов П.А.* Филология и культура. М., 1980.
Davidov 1935 – *Davidov I.* Luqati terminologi (rusi – jahudigi). Paxtakori. Toshkent, 1935.
Plotnikov 1931 – *Plotnikov Yu.* Qyʻshlaq-choʻchalyq terminologiyasi. I-nci bəlak. Oʻsimlik zərəkynəndələri və kəsəlləri vilən kyurəşyvgə dajyr termenlər. – Toshkent, 1931.
Sabirchan 1935 – *Sabirchan I.* Paxtacilikka dair qisqaca izahli luqat. Toshkent, 1935.
Ruscha-Oʻzbekcha lugʻat. Toshkent, 2011.
Oʻzbekcha-ruscha lugʻat. Toshkent, 2017.

Аннотация

Предметом рассмотрения данной работы является один из первых узбекских словарей сельскохозяйственной терминологии, изданный в Ташкенте в 1931 г. Нами были определены основные способы номинации, использованные автором-составителем словаря, и выделены наиболее продуктивные из них, обозначены особенности сельскохозяйственной терминологии того периода на материале узбекского языка, отмечены сложности, с которыми сталкивались создатели первых подобных словарей.

Ключевые слова

словарь, сельскохозяйственная терминология, способы номинации, узбекский язык

Сведения об авторе

Лосева-Бахтиярова Танем Валерьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры тюркской филологии Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова; e-mail: uni_philology@yahoo.com

Tanem Loseva-Bakhtiyarova

**Revisiting the First Attempts of Compiling Dictionaries
of Agricultural terminology in Uzbekistan in 1930s**

Summary

The subject of this paper is the analysis of one of the first Uzbek dictionaries of agricultural terminology issued in Tashkent in 1931. There are determined the main nomination methods used by the compiler of the dictionary, among them the most productive ones are singled out, the particular qualities of the agricultural terminology of that period are specified based on the Uzbek language, the difficulties faced by the lexicographers of such first dictionaries are described.

Key words

dictionary, agricultural terminology, nomination methods, the Uzbek language

Information about the author

Tanem Loseva-Bakhtiyarova – PhD in Philology, Associate Professor, Turkic Philology Department, Institute of Asian and African Studies of Lomonosov Moscow State University; e-mail: uni_philology@yahoo.com

**КАТЕГОРИИ
ОДУШЕВЛЕННОСТИ-НЕОДУШЕВЛЕННОСТИ
И ЛИЧНОСТИ-НЕЛИЧНОСТИ
В ТУРЕЦКОМ ЯЗЫКЕ**

Категории одушевленности-неодушевленности и личности-неличности в той или иной форме присутствуют во всех языках и важны тем, что в значительной степени определяют поведение людей по отношению к объектам разного типа. Во многих современных языках категории одушевленности-неодушевленности и личности-неличности имеют грамматический характер и функционируют в сложных сочетаниях или по отдельности, однако формирование этих классов на очень древних, дописьменных стадиях развития языка и многократной разнонаправленной перестройки систем в ходе его развития не позволяют судить об их мотивировке. В некоторых языках именно потеря мотивировки привела к исчезновению соответствующих классов слов; другие языки, утратившие такие классы у существительных, зачастую сохранили их в местоимениях [Ельмслев 1972].

Если говорить о функционировании таких категорий в современных языках, то исследование категории одушевленности-неодушевленности с когнитивной точки зрения может позволить выявить особенности объектов, позволяющие отнести их к категории одушевленных. Так, для английского языка (сохранившего противопоставление указанных категорий в использовании местоимений *it vs. he, she* при наличии ряда исключений) указываются следующие «три свойства одушевленности»: автономия (способность инициировать действия), целеустремленность, способность реагировать [Кряжевских 2008].

Тюркские языки не обладают системой грамматических средств для выражения категорий одушевленности-неодушевленности и личности-неличности, однако зафиксированные в турецком языке (ТЯ) особенности выделения соответствующих классов показывают четкие различия между восприятием групп объектов и демонстрируют принципы мотивировки отнесения объектов к тому или иному классу, что важно с точки зрения отношения к животным и неодушевленным объектам.

Одушевленность-неодушевленность

Языки фиксируют у объектов животного мира наличие особых нематериальных субстанций (органов, сущностей), дающих начало жизни. В ряде европейских языков имеется по две лексемы для обозначения таких невидимых нематериальных жизненных субстанций – это русск. *душа* и *дух*, англ. *soul* и *spirit*, нем. *Seele* и *Geist* и др. В нем. и русск. языках термины, используемые для обозначения живых существ, в том числе человека, являются производными от лексемы, именующей такую субстанцию: нем. *Seele* ‘душа’ → *beseelt* ‘одушевленный’, русск. *душа* → *одушевленный*, и таким образом языком признается наличие у человека и животных общей нематериальной субстанции, противопоставляемой материальному телу.

В ТЯ также имеется две лексемы для обозначения нематериальных жизненных субстанций – *can* (перс. *džān* ‘душа, дух, жизнь’) и *ruh* (араб. *rūh* ‘душа, дух’), в основе которых лежит шаманистское представление о том, что при рождении в тело человека разными богами вкладывается до пяти «душ», в момент смерти разлетающихся в разные стороны [Алексеев 1984: 25–26]. Древние же тюрки верили, что: «... у человека две души, одна из которых привязана к телу, а другая способна от него отделяться – в случае болезни или во сне вторая душа покидает тело» [İndirkaş 2007: 20] (перевод наш – Е.Н.). *Can* не является компонентом исламского мировоззрения.

Напротив, представления о *ruh* являются частью исламского мировоззрения. Как показывает турецкий языковой материал, лексема *ruh* обозначает невидимую бессмертную нематериаль-

ную субстанцию, присущую исключительно человеку, не имеющую точного положения в теле, покидающую тело после смерти и продолжающую свое существование вне телесной оболочки:

- (1) *Öl-en* *kışı-nin* *ruh-u* *ev-i-ne*
 умирать-PC человек-GEN *ruh*-POSS3SG дом-POSS3SG-DAT
gel-ir *mi?*
 приходит-АОР Q
 ‘Приходит ли душа покойного в его дом?’

Лексема *can* является одной из высокочастотных в ТЯ (432 употр. в письменном языке на 1 млн. [Göz 2003: 30]), используется в качестве личного имени и несет большую смысловую нагрузку в турецкой культуре. *Can* обозначает невидимую субстанцию, присущую человеку и животным и безусловно необходимую для жизнедеятельности организма. Несмотря на то, что *can* часто переводится как «soul», «Seele» и «душа», по своей сути *can* ближе к «life», «Leben» и «жизнь» (в компьютерных играх *can* является эквивалентом *life*): этот орган связан с повседневными насущными потребностями организма и является сгустком жизненной энергии, которая может расходоваться и пополняться из внешних источников (2), а также центром некоторых физических ощущений, например, боли (3):

- (2) *Can boğaz-dan gel-ir*
can горло-ABL приходит-ABL
 ‘Жизнь приходит через горло’,
- (3) *Can-ı acı-yor*
can-POSS3SG испытывать.боль-PRS
 ‘Ему больно’.

ТЯ достаточно точно зафиксировал положение *can* в теле человека – это место приблизительно в области солнечного сплетения:

- (4) *Can ev-im-den vur-du-n* (песня)
can дом-POSS1SG-ABL ударить-PST-2SG
 ‘Ты ударил меня под дых’.

В отношении человека *can* признается носителем также и некоторых эмоций, например, желания (ср. русск. *чего душа пожелает*) и неподконтролен ему:

- (5) *Can-ım dondurma çek-ti*
can-POSS1SG мороженое тянуть-PST
 ‘Мне захотелось мороженого’,
- (6) *Can-ım iş-e git-mek iste-mi-yor*
can-POSS1SG работа-DAT идти-NMLZ хотеть-NEG-PRS
 ‘Мне не хочется идти на работу’.
 Смерть безусловно связана с утратой *can*:
- (7) *Can-ı çık-ti hu-yu*
can-POSS3SG выходить-PST характер-POSS3SG
çık-ma-dı (поговорка)
 выходить-NEG-PST
 ‘Умер, а от своих привычек не отказался’ (с отрицательной коннотацией)

однако поскольку эта субстанция возобновляема, ее временная потеря не предполагает окончания жизни:

- (8) *Can-ım çık-ti ağla-mak-tan* (песня)
can-POSS1SG выходить-PST плакать-NMLZ-ABL
 ‘Я так плакал, что моя *can* покинула меня’.

В соответствии с наблюдавшейся после принятия ислама тенденцией к «переименованию» важных с точки зрения древнетюркского мировосприятия объектов и сущностей с использованием перс. и араб. заимствований, результаты чего отмечаются в современном ТЯ, можно предположить, что перс. *can*, возможно, заменила лексему *күт* ‘жизненная сила’ [ЭСТЯ 2000: 176].

Совокупность качеств, приписываемых *can*, определяет то, что от его названия в ТЯ образованы лексемы *can-lı* ‘одушевленный’ (*can-INS*) и *can-sız* ‘неодушевленный’ (*can-ABS*). Таким образом, ТЯ проводит четкие разграничения между человеком как обладателем субстанций *can* и *ruh*, остальными животными, обладающими лишь *can*, и объектами неживой природы, не имеющими *can* и *ruh*:

		<i>can</i>	<i>ruh</i>
<i>can-li</i>	человек	+	+
	животные	+	–
<i>can-siz</i>	неживые объекты	–	–

При всем этом, вероятно, современные представления о сущности жизни позволяют использовать следующую фразу не только о животных, но и о растениях:

- (9) *O-nun da can-l var*
 он-GEN тоже *can*-POSS3SG иметсяя
 ‘Оно тоже может испытывать боль’.

Личность-неличность

В ТЯ в отличие от многих индоевропейских языков в отношении всех групп объектов стандартно используется единое личное местоимение 3 л. *o*, а указательные местоимения *bu* и *zu* в функции личного местоимения 3 л. имеют дейктические, анафорические и прагматические функции.

Категоризация объектов по признаку личности-неличности отразилась в принципах использования в ТЯ вопросительных местоимений *kim* ‘кто’ и *ne* ‘что’ и неопределенных *bir-i* (един.-POSS3SG) ‘кто-то, кто-нибудь’ и *bir şey* (един. вещь, где *şey* – араб. заим.) ‘что-то, что-нибудь’ – все они делятся на людей (*kim* и *biri* соотносимы только с человеком) и всех прочих (*ne* и *bir şey* используются в отношении всех животных и неодушевленных объектов):

- (10) *Ben-i bir şey isir-di* (например, о комаре)
 я-ACC один вещь кусать-PST
 ‘Меня кто-то укусил’, букв. ‘что-то укусило’.

При этом в категорию «неличных» попадают все живые существа, вне зависимости от степени их сходства с человеком. С точки зрения использования вопросительных и неопределенных местоимений ТЯ также обнаруживает сходство с англ. и нем., где

в отношении животных и неодушевленных объектов используются местоимения *what, etwas* (нем. *Mich hat etwas gebissen*), а в отношении человека – *who, wer, jemand*. Противоположная точка зрения отчетливо проявляется в русск. языке, в котором местоимения *кто* и *кто-то* используются в отношении как человека, так и других живых существ, вплоть до насекомых и человекоподобных роботов.

Как и в других языках, в этом подходе в ТЯ существуют некоторые исключения – это домашние животные.

Известно, что в категоризации объектов окружающего мира обычно параллельно задействуются языковые инструменты разных уровней, и разделение на категории «кто» и «что» в ТЯ дублируется в синтаксисе за счет преимущественного использования глаголов в форме мн. числа с показателем *-lar/-ler* в отношении лиц, а без этого показателя – в отношении не-лиц.

Выделение людей в отдельную категорию осуществляется также через сочетаемость глаголов позиции: позиционный глагол *otur-* ‘сидеть’ в статическом пространственном значении не сочетается с названиями неодушевленных объектов и ограничено – для указания на схожесть позиции животных-антропоедов с человеческой – сочетается с названиями основной массы животных, например, как подпись к фотографии медведя, «почеловечески» сидящего за столом. Глагол *yat-* ‘лежать’ в статическом пространственном значении в отношении животных может указывать на их смерть.

Разграничение людей и животных нашло отражение и в фольклоре: в турецкой культуре нет сказок о животных, в которых за ними закреплялись бы определенные характеры, за исключением заимствованных из арабо-персидской культуры и не получивших столь же широкого распространения сказок «Калила и Димна» («*Kalīla wa Dimna*»), легших также в основу европейских басен.

Таким образом, в ТЯ категории одушевленности-неодушевленности и личности-неличности носят лексико-семантический характер и отражаются в сочетаемости глаголов.

Представляется, что низкая степень идентификации человека и животных в турецкой культуре была обусловлена спецификой

основного способа производства на древнем этапе развития общества: животные рассматривались прежде всего как основа благосостояния и главный источник пищи. В этой ситуации ставить их на одну ступень с человеком было невозможно.

Глоссы

- ABIL – модальность возможности
ABL – отложительный падеж (аблатив)
ACC – винительный падеж (аккузатив)
AOR – аорист (настоящее-будущее время)
DAT – дательный падеж (датов)
GEN – родительный падеж (генитив)
NEG – отрицание
NMLZ – имя действия
PC – причастие
POSS – посессивный показатель
PRS – настоящее время
PST – прошедшее время
Q – вопросительная частица
SG – единственное число
1 – первое лицо
2 – второе лицо
3 – третье лицо

Литература

- Алексеев 1984 – *Алексеев Н.А.* Шаманизм тюркоязычных народов Сибири. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1984.
Ельмслев 1972 – *Ельмслев Л.* О категориях личности-неличности и одушевленности-неодушевленности // Принципы типологического анализа языков различного строя. М.: Наука, 1972. С. 114–152.
Кряжевских 2008 – *Кряжевских Н.Н.* Особенности выражения языковой категории одушевленность / неодушевленность в английском существительном «GHOST» // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2008. № 1–3. С. 158–162.
ЭСТЯ 2000 – Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на Қ / авт. сл. статей *Л.С. Левитская, А.В. Дыбо, В.И. Рассадин*. М., 2000.
Göz 2003 – *Göz İ.* Yazılı Türkçenin kelime sıklığı sözlüğü. Ankara, 2003.
İndirkaş 2007 – *İndirkaş Z.* Türk mitosları ve Anadolu efsanelerinin iz sürümü. Ankara: İmge Kitabevi, 2007.

Аннотация

Категории одушевленности-неодушевленности и личности-неличности в турецком языке являются лексико-семантическими. В категории одушевленности-неодушевленности отражены представления о наличии или отсутствии у объектов невидимых сущностей *can* и *ruh*. Категория личности-неличности выражается в использовании вопросительных и неопределённых местоимений, а также дублируется в сочетаемости позиционных глаголов и использовании показателя множественного числа в глаголах.

Ключевые слова

турецкий язык, лексика турецкого языка, категория одушевленности-неодушевленности, категория личности-неличности

Сведения об авторе

Напольнова Елена Марковна – кандидат филологических наук, доцент, старший преподаватель кафедры тюркской филологии ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова; e-mail: elenapolnova@yahoo.com

Elena Napolnova

The Categories of Animate-inanimate and Personal-non-personal in Turkish

Summary

The categories of animate-inanimate and personal-non-personal in Turkish are lexical-semantic. The animate-inanimate category reflects representations about the presence or absence of invisible *can* and *ruh* entities in objects. The category of personality-non-personality is expressed in the use of interrogative and indefinite pronouns, as well as duplicated in the compatibility of positional verbs and the use of the plural index in verbs.

Key words

Turkish language, Turkish vocabulary, Turkish national identity, language consciousness of Turks

Information about the author

Elena Napolnova – PhD in Philology, Head Teacher at Department of Turkish Philology, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University; e-mail: elenapolnova@yahoo.com

НАСТОЯЩЕЕ-БУДУЩЕЕ ВРЕМЯ НА -Ar В ТУРЕЦКОМ ЯЗЫКЕ КАК ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

Одной из основных проблем, с которой сталкиваются обучающиеся турецкому языку, – проблема выбора времени глагола-сказуемого вследствие разветвленности системы времен в турецком языке и ее полного несоответствия системе времен в русском языке.

Данная статья посвящена «камню преткновения» в изучении студентами турецкой системы времен – настоящему-будущему времени на -Ar (НБВ) и уточнению передаваемых им значений в свете отечественной лингводидактики.

Сразу оговоримся, что терминологически мы следуем за укрепившейся в российской тюркологии традиции: так называют это время известные лингвисты-тюркологи А.Н. Кононов, Ю.В. Щека, В.Г. Гузев и др. (см. ниже). Заметим, что турецкие исследователи, как правило, употребляют термин *Geniş zaman* ‘широкое время’. Встречается такая формулировка и в ряде работ на русском языке, например, в русскоязычной грамматике турецкого автора Э. Гениша (см. ниже). Западные исследователи, например, автор фундаментальной грамматики турецкого языка на английском языке Г. Льюис называет его *aorist* ‘аорист’, указывая, что «этот термин, заимствованный из грамматики греческого языка, означает ‘неограниченный’, ‘беспредельный’ (unbounded) и лучше всего описывает то, что турки называют ‘широкое время’, которое означает продолжающуюся деятельность» [Lewis 2001: 115].

Рассмотрим, как описывается это время в грамматиках турецкого языка, созданных российскими учеными А.Н. Кононовым,

Ю.В. Щекой и В.Г. Гузевым, которые по сей день являются авторитетными источниками для изучения и преподавания турецкого языка.

А.Н. Кононов в «Грамматике турецкого языка» [Кононов 1941: 268] указывает, что НБВ выражает:

«1. Действие, происходящее обычно постоянно, на основании давно установившейся традиции (я всегда встаю в 8 часов), или действие, естественное по своей природе (птицы летают)».

Это значение и нюансы его употребления мы подробнее рассмотрим далее.

«2. Действие, которое в силу своего обычного или “естественного” характера может иметь место и в будущем (напр.: “я пишу мелко” – у меня вообще такой почерк, отсюда вероятный вывод, что и в будущем буду писать мелко)».

Ученый дополнительно отмечает, что время действия определяется в таких случаях соответствующими наречиями.

‘Yarın erken kalkar ve işe gideriz. ‘Завтра (как обычно) мы встанем рано и пойдем на работу¹’.

Относительно последнего примера укажем, что замечание ученого о том, что «время действия определяется соответствующими наречиями» требует уточнения: так, с наречием «завтра» вполне возможно употребление будущего категорического времени на *-AcAk* (см. ниже).

В завершение этой темы лингвист приводит такие значения, передаваемые этим временем, как значение повеления, желания и даже приказания, а также для выражения «почтительной просьбы» [Кононов 1941: 268]. Такие же значения НБВ приводит А.Н. Кононов в вышедшей в 1956 г. работе «Грамматика современного турецкого литературного языка» [Кононов 1956].

¹ Здесь и далее приводится перевод на русский язык автора рассматриваемой грамматики/учебного пособия. Перевод всех остальных примеров, приведенных в статье и не содержащихся в рассматриваемом лингводидактическом материале, принадлежит автору данной статьи.

После более чем 50-летнего перерыва выходит в свет «Практическая грамматика турецкого языка» московского лингвиста Ю.В. Щеки [Щека 2007], в которой ученый указывает, что НБВ выражает следующие значения:

«1. Значение настоящего общего, т.е. выражает действие, не относящееся строго к моменту настоящего, происходящее в силу сложившегося порядка или его естественной природы: *O her gün bize gelir* ‘Он приходит к нам каждый день’; *Biz günde sekiz saat çalışırız* ‘Мы работаем восемь часов в день’; *Ali çay sever* ‘Али любит чай’.

2. Общие суждения и закономерности: *Balık suda yaşar* ‘Рыба живет в воде’; *Dünya Güneş'in yöresinde döner* ‘Земля вращается вокруг Солнца’.

3. Значение настоящего конкретного времени, т.е. действие, имеющее место в момент речи. Такое употребление, совпадающее с употреблением настоящего времени на *-(I)yor*, характерно для определенных разговорных клише, а также встречается в разговорной речи вообще: *Teşekkür ederim* (Благодарю вас). *Yerinden kalkar, pencereye yaklaşır* ‘Он встает, приближается к окну’; *Burada ne ararsın?* ‘Что ты здесь делаешь?’».

Если относительно разговорных клише (типа «Благодарю вас») вопросов не возникает, то формулировка «встречается в разговорной речи вообще», на наш взгляд, является неконкретной и не дает изучающим турецкий язык представления, в каких ситуациях использовать НБВ в этом значении, равно как не дают такого представления и приведенные примеры.

«4. Будущее действие, которое выступает как возможное, предположительное или связано с просьбой, предложением, обещанием: *Belki yakında yine görüşürüz* ‘Может быть, на днях мы снова увидимся’; *Kaleminizi verir misiniz?* ‘Не дадите ли вашу ручку?’ *Babam yarın köyden döner* ‘Мой отец завтра возвратится из деревни’; *Almanya'dan mektup yazarım* ‘Я вам напишу из Германии’».

Два последних примера без пояснений также не дают четкого представления о том, в каких именно ситуациях для описания

действия в будущем нужно использовать НБР, а не будущее категорическое время на *-AcAk*.

Значение обещания, указываемое всеми авторами рассматриваемых нами изданий, мы рассмотрим ниже.

«5. Значение повеления: *Bu kitapları okursun, iki gün sonra getirirsin* ‘Эти книги почитаешь и через два дня принесешь’.

6. Прошлое действие, выступая при этом аналогично настоящему времени на *-(I)yor* в функции настоящего изобразительного: ...*Çoban hemen koşar, köye haber verir...* ‘Пастух тут же бежит, дает знать деревне’» [Щека 2007: 195].

Далее, сопоставляя употребление НБВ и настоящего времени, Ю.В. Щека пишет: «Отличие этих времен заключается в том, что настоящее время на *-(I)yor* при передаче значения настоящего общего не переходит в форму выражения потенциальности, а основной функцией настоящего-будущего времени на *-()r*, напротив, считается отсутствие акциональности. Время на *-()r* выражает потенциальность, обобщая действие как свойство субъекта, представляя его, например, как особенность характера или привычку: *Roman yazmaktan zevk duyarım* ‘Я испытываю удовольствие от написания романов’. Вместе с тем, однако, следует иметь в виду, что в сопоставлении с реальным функционированием времен..., сопряженным с передачей самых различных конкретных нюансов и экспрессии, любые описания значений остаются весьма условными» [Щека 2007: 195].

В этой части нельзя согласиться с ученым в том, что для НБВ характерно отсутствие акциональности: так, на наш взгляд, в предложении типа *Bu sporcu her saha 10 kilometre koşar* ‘Этот спортсмен каждое утро пробегает по 10 километров’ акциональность передается. Не может удовлетворить изучающих турецкий язык указание ученого на то, что «описание значений остаются весьма условными».

В.Г. Гузев в своем труде «Теоретическая грамматика турецкого языка» [Гузев 2015] относительно НБВ пишет: «В прагматическом отношении настоящее-будущее отличается от настоящего I (времени на *-(I)yor* – *E.O.*) способностью передавать в качестве смыслов только неконкретные (неактуальные) и будущие

действия <...>, а также функционированием в составе ряда устойчивых сочетаний» [Гузев 2015: 186].

Далее автор пишет: Настоящее-будущее время способно сигнализировать о том, что действие субъективно воспринято говорящим как настоящее, но не связанное с какой-либо конкретной ситуацией.

а) действие мыслится как *естественное по своей природе, как проявление свойства предмета или события* (выделение курсивом В.Г. Гузева) или как *вневременное закономерное явление*;

б) подчеркивается обычный характер неконкретного действия: *Ama ben sarayları hiç sevmem. Adından bile ürkerim.* 'Но я совсем не люблю дворцы. Мне даже страшно при их упоминании';

в) действие совершается в силу сложившихся привычек, условий или традиции, установленного порядка и т.п.: *Sabahları erken kalkarım, akşamları erken yatarım.* 'По утрам я рано встаю, а по вечерам рано ложусь (спать)';

г) в разговорной речи широко используется для выражения вежливых просьб и других разного рода побуждений коммуниканта II (собеседника) к действию: *Gelir misiniz?* 'Подойдите, пожалуйста';

д) широко используется в устойчивых выражениях (в частности, в формулах вежливости, в поговорках и поговорках): *Teşekkür ederim.* 'Благодарю'.

Говоря о значениях, передаваемых НБВ применительно к плану будущего, В.Г. Гузев пишет: «Форма способна также сигнализировать, что речь идет о будущем действии, особенно в разного рода обещаниях: *Fazla oyalanmam, iki gün sonra dönerim.* 'Я долго не задержусь, вернусь через два дня'» [Гузев 2015: 188].

В популярной в России «Грамматике турецкого языка» [Гениш 2007] турецкого автора Эйюпа Гениша относительно НБВ содержится такое указание: «Формы настоящего-будущего времени выражают действия, которые начались до момента речи, продолжают в момент речи и будут продолжаться после момента речи (таким образом, это время совмещает в себе три рассмотренных ранее времени: прошедшее, настоящее продолженное и будущее)» [Гениш 2007: 36].

Такое объяснение, на наш взгляд, является весьма запутанным и не дает представления о нюансах употребления этого времени.

Далее автор «Грамматики» указывает: «Формы настоящего-будущего времени используются в значении будущего времени, однако при этом не имеют временных ограничений» [Гениш 2007: 37].

Это утверждение можно легко опровергнуть примером типа *Ben sana yarın gelirim* 'Я приду к тебе завтра', где НБВ употребляется несмотря на наличие временного наречия «завтра».

Также Э. Гениш отмечает: «Чаще всего формы настоящего-будущего времени используются для выражения постоянных действий, которые не прекращаются или постоянно повторяются». На это значение автор приводит такие примеры: *Sabahları yarım saat spor yaparım*. 'По утрам я полчаса занимаюсь спортом' (сразу отметим, что этим примером автор сам себе противоречит, т.к. страницей выше он утверждал, что «формы настоящего-будущего времени не имеют временных ограничений» /см. выше в настоящей статье/), а также *Her sabah saat yedide kalkarım*. 'Каждое утро я встаю в семь часов' [Гениш 2007: 37].

Здесь мы видим, что Э. Гениш формулирует то же утверждение, что и российские авторы грамматик турецкого языка о том, что действие должно носить постоянный характер. С этим значением НБВ нельзя не согласиться.

Однако относительно этого значения важно добавить, что действие должно не просто носить постоянный характер (в этом значении как раз чаще употребляется настоящее длительное время на *-(I)yor* /*Sabahları saat yedide kalkıyorum* 'По утрам я встаю в семь часов'/), а должно происходить с определенной регулярностью и при этом выражать **постоянные свойства**, признаки лица или предмета. Это, на наш взгляд, является основополагающим моментом в «разведении» значений, передаваемых НБВ и настоящим длительным временем на *-(I)yor*.

Далее Э. Гениш приводит еще одно утверждение: «Настоящее-будущее время может использоваться с формой возможности, когда имеется в виду не возможность совершения действия в данный конкретный момент, а постоянная способность» [Гениш 2007: 37].

Тут в объяснении вообще наблюдается логический диссонанс, т.к. до этого речь шла о значениях, передаваемых этим временем, а не о его возможности сочетания с другими грамматическими показателями. Аффикс *-Abil* в любом времени передает значение возможности.

Другие значения, выделяемые Э. Генишем (действия, осуществляемые в силу традиции, привычки и пр., а также вежливые просьбы) мы не приводим в связи с тем, что мы их уже указывали, ссылаясь на грамматика А.Н. Кононова, Ю.В. Щеки и В.Г. Гузева, и относительно них никаких вопросов не возникает.

Одно из интересных значений, выделяемых Э. Генишем, и, насколько нам известно, не приводимых другими авторами, является значение совета, намека (видимо, в отношении последнего автор, для которого родным языком является турецкий, не совсем точно изложил свою мысль по-русски); на это значение Э. Гениш приводит такие примеры: *İnsan annesini üzer mi?* 'Разве можно расстраивать свою мать?' (перевод мой – Е.О.). *İşi olmayan giremez.* 'Вход только для сотрудников' (перевод мой – Е.О.). Относительно последнего примера отметим, что здесь следовало бы говорить не о значении совета, а указать, что НБВ используется в информирующих или запрещающих указателях (типа *Burada sigara içilmez* 'Здесь нельзя курить'), а также сделать важное дополнение о том, что в этом значении, как правило, употребляется страдательный залог и отрицание.

Анализируя грамматика турецкого языка, изданные в Советском Союзе/России, можно заключить, что их авторы четко обозначают такие, как правило, не вызывающие трудностей у обучающихся турецкому языку значения, как вежливая просьба, устойчивые сочетания и клише, постоянное качество, свойство, характеристика предмета, непреложная истина, естественный ход событий, обещание, предположение, приказ, однако, на наш взгляд, невозможно комплексно передать нюансы употребления НБВ без его сопоставления с настоящим длительным временем на *-(D)yor* и будущим категорическим временем на *-AcAk*.

Также можно выявить такую тенденцию: авторы грамматик делают бóльший акцент на употреблении НБВ в плане настояще-

го действия, но весьма скупо описывают его значения, описывающие действия в плане будущего.

К недостаткам в описании данной темы в рассмотренных грамматиках также можно отнести то, что зачастую иллюстративные примеры вырваны из контекста, в связи с чем дезориентируют изучающих турецкий язык относительно значений, передаваемых НБВ.

Подобным же образом дело обстоит в учебниках и учебных пособиях. Рассмотрим лишь несколько из них.

Одним из самых популярных учебников турецкого языка, используемых в российских вузах² является учебник П.И. Кузнецова «Учебник турецкого языка. Начальный курс» [Кузнецов 2000], в котором он указывает два значения НБВ:

«1. Обозначает действие, не связанное ни с каким конкретным моментом или отрезком времени, не ограниченное мысленно какими-либо временными рамками. В этом случае настоящее-будущее время может передавать:

а) действие, естественное по своей природе, выражающее какое-либо качество, свойство данного предмета или класса предметов (Земля вращается вокруг Солнца);

б) действие, совершающееся в силу сложившихся условий, установленного порядка, установившейся традиции (При входе в помещение верхнюю одежду снимают) или вошедшее в привычку (Я встаю довольно рано, часа два в день провожу на воздухе, спать ложусь часов в одиннадцать, иногда в двенадцать)».

Далее Кузнецов так же, как и авторы грамматик, указывает, что НБВ используется в пословицах, поговорках, устойчивых сочетаниях и оборотах.

«2. Настоящее-будущее время обозначает будущее действие без указания на обусловленность его какими-либо обстоятельствами в настоящем (в момент речи):

² По результатам опроса преподавателей турецкого языка в российских вузах, проведенного в ноябре-декабре 2019 г. Всего в опросе приняли участие преподаватели 17 вузов.

а) действия теоретически возможные, предполагаемые или “планируемые” (не путать с оттенком намерения!) типа “Может быть, он придет, тогда поговорим об этом”;

б) действия с оттенками просьбы, предложения (собеседнику), согласия, обещания (**но не намерения, долженствования** – выделение Е.О.): “Хорошо, ты возьмешь эту книгу, а мне принесешь другую”;

в) действия с оттенками сомнения, опасения, недоумения и т.п.: “Разве он согласится (пойдет) на это?”»

На эти значения П.И. Кузнецов приводит следующие примеры: *Sonra sana yine yazarm, şimdi vaktim yok* ‘Потом я тебе еще напишу, сейчас нет времени’; *Kaleminizi bana verir misiniz?* ‘Не дадите ли вы мне вашу ручку?’; *Bizi burada bulur mu?* ‘(Разве) он здесь нас найдет?’ [Кузнецов 2000: 237].

В первом примере П.И. Кузнецов, вслед за авторами уже рассмотренных нами грамматик, приводит значение обещания, в связи с чем возникает следующий вопрос: если в этом предложении, а также во всех других, передающих значение обещания, мы вместо НБВ употребим будущее категорическое время на *-AcAk* (*Sana yazacağım*), будет ли при этом сохраняться значение обещания? Очевидно, что будет. Тогда возникает следующий принципиальный для «разведения» НБВ и времени на *-AcAk* вопрос: в чем будет заключаться разница между предложениями *Sana yazarm* и *Sana yazacağım*?

Без сомнения, для уточнения нюансов употребления обоих времен необходим контекст, однако в общем приближении можно отметить, что будущее категорическое время на *-AcAk* передает более решительный настрой говорящего осуществить обещаемое действие, возможно, определенные обязательства, которые берет на себя говорящий по отношению к своему коммуниканту, НБВ же больше указывает на то, что говорящий планирует осуществить действие и тоже обещает его выполнить, но, возможно, он сделает это в более комфортном для себя режиме, например, не очень быстро, когда (если) у него будет время, настроение и пр. Поэтому, например, в сочетании с обстоятельством времени *bir gün* ‘однажды’ употребляется только НБВ: *Bir gün konuşuruz*

‘Мы как-нибудь поговорим’ (когда это будет удобно и говорящему, и его коммуниканту).

То же самое можно утверждать и в тех случаях, когда НБВ передает значение намерения (П.И. Кузнецов напротив указывает, что НБВ это значение не передает!).

Для описания действий в будущем очень важным представляется указание Ю.В. Щеки о «потенциальности» действия, выраженного НБВ. В других рассмотренных нами грамматиках и учебниках нет указания на это очень важное свойство НБВ, а именно наличие в нем **семь потенциальности, возможности** осуществления действия применительно к плану будущего. Так, предложение *Ben yaparım* ‘Я сделаю’ в зависимости от интенций говорящего вполне можно перевести и как ‘Я могу сделать’, ‘Я мог бы сделать’.

Подтверждением того, что в НБВ заложена сема потенциальности может служить следующий пример: *Bu belgeyi çevirebilir misiniz?* – *Çeviririm* ‘Вы (с)можете перевести этот документ? – Смогу (букв. я переведу)’. Обратим внимание на то, что в ответе не использована форма возможности, именно потому что в НБВ это значение уже заложено, и говорящему не нужно подчеркивать это значение при помощи грамматического форманта возможности.

Косвенное указание на эту особенность НБВ содержится в грамматике Э. Гениша, когда он говорит о том, что НБВ часто сочетается с формой возможности. Это происходит именно потому, что возможность, потенциальность заложена в самом НБВ.

По этой же причине достаточно редко в форме возможности употребляется настоящее длительное времена на *-(I)yor* (*ben yapabiliyorum* ‘я могу делать’) и будущее категорическое время на *-AcAk* (*ben yapabileceğim* ‘я смогу сделать’) – последняя форма употребляется тогда, когда говорящий хочет подчеркнуть, что он не просто сможет сделать, но обязательно сделает.

Этим же обуславливается употребление НБВ в главной части условного периода: *Paramız olursa yazın Antalya'ya gideriz* ‘Если у нас будут деньги, летом мы поедем в Анталья’, т.к. в подобных примерах также всегда передается потенциальность действия (мы сможем поехать в Антальяю).

В основном же в российских учебных материалах широко распространен подход, что НБВ описывает действия в будущем «необязательные к исполнению», т.е. я вам обещаю, но это неточно.

Безусловно, такое значение может передаваться НБВ, часто в сочетании с модальными словами типа *umarım* ‘надеюсь’, *belki* ‘возможно’, *büyük ihtimalle* ‘с большой долей вероятности’ и пр. Однако нередки случаи, когда, употребляя НБВ для описания действия в будущем, говорящий делает акцент не на том, что это действие может быть произойдет, а на том, что он в принципе может это действие выполнить: может, но не обещает. Так, в приведенном выше примере *Bu belgeyi çevirebilir misiniz? – Çeviririm* говорящий не обещает, что переведет документ, а лишь указывает на свою способность это сделать.

Неточное разъяснение этого нюанса приводит к ошибочному восприятию этого значения у студентов. Мы неоднократно слышали от изучающих турецкий язык высказывания типа «Какие турки молодцы, специально придумали время, чтобы не нести ни за что ответственность». Однако выполнение/невыполнение действия не зависит от того, в каком времени человек описывает это действие, – оно зависит от степени ответственности самого человека! А примеры типа *belki gelirim* ‘возможно, я приду’ и в русском языке передают значение того, что действие может и не осуществиться благодаря наличию модального слова «возможно» (и ему подобных), а вот пример *gelirim* ‘я приду’ допускает как толкование «возможно, я приду», так и «я могу прийти», а также «я мог бы прийти» (могу, но не обещаю этого) в зависимости от конкретной речевой ситуации.

Заметим также, что все значения для передачи действия в будущем (вежливая просьба, опасение, сомнение, предположение и пр.) также объединены семьей потенциальности, возможности (не могли бы вы передать соль; а вдруг он сможет нас найти; завтра может пойти дождь и пр.)

Обратимся теперь к некоторым примерам, содержащимся в упражнениях из учебника П.И. Кузнецова: *Ayda bir iki kez tiyatroya giderim*. ‘Раз-два в месяц я хожу в театр’. *Pazar günleri çalışmayız, istirahat ederiz*. ‘По воскресеньям мы не работаем, мы

отдыхаем'. *Kardeşin ne iş yapar? – İşçidir, fabrikada çalışır.* 'Кем работает твой брат? – Он рабочий, работает на фабрике' [Кузнецов 2000: 237 и далее].

Эти примеры, как и многие другие, приведенные не только в учебнике П.И. Кузнецова, но и в ряде других авторитетных изданий по турецкому языку, иллюстрируют устойчиво закрепившуюся в методической и преподавательской практике тенденцию «подменять» действие, обозначающее свойство, признак и пр. обычным регулярным действием. Так, в предложении «По утрам я бегаю, папа заставляет меня бегать каждое утро» чаще употребляется время на *-(I)yor*, а не НБВ, т.к. ежедневные пробежки не являются свойством, качеством субъекта, иными словами, он не спортивного типа, и пробежки по утрам не доставляют ему особого удовольствия, он бегаёт по необходимости: *Sahahları koşuyorum, babam beni koşturuyor.*

Обратимся теперь к популярному в России учебнику Ю.В. Щеки «Интенсивный курс турецкого языка» [Щека 1996]. Мы не будем приводить теоретический раздел, посвященный описанию НБВ в этом учебнике [Щека 1996: 131] в связи с тем, что все эти значения уже указывались нами при анализе «Практической грамматики» авторства Ю.В. Щеки. Обратим внимание на текст урока, в котором содержится разъяснение значений НБВ (урок 8). Текст *Memur hayatı* 'Жизнь служащего' целиком передается в форме НБВ (просыпается в 7 утра, встает, умывается и пр.). Однако в данном тексте действия служащего не соотносятся со значениями, передаваемыми НБВ: в действиях служащего нет привычки, свойства характера, постоянного качества. Если я вынужден каждый день вставать по будильнику в семь утра, чистить зубы и пр., вряд ли это можно считать моим постоянным свойством. А вот если я встаю в семь утра и хочу подчеркнуть, что делаю это, потому что являюсь ранней пташкой, тогда это можно рассматривать как постоянный признак, а следовательно, предложения такого типа нужно передавать через НБВ: *Sabahları saat yedide kalkarım, erkenci kuşum* 'По утрам я встаю в семь часов, я ранняя пташка'.

Не подтверждается употребление НБВ в значении регулярного действия и в речевой практике носителей языка, которые для

описания каждодневных рутинных действий, как правило, используют настоящее время на *-(I)yor*, как в примере *Saat yedide kalkiyorurum ve banyoya gidiyorurum* 'Я встаю в семь часов и иду в ванную' (безусловно, здесь также могут быть свои нюансы, обусловленные речевой ситуацией, – см. пример выше, и в таких примерах ни в коем случае нельзя придерживаться строго одного времени), а также учебными и учебно-методическими материалами, написанными турецкими и европейскими учеными (см., например, авторитетную грамматику английского профессора Дж. Льюиса [Lewis 2001]). Вероятно, текст в учебнике Ю.В. Щеки составлен с «учебными/техническими» целями для того, чтобы студенты могли потренировать употребление данного времени³.

По большей части не являются иллюстративными и примеры употребления НБВ, приведенные в упражнениях I и II [Щека 1996: 133–134].

Этот же подход сохраняется в большинстве других учебников и учебных пособий по турецкому языку, написанных отечественными лингвистами. На наш взгляд, такой подход «затемняет» усвоение данной темы студентами, а зачастую и даже закрепляет у них неверное представление о том, в какой ситуации употреблять НБВ. Например, очень часто студенты при описании регулярно происходящих (но не являющихся постоянным свойством субъекта!) действий уверенно используют НБВ, ссылаясь на соответствующие тексты в учебнике/учебниках.

Подведем итоги и предложим некоторые собственные лингводидактические рекомендации.

Во всех рассмотренных выше грамматиках и учебниках выделены и проиллюстрированы примерами преимущественно такие значения, передаваемые НБВ для описания действия в настоящем, как свойство признака, предмета, естественный ход

³ Такой подход также весьма напоминает «техническую» тренировку подставки аффикса сказуемости I группы в 3 л. ед. ч. (Ср. *Ahmet doktor^{dur}* 'Ахмет врач'), которую студенты запоминают как обязательное к употреблению, и построить предложение с предикативом в настоящем времени, не оформив его аффиксом *-DIr*, не представляют возможным. В то время как аффикс *-DIr* является аффиксом утвердительной модальности и передает совершенно другие значения.

вещей, устойчивые выражения, пословицы, поговорки. Относительно значений, передаваемых НБВ для описания действий в будущем, не вызывает сомнения корректность утверждений ученых о том, что НБВ передает вежливую просьбу, а также действие, которое произойдет предположительно, относительно которого говорящий испытывает сомнение, недоверие, опасение и пр.

Как правило, все указанные выше значения достаточно легко воспринимаются студентами и не нуждаются в контекстном подкреплении.

В то же время в рассмотренном лингводидактическом материале наблюдаются следующие тенденции:

1. Четко не «разводятся» значения, передаваемые настоящим временем на *-(I)yor* и НБВ.

2. Зачастую такое значение НБВ, как постоянное действие, качество, свойство предмета подменяется значением регулярно-сти действия (я встаю в 7 часов утра) – особенно явно эта тенденция проявляется в учебниках, вплоть до составления целых текстов, в которых регулярные действия передаются через НБВ.

3. Значения НБВ не сопоставляются со значениями, передаваемыми настоящим временем на *-(I)yor*.

4. Четко не «разводятся» значения, передаваемые будущим категорическим временем на *-AcAk* и НБВ. Не получают комплексного объяснения значения НБВ, передаваемые им в отношении действий в будущем (кроме значения вежливой просьбы, предположения, сомнения в том, что действие произойдет). Не делается акцент на значении потенциальности, заложенной в этой форме для передачи действий в будущем (я могу написать, я смог бы написать). Нечетко сформулировано значение обещания и степени решимости говорящего это обещание осуществить.

5. Значения НБВ не сопоставляются со значениями, передаваемыми будущим категорическим временем на *-AcAk*.

6. Не делается акцент на сочетаемости НБВ с другими грамматическими формами (кроме указания Э. Гениша на частое сочетание НБВ с формой возможности), что, на наш взгляд, существенно облегчило бы восприятие НБВ изучающими турецкий язык.

7. Примеры приводятся вне контекста, что затрудняет понимание того, в какой речевой ситуации необходимо использовать НБВ.

Теперь сформулируем наши собственные выводы относительно функционирования НБВ в современном турецком языке.

1. Наблюдается тенденция все более частого описания будущих действий при помощи НБВ – даже в тех случаях, когда действие точно произойдет – в силу того, вероятно, что сема должностования, заложенная в будущем категорическом времени на *-AcAk* (*Sen bunu yapacaksın* ‘Ты должен будешь сделать это’), «вытесняет» значение точного выполнения действия в будущем. По этой же причине если говорящий предлагает осуществление какого-либо действия коммуниканту, он скорее всего употребит НБВ, а не будущее категорическое время на *-AcAk*, которое может передавать значение приказа/повеления или некоего «нажима» на коммуниканта со стороны говорящего с тем, чтобы он осуществил действие. Например, с большой долей вероятности говорящий скажет: *Ben sizi işe getiririm* ‘Я подвезу вас на работу (могу подвезти, если вы захотите)’ вместо *Ben sizi işe getireceğim* ‘Я подвезу вас на работу’ (садитесь в машину и поехали).

2. Одновременно с этим для описания действия в настоящем наблюдается тенденция «вытеснения» НБВ настоящим временем на *-(D)yor* (кроме описания универсальных истин, пословиц, поговорок, общих суждений и пр.): *Her gün jimnastik yapıyorum* ‘Каждый день я делаю зарядку’; *Genellikle işe arabayla gidiyorum* ‘Обычно я езжу на работе на машине.’ Оговоримся, что данные наблюдения еще требуют проведения соответствующих исследований и научного подтверждения.

3. НБВ не является «временем необязательных людей», а призвано отразить нюансы речевого высказывания.

С методической точки зрения можно рекомендовать следующее:

1. Необходимо учитывать современные языковые реалии (см. выше).

2. При объяснении значений НБВ как для описания действий в настоящем, так и для описания действий в будущем следует делать акцент на заложенной в этом времени семе **потенциальности, возможности**.

3. При объяснении значений НБВ для описания действий в настоящем следует делать акцент на том, что оно передает **свойство, качество, постоянный признак** лица или предмета, **а не регулярное действие**.

4. Следует приводить значения НБВ в их сопоставлении со значениями, передаваемыми настоящим временем на *-(I)yor*.

5. При объяснении значений НБВ для описания действий в будущем следует делать акцент на том, что в зависимости от ситуации оно может передавать более или менее твердое намерение говорящего осуществить действие, а также его **потенциальную возможность**, готовность осуществить действие (я не говорю, что сделаю, я говорю, что могу сделать). Одновременно не нужно забывать, что в одной и той же форме могут «накладываться» как значение намерения, в том числе решительного (вопреки утверждению обратного в некоторых грамматиках и учебных пособиях, ср., например, *Yarın bize gelir misiniz? – Seve seve geliniz* ‘Вы к нам завтра придете? – Придем с удовольствием’), так и значение потенциальности, возможности осуществления действия. Приведем пример из собственной языковой практики. В турецком магазине автор статьи собирался купить небольшой чемодан и, уже держа в руках некоторые покупки, спросил у продавца: *Bütün bu eşyalar bavula sığar mı?* ‘Поместятся (смогут ли поместиться) все эти вещи в чемодан?’, продавец протянул руку к пакету с вещами и сказал: *Ben sığdırırım* ‘Я запихну’ (смогу запихнуть и собираюсь это сделать – решительное намерение в сочетании с возможностью).

6. Следует приводить значения НБВ в их сопоставлении со значениями, передаваемыми будущим категорическим временем на *-AcAk*.

7. Следует давать примеры в минимальном контексте, достаточном для дифференциации приводимого значения от значений, передаваемых настоящим временем на *-(I)yor* или будущим категорическим временем на *-AcAk*.

8. Рекомендуется рассматривать НБВ в привязке к грамматическим формам, с которыми оно сочетается, что облегчает восприятие этого времени студентами.

Одними из самых популярных грамматических показателей, сочетающихся с НБВ, являются, как уже было указано, аффиксы возможности и невозможности, однако здесь тоже есть свои нюансы. Например, если с НБВ употребляется аффикс возможности, то эта форма будет указывать на возможное осуществление действия в будущем и потенциальную возможность (*Bu çeviriyi yapabilirim* 'Я смогу/мог бы сделать этот перевод'), если же с НБВ употребляется аффикс невозможности, то эта форма будет передавать решительную невозможность говорящего сделать что-либо (*Bu çeviriyi yapamam* 'Я [точно] не смогу выполнить этот перевод').

Также частотно употребление НБВ в отрицательной форме глагола для передачи запрещающих указаний: *Burada sigara içilmez* 'Здесь курить запрещено'.

Характерно употребление НБВ в вопросительной форме – в этом случае все предложение представляет собой риторический вопрос: *Kışın dışarı paltosuz çıkılır mı?* 'Разве можно зимой выходить на улицу без пальто?' (= Зимой на улицу без пальто выходить нельзя). Также часто в вопросительной форме передается сомнение говорящего относительно того, что действие произойдет: *Selma beni arar mı?* 'Да разве Сельма мне позвонит?' (говорящий сомневается в намерениях Сельмы).

Для уточнения значений, передаваемых НБВ, следует учитывать и то, в каком лице и числе оно употребляется. Например, значение долженствования/повеления, которое может передаваться этим временем, несмотря на утверждение обратного П.И. Кузнецовым и др., проявляется только в сочетании со 2 л. ед. и мн. ч., например, если мы скажем *bu işi yaparsınız*, это может означать «вам придется сделать эту работу!»; предложение же *bu işi yaparız* 'мы выполним эту работу' значение долженствования передавать не будет.

Еще одним важным нюансом в плане зависимости выбора времени от сочетаемости сказуемого предложения с грамматиче-

скими показателями, является то, выражено ли дополнение к глаголу в форме НБВ одушевленным существительным (или местоимением) или неодушевленным существительным.

Рассмотрим две пары примеров.

I.

A. *Ben seni severim* ‘Я тебя люблю.’

B. *Ben seni seviyorum* ‘Я тебя люблю.’

II.

A. *Ben tatlı severim* ‘Я люблю сладкое.’

B. *Ben tatlı seviyorum* ‘Я люблю сладкое.’

В паре I дополнением выступает личное местоимение в винительном падеже.

В примере A говорящий констатирует факт, известный его коммуниканту (конечно, мы ведь давние знакомые, как я могу тебя не любить), и цель его здесь – вовсе не признаться в любви своему коммуниканту: как правило, эта фраза является как бы подготовительной к основной информации, которую говорящий собирается сообщить, например *Ben seni severim, bunun için öyle yapıyorum* ‘Я тебя люблю, поэтому поступаю так’ (возможно, для кого-то другого я бы этого не сделал, но для тебя делаю), или *Ben seni severim ama bu defa isteğini yapamam* ‘Я тебя люблю, но на этот раз твою просьбу выполнить не смогу’ – здесь отчетливо ощущается значение уступительности, которое часто передает предложение *seni severim*, ср. например, «*Böyle insanları severim ama uzaktan* ‘Я таких людей люблю, но издалека’» (любить-то я люблю, но издалека) [Nesin].

В примере B из пары I говорящий признается в своих чувствах к коммуниканту, это, если можно так выразиться, «исповедь души», и в этом случае никаких других коннотаций это предложение не передает.

В паре II дополнением выступает неодушевленное существительное в основном падеже.

В примере A говорящий указывает на такую свою особенность, как любовь к сладкому (тут явственно передается значе-

ние постоянного свойства, признака предмета, о котором мы неоднократно писали), т.е. это предложение уместно в той ситуации, когда, например, обсуждаются гастрономические пристрастия участников речевого акта (кто-то любит мясо, кто-то сладкое, кто-то фрукты и т.д.), здесь нет «любви» в чистом виде, а скорее констатирующее утверждение типа «вообще-то я не прочь съесть сладкое», «я испытываю удовольствие, когда ем сладкое».

В примере *B* говорящий подчеркивает свое более эмоциональное отношение к сладкому: оно ему не просто нравится, он действительно не может представить без него свою жизнь. Например, в ситуации, когда хозяйка дома угостила вас, скажем, пахлавой собственного изготовления, уместно сказать *tatlı seviyorum*, а не *tatlı severim*.

Очень важно применительно к описанию действий в будущем наличие или отсутствие обстоятельств времени. Рассмотрим еще две пары предложений.

I.

A. *Ben seni ararım.* 'Я тебе позвоню.'

B. *Ben seni arayacağım.* 'Я тебе позвоню.'

II.

A. *Ben seni yarın ararım.* 'Я тебе позвоню завтра.'

B. *Ben seni yarın arayacağım.* 'Я тебе позвоню завтра.'

В предложениях *A* и *B* из I пары степень решительности говорящего осуществить действие, уверенности в том, что оно произойдет, существенно отличается. В примере *A* это может означать то, что говорящий не очень-то хочет звонить и скорее говорит: «Я тебе позвоню» с целью «отделаться» от своего собеседника, каким-то приличествующим случаю образом завершить беседу. Такое же ощущение складывается и у его коммуниканта, поэтому он и не особенно будет ждать звонка: поговорили – и забыли.

Из этой же серии знаменитое турецкое *bakarız* 'посмотрим', которое скорее будет означать нежелание говорящего осуществ-

вить действие, но в то же время представляет собой его попытку не обидеть коммуниканта категорическим отказом. Здесь целесообразно сделать важное замечание о турецком менталитете и этикете: в Турции считается неуважительным резко отказывать собеседнику, более принято завершить беседу фразой, которая ни к чему не будет его обязывать (или мало к чему обязывать), но в то же время и не введет собеседника в заблуждение относительно решительности намерений говорящего (вернее, наоборот, сообщит ему о том, что, скорее всего, этим разговором дело и закончится).

В примере *B* пары I говорящий дает твердое обещание позвонить, он намерен и готов поговорить, заинтересован в этой беседе, гарантирует своему собеседнику то, что беседа состоится.

В паре II степень решительности осуществления действия в обоих примерах весьма высока благодаря наличию обстоятельства времени *yarın* 'завтра', однако в примере *A* говорящий, несмотря на свою готовность осуществить беседу, планирует сделать это при удобном раскладе дел, в более комфортном для себя режиме (см. выше), в то время как в примере *B* говорящий намерен осуществить звонок при любых обстоятельствах, он рассматривает этот звонок как некую необходимость, возможно, внутренний долг, невыполнение которого с точки зрения говорящего невозможно.

В продолжение темы о важности наличия в предложении обстоятельств времени применительно к вопросу о разграничении сфер влияния НБВ и будущего категорического времени на *-AcAk* следует отметить еще одну особенность. Если носитель языка описывает действие, которое должно произойти в отдаленной перспективе (скажем, через год), скорее всего, он скажет об этом в НБВ, а не во времени на *-AcAk*: *Seneye Antalya'ya gideriz* 'В следующем году мы поедем в Анталью'. Выбор НБВ здесь, на наш взгляд, обусловлен весьма отчетливо проявляющимся фатализмом турок: мы поедем, если ничего не случится, если все будет в порядке и т.д. Эту особенность турецкого менталитета тоже, безусловно, нужно учитывать при необходимости сделать выбор между НБВ и временем на *-AcAk* – здесь мы уже выходим в область когнитивной лингвистики.

Мы не претендуем на то, что представили исчерпывающую информацию об употреблении НБВ, поскольку языковая реальность всегда шире и вариативнее, чем набор грамматических правил; безусловно, все значения необходимо отдельно рассматривать с учетом стилистической принадлежности языкового материала (устная речь, общественно-политический дискурс, деловая документация и пр.), однако надеемся, что данные наблюдения и рекомендации могут послужить некоторыми точками опоры при выборе нужного времени для изучающих турецкий язык, а также будут учтены в дальнейшем при написании грамматик и учебных пособий.

Литература

- Гениш 2007 – *Гениш, Эйюп*. Грамматика турецкого языка (в трех томах). Т. 2. М., 2007.
- Гузев 2015 – *Гузев В.Г.* Теоретическая грамматика турецкого языка. СПбУ, 2015.
- Кононов 1941 – *Кононов А.Н.* Грамматика турецкого языка. Л., 1941.
- Кононов 1956 – *Кононов А.Н.* Грамматика современного турецкого литературного языка. Л., 1956.
- Кузнецов 2000 – *Кузнецов П.И.* Учебник турецкого языка. Начальный курс. М., 2000.
- Щека 1996 – *Щека Ю.В.* Интенсивный курс турецкого языка. Часть 1. М., 1996.
- Щека 2007 – *Щека Ю.В.* Практическая грамматика турецкого языка. М., 2007.
- Lewis 2001 – *Lewis G.* Turkish Grammar. Oxford University Press, 2001.
- Nesin – *Nesin, Aziz.* Ulusal Konukseverlik. <https://www.cafrande.org/aziz-nesinin-aziz-nesinden-sectikleri-ulusal-konukseverlik-aziz-nesin/> (дата обращения: 15.01.2020).

Аннотация

В статье рассматриваются и критически осмысливаются основные подходы отечественных лингвистов к описанию значений настоящего-будущего времени на -Ag в турецком языке; делается попытка выявить сферы употребления этого времени, а также представлены некоторые рекомендации по методике преподавания этого грамматического явления в российских вузах.

Ключевые слова

настоящее-будущее время на -Ar, настоящее длительное время на -(I)уor, будущее категорическое время на -AcAk, грамматика современного турецкого языка, лингводидактика

Сведения об авторе

Оганова Елена Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры тюркской филологии Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова; e-mail: ova8@yandex.ru

Elena Oganova

The Present Future Tense (aorist) in the Turkish Language as a Linguodidactic Problem

Summary

In the article the author analyzes and critically views main approaches of Russian linguists to describe meanings of the Present Future Tense (aorist, -Ar tense), makes an attempt to define specifications of its usage as well as gives some recommendations connected with methodology of its teaching in Russian universities.

Key words

present Future Tense, Aorist, Present Simple Tense, Future Tense, grammar of modern Turkish language, foreign language teaching, linguodidactics

Information about the author

Elena Oganova – PhD in Philology, Associate Professor at Department of Turkic Philology, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University; e-mail: ova8@yandex.ru

Ю.В. Псянчин

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ПОЯСНИТЕЛЬНО-ДИДАКТИЧЕСКОГО РЕЛИГИОЗНОГО ПОДСТИЛЯ БАШКИРСКОГО ЯЗЫКА

Известно, что функциональные стили любого языка традиционно состоят из двух сфер употребления: книжной и разговорной [ОБЛЯ 1989: 203]. Сегодня сфера книжных стилей башкирского литературного языка включает в свой состав научный, публицистический, официально-деловой, эпистолярный, религиозный, литературно-художественный стили, а также стиль башкирского устно-поэтического творчества и стиль рекламы. Отдельные явления и процессы, характеризующие их развитие, были ранее описаны нами и представлены в ряде наших публикаций [Псянчин 2014 а; Псянчин 2014 б; Псянчин 2017; Псянчин 2018]. Перечисленные функциональные стили, входящие в книжную сферу башкирского языка, сформировались именно на основе его широких общественных функций.

Башкиры на протяжении ряда веков являются приверженцами суннитского направления традиционного ислама [Башкиры 2016: 449]. Именно поэтому мы считаем, что при описании религиозного стиля башкирского языка следует учитывать его исламскую составляющую.

Процесс формирования системы подстилей религиозного стиля башкирского языка завершился в начале XXI в. Он объединяет три подстиля: а) собственно-религиозный подстиль; б) пояснительно-дидактический религиозный подстиль; в) популярно-религиозный подстиль [Псянчин 2017: 101]. Конечно, этот процесс был долгим и сложным. Но сегодня наблюдается уже совершенно другой процесс – процесс дальнейшего развития религи-

озного стиля, который сопровождается включением в его состав все новых жанров.

Итак, отметим только, что: а) религиозный стиль башкирского языка входит в систему книжных стилей, но он при этом, в отличие от остальных, так и продолжает оставаться не до конца изученным; б) аспектов его описания несколько. Мы же постараемся ограничиться пока только одним, т.е. кратким описанием форм и жанров, представляющих идеи ислама как одной из ведущих религий мира в пояснительно-дидактическом религиозном подстиле.

Функциональное назначение пояснительно-дидактического подстиля связано с учебно-просветительской работой, поэтому для него характерна систематизация религиозного материала, развернутые дефиниции религиозных понятий. Этим он близок к учебно-научному подстилю научного стиля башкирского языка.

Началом его формирования послужило издание башкирским ученым-фольклористом С.А. Галиным в 1996 г. учебника известного в Урало-Поволжье исламского богослова и педагога С. Бикбулата (Бикбулатов Сунгатулла Нигматулович – *прим. Ю.П.*) (1886–1954) «Уроки религии» («Дин дәрестәрә») [Бикбулат 1996]. К этой категории литературы относится и издание «Тафсир Корана» («Көрһән Тәфсирә», Казан, 2005). Традиции С. Бикбулата были продолжены И. Хайбуллиным, который издал учебник «Уроки религии» («Дин дәрестәрә», Уфа, 2015). К данной группе печатной продукции можно отнести книги, увидевшие свет в издательстве «Дагват» за последние годы: а) «Исламские обычаи» («Ислам дине йолалары» Уфа, 2016); б) Р. Исхаки «Порядок чтения намаза» («Намаз укыу тәртибе», Уфа, 2016); в) «Деяния, оберегающие мусульманина» («Мөһминде коткарыусы гәмәлдәр», Уфа, 2016); г) Г. Расули «Исламская религия» («Ислам дине», Уфа, 2016); д) И. Хафизы «Молитвы Пророка (да благословит его Аллах и приветствует)» («Пәйгәмбәрәбез (ғ.с.) доғалары», Уфа, 2016); е) С. Аль-Кахтани «Молитвы для заговора» («Өшкөрә торған йолалар», Уфа, 2017). Не остались в стороне и представители Башкирского Зауралья в лице деятелей мусульманского духовенства г. Сибая, опубликовавшие учебное

пособие С. Гусаймина и Г. Габдрахмана «Правила хаджа и умры» («Хаж һәм ғумра тәртиптәре», Сибай, 2006).

Республиканское издательство «Китап» в 2015–2016 гг. выпустило справочники «Священные молитвы» («Изге доғалар», сост. Ф.М. Бикташева, Уфа, 2015), «Намаз» («Изге намаз», сост. С.Г. Сабирьянова, Уфа, 2016) и учебник «Основы ислама» («Ислам нигеззәре», сост., автор вступит. статьи Ф.Р. Худайгулов, Уфа, 2016).

Также в качестве объекта пояснительно-дидактического подстиля следует квалифицировать и труд великого тюркского и башкирского религиозного деятеля, ученого-богослова, мыслителя и педагога-просветителя Р. Фахретдинова (1859–1936) «Наставления» («Нәсихәттәр», пер. и сост. А.Г. Салихова, Өфө, 2003), обладающий статусом классического духовного учебника.

Дальнейшему развитию этого подстиля способствовал выход в свет толковых словарей Д.Д. Магадеева [Мәһәзиев 2010], братьев А.М. и Айд.М. Багаутдиновых [Багаутдинов, Багаутдинов 2010] и З.Г. Уразбаевой [Уразбаева 2017].

К данному стилю можно отнести и такое сочинение башкирской поэтессы Г. Ситдиковой, как «Наставления для молодой семьи» (Уфа, 2006), где очень сильно представлена духовная составляющая.

Все перечисленные нами труды свидетельствуют о том, что пояснительно-дидактический подстиль как составная часть религиозного стиля окончательно сформировался и уже имеет свою систему жанров.

В истории башкирского языкознания предпринималось несколько попыток научного анализа функциональных стилей в историческом плане, среди которых следовало бы выделить монографию историка языка Р.Х. Халиковой «Язык башкирских шежере и актов документов XVIII–XIX вв.» [Халикова 1990] и написанный ею же первый раздел «История башкирского литературного языка до XIX в.» [ОИБЛЯ 1989: 12–79] в коллективной работе «Очерки истории башкирского литературного языка» [ОИБЛЯ 1989]. Но добавим, что имеющиеся результаты исследовательской деятельности Р.Х. Халиковой только предваряют начальный этап изучения исторической стилистики баш-

кирского языка, т.е. после нее этой проблемой не занимались. Благодаря Р.Х. Халиковой мы увидели совпадение отдельных проблем истории литературного языка и исторической стилистики: например, язык тюрков Урало-Поволжья или старотюркский язык, функционировавший уже в конце XVII – начале XVIII вв. в качестве литературного языка, в силу своей широкой общественной практики успел образовать свою систему функциональных стилей, куда были включены деловой стиль, летописный стиль, публицистический стиль и литературно-художественный стиль [ОИБЛЯ 1989: 63–79], т.е. – все четыре функциональных стиля. Заметим, что литературно-художественный стиль указанного периода можно параллельно квалифицировать и в качестве религиозного стиля на примере творчества писателей и поэтов данной эпохи (Хисамитдин Муслими, Таджетдин Ялсыгулов, Мавля Колой, Габдрахим Усман и другие) [ОИБЛЯ 1989: 63–79]. Полагаем, что подобный подход имеет право на жизнь и дальнейшее его творческое развитие.

Именно благодаря подъязыку исламской терминологии мы можем считать совокупность жанров суфийской литературы [ИБЛ 2012: 116–130] объектом религиозного стиля донационального периода формирования башкирского литературного языка.

Следующим аспектом описания религиозного стиля можно считать анализ активно используемых в учебном процессе словарей по исламу, поскольку они в большинстве случаев по своему статусу и функциональному назначению представляют собой один из активно применяемых видов учебных пособий. Но для этого следует определить их типы. Например, изданный в 2010 г. братьями Айдаром и Айратом Багаутдиновыми «Краткий русско-башкирский исламский толковый словарь» [Багаутдинов, Багаутдинов 2010], является одновременно переводным и толковым. Значит, в таком случае надо будет обратить внимание на структуру, содержание и, самое главное, на стиль толкования того или иного термина. Если быть более конкретным, то на первый план выходит выявление и описание средств актуализации таких стилевых черт, как точность, логичность, краткость, только уже потом – информативность и экспрессия [Плещенко, Федотова, Чечет 1999: 73–75]. Это так же относится и к толко-

вым словарям Д.Д. Магадеева «Исламская религия» [Мәнһәзиев 2010] и З.Г. Уразбаевой «Башкирский религиозный словарь» [Уразбаева 2017]. Выходит, что перечисленные словари входят в ряд востребованных жанров пояснительно-дидактического подстиля.

Третьим аспектом изучения религиозного стиля можно назвать лингвостилистический анализ отдельных жанров стиля башкирского устно-поэтического творчества: например, *мунажатов* (башк. *мөнәжәт*). Но в связи с этим нам следует определиться с содержанием этого литературного термина. Еще в 1965 г. известный башкирский литературовед и критик К.А. Ахмедьянов в своем труде «Словарь литературных терминов» отмечал, что мунажат как жанр был распространен в «старой» поэзии, религиозном фольклоре и являлся стихотворением-мольбой, содержание которого сводилось к просьбе верующего о прощении его грехов перед Аллахом, не лишения его возможности попасть в рай после смерти [Әхмәтйәнов 1965: 104]. Как видим, это толкование носит только общий информативный характер, ибо главным его недостатком является игнорирование его типов, среди которых основное место должно принадлежать и элементам дидактики. В связи с этим стоит упомянуть толкование сути этого жанра, предложенное известным советским и башкирским тюркологом-фольклористом А.Н. Киреевым (Киреем Мергенем – *прим. Ю.П.*), который еще в 1981 г. писал, что «<...> в мунажатах находят отражение дидактические мотивы, задачи морально-воспитательного плана. В этом плане они достойны положительной оценки. Особенно стоит упомянуть историческую значимость «Мунажата шакирдов», который содержит сюжеты, призывающие к просвещению, просветительству <...>» [Мәргән 1981: 153–154]. Таким образом, автор данного содержания термина «мунажат» впервые упомянул о его дидактической составляющей. Башкирский литературовед Г.Б. Хусаинов отмечал, что мунажат «<...> является поэтическим жанром, характерным арабскому, персидскому и тюркскому устно-поэтическому народному творчеству. <...> в нем очень силен призыв к просвещению, грамотности и воспитанности <...>» [Хөсәйенов 2006: 108]. Другой известный башкирский литературовед и кри-

тик А.И. Харисов признавал мунажаты в качестве основного и самого распространенного жанра религиозной поэзии [Харисов: 223]. Мы выражаем свое полное согласие с мэтрами башкирского литературоведения.

Исследователи башкирского фольклора Б.С. Баимов и Г.Н. Ахмадеева отмечают, что мунажат, как поэтический жанр, представляет из себя ночную молитву, обращение к Аллаху, даже – философское размышление о жизни и смерти [Баимов, Ахмадеева 1996: 415–416]. Но самое главное заключается в другом: мунажатам характерен лирико-субъективный, исповедальный или дидактический характер [Баимов, Ахмадеева 1996: 415–416]. Смеем предположить, что это и есть самое правильное определение природы этого жанра.

Так же дидактическую основу содержания мунажатов в свое время особо выделял и другой башкирский ученый-фольклорист С.А. Галин, считавший, что эта их особенность строится прежде всего на усилении религиозных идей [Галин 2007: 185]. Мы же, опираясь, на идею чл.-корр. РАН Э.Р. Тенишева о взаимозаменяемости функциональных стилей в силу определенных исторических причин [Тенишев 1977: 61–75], можем включить мунажаты исповедального и дидактического характера в состав религиозно-дидактического подстиля религиозного стиля башкирского языка.

Мунажаты, как правило, входят в подстиль поэтических жанров стиля башкирского устно-поэтического творчества. Отсюда следует только одно: мунажаты являются межстилевым жанром.

При описании данного подстиля через призму исторической стилистики в его состав следует включить и дидактические стихи. Тот же А.И. Харисов вполне справедливо отмечал, что «<...>Большинство известных нам поэтических произведений, относящихся к XVIII–XIX вв. и более раннему периоду, посвящено религиозно-философским, морально-этическим вопросам и чаще всего воспеванию любви. Стихотворения первого тематического круга составляют дидактическую поэзию. <...> Основу дидактической поэзии, издавна бытовавшей в Башкирии, составляют размышления о жизни и природе, философские или рели-

гиозные раздумья о бытии. Идеи и взгляды непременно выступают в соединении с нравственно-этическими назиданиями... <...>» [Харисов 2007: 224]. Из этого следует только одно: наша задача в ближайшей перспективе должна быть сведена к описанию и систематизации лексических и грамматических средств, актуализирующих его стилевые черты. Классическими образцами дидактической поэзии указанной эпохи являются стихотворения «Земные блага («Донъяуи ниғмәтләр»)), «Поучение («Ғибрәтнамә»)), «Поглядите на них... («Күренләр кем...»)), «Баит мертвых («Мәйттәр бәйте»))» и другие. Но в стихах подобного типа соединены два начала: светское и религиозное, т.е. получается, что одно из них доминирует [Харисов 2007: 224]. Следовательно, наличие данного фактора позволит нам установить именно ту группу духовных стихотворений дидактической направленности, которые необходимы нам для изучения их в аспекте исторической стилистики.

Итак, рассмотренные нами факты еще раз свидетельствуют о расширении общественных функций башкирского языка как одного из государственных языков Республики Башкортостан за последние двадцать лет [Гарипова 2009]. Причиной перечисленных позитивных изменений в развитии башкирского языка следует считать политкорректную реализацию Закона Республики Башкортостан «О языках народов Республики Башкортостан» [Хисамитдинова, Мухтаров 2015; Хисамитдинова, Мухтаров 2016], что благоприятно отражается не только на развитии функциональных стилей книжной сферы, но и даже его разговорного стиля.

Однако здесь имеется еще один важный момент: это детальный анализ экстралингвистических факторов формирования и развития исламской составляющей религиозного стиля путем изучения всех имеющихся документов и фактов [Ислам и мусульмане 2009: 24]. К ним, как правило, относятся указы, постановления, приказы, решения, а так же статистика и хроника жизни мусульманства Башкортостана.

Таким образом, становится понятным, что исследование процесса формирования и дальнейшего развития религиозного стиля – дело очень сложное и одновременно ответственное. В связи

с этим на первый план выходит вопрос усиления его исторической составляющей, что в итоге потребует решения следующих важных задач: 1) систематизации всех жанров литературы на исламскую тематику; 2) более детального описания стилистических и специфических особенностей переводов на башкирский язык священных книг других мировых религий; 3) выявления экстралингвистических факторов формирования религиозного стиля башкирского литературного языка той эпохи (т.е. до 1917 г.); 4) исследования стиля и языка знаковых или этапных для своего времени произведений на религиозную тематику.

Решение перечисленных задач позволит плавно перейти к изучению религиозного стиля башкирского литературного языка на рубеже XX–XXI вв.

Но главной продолжает оставаться проблема выявления стилистических черт и средств их актуализации. Ее решения можно будет добиться путем обращения к системному подходу.

В перспективе это позволит расширить представление не только о пояснительно-дидактическом подстиле, но и обо всем религиозном стиле башкирского языка.

Литература

- Башкиры 2016 – Башкиры / отв. ред. Р.Г. Кузеев, Е.С. Данилко; Серия «Народы и культуры». М.: Наука, 2016.
- Багаутдинов, Багаутдинов 2010 – *Багаутдинов А.М., Багаутдинов А.М.* Краткий русско-башкирский исламский толковый словарь. Уфа, 2010.
- Баймов, Ахмадеева 1996 – *Баймов Б.С., Ахмадеева Г.Н.* Мунажат (*башк. мөнәжәт*) // Башкортостан: Краткая энциклопедия. Уфа, 1996. С. 415–416.
- Бикбулат 1996 – *Бикбулат С.* Дин дәрестәре: Ғәрәп язмышындағы татарса текстан тәрж. Өфө, 1996.
- Галин 2007 – *Галин С.* Народной мудрости источник. Толковый словарь башкирского фольклора. Учеб. пособ. Уфа, 2007.
- Гарипова 2009 – *Гарипова Ф.Х.* Языковая политика и общественная мысль. Уфа, 2009.
- Ислам и мусульмане 2009 – *Юнусова А.Б.* Ислам и мусульмане Южного Урала в историко-правовом пространстве России: Сборник законодательных актов, постановлений и распоряжений центральных и региональных органов власти и управления в XX–XXI веках / авт.-сост. А.Б. Юнусова. Уфа, 2009.

- ИБЛ 2012 – История башкирской литературы. Т.1: С древнейших времен до начала XX века. Уфа, 2012.
- Мәргән 1981 – *Мәргән К.* Башкорт халык ижады. Юғары укыу йорто мәктәпәрәненең филология факультеттары өсөн дәреслек / яуап. ред. Ә.М. Сөләймәнов. Өфө, 1981.
- Мәһәзиев 2010 – *Мәһәзиев Д.* Ислам дине: белешмә һүзлек. Өфө, 2010.
- ОИБЛЯ 1989 – Очерки истории башкирского литературного языка. М., 1989.
- Плещенко, Федотова, Чет 1999 – *Плещенко Т.П., Федотова Н.В., Чет Р.Г.* Основы стилистики и культуры речи. Учебное пособие для вузов. Минск, 1999.
- Псянчин 2014 а – *Псянчин Ю.В.* Функциональные стили башкирского языка // Урал-Алтай: через века в будущее. Материалы VI Всероссийской тюркологической конференции (с международным участием). Уфа, 2014. С. 72–76.
- Псянчин 2014 б – *Псянчин Ю.В.* Проблемы изучения функциональной стилистики в кыпчаковедении Урало-Поволжья (на примере башкирского языка) // Коренные народы Сибири: история, традиции и современность. Материалы региональной конференции с международным участием. Новосибирск, 2014. С. 167–169.
- Псянчин 2017 – *Псянчин Ю.В.* Место ислама в системе функциональных стилей башкирского языка (подходы, аспекты и перспективы изучения) // Российская тюркология. Москва – Казань. 2017. № 1–2. С. 100–110.
- Псянчин 2018 – *Псянчин Ю.В.* Ислам и религиозно-популярный подстиль религиозного стиля башкирского языка // Традиционный Ислам в России и выдающийся башкирский ученый-теолог просветитель мусульманского мира, шейх Зайнулла Расулев. Материалы Международной научной конференции, посвященной 185-летию со дня рождения выдающегося башкирского религиозного и общественного деятеля Зайнуллы Расулева (1833–1917). Уфа, 2018. С. 202–206.
- Тенишев 1977 – *Тенишев Э.Р.* Функционально-стилистическая характеристика древнеуйгурского языка // Социальная и функциональная дифференциация литературных языков. М., 1977. С. 61–75.
- Уразбаева 2017 – *Уразбаева З.Ф.* Башкортса дини һүзлек. Өфө, 2017.
- Хабибуллина 2015 – *Хабибуллина З.Р.* Мусульманское духовенство в Республике Башкортостан на рубеже XX–XXI веков. Уфа, 2015.
- Халикова 1990 – *Халикова Р.Х.* Язык башкирских шежере и актов документов XVIII–XIX вв. М., 1990.
- Харисов 2007 – *Харисов А.И.* Литературное наследие башкирского народа (XVIII–XIX вв.). 2-е изд., доп. Уфа, 2007.
- Хисамитдинова, Мухтаров 2015 – *Хисамитдинова Ф.Г., Мухтаров Т.Г.* Функционирование башкирского языка в условиях глобализации. К IV Всемирному курултаю башкир // Актуальные проблемы диалектологии языков народов России: Материалы XV Всероссийской научной конференции. Уфа, 2015. С. 10–14.

- Хисамитдинова, Мухтаров 2016 – *Хисамитдинова Ф.Г., Мухтаров Т.Г.* Функционирование языков в Республике Башкортостан: проблемы развития башкирского языка как государственного // Проблемы востоковедения. 2016. № 1 (71). С. 70–75.
- Хөсәйенов 2006 – *Хөсәйенов Ф.Б.* Өзәбиәт ғилеме һүзлеге / Ред. З.Ф. Ураксин. Өфө, 2006.
- Әхмәтйәнов 1965 – *Әхмәтйәнов К.* Өзәбиәт ғилеме һүзлеге / Ред. Ә.И. Харисов. Өфө, 1965.

Аннотация

Настоящая статья посвящена краткому анализу пояснительно–дидактического подстиля башкирского языка. Главное внимание уделено особенностям его функционирования. Этот подстиль входит в состав религиозного стиля. В статье представлена история его становления, названы основные жанры и знаковые учебные пособия, а также обозначены направления дальнейшего его изучения.

Ключевые слова

башкирский язык, стилистика, функциональная стилистика, функциональный стиль, религиозный стиль, подстиль, жанр, историческая стилистика, межстилевой жанр, дидактическая поэзия

Сведения об авторе

Псянчин Юлай Валиевич – доктор филологических наук, профессор, начальник Отдела научно-технической информации – ученый секретарь Государственного бюджетного учреждения Башкирский научно-исследовательский центр по пчеловодству и апитерапии Министерства сельского хозяйства Республики Башкортостан; e-mail: yulayps@yandex.ru

Yulay Psyanchin

Features of Functioning of Explanatory-Didactic Religious Substyle of the Bashkir Language

Summary

This article is devoted to a brief analysis of the explanatory-didactic bedding of the Bashkir language. But the main attention is paid to the features of its functioning. This bedding is part of the religious style. Here is the history of its formation, named the main genres and iconic tutorials. The directions of its further study are also indicated.

Key words

Bashkir language, stylistics, functional stylistics, functional style, religious style, bedding, genre, historical stylistics, interstitial genre, didactic poetry

Information about the author

Yulay V. Psyanchin – PhD in Philology, Professor, Head of the Department of Scientific and Technical Information, Scientific Secretary of the State Budgetary Institution, Bashkir Research Center for Beekeeping and Apitherapy, Ministry of Agriculture of the Republic of Bashkortostan; e-mail: yulayps@yandex.ru

Г.С. Сахатова

*Данную статью я посвящаю памяти
Дмитрия Михайловича Насилова*

ФОРМАЛЬНЫЕ СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЯ В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ НА ПРИМЕРЕ ТУРКМЕНСКОГО И ТУРЕЦКОГО ЯЗЫКОВ

Объект и задачи исследования

В основе выражения *предостережения* лежит желание/намерение говорящего известить, предусмотреть, предупредить, предотвратить, предостеречь, (заблаговременно/своевременно) оповестить, посоветовать, уберечь, предупредить, обезопасить, миновать, запретить, пресечь действия и события, которые, с его точки зрения, имеют, могут или могли бы иметь нежелательные последствия как для него самого, так и для адресата. В арсенале говорящего для этой цели имеется также и запугивание, т.е. угроза адресату, которую он также выражает в целях *предостережения*, так как он оценивает возможное или вероятное действие адресата или грядущее событие как неблагоприятное.

С перспективы терминологической триады *эмоция – значение – смысл*, в случае выражения предостережения страх, тревога, беспокойство являются именно теми эмоциями или чувствами, которые служат основанием для говорящего оценить имеющиеся, реальные или надвигающиеся события негативно, т.е. с нежелательными последствиями. В этой цепочке *значение* – это форма, или способ, т.е. грамматические/морфологические инструменты для выражения/коммуникации этих эмоций и, соответственно, негативной оценки, в то время как *смысл* – это субъективный образ, возникающий при их понимании в тексте, в речевом употреблении, т.е. в коммуникации [Храковский 1992;

Бондарко 1990]; а также теоретические исследования по прагматической лингвистике, по теориям речевых актов [Austin 1962, Searle 1969, 1976; Вежбицкая 1985 и др.].

Языковой инвентарь говорящих на различных языках мира содержит для выражения предостережения специализированные языковые ресурсы, в том числе и интонационные инструменты.

Основным объектом данного исследования являются формальные способы выражения предостережения в тюркских языках на примере двух тюркских языков – туркменского как представителя юго-восточной ветви (в дальнейшем также ТКМ), и турецкого (в дальнейшем также ТУР) как представителя западной ветви огузской языковой подгруппы. Под формальными способами выражения подразумеваются морфологические, лексические, а также просодические показатели, такие как *вопросительная интонация*.

Отметим также, что предостережение как речевой акт и все его речевые разновидности имеют также широкое употребление в живой, разговорной речи обоих языков и едва ли могло остаться незамеченным другими исследователями. Тем не менее, на сегодняшний день отсутствуют работы, посвященные этому феномену в данных родственных языках.

Автор настоящего исследования преследует, таким образом, две цели:

1. Произвести систематизацию речевого акта *предостережение* по смысловым разновидностям.
2. На основе собранного материала выявить в языковом инвентаре ТКМ и ТУР грамматические, лексические, просодические и аналитические показатели для выражения предостережения, т.е. описать способы языковой реализации и выбора средств говорящим.

По своей структуре работа состоит из пяти глав. Первая глава исследования обзорно описывает различные мотивы, причины, которые побуждают говорящего выразить предостережение по поводу совершения или не-совершения того или иного действия, или же по поводу возможного наступления того или иного события с нежелательными последствиями. Обобщающая картина по изучению вопроса о выражении значения предостережения в языках

мира будет дана во втором разделе работы. Методологическая концепция исследования, представленная в третьей главе, опирается прежде всего на основы классификации речевых актов [Searle 1976], описания повелительных значений и типологии императива Храковским [Храковский 1992], а также на основы прагматической классификации видов речевых актов Вежицкой [Вежицкая 1985]. В этом же разделе будет произведена классификация выражения *предостережения* на типы, которые в свою очередь, будут разделены на виды (предупреждение, угроза, совет и т.д.). Данная классификация, разумеется, не претендует на строгость и может быть расширена в зависимости от языка и его средств, а также нюансов семантики предостережения, которая имеет место в данном конкретном языке или в данной конкретной речевой ситуации¹.

В следующей главе будут описаны грамматический, лексический, просодический инвентари для выражения предостережения в обоих языках. В заключительной главе в виде таблиц будут представлены выявленные средства, т.е. временные, лексические показатели, маркеры наклонений и др., подведены итоги, освещены дискуссионные вопросы и намечены исследовательские задачи на будущее.

1. Мотивы говорящего для выражения предостережения

Прежде чем классифицировать значения предостережения по видам речевых актов и описать различные показатели для их передачи, представляется необходимым рассмотреть источники, причины, повод или основания, которые побуждают говорящего выразить предостережение.

Так что же мотивирует говорящего, или, более того, является причиной его настороженного отношения к вероятному событию, которое, с его точки зрения, в случае того, что оно произойдет, может привести к нежелательным последствиям?

¹ *Угроза*, напр., в мужской/женской речи, в политическом диалоге и т.д., учитывая при этом факты неоднородности классификации *угрозы* как речевого акта, ср. Austin [Austin 1962], Searle [Searle 1976] относят ее к группе *commissive speech act*, Вежицкая [Вежицкая 1985] классифицирует ее в группе *directiva*.

Это в первую очередь жизненный опыт говорящего, т.е. (индуктивная) совокупность его практических/эмпирических знаний, итогом которых являются чувствительные/физиологические и чувственные восприятия или воспоминания о них, приобретенные посредством взаимодействия с окружающим миром. При этом факт обоснованности прогноза о нежелательных последствиях конкретного действия, играет, видимо, второстепенную роль для говорящего, так как он желает/намерен предупредить, предотвратить его, а если в этом есть необходимость, также запретить или выразить угрозу.

Еще одним источником оценки событий или действий как нежелательных является здравый смысл говорящего. Какое-либо надвигающееся событие оценивается им дедуктивно; на основе в первую очередь визуальных, фактических посылок говорящий делает (логическое) умозаключение о том, что у какого-то определенного действия или грядущего события (возможно) будут (должны), могут быть, или возможно могли бы быть нежелательные последствия. Наряду с этим, настороженность говорящего в связи с грядущим нежелательным событием может опираться и на опосредованные знания, т.е. на такие, которые он приобрел, например, через чтение текстов с целью извлечения информации. При этом опосредованными могут считаться также знания и опыт третьих лиц или целой группы, которые пересказываются из поколения в поколение, и в связи с этим давно приобрели статус общеизвестного правила, так как у говорящего нет сомнений в их истинности и приемлемости.

К источникам настороженности по поводу настоящего, грядущего события или действия с нежелательными последствиями отнесем также и предчувствие/предвидение, когда у говорящего отсутствуют фактические/визуальные предпосылки, но он опирается на свою интуицию, рационально необоснованное чувство ожидания, в нашем случае – события с неприятным исходом.

Итак, подведем итоги. Говорящий при выражении значения предостережения действует либо на основе:

- 1) собственных или приобретенных знаний о материальном мире;
- 2) совокупности собственных наблюдений;

- 3) здравого смысла;
- 4) собственных предчувствий, предощущений/предвидения, интуиции;
- 5) знания и опыта целой группы/данного социума, которые приобрели статус общеизвестного истинного и приемлемого правила.

Напомним, что при выражении предостережения, наряду с национальной специфичностью его выражения, такие атрибуты говорящего, как авторитет, роль, возраст, образование, статус, пол, положение в социальной/семейной иерархии и т.д. являются центральными.

Что же касается адресата, то, наряду с его возрастом и другими, например, социально значимыми признаками и соглашениями, принятыми в данной конкретной социально-культурной группе, его умение не только слышать, но и услышать высказанное предостережение, т.е. умение оценить степень серьезности нежелательных последствий, является одним из весомых параметров в речевом общении². Все вышеперечисленные факторы в зависимости от коммуникативной ситуации и ее участников (старший – младший, служебная иерархия, чрезвычайная ситуация и т.д.) могут, но не всегда оправдывают просьбы, советы, запреты, предупреждения и т.д. говорящего.

Адресатом же любой тип высказанного говорящим предостережения может оцениваться по-разному: либо как предупредительно-заботливое, либо оно ему не понятно, так как у искушенного говорящего настороженность может быть не всегда обоснована, а его предостережение – поспешным и беспочвенным.

2. Изучение значения *предостережения* в языках мира: краткий обзор

Изучение выражения предостережения, как в области теоретической лингвистики, теорий речевых актов и прагматики, области типологического изучения языков мира, так и в области описания глагольных систем отдельных языков, тесно связано

² Ср. различные виды слушания, как, например, *рефлексивное* (мужское), *эмпатическое* (женское) и т.д.

с изучением категории повелительности, склонения, модальных глаголов и слов, грамматикализации модальности и т.д. Сюда же относится и описание таких значений в различных языках мира, как *апрехенсив* (страх), *адмонитив* (предупреждение), *прохибитив* (запрет); наряду с этим, описательные грамматики отдельных языков упоминают о значении предостережения, выделяя его в особые грамматические категории³. Вместе с тем нужно заметить, что имеется многообразие терминов и толкований в этой области, и это несмотря на то, что число кросс-лингвистических, сравнительных исследований о выражении значения предостережения не такое уж и большое.

Различные толкования *предостережения* как речевого акта имеются в теоретических работах Austin [Austin 1962], Searle [Searle 1969], Вежбицкой [Вежбицкая 1985], и др., посвященных прагматическому общению и типам сообщения.

Согласно определению Searle [Searle 1969: 67], *предостережение* «рассматривается как доведение до сведения С, что событие Е не соответствует интересам С», а совет «рассматривается как доведение до сведения С, что действие Д соответствует его интересам». Взгляды Searle на *значение предостережения* интересны и тем, что ситуацию, при которой высказывается *предостережение*, автор рассматривает через призму выражения «быть (не быть) в интересах». В работе Вежбицкой [Вежбицкая 1985: 256] есть специальная глава под названием «предостережение и угроза, совет и наставление», где автор, анализируя суждения Searle [Searle 1969] о *предостережении*, предлагает свои, как она пишет, весьма предварительные толкования смыслов глаголов *предостерегать*, *угрожать*, *советовать*. Таким образом, Вежбицкая [Вежбицкая 1985: 256], интерпретируя семантическое поле глагола *предостерегать*, наряду с его первичным смыслом как, в ряде случаев, «<...> предостерегать людей по поводу того, что считаем неизбежным, желая, таким образом, самое большее сообщить им

³ *Admonitive* как 'предостерегающий, наставляющий, предупреждающий, уведомляющий, предчувствующий, консультативный, поучающий'; *prohibitive* со значениями 'запретительный, запрещающий, препятствующий, имеющий отрицательный смысл, недопустимый'; другие термины, напр.: *timitive* (fear), *evitative* (avoid) [Palmer 2001]; *the tense of avoidance* [Jones&Jones 1991]; *apprehensive mood* [Roberts 1987] и т.д.

о некотором будущем событии и дать им возможность подготовиться к нему», видит в нем и смысл *угрозы*, которая «<...> действительно, по-видимому, представляет собой попытку заставить кого-то сделать (или, скорее, не сделать) нечто». Далее, в дефиниции смысла *совет* Вежбицкая [Вежбицкая 1985: 256], соглашаясь с определением Searle [Searle 1969: 67], отмечает, что «*совет* представляет собой не попытку заставить тебя что-то делать в том смысле, в каком это можно сказать о просьбе. Совет напоминает тебе того, что будет для тебя лучше всего», вводит в эту интерпретацию компонент желательности *я говорю/я хочу, чтобы ты* и т.д.». Автор отмечает, что употребление повелительной формы глагола наблюдается как в советах, так и в *наставлениях*, где оно не является «<...> попыткой заставить кого-то сделать что-то» [Вежбицкая 1985: 257].

Несмотря на тот факт, что в исследованиях о модальности, особенно в западной научной литературе, в центре внимания находится в первую очередь разграничение между значениями *possibility* 'возможно, может/можно' и *necessity* 'необходимо, нужно', существование глагольных форм для выражения значения опасения и предостережения в языках мира было подтверждено как в теоретических исследованиях, так и в описательных работах по отдельным языкам.

В работах Bybee [Bybee 1985: 22; 170; 173], [Bybee et al. 1994: 179] под типами «*speaker-oriented modality*» наряду с другими перечислены также и смыслы предупреждения, которые выражаются говорящим либо как *прохибитив*, т.е. когда говорящий запрещает какое-либо действие, либо как *адмонитив*, когда целью высказывания является предупреждение адресата о нежелательных последствиях действия. Далее, [Bybee et al. 1994: 211–212] отмечает, что значения адмонитивного наклонения могут быть выражены показателями *поссибилитива*. Для говорящего вероятное действие сопряжено с представлением о том, что оно может быть неприятным, опасным или даже вредным.

Анализируя эпистемические наклонения (возникающие на базе *возможности* и *необходимости*), Плунгян [Плунгян 2003: 318–320; Плунгян 2011: 327, 329] упоминает в числе различных смыслов и значение *prohibitive*, которое может быть выражено

с помощью *императивных словоформ*, когда говорящий пытается побудить адресата не совершать какое-либо действие:

«Этот так называемый «отрицательный императив» или прохитив как одна из разновидностей императива, когда побуждение направлено на не-совершение действия, имеет семантическую самостоятельность и встречается во многих языках мира, являясь таким образом весьма распространенным феноменом». Далее автор отмечает, что *адмонитив* является особой семантической разновидностью *прохитива*, который выражает предостережение адресату относительно возможных негативных последствий совершения действия ('лучше бы тебе не...'; 'смотри не...'). В связи с этим Плунгян [Плунгян 2011: 337] выделяет также грамматикализованный *апрехензив*, который выражает опасение говорящего по поводу возможности наступления нежелательной с его точки зрения ситуации и имеется в языках Австралии и Океании, а также в циркумполярной области и в других ареалах. Автор отмечает, что свое ирреальное значение *апрехензив* формирует за счет того, что эта нежелательная ситуация еще не наступила, т.е. относится к плану будущего. Апрухензивное значение имеет к тому же два семантических фокуса: 1) модально-оценочный фокус – сообщение о гипотетичной ситуации и ее отрицательная этическая оценка, 2) эмоциональный фокус – обеспокоенность по поводу наступления нежелательной ситуации [Плунгян 2011: 448].

Исследователи, которые изучали австралийские языки, как, например, Lichtenberk [Lichtenberk 1995], описывают в них грамматическую категорию под названием *apprehensional epistemics*, которая имеется в австралийских языках для выражения опасения и предупреждения. В другом своем исследовании Lichtenberk [Lichtenberk 2008: 787, 992, 1042, 1160], описывая грамматику *Toqabaqita*, одного из австронезийских языков, выделяет апрехензивные значения, которые могут быть выражены посредством *timitive construction*, т.е. временной конструкции, которую говорящий использует для выражения опасения, с целью предпринять превентивные действия и избежать нежелательных последствий. Наряду с этим автор указывает на наличие в этом языке так называемых специальных «превентив-глаголов» со значениями (*попытаться*) *остановить/уберечь кого-либо от со-*

вершения действия, а также модальных глаголов с прохибитивными значениями.

В папуанском языке Amele John [Amele John 2016: 80] выделяет, наряду с другими показателями, также и интонационные показатели для выражения значений предостережения.

Что касается изучения типологии императива в языках мира, то читателю рекомендуются работы следующих авторов: Aikhenvald [Aikhenvald 2010], Храковский [Храковский 1992],⁴ Храковский&Володин [Храковский&Володин 1986], Бирюлин&Храковский [Бирюлин&Храковский 1992], Гусев [Гусев 2005].

Императивные предложения в тюркских языках и их типология на примере материалов из татарского, узбекского и шорского языков были исследованы авторским коллективом [Nasilov et al. 2001]. Авторы выделяют различные способы выражения прохибитивных значений не только в вышеперечисленных языках, но и в саларском языке, выделяя в первую очередь показатели отрицания *-mA-/-BA*, *-mAy-/-mAsDan*, тат. *бар-ма*, 2Sg 'не ходи', и в саларском, наряду с *-mA-*, еще и инфикс *-Ku-*, *et-ku-ma* 2Sg/Pl 'не делай (что-то)', *et-me* 'не делай' [Nasilov et al. 2001: 193; Тенишев 1976: 160]. Превентивные значения, как указывается в [Nasilov et al. 2001: 194, 196], могут выражаться с помощью аналитических конструкций, в большинстве случаев с помощью вспомогательных глаголов, напр. в татарском языке это конструкции с *киир*, в шорском с *кор* в значениях 'смотреть/остерегаться', *куй* 'остерегаться' и с показателем отрицания для всех лиц и чисел: *йегыла киир-ми-м* 'боюсь, что упаду', *кисеп куй-ма* 'остерегись, не порежись' и т.д. Далее отмечается, что в шорском языке для выражения превентивного значения говорящий использует прохибитивную форму глагола с *кор*, 2Sg 'берегись/смотри', напр. *кор, сууул-ба-зын* 'смотри, чтобы (это/оно) не упало'.

⁴ Автор выделяет превентив, выражающий предостережение, предусмотрительность. Глагольные же словоформы, с помощью которых говорящий выражает запрет на совершение действия в комбинации значений 'императив + отрицание', автор называет прохибитивными, см. [Храковский 1992: 35], также [Бирюлин&Храковский 1990], [Бирюлин 1985], [Бирюлин 1987].

Подробно о содержательном определении повелительных предложений, их универсальной парадигме, классификации в две группы, а также семантические и грамматические особенности, см. [Храковский 1992: 6–12].

В связи с наличием специальной превентивной глагольной формы с показателем прошедшего времени *-DI-* и *кор*, которая используется только во 2 лице для выражения предупреждения, напр. *кор, суул пар-ды-т* ‘берегись/смотри, чтобы не упасть/чтобы не (с)мог упасть (?)’, авторы выдвигают предположение о том, что в шорском языке существует превентивное наклонение, несмотря на его минимальную сферу употребления или, вернее, распространения, т. е. наличие его показателей только во 2 лице единственного и множественного числа [Nasilov et al. 2001: 196]. Авторы описывают возможные пути эволюции этого значения и предполагают наличие закономерности развития аффикса с превентивным значением из маркера для передачи значения прошедшего времени.

Далее, в работе Добрушиной [Добрушина 2006], наряду со многими другими языками мира, анализируются также глагольные формы и конструкции, выражающие значения опасения и предостережения в некоторых тюркских языках, таких как алтайский, кумыкский, мишарский, татарский и т.д. На материале более 40 языков Добрушина [Добрушина 2006: 28] обнаруживает два типа форм и конструкций со значением опасения и предостережения:

«Первый тип, названный апрехенсивом, служит для сообщения о том, что может произойти некоторая нежелательная ситуация, которая вызывает у говорящего опасения. Второй тип, к которому относится русская конструкция с частицей *смотри*, является попыткой говорящего предотвратить нежелательное событие. В некоторых языках эта категория (превентив) выражается специализированной формой; значительно чаще в этом значении встречаются императивные формы с разного рода дополнительными средствами». Апрехенсив и способы его выражения в тюркских языках на примере кипро-турецкого и других огузских языков рассматривает Sakhatova [Sakhatova 2018].

Наряду с вышеперечисленными работами имеются также исследования, в которых приводятся кросс-лингвистические данные, где маркеры, выражающие значение возможности, даже если и редко, все-таки в состоянии выражать значение прохибитива [Pakendorf&Schalley 2007]. Как отмечают авторы, основным языковым материалом для анализа послужили также данные из

якутского языка, демонстрирующие, по их мнению, два феномена: во-первых, редкий пример грамматикализации отрицательно-императивного маркера из утвердительной формы, и во-вторых, развитие деонтической модальности (негативного императива) из эпистемной модальности (возможность)⁵.

3. Методы исследования и классификация *предостережения*

Описание разновидностей *предостережения* в ТУР и ТКМ и их типология опирается на симбиоз основ классификации речевых актов Searle [Searle 1976], описания универсальных принципов семантико-типологического анализа повелительных значений, предложенных Храковским [Храковский 1992], а также на основы прагматической классификации или толкование видов речевых актов, предложенных Вежбицкой [Вежбицкая 1985]. Таким образом, выделим следующие типы и виды речевого акта *предостережение* в обоих языках:

(А) превентивный тип (предохраняющий, предупреждающий), виды: совет, предупреждение;

(Б) вежливо-превентивный тип (повелительный-желательный), виды: просьба, мольба, вежливое повеление, предохранение; говорящий проявляет чрезмерную (пред)осторожность/бдительность/предусмотрительность, порой даже умоляет адресата совершить или не совершать какое-либо действие.

(В) прохитивный тип (запретительный/пресекающий/угрожающий), виды: запрет, угроза, запугивание с целью пресечения действия с нежелательными последствиями;

(Г) предиктивный тип (предсказательный, предчувствующий, предвидящий), виды: прогноз, что нежелательное событие произойдет или может произойти, декларация/заявление/утвержде-

⁵ Как правило, грамматики отдельных тюркских языков не выделяют способы выражения значения предостережения в отдельные грамматические категории.

В теоретической грамматике Гузева [Гузев 2015: 178–180] дается общее определение содержания модальности и ее разновидностей, таких как *допущение вероятности или предположения какого-либо действия, уверенность или сомнение в реальности сообщаемого события, сознание проблематичности чего-либо и т.п.; субъективное эмоциональное состояние индивида как источник модальности*.

ние, заявление о возможности/вероятности события, (альтернативный) вопрос с целью успокоить себя/заблаговременно подготовиться к неблагоприятному событию;

(Д) наставительно-превентивный тип (нравоучительный, воспитывающий), виды: наставление, напутствие, нравоучение, учение уму-разуму, инструктирование, т.е. так называемые *коллективные истины*, совет; при этом этот речевой акт обычно сопровождается конструкциями в контексте, типа *«последуешь ты моим наставлениям или нет, это твое дело, но я хочу, чтобы ты знал: это обычаи и традиции наших предков и мы должны их соблюдать...»* и т.д.⁶

Все пять типов несут в своей основе предостерегающий, предупреждающий, превентивный смысл; говорящий желает предохранить либо себя, либо адресата, либо других участников коммуникации от имеющихся, возможных, вероятных или надвигающихся событий, которые, с его точки зрения, несут в себе опасность, и вследствие этого имеют, могут, будут иметь или, возможно, могли бы иметь неприятные, нежелательные последствия. В случае с *угрозой* намерениями говорящего является припугнуть или пригрозить адресату.

Как отмечалось выше, далеко не всегда опасения говорящего понятны адресату, а порой даже беспочвенны и тщетны. Особенно это касается типа (Г), когда утверждения говорящего, основанные на его предчувствии, бывают не совсем убедительными для слушающего, так как он не видит прямых посылов для нежелательных последствий в реальной действительности. Тип предостережения (Г) ирреален в своей смысловой сути, так как действие или событие с нежелательными последствиями вероятное, грядущее; оно может наступить или в отрезке времени, или во время, или после момента речи, т.е. находится в плоскости настоящего, обозримого, сиюминутного будущего или будущего вообще⁷.

⁶ Сюда же, как вид инструкций, видимо, можно отнести рецепты приготовления каких-либо блюд или кондитерских изделий, изобилующих такими повелениями, как *тщательно вымойте помидоры, затем разрежьте на мелкие кусочки* и т.д.

⁷ О грамматических категориях *ирреалис, ирреальность* в языках мира, см. [Урманчиева 2004].

4. Формальные маркеры выражения предостережения

4.1 Тип (А) превентивный

Говорящий предупреждает, предохраняет, предостерегает, советует.

Туркменский

Основа глагола + отрицание *-mA* + (побудительный аффикс *-Aylm*, Voluntative 1 лицо/*-sIn* также и в значении Voluntative 3 лицо); императивная парадигма на примере глагола *basmak* ‘наступать/наступить’, например, *на ноги*:

ед. число

1. *basmaýyn* ‘(не хочу/не желаю) наступать/наступить’
2. *basma* ‘(я тебе говорю) не наступи/не наступай’
3. *basmasyn* ‘(я не желаю, чтобы) он наступил/наступал/ пусть он не наступает/ему не нужно/не надо наступать’

мн. число

1. *basmaryň* (коллективное) ‘(давайте) не будем наступать’
2. *basmaň* ‘(я вам/Вам говорю) не наступайте/не наступите’
3. *basmasyn(lar)* ‘(я не желаю, чтобы) они наступали/наступили/ пусть они не наступают’

Турецкий

Основа глагола + отрицание *-mA* + (побудительный аффикс *-Aylm*, Voluntative 1 лицо/*-sIn* также и в значении Voluntative 3 лицо); императивная парадигма на примере глагола (*ayağa*) *basmak*

ед. число

1. *basmayım* ‘(я не хочу/не желаю) наступать/наступить’
2. *basma* ‘(я тебе говорю) не наступи/не наступай’
3. *basmasın* ‘(я не желаю, чтобы) он наступил/наступал/ пусть он не наступает/ему не нужно/не надо наступать’

мн. число

1. *basmayalım* ‘(коллективное) (давайте) не будем наступать’
2. *basmayın* ‘(я вам/Вам говорю) не наступайте (вы/Вы)’
3. *basmasın(lar)* ‘(я не желаю, чтобы) они наступали/наступили/ пусть они не наступают/им не нужно/надо наступать’

При первом лице говорящий сообщает о желании предохранить себя от нежелательного действия, например, от *наступления на ногу*, или о нежелании *наступления на ногу*, т.е. *мне не хочется/я не хочу наступать*. В случае же со вторым лицом он предупреждает, предохраняет, советует, т.е. говорящий имеет в виду, что для адресата лучше или не надо *наступать* (кому-то на ноги). Мотивы и цели говорящего для третьего лица остаются прежними, т.е. желание/намерение предупредить, предохранить или защитить – *ему/ей не надо/не нужно* и т.д. Очевидно, что степень вероятности нежелательных последствий для говорящего и адресата в случае с сочетанием *наступать на ноги* является высокой.

4.2 Тип (Б) вежливо-превентивный

Речевые акты общения при этом типе: просьба, мольба, вежливое повеление, предохранение. У говорящего на туркменском языке для проявления чрезмерного предостережения, например, для повеления в виде просьбы (вежливое повеление) в языковом инвентаре имеются морфологические и просодические средства; категоричность повеления в этом случае смягчается посредством показателя опатива *-Ау*⁸ с соответствующей интонацией, при которой имплицитруется следующий смысл – *убедительная просьба/нужно/надо/необходимо быть очень осторожным*.

Туркменский

Основа глагола + *-Ау* (опатив) + отрицание *-mA* + побудительный аффикс

⁸ Как отмечает Грунина [Грунина 2005: 166], перед нами словообразовательный аффикс, хотя он и не образует нового слова; автор указывает на следующие аспекты: а) по существу, этот аффикс представляет собой показатель особого наклонения (наднаклонения), поскольку он может выступать вместе с показателями других наклонений (императивом, условным, изъявительным); б) эта категория тяготеет в выражению субъективных модальных смыслов желания, пожелания, предостережения, сомнения, опасения; в) рассматривает ее как древнейший тип общего выражения субъективной оценки в глаголе.

Щербак [Щербак 1981: 52–57] отмечает, что суффикс для выражения желания *-Ау* во многих тюркских языках имеет очень разнообразную семантическую окраску, в некоторых тюркских языках вплоть до семантики выражения *Indikativum* (*Futurum*), напр. в староузбекском языке *yaşurayin* ‘спрячу-ка я’ и т. д.

-AyIn (Voluntative 1 лицо)/*-sIn* также в побудительном значении (Voluntative 3 лицо)/с импликатурой: *осторожно, очень прошу не .../предохранение* (в том числе и себя от чего-либо нежелательного):

ед. число

1. *basaymaýyn* ‘как бы (мне) не наступить/не наступить бы, (мне)/мне нужно быть очень осторожным’

2. *basayma* ‘не наступи/не наступай (очень прошу тебя)’

3. *basaymasyn* ‘как бы он(а) не наступил(а)/пусть он не наступает/не наступит’

мн. число

1. *basaymaly* ‘как бы (нам) не наступить’/‘не наступить бы, (нам)’

2. *basaymaň* ‘не наступите/не наступайте (очень прошу вас/Вас)’

3. *basaymasyn(lar)* ‘как бы (они) не наступили/пусть (они) не наступают/не наступят’

Как в турецком, так и в туркменском языке в типе (Б) для 2 лица могут употребляться маркеры условного наклонения с безударной частицей *-a/-e*, которые смягчают повеление, в связи с чем воспринимаются слушателем как просьба, мольба, вежливое повеление говорящего не совершать действие, которое, с его точки зрения, в данной конкретной ситуации оценивается как нежелательное:

Туркменский

(1) *nä waqt nä zamana, daşa git-me-sen-e*
 что за времена далеко идти-NEG-2Sg-COND-POL
 ‘Времена нестабильные, не (вы)ходи далеко (=я очень прошу тебя)’

Согласно Груниной [Грунина 2005: 167], подобное употребление является одним из типов изолированного применения форм условного наклонения, т.е. не в составе сложноподчиненного предложения.

Говорящий на турецком языке также имеет возможность выразить смягченное повеление с помощью маркеров условного наклонения с безударной частицей *-a/-e*:

(2) *gel-sen-e*

идти-COND-2Sg-POL
‘Подойди (же)’

Данный смысл может быть передан и с помощью лексических показателей, таких, как заимствованное из арабского языка *lütfen* ‘пожалуйста, прошу’:

- (3) *kavga çıkar-masın, lütfen*
ссора выносить-NEG-VOL-3Sg пожалуйста
‘Пожалуйста, пусть он не препирается/не ссорится’

К этому же типу будет верно также отнести случаи употребления для выражения просьбы служебной безударной многофункциональной частицы *-da* в туркменском языке; в данном случае в функции эмоционально-экспрессивной оценки просьбы:

- (4) *ber-mäy-dä*
давать-NEG-OPT-2Sg-Part
‘(я очень прошу тебя) не отдавай’

- (5) *ber-me-dä*
давать-NEG-2Sg-Part
‘(прошу тебя), не отдавай’

Как тип (А), так и тип (Б) могут быть употреблены с помощью глагольной формы туркм. *seresap bolmak* ‘быть осторожным’, турец. *dikkat etmek*, которая используется в повелительной форме; в туркменском языке может иметь в своем составе и оптативный показатель *-Aý* (6), турецкий пример (7):

- (6) *seresap bol-(aý)uň, ýaryş-(aý)uň*
осторожно быть-(OPT)IMPER-2Pl держаться-
(OPT)IMPER-2Pl
‘Будьте осторожны, держитесь (=очень прошу вас/Вас)’

- (7) *dikkat edelim, düş-meyelim*
осторожны будем падать-NEG-VOL-1Pl
‘(давайте) будем осторожными, не упадем/не падаем’

В туркменском языке обращение *быть осторожным* может иметь в своем составе как оптативный показатель *-Aý*, так и слу-

жебную многофункциональную частицу *-da*, которые мы назовем показателями вежливости/вежливого повеления:

- (8) *seresap bol-(aý)uň(-da)*
осторожно быть-ОПТ-2Pl-(Part)
'Будьте осторожны (=убедительно прошу вас/Вас)'

У говорящего на турецком языке для подобных коммуникативных ситуаций имеется *lütfen* 'пожалуйста, будьте добры'.

4.3 Тип (В) прохибитивный

При прохибитивном типе (В) говорящий с целью предостережения выражает запрет или угрозу. Рассмотрим случаи выражения угрозы с помощью грамматических средств, которые были отмечены для типа (А), а также лексическими, такими, как наречие *ýogsa* 'иначе/а то':

Туркменский

- (9) *ýat, ýogsa babaý gel-er*
спи-IMPER-2Sg иначе бабайка придет-indefFUT-3Sg
'Спи/лежи/усни/засыпай, иначе/а то придет бабайка'

Слушающему, в данном случае непослушному/не засыпающему ребенку, угрожают с целью предупредить о том, что если придет бабайка, то это плохо для него, с косвенным смыслом *поэтому тебе лучше заснуть/уснуть* и т.д.

Значение угрозы (запугивание, обещание нанести вред, возможная опасность) имеется также в намерении уведомить слушающих (в данном случае детей, прыгающих на кровати) о том, что может произойти событие с нежелательными последствиями, если к ним придет говорящий:

- (10) *bar-aýun häzir, gör-ersiňiz*
приходить-VOL-1Sg сейчас (у)видеть-indefFUT-2Pl
'я вот сейчас приду, (тогда) увидите (что произойдет)'

Угроза в туркменском языке может быть выражена также аналитически, т.е. конструкциями с *-Ip görmek*, здесь в значении 'попробовать/посметь что-либо сделать', т.е. действия, которое повлечет для адресата нежелательные события. Эквивалентный смысл в турецком языке передается при помощи повелительной

формы глагола *sakınmak* для 2 лица ед. числа в значении ‘не смей/остановись/остерегись/осторожно/берегись/смотри/не надо’, произнесенной с восклицательной интонацией⁹.

(11) *ayd-ıp* *bir* *gör-iñ*,
 сказать-CONV только попробовать-IMPER-2PL
diliñizi *kes-erin!*
 языки ваши отрезать- indefFUT-1Sg
 ‘Только попробуйте (ей) сказать, языки ваши отрежу!’

(12) *sakın* *ona* *anlatmaya*,
 только попробуйте ей рассказать
kalk-mayın!
 попробовать-NEG- VOL-2Pl
 ‘Только попробуйте ей рассказать!’

Вообще, *sakın* в турецком языке имеет широкое употребление и является универсальным. Так, говорящий применяет его как при запрете, предупреждении, так и при попытке пресечь нежелательное действие: *gitme sakın* ‘не уходи, только!’, *sakın peşinden koşayım deme* ‘только не вздумай побежать за ним вслед!’ и т.д.

Приведем несколько примеров *угрозы* в турецком языке, собранной в так называемой асоциальной, потенциально конфликтной сфере общения, *угроза* турец. *tehdit*, угрожать *tehdit etmek*.

Основа глагола + отрицание *-mA*:

Турецкий

(13) *Her şey bitti* *san-ma* *ortak*
 закончилось думать-2Sg-NEG общие
günah-lar-ımız *var*
 грехи наши есть
 ‘Не думай, что все закончилось, у нас есть (еще) общие грехи’

В нижеследующих примерах говорящий на турецком языке запугивает и обещает нанести тяжелое телесное повреждение адресату, поэтому последний должен вести себя соответственно (13), в то время как в примере (14) говорящий угрожает убить адресата:

⁹ *sakınmak* в основной форме ‘избежать, избегать, беречься, остерегаться, воздерживаться, настораживаться, сторониться’

Основа глагола + показатели неопределенного будущего:

- (14) *Ayaklarını eline ver-irim,*
ноги твои на руки дать-indefFUT-1Sg
yürmesini unut-ursun, *ona göre*
ходьба (как) забыть-indefFUT-2Sg соответственно
'Я вручу тебе твои ноги на руки, забудешь, как ходить, (веди себя) соответственно (смысл: я поломаю тебе ноги так, что не сможешь ходить)'
- (15) *Hiç düşünmem, öldür-ürüm*
не задумаюсь, убивать-indefFUT-1Sg
'Убью, не задумаюсь/не задумываясь'

Несмотря на то что в нижеследующих примерах (16), (17) и (18) нет прямых угроз, например, нанести вред здоровью и т.д., говорящий угрожает косвенно и адресат все же слышит его косвенное предостережение/предупреждение, например, о том, что имеется вероятность происшествия события с нежелательными последствиями:

- (16) *Kötü bir haberim var.*
Bugün iyi niyetimin son kullanma tarihiydi.
Artık her şey adamına göre
'У меня плохая новость.
Сегодня истек срок моей доброй воли.
Отныне все зависит от человека (с которым буду иметь дело)'
- (17) *Canımı yaktın diye ben de başkasının canını yakacak değilim.*
Tam aksine onu öyle mutlu edeceğim ki yerinde olmadığın
her güne lanet okuyacaksın
'Только из-за того, что ты сделал мне больно, я не собираюсь причинять кому-либо другому боль. Совсем наоборот, я сделаю его таким счастливым, что ты будешь проклинать каждый день, когда ты не был на его месте'
- (18) *Canımı yakacak kadar cesareti olanın, sonuçlarına katlanacak kadar da gücü olmalı*
'Тот, у кого есть смелость причинить мне боль, должен иметь достаточно сил понести (связанные с этим) последствия/наказания'

Как видно из примеров, косвенные, или скрытые угрозы могут быть также выражены с помощью различных лексических значений, контекста, именных или глагольных предикатов, показателей будущего времени *-(y)AcAk*, показателя долженствовательного наклонения *-mAII*¹⁰ и т.д.

В женской, в данном случае в материнской, речи не только в туркменском, но и в турецком языках имеются конструкции для выражения такого вида запрета, когда все предыдущие виды директив, а именно, просьбы и мольба не имели успеха, т.е. реакция адресата на них не удовлетворила говорящего. Приведем житейский пример, когда говорящий (мама) выражает совершеннолетнему сыну (адресату), который намеревается совершить действие, которое, с ее точки зрения, приведет к нежелательным последствиям, последнюю, в подобных ситуациях *категорическую, угрозу*, туркм. *emdiren südime razy däl(dirin)/bolmaryn*, турец. *ak südüüm haram olsun, sütümü helal etmem*, или в региональных говорах, напр. Эрзинджана *oğul, sana emzürdüğüm südüüm heram ola*, смысл которой следующий: ‘(требую привести мое желание в исполнение, иначе) (так знай же) я не благословляю/не благословлю/не узакониваю/не легитимирую молоко, которым кормила тебя’. Эта *категорическая и жесткая* по своей семантике угроза декларируется говорящим как мощное словесное орудие в чрезвычайных, исключительных случаях и является на самом деле последним средством в арсенале говорящего, т.е. ультимативным, с целью остановить адресата от совершения действия; действенность этой угрозы заключается в том, что в случае неисполнения ее материнского ультиматума адресату грозит серьезное последствие, в данном случае ее отречение от сына (святость материнского молока, через которое дети не должны перешагивать, не легитимированное грудное молоко).

Рассмотрим следующий вид прохибитивного типа – запрет. С помощью запретов говорящий пытается контролировать ситуацию, при которой адресат делает что-то намеренно. При этом

¹⁰ Аффикс *-(y)AcAk* является не только аффиксом для передачи значения определенного будущего, но и имеет функцию выражать предположение, см. [Гузев 2015: 199, 209–211]; [Кононов 1956: 241–242, 278]; [Göksel&Kerslake 2005: 543, 338, 366].

с целью пресечения действия с нежелательными последствиями говорящий *требует совершить/не совершать действие*. Так как для говорящего предпосылки для нежелательных последствий ясны и обоснованы, (его) запреты, как правило, не подлежат обсуждению. В следующем примере ребенок (адресат) качается на стуле у мамы (говорящего) на глазах; опасное действие происходит в зоне контроля говорящего, при котором он уверен, что оно приведет к событию с нежелательными последствиями, т.е. к падению, поэтому он запрещает/пресекает действие.

Запрет для 2 и 3 лиц выражается с помощью грамматических средств, которые были отмечены для типа (А), а также лексическими средствами, такими, как наречие *yogsa* ‘иначе/а то’ в туркменском, *yoksa, aksi takdirde* ‘иначе/а то, в противном случае’ в турецком языке:

Туркменский

- (19) *uran-ma, (yogsa) ýukyl-arsyň*
 качать-NEG-2Sg (иначе) падать-undefFUT-2Sg
 ‘Не качайся, (а то) упадешь’

Турецкий

- (20) *avan-mayın, aksi takdirde duvar*
 прислон-NEG-2Pl а то/иначе стена
yükül-ür
 упадет-undefFUT-3Sg
 ‘Не прислоняйтесь, а то стена упадет/рухнет’

Назовем также два туркменских глагола, как *besetmek* ‘прекращать’, а также императивную форму глагола *beýtme* ‘делать (вот) так, быть таким’, для 2 лица ‘не делай (так)’¹¹, которые говорящий употребляет при надобности запретить, или пресечь нежелательное действие:

- (21) *biderek gürlmäni beset!*
 чушь говорить прекрати-IMPER-2Sg
 ‘Прекрати нести чушь!’

¹¹ В данной форме содержится заимствованный из персидского языка префикс *beý-*, который служит также для выражения недовольства, огорчения, отсутствия какого-либо качества, а также отрицания.

- (22) *beýt-me*, *goý* *ýerine*
 делать так-NEG-IMPER-2Sg положи-IMPER-2Sg на место
 ‘Не делай (так/этого), положи на место’

Врач как говорящий со статусом ‘старший по знаниям/опытный/вызывающий доверие’ выражает запреты больному; при этом запрет выражается с помощью отрицания *-mA* в обоих языках:

- (23) *ýagly i-me*
 жирное есть-NEG-2Sg
 ‘Не ешь жирное!’

Далее, запрет может быть выражен с помощью лексических показателей: в туркменском *gadagan*, в турецком *yasak* ‘запрещено’, а также в туркменском *bolmaz*, и в турецком *olmaz* ‘нельзя’:

Туркменский

- (24) *maña ýagly gadagan/bolanok*
 мне жирное запрещено/нельзя
 ‘Мне нельзя (есть) жирное’

Турецкий

- (25) *içki size yasak/olmaz*
 спиртное вам запрещено
 ‘Вам спиртное запрещено’

Смысл запрета имеется также в конструкциях со смыслами ‘так не принято/нельзя/не надо, так как это (может) иметь нежелательные последствия’, которые выражаются в туркменском языке с помощью маркера *необходимости -mAlY* и отрицания *däl* (25), в турецком языке посредством следующих показателей, как отрицание *-mA* + *-mAlI* (26):

- (26) *aýak ýalaňaç çyk-maly däl, üşä-r-siň*
 ноги босые выход-NECES NEG замерзнуть-undefFUT-3Sg
 ‘Нельзя выходить босиком, (иначе) замерзнешь’
- (27) *bu şekilde yap-ma-malı*
 так/таким образом делать-NEG-NECES
 ‘Не нужно/не надо поступать так/таким образом’

Как в туркменском, так и в турецком языках говорящий может выразить *смягченный* запрет, употребляя глагольные формы на *-mA + -(y)AcAk, -mArsYñ*:

Турецкий

- (28) *bu şekilde yap-ma-yacaksın*
 так/таким образом делать-NEG-definFUT-2Sg
 ‘Ты не сделаешь (это) так/вот так/таким образом’

Туркменский

- (29) *git-mersiň*
 пойти-NEG-undefinFUT-2Sg
 ‘Ты не пойдешь’

Далее, говорящий может использовать в примерах (28) и (29) в ТУР отрицания *değil* и *-mI*, а в ТКМ – лексическую единицу *gerek* и задать вопросы: *git-mersiň gerek (?)* ‘ты, (же) ведь не пойдешь (не так ли) (!)’ или *bu şekilde yap-ma-yacaksın de(ğil) mi* ‘ты (же) ведь не сделаешь (это) таким образом (не так ли) (!)’ . В данной ситуации *gerek* выступает в значении *mümkin, ähtimal* ‘возможно, вероятно’. Смысловые нюансы позволяют классифицировать эти и подобные конструкции как *смягченные запреты*.

4.4 Предиктивный тип (Г)

При предиктивном типе говорящий, опираясь на свои предчувствия, предвидение, интуицию, приметы и признаки, которые он толкует и т.д., желает предупредить, предотвратить действия/события с нежелательными последствиями.

В этом случае он декларирует, утверждает, предсказывает/прогнозирует, предупреждает, задает вопросы, т.е. перестраховывается, проявляя излишнюю осторожность во избежание нежелательных последствий, выражает возможность, т.е. предполагает.

Рассмотрим следующие примеры и выделим грамматические и просодические показатели, как вопросительная интонация, имеющаяся в примерах (30), (35):

Туркменский

- (30) *gel-(äý)-mesin izymyzdan (?)*
 придет-(OPT)-NEG-IMPER-3Sg за нами
 ‘Он/она же не придет за нами (не так, ли) (?)’

- (31) *gel-er* *hăzir* *üstîñize*
 придет-indefFUT-3Sg сейчас на вас
 ‘Сейчас она придет и застанет вас (нежелательное событие)’
 ‘Сейчас она застанет вас (это вполне вероятно, что она застанет вас)’
- (32) *çaga* *ýukyl-jak*
 ребенок упадет-definFUT-3Sg
 ‘Ребенок упадет’, т.е. предостережение-предвещение, если не быть осторожным, то ребенок может упасть
- (33) *çaga* *ýukyl-ýar* *hăzir*
 ребенок падать-PRES-3Sg сейчас
 ‘Ребенок падает уже/начинает падать в момент речи’, т.е. предостережение-сообщение о том, что происходит опасное событие воочию, на глазах у говорящего.

Смысл *вероятности/возможности/невозможности действия/события* с нежелательными последствиями несут в себе конструкции, которые образуются с помощью аналитического показателя возможности события *-Ip biler* (33), а также конструкции с неопределенно-футуральной глагольной формой с отрицанием *-mAz*, модального слова *gerek* в значении предположения и просьбы, которая имплицитно семантику ‘опровергни мои опасения’ (34).

- (34) *bogul-up* *bil-erin*
 задышаться-CONV возможно-POSSIB-indefFUT-1Sg
howasyz *gapynu* *aç*
 воздух-без дверь открой-IMPER-2Sg
 ‘Открой дверь, (иначе/а то) я могу задохнуться без воздуха’
- (35) *gör-mez* *gerek* *bizi?*
 видеть-NEG-3Sg возможно нас
 ‘Он (ведь) нас не увидит, не правда, ли? (Я опасуюсь, что он нас увидит/я не хочу, чтобы он нас увидел/невероятно ведь, что он нас увидит?)’

В нижеследующих примерах говорящий, основываясь на предчувствии, приметах и признаках, которые он толкует, также предупреждает о возможности наступления действия или неприят-

ного для него события. При этом высказывания оформляются с помощью показателей (общего) настоящего времени или неопределенного будущего времени:

- (36) *aýagyta bas-ýaň*
ноги на мои наступаешь-PRES-2Sg
'Ты мне наступаешь на ноги'
- (37) *aýagyta bas-arsyň*
ноги на мои наступишь-indefFUT-2Sg
'Ты мне наступишь на ноги'

Турецкий

Говорящий на турецком языке, желая предупредить, утверждает на основе явных признаков и примет, что произойдет событие с нежелательными последствиями. При этом он использует не только различные временные показатели, показатель возможности действия/события и т.д., но и вопросительную интонацию:

- (38) *aldığımız kekler yet-me-yecek*
купленные нами кексы хватать-NEG-definFUT-3Pl
'Купленных нами кексов не хватит'
- (39) *kara bulutlar birikiyor, fırtına*
черные тучи собираются буря
çık-abil-ir
выйти POSSIB-indefFUT-3Sg
'Черные тучи сгушаются, может подняться буря/ураган'
- (40) *ablam meraktan öl-ür*
старшая сестра переживаний от умрет-3Sg-indefFUT
'Старшая сестра умрет от переживаний/любопытства'

Говорящий без явных на то примет, но с предположением о том, что нежелательное событие наверняка (уже) произошло (41), или может произойти (42), выражает опасение с помощью вопросительной интонации:

- (41) *açlıktan çoktan öl-müş ol-ma-sın (?)*
голода от давно умер-PERF быть-NEG-3Sg-VOL
'Он же ведь не умер уже давно от голода/как бы он от голода уже не умер давно (?)'

- (42) *gör-mez deňil mi bizi?*
 увидеть-NEG не так ли нас
 ‘Он ведь нас не увидит, не так ли?’

4.5 Наставительно-превентивный тип

Тип (Д) наставительно-превентивный, при котором говорящий наставляет, напутствует, поучает, назидает, вразумляет, высказывает нравоучение, учит уму-разуму, инструктирует, советует или рекомендует с целью предотвратить действия/события, свершение которых с точки зрения говорящего, как правило, (при)ведут к нежелательным последствиям.

При данном типе выражения предостережения говорящий обычно не контролирует наступление нежелательных действий/событий, т.е. они находятся вне зоны его (прямого) влияния или вмешательства. В связи с этим, он лишь может (по)советовать, призвать к осторожности, взывать к здравому смыслу или посоветовать, опираясь, например, на опыт, сохраненный в виде паремий, т.е. сказаний, поговорок, пословиц в коллективно-культурной памяти конкретного социума и т.д.¹²

В туркменском языке по обыкновению или в соответствии с воспитательными нормами эти виды предостережения говорящий сопровождает конструкциями, типа:

(а) *öziň bil/gör, meniňki aýtmak* ‘знать/решать тебе/смотри сам(а), мне остается всего лишь сказать/моя задача сказать/сообщить/предупредить’;

(б) *ata-babalardan gelýän döp-dessur* ‘обычаи и традиции, идущие от дедов и прадедов’;

(в) *Hudayý(jan)/Alla(jan) gorasyn* ‘(у)береги/сохрани Господь/не дай Бог’ и т.д.

Туркменский

- (43) *soň pýşman bol-ma, öziň*
 потом пожалеть-NEG-IMPER-2Sg сам
gör (-dä),
 смотри-IMPER-2Sg (Part)

¹² Сюда же относятся многочисленные образцы классической тюркской литературы, которые имели дидактические цели, поучить, воспитать и т.д.

meniňki aýtmak
 мое (дело) сказать/предупредить/посоветовать
 ‘Не (по)жалей потом, смотри все же сам(а), я (всего) лишь
 (могу) сказать/посоветовать’

Далее, в туркменском языке сохранились и активно употребляются, так называемые, *чагатайские* императивные формы на *-gIn(Iň)* для 2 лица ед. числа, употребление которых связано с целью выражения просьбы, вежливого повеления, напутствия:

(44) *gel-gin(iň), ýeke gal-maýyn*
 приди-2Sg-IMPER одна остаться-NEG-1Sg-VOL
 ‘Приди/придешь (хорошо?), (с тем, чтобы) я не осталась одна/я не желаю остаться одна, приходи’

Форма на *-gIn(Iň)* употребляется также и с оптативным показателем *-Aý*, что придает этому типу предостережения смысл мягкого повеления, вежливого наставления:

(45) *göz-gulak bol-äýgyn(yň),*
 глаза-уши быть-ОПТ-IMPER-2Sg
 ‘Позаботься/позаботишься (хорошо?)’

Последующий пример в зависимости от контекста воспринимается слушающим или как наставление/напутствие или как совет; может быть классифицирован во всех трех типах предостережения (А), (Г), (Д):

(46) *allan-(aý)ma(gyn) ýat ýurtlarda,*
 обмануться-(ОПТ)-NEG-IMPER-2Sg в чужих краях
seresap bol
 острожен будь
 ‘Не соблазнись в чужих краях, будь острожен/Не дай себя соблазнить в чужих краях, будь острожен’

Смысл ‘я говорю/советую/рекомендую действие для твоего же блага/я хочу, чтобы ты совершил/не совершил действие/самое лучшее для тебя...’ заключается в примере (46), в котором имеются и рекомендация (тип Д), и просьба/вежливое повеление с целью оберечь от нежелательного события (тип Б), а также и прогноз (тип Г):

- (47) *Saňa diyyän, gid-(äy) indi*
 тебе говорю иди-(OPT)-IMPER-2Sg теперь/наконец
yögsa gijä gal-arsyň
 иначе опоздаешь-indefinFUT-2Sg
 ‘Я тебе говорю/к тебе обращаюсь, иди (же), наконец (=прошу тебя), иначе опоздаешь’

В турецком языке, так же как и в туркменском, говорящий для выражения наставительно-превентивных смыслов может использовать языковые показатели, употребляемые для типов предостережения (А), (Б) и (В), а также и маркеры условного, долженствительного наклонения.

Турецкий

- (48) *arabayı hızlı kullan-ma-san iyi*
 машину быстро пользоваться-NEG-COND-2Sg хорошо
ol-ur
 быть-indefFUT-3Sg
 ‘Будет хорошо, если ты не будешь водить машину быстро’
- (49) *arabayı hızlı kullan-ma-malısın*
 машину быстро пользоваться-NEG-NECES-2Sg
 ‘Ты не должен/тебе нельзя быстро водить машину’
- (50) *farklı yöntemleri dene-melisin*
 разные методы попробовать-NECES-2Sg
 ‘Тебе нужно попробовать разные методы’
- (51) *eve zamanlıca dön-er-sek*
 домой вовремя возвращаться-indefFUT-COND-1Pl
iyi ol-ur
 хорошо быть-indefFUT-3Sg
 ‘Будет хорошо, если мы вовремя вернемся домой’
- (52) *sabırlı ol-ur-sanız daha*
 терпеливым(и) будете-indefFUT-COND-2Pl тем
doğru ol-acak
 правильной будь-definFUT-3Sg
 ‘Если будете терпеливыми, тем правильной (это) будет (для Вас)’

5. Заключение и задачи на будущее

Выявленные языковые средства и способы выражения предостережения в ТКМ и ТУР позволяют заключить, что в обоих языках имеется целый комплекс языковых ресурсов, служащих для выражения смысловых разновидностей предостережения.

Во-первых, семантика предостережения в ТУР и ТКМ может быть передана как временными показателями, показателями глагольных наклонений, аналитических, в том числе модальных форм и эмоционально-экспрессивных частиц, так и с помощью лексических единиц, а также вопросительной интонации. При этом маркеры волунтатива, императива и оптатива выступают как прямые способы выражения предостережения; особенно в отношении императива второго и третьего лиц намерение говорящего понятно и без привлечения контекста. Далее, говорящий в обоих языках в зависимости от коммуникативной цели высказывает предостережение в виде повествовательного предложения (*ребенок падает, упадет* и т.д.), в виде вопросительного предложения, обязывая таким образом адресата к ответу с тем, чтобы он опроверг его опасения и тревогу.

Таблица 1.

Турецкий язык: наклонения и время

Наклонения
1. (отрицательный) волунтатив 2. (отрицательный) императив 3. (отрицательное) условное 4. изолированное употребление условного наклонения (-sA + -A) 5. (отрицательное) долженствовательное
Время
1. будущее определ. (-(y)AcAk) 2. будущее неопр. (-Ar) 3. настоящее данного момента (-(İ)yor)

Таблица 2.

Турецкий язык: аналитические (модальные) формы
и лексические показатели

Аналитические формы	Лексические показатели
<i>-Abil</i> (возможность/вероятность)	<i>lütfen, yoksa, aksi takdirde, yasadak, olmaz, dikkat etmek, sakın</i> и т.д.

Таблица 3.

Туркменский язык: наклонения и время

Наклонения и их комбинация
1. (отрицательный) волунтатив
2. (отрицательный) императив
3. (отрицательное) условное
4. изолированное употребление условного наклонения (-sA + -A)
5. долженствовательное + <i>däl</i>
6. (отрицательный) оптатив
7. <i>чагатайский</i> императив
8. оптатив + <i>чагатайский</i> императив
9. оптатив + волунтатив
10. оптатив + императив
Время
1. будущее определ. (-jAk)
2. будущее неопр. (-Ar)
3. будущее неопределенное в отрицательной форме
4. настоящее общее (-ýAr)

Таблица 4.

Туркменский язык:
аналитические (модальные) формы и лексические показатели

Аналитические формы	Лексические показатели
1. <i>-Ip bilmek</i> (возможность/вероятность)	<i>ýogsa, gerek, gadagan, bolmaz,</i>
2. <i>-Ip görmek</i> (пробовать что-л. сделать)	<i>besetmek, beýtmek, seresap bolmak</i>

Таблица 5.

Туркменский язык: служебные эмоционально-экспрессивные частицы

Частицы
<i>-dA</i>

Во-вторых, говорящий, предполагая вероятность события с нежелательными последствиями и опасаясь его, задает вопросы с соответствующей вопросительной интонацией, в надежде успокоить себя (посыл для адресата ‘опровергни мои опасения’).

В-третьих, анализ средств выражения предостережения наглядно иллюстрирует полисемию не только императивной формы, но и других наклонений, как оптатив, долженствовательное, условное и т.д. В туркменском языке возможна также и их комбинация для передачи разновидностей предостережения.

В-четвертых, необходимо, видимо, признать наличие в них дополнительных модальных категорий,¹³ например, реальность существования *нежелательной модальности* в перечисленных языках, грамматически выражаемая:

- а) формами наклонения;
- б) временными показателями;

в) сопровождаемая лексическими единицами в качестве модальных величин со значением предостережения, которые придают оценочные оттенки субъективно-экспрессивному отношению говорящего к действию/событию с нежелательными последствиями.

Что касается продолжения изучения способов выражения предостережения, то назовем следующие аспекты. Требующими дальнейшего изучения являются языковые средства при ответной реакции адресата, направленные на предупреждение, угрозу и т.д., и какую роль при этом играет статус говорящего. Далее, сюда же отнесем вопрос о национально-культурной специфике выражения разновидностей предостережения, анализ словарных дефиниций, анализ контекста, выявление прагматических синонимов и т.д.

¹³ См. [Гузев 2015: 219–220, 225–228, 232–233] о воображаемом характере события, аналитических формах со значением предположительности и в связи с этим о разработке гипотезы о существовании сослагательных наклонений – конъюнктива и повелительно-желательного наклонения (субжонктива) в турецком языке, так как «...словоформы повелительного и желательного наклонений выступают как одна категория, которая в первых двух лицах обоих чисел чаще всего имеет показатели оптатива, а в 3 лице – как правило, показатель императива.»

Данное исследование вновь продемонстрировало обязательность продолжения изучения и типологической систематизации взаимосвязей между временными показателями и параметрами глагольных наклонений, а также между лексическими единицами и модальными значениями, что позволит расширить и пересмотреть традиционно устоявшиеся представления о языковых средствах выражения модальности в тюркских языках.

Глоссы

COND (conditional mood) – условное наклонение
CONV (converb) – деепричастие
definFUT (definite Future) – определенное будущее
IMPER (imperative) – императив
indefFUT (indefinite Future) – неопределенное будущее
NECES (necessative mood) – долженствовательное наклонение
NEG (negation) – отрицание
OPT (optative) – оптатив
Part (particle) – служебно-экспрессивная частица
Pl (plural) – мн. число
POL (polite) – вежливо
POSSIB (possibility) – возможность
PRES (present) – настоящее время
Sg (singular) – ед. число
VOL (voluntative) – волунтатив

Литература

- Бирюлин 1985 – *Бирюлин Л.А.* Императивы в акте речи // Лингвистические исследования. Грамматические категории в разносистемных языках. М., 1985. С. 28–36.
- Бирюлин 1987 – *Бирюлин Л.А.* Модальность желания и значение императива // Общие и специальные вопросы языковой типологии. М.: Наука, 1987. С. 31–38.
- Бирюлин&Храковский 1990 – *Бирюлин Л.А., Храковский В.С.* Функционально-типологические аспекты анализа императива. Часть 1. Грамматика и типология повелительных предложений. М.: Институт языкознания АН СССР; Л.: Ленинградское отделение Института языкознания АН СССР, 1990.

- Бондарко 1990 – *Бондарко А.В.* Темпоральность. Модальность. Теория функциональной грамматики. Л.: Из-во Наука, 1990.
- Вежицкая 1985 – *Вежицкая А.* Речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1985. С. 251–275.
- Грунина 2005 – *Грунина Э.А.* Туркменский язык. М.: Восточная литература РАН, 2005.
- Гузев 2015 – *Гузев В.Г.* Теоретическая грамматика турецкого языка. СПб.: Издательство СПбГУ, 2015.
- Гусев 2003 – *Гусев В.Ю.* Неспециализированные глагольные формы в функции императива // *Ландер Ю.А., Плузьян В.А., Урманчиева А.Ю.* Исследования по теории грамматики. Вып. 3: Ирреалис и ирреальность М.: Гнозис, 2004. С. 385–413.
- Гусев 2005 – *Гусев В.Ю.* Типология специализированных глагольных форм императива. Дисс. канд. филол. наук. М., 2005.
- Добрушина 2006 – *Добрушина Н.Р.* Грамматические формы и конструкции со значением опасения и предостережения // Вопросы языкознания. 2006. Выпуск 2. С. 28–67.
- Кононов 1956 – *Кононов А.Н.* Грамматика современного турецкого литературного языка. М.-Л.: Из-во Академии Наук СССР, 1956.
- Остин 1986 – *Остин Дж.Л.* Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1986. Вып. 17: Теория речевых актов. С. 22–129.
- Плузьян 2003 – *Плузьян В.А.* Общая морфология. Введение в проблематику. 2-е изд., испр. М.: Едиториал УРСС, 2003.
- Плузьян 2011 – *Плузьян В.А.* Введение в грамматическую семантику: Грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: РГУ, 2011.
- Серль 1986(а) – *Серль Дж.Р.* Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1986(а). Вып. 17: Теория речевых актов. С. 170–195.
- Серль 1986(б) – *Серль Дж.Р.* Что такое речевой акт? // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1986(в). Вып. 17: Теория речевых актов. С. 151–170.
- Тенишев 1988 – *Тенишев Э.Р.* Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Морфология. М.: Наука, 1988.
- Урманчиева 2004 – *Урманчиева А.Ю.* Седьмое доказательство реальности ирреалиса // *Ландер Ю.А., Плузьян В.А., Урманчиева А.Ю.* Исследования по теории грамматики. Вып. 3: Ирреалис и ирреальность М.: Гнозис, 2004. С. 28–74.
- Храковский 1992 – *Храковский В.С.* Типология императивных конструкций. СПб.: Наука, 1992.
- Храковский&Володин 1986 – *Храковский В.С., Володин А.П.* Семантика и типология императива. Русский императив. Л., 1986.

- Щербак 1981 – *Щербак А.М.* Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков. Глагол. Л.: Наука, 1981.
- Щербак 1994 – *Щербак А.М.* Введение в сравнительное изучение тюркских языков. СПб.: Наука, 1994.
- Aikhenvald 2010 – *Aikhenvald A.Y.* Imperatives and Commands. Oxford: Oxford University Press, 2010.
- Austin 1962 – *Austin J.L.* How to do things with words. Oxford: Clarendon Press, 1962.
- Bybee 1985 – *Bybee J.* Morphology. The study of the relation between meaning and form. Amsterdam: Joan Benjamins Publishing Company, 1985.
- Bybee et al. 1994 – *Bybee J., Perkin R., Pagliuca W.* The Evolution of Grammar: Tense, Aspect and Modality in the Languages of the World. Chicago-London: University of Chicago Press, 1994.
- Clark 1998 – *Clark L.* Turkmen Reference Grammar. Wiesbaden: Turcologica, 1998.
- Göksel & Kerslike 2005 – *Göksel A. & Kerslike C.* Turkish. A comprehensive grammar. London-New York: Routledge, 2005.
- Jones&Jones 1991 – *Jones W., Jones P.* Barasano syntax. Arlington: SIL and University of Texas at Arlington, 1991.
- Lichtenberk 1995 – *Lichtenberk F.* Apprehensional epistemics // *Bybee J., Fleischman S.* Modality in grammar and discourse. Amsterdam: Philadelphia, 1995. P. 293–327.
- Lichtenberk 2008 – *Lichtenberk F.* A Grammar of Toqabaqita. Berlin-New York: Mouten de Gruyter, 2008.
- Nasilov et al. 2001 – *Nasilov D.M., Isxakova X.F., Safarov Sh.S., Nevskaya I.A.* Imperative Sentences in Turkic Languages // *Xrakovskij V.* Typology of Imperative Sentences. Munchen: Lincom Publishers, 2001. P. 182–220.
- Palmer 2001 – *Palmer F.R.* Mood and Modality. 2nd edition. Cambridge, 2001.
- Rentzsch 2015 – *Rentzsch J.* Modality in the Turkic languages. Form and Meaning from a Historical and Comparative Perspective // *Studien zur Sprache, Geschichte und Kultur der Türkvölker* 18. Berlin: Klaus-Schwarz-Verlag, 2015.
- Roberts 1987 – *Roberts J.R.* Amele. London: Croom Helm, 1987.
- Roberts 2016 – *Roberts J.R.* Amele RRG Grammatical Sketch. SIL International, 2016.
- Sakhatova 2018 – *Sakhatova G.S.* Apprehensive in Cypriot Turkish // *Vestnik of Saint Petersburg University. Asian and African Studies.* 2018. Vol. 10. Issue 3. P. 315–329. <https://doi.org/10.21638/spbu13.2018.303> (дата обращения 01.02.2020)
- Searle 1969 – *Searle J.R.* Speech acts: An essay in the philosophy of language. London, 1969.
- Searle 1976 – *Searle J.R.* A Classification of Illocutionary Acts // *Language in Society.* № 5 (1). 1976. P. 1–23.

Аннотация

В данном исследовании на основе собранного автором языкового материала рассматриваются формальные способы языковой реализации иллокутивного намерения говорящего при выражении предостережения в тюркских языках на примере двух тюркских языков, туркменского как представителя юго-восточной ветви и турецкого как представителя западной ветви огузской языковой подгруппы. Вместе с тем предлагается классификация смыслов предостережения по речевым актам, таких как предупреждение, запрет, угроза, совет, инструкция и т.д.

Ключевые слова

речевые акты предостережения, грамматика предостережения, превентив, прохибитив, предиктив, наставление, тюркские языки, туркменский язык, турецкий язык

Сведения об авторе

Сахатова Гюльшен Сахатовна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Университета им. Георга-Августа; e-mail: gulshen.sakhatova@uni-goettingen.de

Gulshen Sakhatova

Formal Ways of Expressing Warning in Turkic Languages Exemplified by Turkmen and Turkish

Summary

This study is based on the collected language materials means of linguistic implementation of illocutive intents of the speaker, expressing caution in Turkic languages – Turkmen as a representative of the southeastern branch and Turkish as a representative of the western branch of the Oghuz language subgroup. The study also classifies meanings of the caution by speech acts (warning, prohibition, threat, advice, instruction, etc.).

Key words

speech acts of caution, grammar of caution, preventive, prohibitive, prediction, admonition, Turkic languages, Turkmen, Turkish

Information about the author

Gulshen Sakhatova – PhD in Philology, Associate Researcher of the Georg-August University Göttingen, Germany; e-mail: gulshen.sakhatova@uni-goettingen.de

Ф.Г. Хисамитдинова

ПЕРСОНАЖИ ГРУППЫ «УЩЕРБНЫЕ ЛЮДИ» В БАШКИРСКОЙ МИФОЛОГИИ

В «Академическом словаре башкирского языка» (далее АСБЯ) в 10 томах, а также «Мифологическом словаре башкирского языка» (далее МСБЯ) названия персонажей башкирской мифологии в определенной степени представлены [АСБЯ 2011–2018; МСБЯ 2010]. В частности, в МСБЯ нашло отражение около 150 мифонимов, связанных с мифологическими персонажами, среди которых встречаются названия как мифических, так и реальных, но мифологизированных персонажей. В качестве примера можно привести мифонимы *Албасты* ‘злой демон в женском облике’, *Аждаһа* ‘дракон, многоголовый змей’, *Һыу эйәһе* ‘дух воды, водяной’ и др., являющиеся названиями мифических персонажей, и *Етем* ‘сирота’, *Кендек әбейе* ‘повитуха’, *Имсе* ‘знахарь’ и др., относящиеся к мифологизированным лицам. Наши подсчеты, проведенные по словарю МСБЯ, показали, что лексемы, связанные с мифическими и мифологизированными персонажами, в словаре представлены примерно в одинаковом количестве. Однако разработанность словарных статей, посвященных реальным, но мифологизированным персонажам, намного скромнее как по объему, так и по содержанию статей, имеющих отношение к мифическим персонажам. А в лингвистических словарях башкирского языка, кроме АСБЯ, в лексемах типа *игез* ‘близнец, близнецы’, *тол катын* ‘вдова’, *алмаштырылган бала* ‘подменыш, обменыш’ и др. вторичные, мифологизированные значения слов вообще отсутствуют [БРС 1961]. Кстати аналогичная ситуация в толковых словарях и других тюркских и нетюркских языков [ТТАС 2005, ЧРС 1982]. Причина данного яв-

ления связана не только с принципами составления словарей, но и со слабой изученностью самих реальных, но мифологизированных персонажей в мифологиях как тюрок, так и других этносов и этнических групп. Даже количество словарных статей в словарях мифологий свидетельствует об этом. В частности, в словаре «Славянская мифология» [СМ 2002] представлено 29 мифологизированных лиц (*близнецы*, *гончар*, *инородец*, *невеста* и др.), в «Татарской мифологии» в 3 томах [ТМ 2008, 2009, 2011] – 11 (*гарип* ‘калека’, *дивана* ‘юродивый’, *сукыр* ‘слепой’ и др.), в «Ногайских мифах» [НМ 2012] – 10 (*ана* ‘мать’, *бакишы* ‘шаман’, *йырау* ‘певец-импровизатор’), в Казахской мифологии [КМ 2005] – 4 (*диуана* ‘юродивый’, *келин* ‘невеста, сноха’ и др.). Судя по словарям, если мифические персонажи в мифологиях разных народов в той или иной степени представлены, изучены, то мифологизированные лица продолжают оставаться вне поля зрения как мифологов, так и лингвистов и фольклористов. Между тем группа мифологизированных персонажей во всех культурах представлена в огромном количестве. В частности, в башкирской мифологии их зафиксировано около 100, что, конечно, не предел. Во-вторых, мифологизированные персонажи, безусловно, заключают в себе ценные сведения о мифологических воззрениях народов, истории формирования их мифов, мифологизации тех или иных реальных объектов, лиц, предметов и т.д. Изложенные факты и обусловили наше обращение к мифологизированным персонажам башкирской мифологии. Мифологизированные персонажи в башкирской мифологии представлены «знающими людьми» (*белемсе* ‘предсказатель, знахарь’), «ущербными людьми» (*етем* ‘сирота’, *хукыр* ‘слепой’), «умельцами, умелыми людьми» (*көтөүсе* ‘пастух’, *тимерсе* ‘кузнец’) и др. В данной статье подробно рассматривается одна группа мифологизированных лиц, а именно, «ущербные люди».

В мифологии башкир «ущербные люди» представлены такими персонажами, как калеки, нищие, сироты, бесплодные женщины, вдовцы и вдовы, юродивые, блаженные и помешанные. Все указанные выше персонажи относятся к категории бездельных людей. В башкирском языке их всех называют *өлөшһөҙ кеше*, *бахыр кеше* ‘бездельный человек, несчастный, жалкий че-

людей». Башкиры их жалеют, но и побаиваются, т.е. относятся неоднозначно. По представлениям башкир, данная группа персонажей имеет связь с иным миром, обладает особыми качествами и способностями.

Всех персонажей группы «ущербные люди» условно можно распределить по шести подгруппам:

- калеки (увечные, уроды);
- помешанные (блаженные, юродивые);
- сироты;
- вдовы и вдовцы;
- бесплодные женщины;
- нищие.

Персонажей, относящихся к группе калеки (увечные, уроды), в башкирском языке называют словами *гәрип*, *гәрип-гәрәбә* (собир.) ‘калека, калеки’ и *зәғиф* ‘калека, искалеченный, увечный’. Кроме общих терминов, зафиксированы также лексемы *сатан* ‘хромой’, *сулак* ‘однорукий’, *һуҡыр* ‘слепой’, *һаңғырау* ‘глухой’, *бөкөс*, *көмрө* ‘горбун, горбатый’, обозначающие различные группы людей, имеющих тот или иной изъян тела. Кроме приведенных лексем, в башкирском языке зафиксированы синонимичные названия типа *һыңар күз* ‘одноглазый’, *һыңар кул* ‘однорукий’, *һыңар аяҡ* ‘одноногий’.

В мифологии тюрков, в том числе и башкир, обычно однорукостью, одноглазостью, одноногостью характеризуется нечистая сила. Ср.: *Койон ене һыңар күз, һыңар аяҡ, һыңар кул була икән* – ‘Оказывается, бес вихря бывает одноглазым, одноногим, одноруким’. Наличие в башкирской мифологии персонажей *Һыңар күз* ‘циклоп’, *Һыңар мөгөз* ‘единорог’, *Ярымтык* ‘половинник’ и др. подчеркивают также связь отсутствия одной руки, одной ноги, одного глаза с нечистой силой. По-видимому, под влиянием таких представлений о нечистой силе у башкир сформировалось неоднозначное отношение к калекам, увечным людям. В частности, башкиры запрещают беременным женщинам смотреть на хромым, слепым и другим увечным. Судя по этнографическим материалам, башкиры жалеют данную группу людей, дают им подаяния (*хәйер*), на обрядовых праздниках выделяют долю (*өлөш*), тем не менее они стараются с ними общаться мень-

ше, считая их опасными. В то же время следует отметить, что отдельные группы телесно ушибных людей участвуют в различных обрядах башкир. Так, например, горбатые люди (горбуны) участвуют в обрядах остановки града. Ср.: говорят, если во время града горбун выйдет на улицу и проглотит три градины, град прекращается.

Представления, связанные с мифологизацией горбунов, нашли отражение и в магической медицине башкир. В частности, у саратовских, самарских, оренбургских, т.е. южных башкир сохранились заговоры от горба, появившегося у ребенка. Ср.: *Көмрө, көмрө бута, / Көмрөнө бута йота. / Бута алһа, нар булыр, / Кимерсәккә дар алыр. / Нар алһа, түбә булыр, / Быуынга канын языр, / Көмрө, көмрө бута, / Көмрөнө бута йота* [БТИК 2006: 109] – ‘Горбатый, горбатый верблюжонок, / Горб глотает верблюжонок, / Если возьмет верблюжонок, будет одногорбый верблюд, / Хрящ получит опору, / Если возьмет верблюжонок, все уравнивается, / По суставам кровь разойдется, / Горбатый, горбатый, горбатый верблюжонок, / Горб глотает верблюжонок!’.

Обряд «*Көмрөкәй үткәреу*» ‘Проводы горбунка’ зафиксирован и у среднеуральских башкир. Изложенные факты свидетельствуют о том, что реликты мифологизации «ушибных людей» группы калеки (увечные, уроды) сохранились в народной культуре и языке башкир.

Вторую группу персонажей «ушибные люди» представляют помешанные (блаженные, юродивые). Для обозначения данной группы людей в башкирском языке употребляются слова *диуана* ‘помешанный, сумасшедший, юродивый’; *шаукымлы* ‘тронутый, чокнутый’; *бер төрлө* ‘придурковатый’ и др. Следует отметить, что данная группа персонажей представлена в башкирском языке и его диалектах огромным количеством наименований. Ср.: *тукһан тугыз* досл.: ‘девяносто девять’, *утыз тугыз* досл.: ‘тридцать девять’, *берәу тулмай* ‘одного не хватает’, *һәтәу* ‘придурковатый’, *алмаша, алыу, аңкак, аңыш, ауара* в значении ‘слабоумный’. Мифологизация данной группы «ушибных людей» нашла отражение в первую очередь в башкирском фольклоре. В частности, повсеместно существуют легенды, былички, сказки, анекдоты, главными героями которых представлены так

называемые чудаковатые, чокнутые, тронутые люди. Особое место «ущербные люди» данной группы персонажей занимают в башкирской художественной литературе. Так, например, в «Воспоминаниях» З. Валиди-Тогана представлен персонаж Муллагул-диуана, который жил в летней кухне Валидовых, считался тронутым, не совсем нормальным, но прекрасно знал восточную, особенно персидскую поэзию, умел вовремя дать ответ на все вопросы жизни. Отец Валиди считал Муллагула святым, провидцем, предсказателем, т.е. аулия. Поэтому он побаивался его, просил членов своей семьи не обижать юродивого. По воспоминаниям З. Валиди, отец его считал опаснее проклятия (*каргыш*), обиды (*рәңйеш*) Муллагула-диуаны [Валиди 1996: 19–23]. Изложенные факты свидетельствуют о мифологизации данного персонажа. Мифологизированными являются персонажи повести М. Карима «Долгое-долгое детство». О своих героях М. Карим говорит так: «Книга эта про людей, которые не изжили в себе веру в чудеса. Они чудаковатые, странные, неугомонные, наивные (в оригинале употреблено слово *шаукымлы*, т.е. ‘тронутые, чокнутые’). Жизнь их чуть-чуть выше нашей каждодневной жизни, чуть-чуть, может быть, смешней и чуть-чуть трагичней. Терпеливее и милосерднее они друг к другу тоже немного больше нашего; обвинять, осуждать кого-то не спешат. И смерть, и счастье эти люди принимают с достоинством. От радости не скачут, с горя не сгибаются». Герои повести М. Карима люди, безусловно, чокнутые, не от мира сего, по представлениям так называемых нормальных людей. В частности, персонаж по имени Асгат на полном серьезе говорит и верит в то, что он сюда, на землю, был заброшен из другого мира, из страны счастливых людей. Он ждал, что за ним когда-нибудь прилетят и заберут в его счастливую страну. Аналогичен и персонаж Кара-Юмагул, который плетет 70-метровый аркан еще не родившемуся сыну, чтобы тот оседлал крылатого коня Акбузата, вышедшего со дна озера у Уральских гор [Карим 2009: 130].

Третью группу составляют «ущербные люди», обделенные родителями, т.е. сироты. В башкирском языке для обозначения данной группы персонажей употребляются лексемы *етем* ‘сирота’, *етем-еһер* (собр.) ‘сироты’.

О мифологизации данной группы персонажей свидетельствуют пословицы и поговорки. Ср.: *Етем илаһа – ер-һыу илар* – ‘Когда плачет сирота, плачет земля-вода’. Интересно отметить, что в башкирском фольклоре зафиксирован вариант, в котором вместо земли-воды представлено выражение *тау-таш*. Ср.: *Етем илаһа – тау-таш илар* – ‘Когда плачет сирота, плачут горы-скалы’. Появление таких пословиц и поговорок, по-видимому, связано с тем, что лишенного заботы родителей беззащитного ребенка берет под свою опеку, покровительство божество Земля-Вода, божество родной земли. Следует отметить, что божество Земля-Вода башкир имеет параллели в древнетюркской мифологии. Судя по памятникам, божество *Er-sub* было одним из главных божеств древних тюрков. По представлениям башкир, сирота постоянно находится под опекой, покровительством божества Земли-Воды. Поэтому помощь, оказываемая сироте, считалась богоугодным делом. И наоборот, обидевшие сироту, присвоившие его долю считались грешниками и получали по заслугам. Ср. пословицу *Етем хаҡы ебәрмәс, етем йәше ерҙә ятмәс*, свидетельствующую о наказании тех, кто тем или иным способом обидел сироту.

В то же время, судя по обычаям и обрядам, некоторым пословицам и поговоркам, сироты считались бездольными, поэтому не могли быть на свадьбе подружкой невесты (*аралаш кызы*) или шафером (*кейәү көсөгө*) жениха.

Пословицы и поговорки типа *Етем бызау асыраһаң, ауыз-мороноң май булыр, етем бала асыраһаң, ауыз-мороноң кан булыр* – ‘Если вырастишь теленка–сироту, будешь сытым, если ребенка–сироту вырастишь, будешь битым’; *Етемеде етеп һук, етә алмаһаң, ташлан һук* – ‘Сироту догони ударь, если не можешь догнать – ударь, бросив чем-то другим’ свидетельствуют о неоднозначном отношении башкир к сироте.

К сиротам в башкирской мифологии примыкает группа вдов и вдовцов, т.к. они, потерявшие своих мужей и жен, считаются обездоленными. Хотя данную группу ущербных жалеют, но тем не менее им также запрещают участвовать в свадебных обрядах, считая, что они могут продолжить обездоленность. В частности, сноха, которая стала вдовой, не могла в свадебном обряде баш-

кир стелить постель, приготовить баню для молодых. В то же время считалось богоугодным делом оказание помощи таким людям. Мужчины обычно привозили дрова, сено, женщины убирались в доме пожилых вдов, вдовцов. Вдовам подавали милостыню, отдавали долю со всех обрядовых праздников. Башкиры верят в то, что обидевшего словами или делом вдове или вдовца Бог обязательно накажет. Ср.: *Тол катынды йәберләгәнде, Хозай ороп, ти.* – ‘Говорят, того, кто обидит вдову, Бог накажет’ [Әхтәмов 2008: 205].

В башкирском языке для обозначения вдов и вдовцов используются термины *тол катын, тол ир, етем әбей, етем бабай*. Слово *tul* зафиксировано в памятниках древнетюркской письменности. У алтайцев *тул* сегодня употребляется в значении фетиша, чучела зайца, которого хранит в доме вдова.

Мифологизируются у башкир и такие персонажи, как бесплодные женщины. Их в башкирском языке называют *тулһез, бизәу, кысыр, буш*. По представлениям башкир, от бесплодия можно было избавиться. Для этого женщин сажали на место беременных или многодетных женщин, водили на могилы многодетных. Им пришивали к одежде послед, пупок новорожденного, сажали на колени новорожденных детей и др. Следует отметить, что бесплодным женщинам запрещалось участвовать в свадебных обрядах, чтобы бесплодие «не передалось» [БДЖМ 2006: 180].

В мифологии башкир мифологизированными являются и нищие. В башкирском языке они называются *фәкир, фәкир-фокара* (собр.), *шигай* ‘нищий, нищие’, *теләнсе, хәйерсе* ‘попрошайка’ и др. Зафиксированы пословицы и поговорки со словами *фәкир* ‘нищий’ и *теләнсе* ‘попрошайка, нищий’. Ср.: *Байзың татлы ашы – фәкирзең канлы йәше* – ‘Сладкая еда бая – кровавые слезы нищего’; *Фәкир кәзерен бай белмәй* – ‘Цену нищеты бай не знает’; *Фәкирлек үз эйәһен ташка сәләм бирзәрер* – ‘Нищета заставит здороваться с камнем’; *Фәкирлек инәһе – назанлык* – ‘Мать нищеты – невежество’; *Теләнсенә эт тә яратмай* – ‘Попрошайку даже собака не любит’; *Теләнсенәң капсығы туһа ла, күзе туймай* – ‘Хоть полон мешок попрошайки, да глаза его загрёбущие’; *Батша талап ала, хәйерсе теләнәп ала* – ‘Царь грабит,

а попрошайка – выпросит»; *Хэйерсе байыһа, хэйер бирмәс* – ‘Если попрошайка разбогатеет, милостыню не подаст’ и др., содержащие в целом негативное отношение к нищете, персонажам, связанным с нищетой, попрошайничеством. Эту группу персонажей башкиры считают также несчастными, обездоленными, поэтому всегда подавали им *хэйер* ‘милостыню’. Кроме этого, по их представлениям, в облике нищего человеку может встретиться и святой Хызыр-Ильяс, который наказывает за жадность и скупость. По поверьям башкир, Хызыр-Ильяс может ходить по домам в облике нищего и попрошайничать. Подавший ему милостыню обязательно будет вознагражден. Поэтому башкиры обычно подают милостыню, кормят, дают одежду любому нищему. В целом, подводя итоги, можно сказать, что мифологизация «ушербных людей» отражается в семейных, календарных обычаях и обрядах, башкирском языке и фольклоре.

Литература

- АСБЯ 2011–2018 – Академический словарь башкирского языка. В 10 т. Уфа, 2011–2018.
- БДКМ 2006 – Башкорттарзың дауалау һәм курсалау магияһы. Өфө, 2006.
- БИТК 2006 – *Хисамитдинова Ф.Г.* Башкорттарзың им-том китабы. Уфа, 2006.
- БРС 1996 – Башкирско-русский словарь. М., 1996.
- Вәлиди 1996 – *Вәлиди, Туган Ә. Ә.* Хәтирәләр. Өфө, 1996.
- Карим 2009 – *Карим М. С.* Найланма әсәрзәр. Өфө, 2009.
- КМ 2005 – *Кондыбай, Серикбол.* Казахская мифология. Краткий словарь. Алматы, 2005.
- МСБЯ 2010 – Мифологический словарь башкирского языка. М., 2010.
- НМ 2012 – *Капаев И.* Ногайские мифы, легенды и поверья. Опыт мифологического словаря. М., 2012.
- СМ 2002 – Славянская мифология. Энциклопедический словарь. А–Я. М., 2002.
- ТМ 2008, 2009, 2011 – Татар мифологиясе // Урманче Ф. Энциклопедик сүзлек. В 3 т. Казан, 2008, 2009, 2011.
- ТТАС 2005 – Татар теленен анлатмалы сүзлеге. Казан, 2005.
- Хисамитдинова 2011 – *Хисамитдинова Ф.Г.* Словарь башкирской мифологии. Уфа, 2011.
- ЧРС 1982 – Чувашско-русский словарь. М., 1982.
- Әхтәмов 2008 – *Әхтәмов М. Х.* Башкорт халык әйтемдәре. Өфө, 2008.

Аннотация

В статье на лингвистическом, этнографическом, литературном и фольклорном материалах описывается группа мифологизированных персонажей башкирской мифологии, называемая «ущербные люди». Автором выделены подгруппы калек, помешанных (юродивых, блаженных), сирот, вдов и вдовцов, бесплодных женщин и нищих. Показаны особенности мифологизации и формирования данной группы персонажей и их названий.

Ключевые слова

башкирская мифология, ущербные люди, мифологизированные персонажи, бездольный, обычаи, обряды, лексема

Сведения об авторе

Хисамитдинова Фирдаус Гильмитдиновна – доктор филологических наук, профессор, научный руководитель Института истории, языка и литературы Федерального государственного бюджетного научного учреждения Уфимского федерального исследовательского центра РАН; e-mail: hisamitdinova@list.ru

Firdaus Khisamitdinova

Characters of the Group «Flawed People» in Bashkir Mythology

Summary

The article prepared on linguistic, ethnographic, literary and folklore materials describes a group of mythologized characters of Bashkir mythology called «flawed people». The author distinguishes subgroups of cripples, obsessed persons (holy fools, blessed ones), orphans, widows and widowers, barren women and beggars. The features of mythologization and the formation of this group of characters and their names are shown.

Key words

bashkir mythology, flawed people, mythologized characters, bottomless, customs, ceremonies, lexeme

Information about the author

Firdaus Khisamitdinova – PhD in Philology, Professor, Scientific Advisor of Institute of History, Language and Literature, Ufa Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences; e-mail: hisamitdinova@list.ru

А.В. Чиврикова

**ЛЕКСИЧЕСКИЙ И ГРАММАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ
ГЛАГОЛЬНОЙ ОСНОВЫ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ
НА ПРИМЕРЕ АФФИКСОВ *-n*, *-la* И *-lan***

Исходя из положений антропоцентрической теории языка базисным компонентом мировидения человека является картина мира, которая служит универсальным ориентиром человеческой деятельности. Человек пытается понять и объяснить окружающий его мир, т.е. создать свою картину мира, в чем ему помогает язык, непосредственно участвуя в двух процессах: 1) в его недрах формируется языковая картина мира; 2) сам язык выражает и эксплицирует другие картины мира у человека.

Картина мира представляет собой некоторую интерпретацию. Акты миропонимания осуществляются различными субъектами, поэтому значение последних велико. Субъектом картины мира является ее деятель, т.е. изображающий [Серебренников 1988]. Можно предположить, что основное ознакомление с миром происходит у субъекта через самого себя, свои действия, через восприятие того, что непосредственно его окружает. В языке это находит свое отражение: доминантой в значении глагола является сема субъектности.

Постепенно осознание самого себя и окружающей действительности приводит к возникновению такой категории как включенность/невключенность субъекта в изображаемое событие. Уже в древних тюркских памятниках можно наблюдать различные формы, акцентирующие инклюзивность либо эксклюзивность субъекта при изложении какого-либо события (форма на *-mİş*, указательные местоимения *bu*, *şu*, *o*) [Грунина 1991, Гузев 1990, Серебренников 1986].

Особое внимание при рассмотрении включенности/невключенности действия в мир субъекта следует уделить категории залога в тюркских языках, более конкретно – рефлексиву.

Категория тюркского возвратного залога неоднородна. Сфера его применения гораздо шире, чем в индоевропейских языках. До настоящего времени не окончен спор о статусе этой категории, но в данной работе рефлексив будет рассматриваться как лексико-грамматическая категория.

Особенностью залога можно считать тот факт, что его развитие шло от семантико-синтаксической структуры предложения при совпадении агенса и подлежащего к морфологической структуре. В ее основе лежит система дейктических показателей. Одна из существующих гипотез связывает происхождение рефлексива *-n* с местоименным элементом, который отражал категорию инклюзивности/эксклюзивности субъекта в событие. Элемент *-n* присутствует в указательных местоимениях ближнего плана типа туркменского *ine* ‘вот’, узбекского *mana* ‘вот’ // *ana* и другие [Щербак 1987].

Морфологизация дейктического элемента *-n* привела к возникновению категории возвратного залога с разветвленной системой функций. Основное значение показателя *-n* было связано с направленностью или осуществлением действия в сфере субъекта [Грунина 1993]. Впоследствии значение рефлексива развивалось от прямой возвратности к версии. Другими словами, обозначало действие, которое совершается в интересах субъекта:

Borç edinme ‘не бери в долг’ [Tarama Sözlüğü, Kab.]

Yatam toprağ üstüne daş yastanam ‘Сделаю себе камень подушкой’ [Tarama Sözlüğü, Süh.]

Как видно из примеров, сфера распространения действия всегда оказывается ограниченной рамками субъекта. Это значение, преломляясь через семантику каждого конкретного глагола, привело к появлению словообразовательных функций аффикса *-n*, например, в тех случаях, когда исходной основой являлся непереходный глагол и действие приобретало новые характеристики. Можно предположить, что уже в то время показатель *-n* сливался с аффиксом *-la*, образуя единую словообразовательную

морфему, которая передавала значение ‘делать какой-то вид’. Следует отметить, что в древнетюркском языке глаголы с вышеуказанным значением часто образовывались от причастных основ на *-(/)r, -mAz*:

Ger inanmazlanır isen sözüme ‘Если делаешь вид, что не веришь моим словам’ [Tarama Sözlüğü, Is.]

Таким образом, материал древних памятников позволяет подтвердить тот факт, что аффикс *-n*, как показатель рефлексива, имел словоизменительные и словообразовательные функции, но его развитие в тюркских языках шло по разным направлениям: либо грамматикализации, либо лексикализации.

Процесс грамматикализации в тюркских языках можно продемонстрировать на примере якутского языка, где основным значением рефлексива является категория версии, т.е. действие для себя [Харитонов 1982]. В современном якутском языке возвратные глаголы в косвенно-возвратном значении обладают наиболее широкой употребительностью. Это значение может быть образовано от большинства переходных глаголов и является основным значением возвратного залога.

В косвенно-возвратном значении между субъектом и действием устанавливаются особые смысловые отношения при помощи прямого объекта, который выражен синтаксически. В этом случае действие направлено на объект, но совершается в интересах субъекта, на что указывает аффикс возвратного залога *-n*:

От тизэйэбин ‘Я вожу сено’ → *От тизэнебин* ‘Я вожу сено для себя’;

Кэрт- ‘рубить’ → *кэрдин-* ‘рубить что-либо себе, для себя’.

Также рефлексив в якутском языке может быть употреблен и в прямовозвратном значении, но число исходных основ ограничено их лексическим значением, передающим действие, которое совершается над самой собой:

Мин тымныы уунан суунабын ‘Я моюсь холодной водой’

В любом случае, производный глагол сохраняет семантику исходной основы, меняя лишь субъектно-объектные отношения.

Наряду с этим аффикс *-н* может выступать и как словообразовательный элемент, но количество глаголов, образованных при его посредстве, столь незначительно, что можно говорить о выраженном процессе грамматикализации этого форманта:

Кубулдуй- ‘изменяться, превращаться’ → *кубулдун-* ‘притворяться, хитрить, капризничать’

Сэрэй- ‘угадывать, догадываться’ → *сэрэн-* ‘остерегаться, оберегаться’

В турецком же языке косвенно-возвратное значение не получило такого развития и сохранилось лишь в некоторых глаголах:

adet edinmek ‘приобрести какую-либо привычку’ (от *etmek* ‘делать’)

alınmak ‘принимать на свой счет’ (от *almak* ‘брать’)

Так как в данном случае аффикс *-In* не изменяет объектную характеристику исходной основы, что является признаком словоизменения, то можно утверждать, что залоговый аффикс имеет здесь грамматическое значение.

Рефлексив может передавать и собственно-возвратное значение. При этом действие исходит от субъекта и возвращается на него, т.е. субъект и прямой объект действия совпадают. Исходные глаголы являются переходными:

yıkanmak ‘мыться, умываться’ от *yıkamak* ‘мыть, стирать’.

В этом случае залог проявляется в том, что производный глагол теряет возможность сочетаться с одним из своих актантов. Поэтому он переходит из одного типа в другой, например, из двухвалентных в одновалентные, а из трехвалентных в двухвалентные.

Тот факт, что некоторые глаголы могут сохранять при себе прямое дополнение, означает переход глагола в разряд косвенно-возвратных, причем один и тот же глагол может быть и собственно-, и косвенно-возвратным:

giyinmek ‘одеться’ и *üstünü giyinmek* ‘накинуть на себя одежду’

В данной группе глаголов с собственно-возвратным значением аффикс *-In* также выступает как словоизменятельный показатель. Но наибольший интерес представляет третья группа глаголов с показателем *-n*, который проявляет в ней свои словообразовательные функции. Это доказывает, что развитие аффикса *-n* шло по пути лексикализации, т.е. этот элемент входил в лексическое значение глаголов, среди исходных основ которых можно выделить следующие семантические группы:

- 1) глаголы контактного или физического воздействия на объект, ведущего или не ведущего к его качественному изменению;
- 2) глаголы движения;
- 3) глаголы восприятия, в том числе, эмоционального.

Наиболее многочисленную группу исходных основ составляют глаголы контактного и физического воздействия, которые, естественно, являются активными и предполагают синтаксическое выражение объекта действия. Обозначая объект действия не синтаксическим, а морфологическим способом внутри самого глагола, возвратный залог обогащает и обособляет содержание переходного глагола настолько, что он может восприниматься как новая лексическая единица:

tutummak ‘держаться, употреблять, устоять’ от *tutmak* ‘держать’

Значительно более заметную модификацию своего лексического значения имеют переходные глаголы, которые в возвратном залоге не могут иметь при себе отдельно выраженного прямого дополнения:

bükünmek ‘корчиться от боли’ от *bükme* ‘скручивать, гнуть, сворачивать’

açınmak ‘прогрессировать, развиваться’ от *açmak* ‘открывать’

В группе исходных основ со значением движения глаголы с показателем рефлексива либо приобретают модификации качества, либо практически полностью изменяют свою семантику:

geçinmek ‘добывать средства к существованию, уживаться’ от *geçmek* ‘переходить’

kalkınmak ‘развиваться, возрождаться’ от *kalkmak* ‘вставать’

Те же процессы можно наблюдать в глаголах чувственного восприятия:

sevinmek ‘радоваться’ от *sevmek* ‘любить’

dilenmek ‘просить милостыню, побираться, кланяться’ от *dilemek* ‘желать, умолять’

Интересен тот факт, что среди исходных основ выделяется небольшая группа глаголов со значением ‘бить, разбивать, ударять’. Это еще раз подчеркивает, что аффикс *-n* имеет словообразовательную функцию, т.к. в тюркских языках собственно возвратное значение очень редко образовывалось от глаголов, которые передавали действие, наносящее вред субъекту [Севортян 1962]:

ezinmek ‘чувствовать слабость’ от *ezmek* ‘толочь, мять, дробить’

kırınmak ‘ходить вразвалку, раскачиваться, ломаться, кокетничать’ от *kırmak* ‘разбивать, ломать, дробить’

çarpınmak ‘волноваться, суетиться; биться, метаться (о больном)’ от *çarpmak* ‘бить, налетать, бросать, ударяться’

Иногда процесс лексикализации приводит к полной утрате грамматического значения *-n* в глаголе, что подтверждается исчезновением исходной лексической основы:

barınmak ‘укрываться, прятаться, находить приют’ от несуществующего сейчас в языке *barınmak* ‘охранять, защищать, покровительствовать’

Из вышесказанного можно заключить, что возвратный залог в турецком языке является лексико-грамматической категорией.

Свою словообразовательную функцию аффикс *-n* может реализовать и присоединяясь к аффиксу *-la*, образуя сложную морфему. Но сначала следует подробно остановиться на самом аффиксе *-la*.

В турецком языке аффикс *-la*, образующий глаголы от именных основ, является одним из наиболее продуктивных в области словообразования. Образование глагола возможно в том случае, когда имя существительное или имя прилагательное несет в себе

значение орудия, средства, материала, предмета, результата, признака, названия действия, его места и времени, субъекта и т.д.

Аффикс *-lA* возник в древнюю эпоху. Его древность доказывает тот факт, что он послужил базой для образования вторичных аффиксов *-lAn*, *-lAş*, *-lAt*.

Отличительной чертой древних аффиксов (а именно аффикса *-lA*) являлась их способность производить как переходные, так и непереходные глаголы, хотя вторая группа была и остается малочисленнее первой.

По семантическим признакам именные основы можно разбить на несколько групп, среди которых выделяются 4 большие группы со значениями:

1. орудия, средства, материала, предмета действия (*bombalamak* ‘бомбардировать’ от *bomba* ‘бомба’);

2. результата процесса или его признака (*kanlamak* ‘пачкать кровью’ от *kan* ‘кровь’);

3. названия процесса или его признака (*suçlamak* ‘обвинять’ от *suç* ‘вина’);

4. предмета действия (*astarlamak* ‘пришивать подкладку’ от *astar* ‘подкладка’).

Глаголы, образованные от именных основ, передающих значение формы или образа процесса (*sıralamak* ‘поставить в ряд, расположить в каком-либо порядке’ от *sıra* ‘ряд, порядок’), места и направления (*karşılamak* ‘встречать’ от *karşı* ‘противоположная сторона’), времени (*sabahlamak* ‘бодрствовать всю ночь, не спать до утра’ от *sabah* ‘утро’) встречаются гораздо реже в турецком языке, чем вышеупомянутые.

Ограниченность значений именных основ и односторонность их реальных функций влияет на то, что большинство глаголов с аффиксом *-lA* конкретны и однозначны. Многозначность производящих основ обуславливает появление многозначных глаголов, которые в турецком языке встречаются реже.

Многие глаголы с аффиксом *-lA* характеризуются еще и тем, что дальнейшее развитие их значения происходило без семантического расширения производящих основ.

Наиболее отчетливо эта тенденция прослеживается в глаголах с метафорическим переосмыслением производного значения гла-

гола, где развитие получает только семантика глагола, а производящая основа остается однозначной. Этот процесс очень важен, т.к. он показывает, что образование новой лексической единицы с помощью аффикса *-IA* имеет свой путь развития:

serinlemek ‘становиться прохладным, свежеть, развеяться, развлечься’ от *serin* ‘прохладный, свежий, холодный’

Аффикс *-IA* сообщает производным глаголам и определенную семантическую структуру, которую можно подразделить на несколько типов в связи со значением именных основ.

Первый из них представляет собой морфологическую транспозицию или вербализацию (она присуща и остальным типам) посредством аффикса *-IA* от основ со значением названия процесса, признака, результата:

süslemek ‘украшать, наряжать’ от *süs* ‘украшение, наряд’

Второй тип сочетает в себе семантическую и функциональную транспозицию, т.к., с одной стороны, если именная основа выступает в качестве предмета по отношению к действию, то значение его основной функции соединится со значением основы, глагол в этом случае характеризуется однозначностью; а с другой стороны, происходит небольшой сдвиг в значении, например:

zehirlemek ‘отравить кого-то ядом; отравлять (жизнь); натравить против кого-то’ от *zehir* ‘яд, отравы’

Третий тип также относится к функциональной транспозиции, когда значение транспонента, представляющего в роли орудия, средства, материала, предмета действия, входит в семантику транспозита, выражающего типичные процессы, которые реализуются с помощью этих орудий, средств или процессы, приводящие к появлению явлений или предметов:

yumruklamak ‘бить кулаком’ от *yumruk* ‘кулак’

Четвертый тип является семантической транспозицией, т.к. значение основы как бы растворяется в производном глаголе частично или полностью:

kenetlemek ‘скреплять железной скобой, крепко связывать, соединять’ от *kenet* ‘железная скоба’

Среди глаголов с аффиксом *-IA* можно выделить семантические типы глаголов, обозначающих:

1. активные, конкретные действия, направленные на предметы;
2. действия, передающие предметам какое-либо состояние, признак, свойство и т.д.;
3. самопроизвольный переход в другое состояние, вид, форму и т.п.

Типы значений позволяют также выявить отношение глаголов с аффиксом *-IA* к грамматической категории переходности/непереходности. Производные глаголы первых двух групп являются практически всегда переходными, а третьей – непереходными:

kekelemek ‘заикаться’ от *keke* ‘заика’

Пассивное значение аффикса *-IA* является отмирающим, а наиболее продуктивными считаются глаголы, семантика которых конкретна и однозначна, как, например, сочетание глагольного и именного значений. Значение активного действия будет очень важно при изучении природы аффикса *-IA-n*.

Аффикс *-n* в сложной морфеме *-IA-n* может выполнять как словообразовательные, так и словоизменительные функции.

Анализ грамматического значения вызывает некоторые проблемы при наличии исходной глагольной основы на *-IA*, т.к. последняя не указывает на словоизменительную функцию *-n*. Это подтверждается тем, что существует ряд производных глаголов с *-IA-n*, значения которых являются либо отличными, либо прямо противоположными значениям глаголов с аффиксом *-IA*, образованных от тех же имен существительных или прилагательных (а иногда от разных их значений) и которые (т.е. глаголы с *-IA*) можно было бы считать их исходными основами:

köklenmek ‘пускать корни, укореняться, обосновываться’ от *kök* ‘корень’ / *köklemek* ‘выкорчевывать, вырывать с корнем’

Другим доказательством этого может служить и то обстоятельство, что значения производных глаголов с *-IA-n* совпадают со значениями тех глаголов, которые образованы от имен прила-

гательных и существительных посредством того же аффикса, но не имеют пары с аффиксом *-IA*. Чаще всего это глаголы со значением результата, названия процесса и его признака:

kül ‘зола’ → *küllenmek* ‘превращаться в золу, затихать, затягиваться’ → *küllemek* ‘покрывать золой’

Однако, проанализировав ряд глаголов, можно констатировать, что аффикс *-IA-n* выполняет и залоговую функцию. Это объясняется тем, что раньше аффикс *-IA* совмещал в себе и активное и пассивное значения и, видимо, с течением времени возникла необходимость четкого их разграничения. В связи с этим появились такие аффиксы как *-IA-n* и *-IA-t*, которые имеют в своем составе залоговые показатели и передают переходные и непереходные значения:

kirle (уст.) → *kirlenmek* ‘пачкаться, быть запятнанным’
→ *kirletmek* ‘марать, обесчестить’.

Другое значение глагола *kirlenmek* ‘становиться грязным’ образовано от имени существительного *kir* ‘грязь’.

При вычленении залоговой функции элемента *-n* важное значение имеет семантика исходной основы. Исследования показали, что аффикс *-n* как показатель возвратного залога присоединяется именно к тем глаголам, в которых аффикс *-IA* передает значение активного, конкретного действия. Таким образом, производный глагол, образованный от именной исходной основы, получает то значение, которое в него привносит словообразовательный аффикс *-IA*. Затем к нему присоединяется *-n*, образуя залог:

kuru ‘сухой’ → *kurulamak* ‘высушивать, вытирать досуха’ → *kurulanmak* ‘вытираться’

В турецком языке существует также группа глаголов, в которой залоговая сущность *-n* в составе *-IA-n* не вызывает никаких сомнений, т.к. в исходной основе, заканчивающейся на *-IA*, нельзя вычленить именную основу, следовательно, аффикс *-IA* входит в глагольную основу:

sallamak ‘качать’ → *sallanmak* ‘качаться’

Таким образом, можно сделать вывод, что в большинстве случаев аффикс *-lAn* является словообразовательным при наличии исходной именной основы и залоговым при наличии исходной глагольной основы на *-lA*, передающей активное, конкретное действие. Хотя возможны случаи, когда *-lAn* в одном и том же глаголе выполняет 2 эти функции одновременно:

temiz ‘чистый’ → *temizlenmek* ‘становиться чистым’

temizlemek ‘чистить, прибирать, *apso* приканчивать’ →
temizlenmek ‘очищаться, прибираться’

Рассмотрев словоизменительные функции *-n* в составе *-lAn*, можно перейти к более детальному изучению сложной словообразовательной морфемы *-lAn*.

Как уже отмечалось выше, основным значением словообразовательного аффикса *-lAn* является становление признака, качества, заложенного в исходной основе. В этом случае субъект реализует себя как определенное состояние, не выходящее за пределы субъекта. Таким образом, грамматическое значение *-n* как рефлексивного показателя, связанное с ограничением действия или состояния границами субъекта, в ходе развития стало одним из компонентов лексического значения глагола. Прежде всего, это подтверждается наличием группы глаголов с *-lAn*, обозначающих различные внутренние переживания, процессы.

Глаголы с семантикой отрицательных эмоций преобладают в этой группе и часто оказываются синонимичными:

keder ‘горе, печаль’ → *kederlenmek* ‘огорчаться, печалиться’

kaygı ‘забота, горе, печаль’ → *kaygılanmak* ‘беспокоиться, тревожиться’

Аффикс *-n* привнес в семантику вербализатора *-lA* дополнительные указания на характер субъекта (инактивность, самопроизвольность), а, может быть, и уточнил их, т.к. судя по текстам древнетюркских памятников аффикс *-lA* совмещал в себе и активное, и пассивное начало. В современном турецком языке сохранилась небольшая группа глаголов со значением самопроизвольного процесса:

uçuk ‘лихорадка на губах’ → *uçuklamak* ‘обметать (о губах)’

enik ‘щенок’ → *eniklemek* ‘щениться’

В свою очередь аффикс *-lan* может обозначать и активный характер субъекта, но глаголы этой группы малочисленны:

borç ‘долг’ → *borçlanmak* ‘задолжать кому-либо, наделать долгов’

yarar ‘выгода, польза’ → *yararlanmak* ‘извлекать пользу’

В приведенных примерах аффикс *-n* как элемент словообразовательной морфемы *-lan* сохраняет связь с категорией версии, передает значение действия, которое совершается в интересах субъекта. Следовательно, и это грамматическое значение рефлексивного показателя *-n* входит в состав лексического значения глагола.

Проанализировав большое количество производных глаголов с *-lan* можно сделать вывод, что ведущий характер субъекта – это неактивность и самопроизвольность. Самую многочисленную группу составляют глаголы со значением самопроизвольного перехода в другое состояние, становление признака, заложенного в исходной основе:

edep ‘вежливость, учтивость’ → *edeplemek* ‘становиться вежливым’

yigit ‘храбрый, молодец’ → *yigitlemek* ‘становиться молодецом, храбрым’

Именно в этой группе наиболее заметно вытеснение *-lan* аффиксом *-las*, который имеет медиальное значение.

Показатель взаимного залога *-ş* вошел как составляющий элемент в словообразовательную морфему *-las*, сохранив за собой медиальное значение. На определенном этапе развития он стал дублировать, а затем и вытеснять *-lan*. По-видимому, это было связано с полифункциональностью *-lan*, который рассматривается и как словоизменяющий и как словообразовательный аффикс. В современном турецком языке есть целый ряд производных глаголов с *-las*, передающих значение становления признака, качества:

yassı ‘плоский’ → *yassılaşımak* ‘делаться плоским, сплющиваться’

Таким образом, аффикс *-laş* может быть представлен как *-laş*, где *-ş* – показатель реципрока, и *-laş*, где *-ş* – элемент со словообразовательным значением. Так как природа аффиксов *-n* и *-ş* различна, то и морфемы *-lan* и *-laş* не могут полностью совпадать:

sabun ‘мыло’ → *sabunlanmak* ‘намыливаться’ → *sabunlaşmak* ‘омыливаться’ (хим.)

ad ‘имя’ → *adlanmak* ‘называться, прославиться’ → *adlaşmak* ‘субстантивироваться’ (грам.)

В связи с этим *-laş* не может полностью вытеснить *-lan*. Как отмечалось выше, аффикс *-lan* указывает на неактивный, самопроизвольный характер субъекта. Производные глаголы можно разделить на 2 группы:

1. субъект неактивен по своей природе или перед воздействием стихийной силы;
2. самопроизвольность субъекта.

Для глаголов первой группы характерно значение ‘покрываться чем-либо’:

yosun ‘мох, плесень’ → *yosunlanmak* ‘покрываться мхом’

yaprak ‘лист’ → *yapraklanmak* ‘покрываться листьями’

Как видно из примеров, многие глаголы относятся к сфере явлений природы.

Ко 2-ой группе можно отнести следующие глаголы:

talaz ‘волна’ → *talazlanmak* ‘волноваться (о море)’

Подводя итог, нужно отметить, что развитие в турецком языке аффикса *-n* шло в большей степени, чем в других тюркских языках, по пути лексикализации. При этом значение *-n* либо частично, либо полностью растворялось в семантике глаголов, сохраняя свою связь с грамматическим значением *-n* как рефлексивного показателя, связанного с ограничением действия рамками субъекта. Это позволило *-n* войти в состав *-lan* и образовать новую сложную словообразовательную морфему *-lan*, также раз-

вив ее значения, указывая на различный характер субъекта (неактивный или самопроизвольный). Многофункциональность этого аффикса в целом ряде случаев привела к его вытеснению аффиксом *-lAş*.

Литература

- Грунина 1991 – Грунина Э.А. Историческая грамматика турецкого языка: морфология. М.: Изд-во МГУ, 1991.
- Грунина 1993 – Грунина Э.А. К истории тюркского языка // Вестник шелкового пути. Выпуск 2. М., 1993.
- Гузев 1990 – Гузев В.Г. Очерки по теории тюркского словоизменения. Глагол. Л., 1990.
- Севортян 1962 – Севортян Э.В. Аффиксы глаголообразования в азербайджанском языке. М.: Изд-во восточной литературы, 1962.
- Серебрянников 1986 – Серебрянников Б.А., Гаджиева Н.З. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. М.: Наука, 1986.
- Серебрянников 1988 – Серебрянников Б.А. Роль человеческого фактора в языке. Язык и мышление. М.: Наука, 1988.
- Харитонов 1982 – Харитонов Л.Н., Дьячковский Н.Д., Иванов С.А. Грамматика современного якутского литературного языка. Т. 1: Фонетика и морфология. М.: Наука, 1982.
- Щербак 1987 – Щербак А.М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков: наречие, служебные части речи, изобразительные слова). Л.: Наука: Ленинградское отделение, 1987.
- Tarama Sözlüğü – Ankara Üniversitesi Basımevi, Ankara 1995.
- Tarama Sözlüğü İs. – İskendername, XIV–XV. asır, 740.
- Tarama Sözlüğü Kab. – Kabusname Tercümesi, XV. asır, 189.
- Tarama Sözlüğü Süh. – Süheyl-ü Nevbahar, XIV. asır, 245.

Аннотация

Статья посвящена лексическому и грамматическому аспектам глагольных основ на примере аффиксов *-n*, *-lA* и *-lAn*. Автор обращается к данной теме, так как категория залога и глагольного словообразования вызывают особые трудности у изучающих турецкий язык. Автор анализирует значения данных аффиксов, опираясь на их историческое развитие и употребление в современных якутском и турецком языках.

Ключевые слова

турецкий язык, словообразовательные аффиксы, возвратный залог, грамматическое значение, лексическое значение

Сведения об авторе

Чиврикова Анна Владимировна – старший преподаватель кафедры тюркской филологии Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова; e-mail: annoushka74@gmail.com

Anna Chivrikova

Lexical and Grammatical Aspects of Turkic Verb Stem on the Example of the Suffixes *-n*, *-IA* and *-IAn*

Summary

The article is devoted to lexical and grammatical aspects of Turkic verb stem on the example of the suffixes *-n*, *-IA* and *-IAn*. The category of voice and word formation of verbs causes a lot of difficulties for those who learn Turkish. The author analyzes the meanings of these suffixes basing upon their historical evolution and usage in modern Turkish and Yakut.

Key words

Turkish language, word formation suffixes, reflexive voice, grammatical meaning, lexical meaning

Information about the author

Anna Chivrikova – Senior Teacher at Department of Turkic Philology, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University; e-mail: annoushka74@gmail.com

К ВОПРОСУ О КЛАССИФИКАЦИИ СЕМАНТИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ АРАБО-ПЕРСИДСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В СОВРЕМЕННЫХ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ

Вопрос изучения арабских и персидских заимствований в современных тюркских языках имеет довольно длительную историю. Для большинства исследованных современных тюркских языков существует достаточно традиционная классификация семантических изменений заимствованных слов арабского и персидского происхождения, и выглядит она следующим образом:

- слова, сохранившие свои значения
- слова, сузившие круг значений
- слова, расширившие круг значений
- слова, получившие новые значения

Как видим, «слова, получившие новые значения», выделены в отдельную группу. Однако при более глубоком сравнительном анализе и детальном рассмотрении этих заимствований одновременно в нескольких группах языков, а также обращении к пратюркскому состоянию, почти всегда обнаруживается если не прямая, то косвенная связь этих так называемых новых значений с первоначальным значением в языке-источнике.

В некоторых случаях семантическая связь заимствованных слов со значением в языке-источнике совершенно очевидна. Так, например, распространенное во многих тюркских языках слово *рахат* (от *ар./перс.* راحة، راحت ‘изобилие, благополучие, благосостояние’ [Баранов 1962: 367]) употребляется в современных языках в следующих значениях:

- к.калп. *рэхэт* ‘блаженство, удовольствие, наслаждение’ [Баскаков 1958: 547];
- гагауз. 1) *раат* ‘покой, спокойствие’, ‘успокоение, отдых’
2) ‘мир, мирный’ [Баскаков 1973: 378–379];
- караим. *рахъат* 1) ‘спокойный’ 2) ‘здоровый’ [Баскаков 1974: 452];
- к.-балк. *рахат* ‘спокойный, безмятежный’, ‘удовлетворенный’ [Тенишев, Суюнчев 1989: 525];
- ног. *рахат* 1) ‘покой, спокойствие, успокоение’ 2) ‘отдых, удовольствие’, ‘отрада, блаженство’ [Баскаков 1963: 276];
- баш. *рэхэт* 1) ‘спокойствие, покой, наслаждение’ 2) ‘приятный, благодатный’ [БТГ 1993, Т. 2: 151];
- тур. *rahat* 1) ‘покой, спокойствие’; 2) ‘успокоение, отдых’ [БТРС 1998: 729–730].

Примерно с этим же кругом значений слово встречается и в своем более раннем употреблении:

- raham* ‘спокойствие, покой, спокойный’ [Радлов 1893–1911, III–I: 710];
- rahat* ‘спокойствие, покой, удобство’, ‘отдых, отрада’ [ДТС 1969: 476].

Тем не менее, такая семантическая связь с языком-источником не всегда очевидна. Приведем пример из родного нам башкирского языка. Так, слово *гэрип* имеет в нем следующие значения:

- *гэрип* 1 прил. ‘увечный, калека’
- *гэрип* 2 суц. уст. 1. ‘иностранец, чужеземец’; 2. ‘странник, скиталец’; 3. *перен.* ‘бедный, несчастный’
- *гэрип* 3 прил. уст. кн. ‘необычный, удивительный’ [БТГ 1993, Т. I: 259]

В первоисточнике к слову *غريب* приводятся две отдельные словарные статьи:

- 1.
- 1) ‘чужой, чуждый, посторонний, незнакомый, неизвестный’
- 2) ‘странный, необыкновенный, удивительный’

2.

- 1) ‘чужой незнакомый человек, незнакомец’
- 2) ‘иностранец, чужеземец’ [Баранов 1962: 717].

Как видим, значение ‘бедный, несчастный’ в арабском языке отсутствует. Соответственно, оно либо утратилось в языке-источнике, но сохранилось в качестве заимствованного в тюркских языках, либо возникло уже на тюркской языковой почве. Подтверждением того, что первоначально это слово было заимствовано со значением ‘чужой, иностранный’, имеется в словаре Радлова: араб. غريب ‘иностранец, путешественник’ [Радлов 1893–1911, II–I: 1539]. Если говорить о хронологических рамках возникновения значения ‘бедный, несчастный’, то можно предположить, что оно появилось не ранее XV в., т.к. в Древнетюркском словаре это слово зафиксировано только в значении ‘чужой, чужестранец’: в качестве примера приводится строка из поэмы Ахмеда Югнекского «Врата истин» (стамбульский список 1480 г.) [ДТС 1969: 196]. Верхняя хронологическая рамка возникновения значения ‘бедный, несчастный’ скорее всего датируется временем до распада литературного языка тюрки, т.к. оно встречается в нескольких группах современных тюркских языков:

- гагауз. *garip* ‘горемыка, неудачник’ [Баскаков 1973: 106];
- тур. *garip* ‘одинокый (безродный) человек, скиталец’ [БТРС 1998: 314];
- к.калп. *гэрип* ‘бедный (неимуший)’, ‘несчастный’ [Баскаков 1973: 154];
- караим. *гъарип* ‘бедный, жалкий’, ‘несчастный’ [Баскаков 1974: 164] и др.

В то же время в некоторых современных языках встречаются отдельные значения, которых нет в других ТЯ:

- баш. *гэрип* ‘увечный, калека’ [BTh 1993, TI: 259];
- гагауз. *garip* ‘сентиментальный, чувствительный’ [Баскаков 1973: 106];
- тур. *garip* ‘дикий, нелепый’ [БТРС 1998: 314] и др.

Интересное значение для башкирского языка конца XIX в. зафиксировано в словаре В.В. Катаринского:

gärib 'Калѣка, уродъ и вообще черезчуръ бѣдный челоѡѣкъ'
(орфография первоисточника сохранена) [Катаринский
1899: 9].

Возникновение таких отдельно взятых значений, скорее всего, можно отнести к наиболее позднему периоду самостоятельного развития тюркских языков.

Следовательно, наличие неких общих семантических компонентов в значениях слов в языке-источнике, а также в пратюркском и его рефлексах в современных тюркских языках дает основание рассматривать эту группу слов не как «получившие новые значения», а скорее, как «изменившие круг значений в результате заимствования». Здесь мы привели только один пример, однако проведение подобного анализа в процессе работы над этой тематикой приводит нас к пониманию того, что общепринятая классификация семантических изменений данной группы заимствованных слов в достаточной степени условна. Более детальное исследование подобного рода заимствованных слов применительно к нескольким группам языков одновременно предоставляет возможность не только восстанавливать предполагаемые утраченные значения многозначных слов в языке-источнике, но и воссоздавать целые ряды лексических единиц, вышедших из употребления в одних языках, но сохранившихся в качестве заимствований в других.

Таким образом, наблюдая явление вторичной номинации, когда на основании фонетического облика слова в языке-источнике развивается новое значение в принимающем языке, тем не менее, почти всегда можно отметить, что в большинстве случаев это значение обнаруживается как утраченное (или устаревшее), либо оно имеет параллели в других тюркских языках и, фактически, не является совершенно новым.

Сокращения

араб. – арабский язык
баш. – башкирский язык
гагауз. – гагаузский язык
к.калп. – каракалпакский язык
караим. – караимский язык
ног. – ногайский язык
перс. – персидский язык
тур. – турецкий язык
ТЯ – тюркские языки

Литература

- Баранов 1962 – *Баранов Х.К.* Арабско-русский словарь. М., 1962.
Баскаков 1958 – *Баскаков Н.А.* Каракалпакско-русский словарь. М., 1958.
Баскаков 1963 – *Баскаков Н.А.* Ногайско-русский словарь. М., 1963.
Баскаков 1973 – *Баскаков Н.А.* Гагаузско-русско-молдавский словарь. М., 1973.
Баскаков 1974 – *Баскаков Н.А.* Караимско-русско-польский словарь. М., 1974.
БTh1993 – Башкот теленең һүзлеге. М., 1993.
БТРС – Большой турецко-русский словарь. М., 1998.
ДТС 1969 – Древнетюркский словарь. Л., 1969.
Катаринский 1899 – *Катаринский В.В.* Башкирско-русский словарь. Казань, 1899.
Радлов 1893–1911 – *Радлов В.В.* Опыт словаря тюркских наречий. СПб., 1893–1911. Т. I–IV.
Тенишев, Суюнчев 1989 – *Тенишев Э.Р., Суюнчев Х.И.* Карачаево-балкарско-русский словарь. М., 1989.

Аннотация

Для большинства исследованных современных тюркских языков существует достаточно традиционная классификация семантических изменений заимствованных слов арабского и персидского происхождения, согласно которой в отдельную группу выделяются так называемые «слова, получившие новые значения». Однако при более глубоком сравнительном анализе и детальном рассмотрении этих заимствований одновременно в нескольких группах языков, а также обращении к пратюркскому состоянию почти всегда обнаруживается если не прямая, то косвенная связь так называемых новых значений с первоначальным значением в языке-источнике.

Ключевые слова

арабо-персидские заимствования, современные тюркские языки, семантическая классификация заимствований

Сведения об авторе

Экба Зарема Назировна – кандидат филологических наук, научный сотрудник отдела урало-алтайских языков Института языкознания РАН; e-mail: zaremaekba@mail.ru

Zarema Ekba

The Issue of Classification of Semantic Changes in Arab-Persian Borrowings in Modern Turkic Languages

Summary

For most of the studied modern Turkic languages there exists rather traditional classification of semantic changes in words of Arabic and Persian origin in them. According to this classification the so-called «words that have received new meanings» are allocated to a particular group. However, a deeper comparative analysis and detailed consideration of these borrowings simultaneously in several groups of languages, as well as reference to the praturk state, almost always reveals if not direct, then indirect connection of these so-called new meanings with the original meaning in the source language.

Key words

Arabic-Persian borrowings, modern Turkic languages, semantic classification of borrowings

Information about the author

Zarema Ekba – PhD in Philology, Researcher of Department of Ural-Altai languages of the Institute of linguistics of the Russian Academy of Sciences; e-mail: zaremaekba@mail.ru

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Т.А. Аникеева

ТЮРКСКИЕ РУКОПИСИ ПО ФОЛЬКЛОРУ И ЛИТЕРАТУРЕ СОБРАНИЯ ЯЛТИНСКОГО ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНОГО МУЗЕЯ¹

Коллекция арабских, тюркских и персидских рукописей, литографий и старопечатных книг Ялтинского историко-литературного музея, собранная в результате археографических экспедиций 1920-х гг., насчитывает около 200 единиц. Уникальное собрание является на сегодняшний день самой представительной коллекцией в мире, отражающей традиционную письменную культуру крымских татар.

Восточный музей был создан в Ялте в 1921 г. и просуществовал до 1930 г. Одной из главных задач Музея было сохранение традиционной культуры мусульман Крыма, прежде всего крымских татар: «Приоритет был отдан письменным источникам и вещам эпохи Крымского ханства. Музей... должен был играть ведущую роль в сохранении культуры Крыма. Восточный музей планировался как логическое продолжение Бахчисарайского музея, где была представлена только культура мусульман Крыма...» [Мусаева 2014: 176]. Деятельность музея в 1920-е годы в настоящий момент довольно хорошо изучена по различным сохра-

¹ Статья написана в рамках выполнения проекта РФФИ № 19-09-00169 А «Описание арабских, персидских и тюркских рукописей, документов и старопечатных книг Ялтинского историко-литературного музея».

нившимся архивным документам – и прежде всего наиболее исследованной частью является история пополнения различных этнографических коллекций, прежде всего связанных с культурой и бытом крымских татар. Так, сообщается, что «сотрудники [музея] выезжали в татарские деревни для подыскания этнографического материала. Благодаря этой экспедиционной деятельности приобретен ткацкий станок, сундуки, женские металлические украшения. Одновременно велась работа по созданию каталога музея», сотрудниками музея читались лекции [Мусаева 2014: 176].

В 1927 г. директором музея (до марта 1929 года) стал арабист, ученик А.Е. Крымского, некогда ректор медресе Зинджирлы, Якуп Меметович Кемаль (1887–1938), чьим приоритетом был сбор материалов по истории и культуре крымских татар, а также – рукописей на тюркском и арабском языках (наряду с другими предметами материальной культуры Южного берега Крыма). В том же году Восточный музей под его руководством осуществил три этнографические экспедиции (в конце марта 1927 г. состоялась экспедиция к побережью между Алуштой и Судаком; в сентябре 1927 г. – в южнобережные деревни Ореанда, Кореиз, Мисхор, Кекенеиз и др.; а также снова в район Судака). По-видимому, рукописи, составлявшие ядро музейной рукописной коллекции, были привезены именно в результате этих экспедиций. Судя по некоторым публикациям, в это время Я.М. Кемаль начал и работу над описанием некоторых рукописей из этой коллекции².

В том же 1927 г., в октябре, о рукописном собрании из 65 рукописей на арабском, турецком и персидском языках, начало которому положил Я.М. Кемаль, было довольно кратко сообщено В.А. Гордлевским [Гордлевский 1968: 257–261]. В 1929 г. Якуп Кемаль был снят с поста директора Восточного музея, а сам музей был фактически закрыт через год (в 1930 г. он был объединен с Ялтинским краеведческим музеем – впоследствии Ялтинским историко-литературным музеем³). Судьба же самого

² См. его публикации: [Кемаль 1930а; 1930б; 1930в].

³ В 1985 г. музей стал называться Ялтинским историческим, так как отдел природы в нем был упразднен; свое современное название – Ялтинский историко-литературный музей – он получил в 2003 г. [<http://yilm.ru/o-nas/>].

Якупа Кемаля сложилась трагически: он был арестован в 1934 г. и скончался в тюрьме [Люди и судьбы 2003: 441; Мусаева 2014: 179].

Принято считать, что закрытие и расформирование музея привело к ликвидации его фондов и архивов, однако данная коллекция рукописей сохранилась и была обнаружена в Ялтинском историко-литературном музее. В 2019 г. в рамках выполнения проекта по описанию и каталогизации этого рукописного собрания был составлен предварительный список рукописей, литографий и старопечатных книг, они были распределены по языкам (арабский, персидский, тюркские языки), хронологии и тематике. Часть рукописей была атрибутирована и описана в соответствии с устоявшейся в отечественной науке схемой описания арабграфических манускриптов.

Было установлено, что в данной коллекции в основном представлены списки Корана, рукописи пособий по арабскому и персидскому языкам, словари. Большая часть собрания – рукописи на староосманском языке по различным отраслям исламской теологии (в частности, сочинения по суфизму) и юриспруденции, а также трактаты по астрономии и медицине.

Среди рукописей данного собрания были выделены также и некоторые немногочисленные художественные произведения, среди которых – перевод «Гюлистана» Саади на турецкий язык, диван поэта Шахиди, комментарий на «Пенд-наме» Аттара, «Мухаммадийа» (или «Рисале-йи Мухаммадийа») – дидактическая поэма о пророке Мухаммаде, созданная Мехмедом Челеби (Языджиоглу) (ум. 1451) в 1449 г.:

№ 12025.

Мехмед (Мехмед Челеби, Мухаммад ибн Салих)

Языджиоглу. Мухаммадийа محمديه

Кожаный переплет с турунджем. Название на л. 1об. Текст в две колонки. Черные и красные чернила. Насх. Хафизы. Место переписки (Турция?) и дата отсутствуют.

Эта поэма известна во многих списках и изданиях. Она пользовалась огромной популярностью не только в Османской Тур-

ции⁴, но и среди российских мусульман, в частности, в татарской среде (в том числе и в виде печатного издания – она была в числе первых, напечатанных в Казани типографским способом⁵) – и, видимо, не только среди татар Поволжья, но и у мусульман Крыма. Многочисленные списки «Мухаммадийи», относящиеся к разному времени, присутствуют во многих рукописных собраниях страны и за рубежом [Дмитриева 2002: 1042–1054; Kenderova, Stoilova 2013: 265, 271]; известно, что списки этой поэмы из ИВР РАН частично поступили с Кавказского фронта Первой мировой войны – они были в числе рукописей, описанных П.А. Фалевым [Фалев 1918: 1620].

№ 12098.

Шахиди. Диван

Название на л. 1об. (... هذا كتاب شهيدى). Переплет – картон, обтянутый темно-красной кожей с тиснением, 13 × 19. Текст в два столбца, в рамке, 4 × 15,5. 21 л. Л. 11 утрачен.

Черные и красные чернила. Насх. Хафизы. Переписана в 1093 г.х.

Восточная печать на л. 4 (печать Ходжи б. Османа); владельческая надпись (Мустафы-эфенди) на форзаце.

Значительную ценность в рукописной коллекции ЯИЛИМ представляют сборники народной и религиозной поэзии (джонки), а также рукописи крымскотатарских народных поэм – дес-

⁴ Так же, как и фигура Кесикбаша (см. ниже), личность Языджиоглу в Турции была связана с различными легендами вследствие популярности сочинения этого автора: «В квартале “Мусалла” в Галлиполи, в скале виднеются две пещеры (чилехане), в которых спасались Мехмед Языджиоглу, автор религиозной поэмы “Мухаммедие”, и брат его, Ахмед, автор “Ахмедие”. В течение семи лет братья безвыходно жили в пещерах, возвышающихся одна над другой; скрытые от внешнего мира, они разговаривали между собой через трубу, проходившую из верхней пещеры, от Языджиоглу, вниз к брату. (1910)» [Гордлевский 1960: 329].

⁵ Например, см. издание М.А. Казембека в собрании МГИМО: № 308. Мухаммед Челеби (Языджиоглу). Мухаммадийя محمديّة Наборная печать. Язык текста – татарский. Казань: типография Людвиг Шутца, 1845 г. 300 стр. Печать библиотеки Ин-та востоковедения в Москве, ЛИВЯ. Надпись синими чернилами № 9223; карандашом 497 – Д. (см. [Аникеева 2019]).

танов, в числе которых – дестан о голубе («Гюверджин»), а также «Тугай-бек», «Шукур-наме», «Пастух» и «Кесикбаш китабы» («Книга об отрубленной голове»). По всей видимости, часть дестанов бытовала также и в виде устно исполняемого текста (например, [Radlov 2010]), и, таким образом, существование их одновременно в виде рукописей представляет собой один из путей взаимодействия книжной и устной традиции среди крымских мусульман в XIX – начале XX вв.

№ 12115.

Коллекция различных дестанов, начало отсутствует

Среди них, в частности, «Кисекбаш китабы», или (здесь) «Дестан о Кисекбаше» (هذا داستان كيسك باش). Также включает в себя *фасли* (разделы) из «Мухаммадии».

Переплет отсутствует. 17 × 21. Текст в рамке, иногда в две колонки, 13,5 × 18,5. 9–12 строк на странице. Хафизы. Насх. Черные и красные чернила. Переписана в 1277 г.х. / 1860.

См. другие списки: [Дмитриева 2002: 1925–1934; Булгаков, Галяутдинов 2009: 53–55].

«Кисекбаш китабы» («Книга об отрубленной голове») – народное повествование агиографического характера в стихах об отсеченной голове, основанное на мусульманской легенде XII в. (по другим данным – XIII–XVI вв.⁶), происхождение которой, однако, не вполне ясно: пророку Мухаммаду является отсеченная голова, в слезах молящая о помощи, так как чудовище-див похитило его жену, а его самого лишило тела; праведный халиф Али сражается с дивом, побеждает его, а по молитве Мухаммада, Кисек Башу/отрубленной голове Всевышний возвращает тело. Поэма использовалась духовенством для религиозного образования в медресе, неоднократно издавалась в Казани (в первый раз – в 1807 г. [Булгаков, Галяутдинов 2009: 133]). Исследователями в каталоге рукописей Уфимского ИИЯЛ (имеется три списка поэмы, см. выше) отмечается, со ссылкой на фольклорные

⁶ К этому времени относят развитие житийной литературы и различных апокрифов в Турции, принявших форму дестанов и касающихся, прежде всего, пророка Мухаммада и его сподвижников [Боролина 1970: 357–358].

записи В.А. Гордлевского и сведения Д. Месароша, что «кесик-башем» в Турции называют «привидений, блуждающих по кладбищам» [Булгаков, Галяутдинов 2009: 132]. Можно привести полностью записанную им в Турции легенду: «№ 47. Кесикбаш [Отрубленная голова]. В глубине пещеры, высеченной в скалах, высоко над деревней Инёню (около Эскишехира) находится высохший колодезь, на краях которого лежат тряпочки и свечки; это могила святого Кесикбаша. Святой жил еще во времена дженевез (генуэзцев) и храбро выдерживал осаду крепости, возвышавшейся когда-то над деревней. Когда неприятели отрубили ему голову, он подхватил ее под мышки и, дойдя до колодезя, замертво упал. С тех пор к его могиле совершается паломничество (обыкновенно с субботы на воскресенье). И стоит только кому оставить на краю колодезя деньги, как немедленно они исчезают. Вода источника, расположенного в нескольких десятках шагов от колодезя, исцеляет от недугов» [Гордлевский 1960: 338].

Тюркские рукописи Ялтинского историко-литературного музея не только представляют собой круг чтения мусульманина – по словам В.А. Гордлевского, «ходжи или студента» XVII – начала XX вв. [Гордлевский 1968: 261], но прежде всего являются одной из иллюстраций тесных литературных и культурных связей между Крымом, Османской Турцией и Поволжьем.

Литература

- Аникеева 2019 – *Аникеева Т.А.* Учебное пособие по турецкому языку А.К. Казембека в собрании Лазаревского Института восточных языков // Казембековские чтения: материалы Междунар. науч.-образ. конф. Махачкала, 26–27 февраля 2019 г. / отв. ред. А.М. Абдулатипова; ДГИ; СПбГУ. Махачкала: ДГИ, 2019. С. 79–86.
- Боролина 1970 – *Боролина И.В.* Литература Турции // Литература Востока в Средние века. М.: МГУ, 1970.
- Булгаков, Галяутдинов 2009 – *Булгаков Р.М., Галяутдинов И.Г.* Описание восточных рукописей Института истории, языка и литературы. Уфа: Гилем, 2009.
- Гордлевский 1960 – *Гордлевский В.А.* Османские сказания и легенды // Гордлевский В.А. Избранные сочинения. Т. I: Исторические работы. М., 1968. С. 257–261.

- Гордлевский 1968 – *Гордлевский В.А.* Рукописи Восточного музея г. Ялты // Гордлевский В.А. Избранные сочинения. Т. IV: Этнография, история востоковедения, рецензии. М., 1968. С. 257–261.
- Дмитриева 2002 – *Дмитриева Л.В.* Каталог тюркских рукописей Института востоковедения. М.: Вост. лит., 2002.
- Кемаль 1930а – *Кемаль Я.* Тюрко-татарская рукопись XIV века «Нехджул-Ферадис». Симферополь, 1930.
- Кемаль 1930б – *Кемаль Я.* Арабський суфійський рукопис XIII в. // Студії з Криму. Київ, 1930. С. 159-164.
- Кемаль 1930в – *Кемаль Я.* Арабські, суфійські рукописи XIII ст. в Криму знайдені: чи не в Криму написані // Збірник історично-філологічного відділу Всеукраїнської Академії наук. Київ, 1930. № 89: Студії з Криму, I–IX. С. 159–164.
- Люди и судьбы 2003 – Люди и судьбы. Биобиблиографический словарь востоковедов – жертв политического террора в советский период (1917–1991). Изд. подгот. Я.В. Васильков, М.Ю. Сорокина. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2003.
- Мусаева 2014 – *Мусаева У.К.* Деятельность Восточного музея в Ялте // Пространство и время. 2014, № 2(16). С. 175–180.
- Фалев 1918 – *Фалев П.А.* Османскія рукописи, поступившія въ Азіатскій Музей Россійской Академіи Наукъ съ Кавказскаго фронта (Представлено академикомъ В. В. Бартольдомъ въ засѣданіи Отдѣленія Историческихъ Наукъ и Филологіи 29 ноября 1917 года) // Извѣстія Россійской Академіи Наукъ. 1918. (Bulletin de l'Academie des Sciences de Russie).
- Kenderova, Stoilova 2013 – *Kenderova S.T., Stoilova A.* Brief Catalogue of the Oriental Manuscripts Preserved in St. St. Cyril and Methodius National Library. Vol. I. Sofia: St. St. Cyril and Methodius National Library, 2013.
- Radlov 2010 – *Radlov W.* Proben der Volslitteratur der nördlichen türkischen Stämme. Kuzey Türk Boylarının Halk Edebiyatından Örnekler. VII. Bölük. Kırım Ağızları. Haz. Tülay Çulha. İstanbul, 2010

Аннотация

Статья посвящена описанию некоторых рукописей, в тематическом отношении представляющих собой произведения тюркского фольклора и литературы, из собрания Ялтинского историко-литературного музея. Коллекция арабских, тюркских и персидских рукописей, литографий и старопечатных книг этого музея была собрана в основном в результате археографических и этнографических экспедиций 1920-х гг. по Южному берегу Крыма и является отражением традиционной письменной культуры крымских татар.

Ключевые слова

рукописи, Крым, Я.М. Кемаль, Восточный музей, тюркский фольклор

Сведения об авторе

Аникеева Татьяна Александровна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН;
e-mail: tatiana.anikeeva@gmail.com

Tatiana Anikeeva

Turkic Manuscripts on Folklore and Literature of the Collection of Yalta Historical-Literary Museum

Summary

The article is devoted to the description of some manuscripts from the collection of Yalta historical-literary museum. The collection of Arabic, Turkic and Persian manuscripts, lithographs and old printed books of this Museum was collected mainly as a result of archeographical and ethnographical expeditions of Yakup Kemal in the 1920s along the Southern coast of Crimea. The unique manuscripts are the most representative collection in the world, reflecting the traditional written culture of the Crimean Tatars. During the preliminary examination of the collection it was found that it contains a number of Turkic folk, literary and historical texts.

Key words

manuscripts, Crimea, Yakup Kemal, Oriental Museum, Turkic folklore

Information about the author

Tatiana A. Anikeeva – PhD in Philology, Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences;
e-mail: tatiana.anikeeva@gmail.com

Т.А. Аширов

**ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА
В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ТУРКМЕНИИ
(в контексте критики Мухаммеда Гельдыева
и Басира Абдуллина)**

Введение

Первое десятилетие советской Туркмении вошло в историю как период, когда исследовались и обсуждались социальные и культурные проблемы и делались первые шаги в области литературной критики. В ходе этого процесса были написаны критические замечания на различные литературные произведения, особенно на работы видных деятелей эпохи. Басир Меджидович Абдуллин (1892–1937), известный представитель ногайской литературы, в 1926 г. опубликовал в Ашхабаде книгу «Султан Санджар Мазы» [سولتان سانچار مازی] («История Султана Санджара») на туркменском языке, т.е. используя туркменский алфавит, построенный на основе арабской графики (джедит). Басир предоставил информацию о своей пьесе под названием «Султан Санджар в трех актах и шести явлениях». В преамбуле книги он пишет: «Написано на основе рассказа, записанного знаменитым востоковедом Бартольдом в местечке Копектам 10-го числа месяца 1339-го года хиджри Мухаррема в предгорьях Балкана во время путешествия в Туркестан по Маверани Хазар, со слов потомка Ёмуд хана Ходжа Назара сына Сейит Мухаммеда. Султан Санджар правил в Мары во второй половине XI в., т.е. 1138–1141 гг.» [Басир 1926: 3]. В работе он представил события, произошедшие между правителями двух туркменских государств – Султаном Санджаром (1086–1157), последним султаном Вели-

кой Сельджукской империи, и Атсызом ибн Мухаммедом, основателем государства Хорезм шах (1098–1156). Однако позднее его работа была подвергнута критике М. Гельдыевым.

М. Гельдыев и его рецензия на книгу

Мыслитель Мухаммед Гельдыев (1889–1931), занимающий особое место в истории критической мысли Туркменистана, в 1926 г. написал критическую статью «Эдебиятымызы поэянлара бир назар» [اده بییاتیمیزی پوزیانلارا بر نازار] («Взгляд на искажающих нашу литературу»), опубликованную в газете «Туркменистан» [Гельдыев 1926]. В ней Гельдыев кратко описывает цель «Эдебиятымызы поэянлара бир назар»: «Знакомство с некоторыми ворами нашей литературы и истории, их основная цель (идеология)» [Гельдыев 1926]. Гельдыев перед статьей ставит две задачи. Первая из них заключается в предотвращении путаницы в литературе, а вторая в обеспечении прогресса в литературе на туркменском языке, уточнения ее функциональных особенностей [Гельдыев 1926]. В связи с этим Гельдыев начинает свою критическую статью с произведения Басира «Султан Санджар Мазы»: «Одна из литературных работ, изданных недавно, которая вызовет такую путаницу, – это пьеса товарища Басира “Султан Санджар Мазы”, которая состоит из 50 страниц, 4 актов, 6 явлений. Пьеса создана и издана как историческое произведение» [Гельдыев 1926].

Вот что указывает Гельдыев по поводу этого произведения: «Автор произведения на третьей странице книги пишет, что материал, составляющий суть этой пьесы, был взят из беседы Бартольда с Ходжой Назаром, но в третьем номере журнала “Туркмен или” (“Туркменский народ”) Йомут – Хан Гараш-Хан напечатал рассказ “Уз-Бой”. Возможно, вы обнаружите, что некоторые слова точно такие же, как у него (в пьесе – Т.А.)» [Гельдыев 1926]. Гельдыев также отмечает, что источником произведения является один и тот же человек [Гельдыев 1926]. Гельдыев, однако, говорит, что главная проблема не в этом: «Главное, он говорит о том, что, как он утверждает, сам услышал историю из уст старика Ходжи Назара. Но суть не в этом, а в том, представ-

ляет ли данный материал историческую ценность». Основная проблема заключается в том, что, возможно, материал не имеет исторической ценности [Гельдыев 1926]. Гельдыев утверждает, что 95% произведения – это не оригинальное авторское произведение, а плагиат [Гельдыев 1926]. Гельдыев подчеркивает, что в основе произведения лежит материал, опубликованный в журнале, и указывает, что это должно быть отмечено [Гельдыев 1926]. Так же Гельдыев критикует Басира Абдуллина за то, что он писал без опоры на источники об историческом, социальном, экономическом положении Сельджукского государства [Гельдыев 1926].

Таким же образом Гельдыев, говоря об языковом и литературном аспектах работы, также отмечает: «С точки зрения литературы и языка, необходимо отметить несовершенство орфографии, прямолинейность слов и предложений» [Гельдыев 1926]. В статье отмечается, что правописание, использование литературных понятий далеки от правил туркменского и других тюркских языков. Он также напоминает, что это была первая пьеса в истории туркменской литературы [Гельдыев 1926]. Гельдыев подводит итоги своей оценки пословицами «Аз болсун уз болсун» («Лучше меньше, да лучше») и «Гаш дузетжек болуп, гоз чыкарма» («Хотел поправить бровь, да глаз выколол») [Гельдыев 1926]. В литературную критику Гельдыева можно выделить отношение к источнику, степень достоверности источника, анализ языка произведения. Именно из этих трех составляющих, согласно Гельдыеву, и должна создаваться рецензия на книгу. Статья Гельдыева была подвергнута критике Басиром Абдуллиным.

Ответ Басира на рецензию на книгу

Басир написал ответную статью 30 января 1927 г. в газете «Туркменистан» под названием «Ёлдаш Гельдыеве Гайтаргы» [يولداش گه لدييوفه غايتارغي] («Ответ товарищу Гельдыеву») [Басир 1927]. Басир Абдуллин в ответе Гельдыеву отмечает, что в первую очередь необходима книжная литературная критика: «Необходимая работа должна продолжаться» [Басир 1927]. По его словам, рецензия на книгу необходима, потому что это отзыв, осно-

ванный на критическом анализе художественного произведения. Басир утверждает, что Гельдыев рассматривал произведение с лингвистической точки зрения. По этому поводу Гельдыев заявил, что согласен с определением: «Потому что в Туркменистане каждый не может писать по своему усмотрению. По правде говоря, правильный туркменский язык знают немногие» [Басир 1927]. Несмотря на это, он отмечает, что при написании произведения он получил помощь от туркменских братьев. Басир отмечает, что произведение появилось в 1923 г. по просьбе узбекского поэта Гулама Запара, чтобы адаптировать для театра статью «Султан Санджар Мазы» в журнале, название которого Бартольд не помнит [Басир 1927].

Басир, Гельдыев с Гараш-Ханом Йомудским утверждают, что источником Бартольда был учитель Ходжа Назар Гарри [Басир 1927]. Это же Басир объясняет на третьей странице работы: «Я также показал на первой странице книги, что я взял материалы для произведения из рассказа знаменитого профессора Бартольда» [Басир 1927]. Басир говорит, что утверждение Гельдыева о том, что основа пьесы была взята из статьи Гараш-Хана Йомудского, опубликованной в журнале «Туркмен или», является необоснованным: «Потому что я не видел журнала “Туркмен или” до этого момента» [Басир 1927]. Басир, наконец, завершает свою статью следующим образом: «В любом случае, товарищ Гельдыев в своей статье “Эдебията бир гарайыш” (“Взгляд на литературу”), написал “Гаш дуетжек болуп, гоз чыкарыпдыр” (“Хотел поправить бровь, да глаз выколол”). Товарищ Гельдыев в критике и рассуждениях с кровожадным хладнокровием все тщательно продумал и обозначил проблемы» [Басир 1927].

Гельдыев ответил на замечания Басира

10 февраля 1927 г. Гельдыев написал статью о примирении с Басиром Абдуллиным под названием «Басир ёлдаш билен аңлашма» [باسير يولداش بله ن اڭلاشما] («Соглашение с товарищем Басиром») в газете «Туркменистан» [Гельдыев 1927]. Гельдыев заявляет, что написал свою статью с целью осветить сложность туркменской литературы [Гельдыев 1927]. Во введении статьи

Гельдыев пишет: «Я попытался показать, на мой взгляд, лишние места пьесы “Султан Санджар Мазы”, написанной товарищем Басиром и вышедшей в свет в новом издании» [Гельдыев 1927]. Однако он отмечает, что из ответа Басира Абдуллина выяснилось, что он резко обвиняет его в том, что он «вор», потому что не соблюдал научную этику [Гельдыев 1927]. После ответа Басира он перечитал свою статью: «Я перечитал эту статью, потому что меня называют очень грубым» [Гельдыев 1927]. Однако Гельдыев в очередной статье заявляет, что не видит в своих высказываниях грубости по отношению к Абдуллину.

Гельдыев обобщает свою критику в трех пунктах. Он утверждает, что критикует на том основании, что историческая тема, для которой не хватает источников, была далека от литератора: «Из-за этого я описал ее вне книги, ее сущность, ее отсутствие по названию» [Гельдыев 1927]. Он утверждает, что Басир не упомянул об этом [Гельдыев 1927]. Гельдыев пишет: «Если бы товарищ Басир назвал свою пьесу “Султан Санджар Мазы”, то, возможно, мне не нужно было бы исписывать столько бумаги» [Гельдыев 1927]. Во-вторых, Гельдыев отмечает, что произведение Басир Абдуллина под названием «Султан Санджар Мазы» было опубликовано в ноябре 1922 г. в журнале «Туркмен или» [Гельдыев 1927]. В-третьих, М. Гельдыев поясняет, что в своей работе Басир Абдуллин не придерживался определенных правил правописания. На замечание Басира он отвечает, что в Туркмении нет общепринятого учебника по грамматике, и все говорят, как считают нужным. Гельдыев отметил, что сначала в школах Туркмении были учебники по грамматике, но если кто-то использует их в том виде, в котором они существуют, то это не подходит брату Басиру [Гельдыев 1927].

Гельдыев говорит об оценке, которую он дал Басиру: «Товарищ Басир Абдуллин должен хорошо понимать, что, если бы я рассматривал его пьесу как произведения других молодых людей, я бы не стал марать столько бумаг» [Гельдыев 1927]. Гельдыев также объясняет причину своей критики в отношении Басира: «В завершение считаю своей профессиональной обязанностью добавить следующее. Являясь писателем, который умеет оценить пользу критики в области книгоиздания, он (Басир Аб-

дуллин) поймет, что то внимание, которое мы уделяем его произведениям, свидетельствует о нашей высокой оценке творчества этого писателя» [Гельдыев 1927]. Гельдыев, наконец, обращается к Басиру: «Поэтому товарищ Басир Абдуллин не должен опускать руки на пути служения Туркмении. Мы надеемся, что на этом пути он засучит рукава и реализует еще более значимые задачи» [Гельдыев 1927].

Заключение

Как известно, почитание наследия, сохранение и изучение литературы имеют первостепенное значение в научном познании исторического пути, пройденного нашим народом. Критическое общение, возникшее между Мухаммедом Гельдыевым и Басиром Абдуллиным по поводу определенной книги, может быть воспринято как первый образец литературно-художественной критики в советском Туркменистане. В 1924–1930 гг. были опубликованы рецензии в газете «Туркменистан». Их также можно назвать первыми в Советском Туркменистане литературно-критическими работами, написанными в соответствии с национальным (туркменским) образом мышления. Наряду с этим в них отражается научная мысль туркменского народа.

Литература

- Басир 1926 – *Басир. М.А.* Султан Санджар Мазы. [سولتان سانچار مازی]. Ашхабад-Полторацк, 1926.
- Басир 1927 – *Басир. М.А.* Ёлдаш Гельдыеве Гайтаргы. [غایتارغي بولداش گه لدييوفه] // Туркменистан. 30.01.1926.
- Гельдыев 1926 – *Гельдыев М.* Эдебиятымызы поэянлара бир назар. [اده بيباتيمني] // *پوزبانلارا بر نازار* // Туркменистан. 10/13.12.1926.
- Гельдыев 1927 – *Гельдыев М.* Басир ёлдаш билен аңлашма. [باسير بولداش بله ن] // *اڭلاشما* // Туркменистан. 10.02.1927.

Аннотация

Первое десятилетие советской Туркмении вошло в историю как период, когда изучались и обсуждались социальные и культурные проблемы и делались первые шаги в области литературной критики. В ходе этого про-

цесса были написаны критические замечания на различные литературные произведения, в том числе видных деятелей эпохи. В статье представлен анализ литературной критики Мухаммеда Гельдыева на пьесу известного представителя ногайской литературы Басира Абдуллина «Султан Санджар Мазы» (История Султана Санджара, 1926). Последующее противостояние и примирение между М. Гельдыевым и Б. Абдуллиным может считаться первым примером литературной критики в Советском Туркменистане.

Ключевые слова

туркменский язык, Гельдыев, Абдуллин, критик, мысль

Сведения об авторе

Аширов Тахир Амандурдыевич – доктор исторических наук, преподаватель Государственного университета имени Бюлента Эджевита (г. Зонгулдак, Турция); e-mail: tahirashirov@gmail.com

T.A. Ashyrov

Literary Criticism in the First Years of Soviet Turkmenistan in the Context of Criticisms of M. Geldiyev and Basir Abdullin

Summary

The first decade of Soviet Turkmenistan went down in history as a period when social and cultural problems were discussed and literary criticism began to develop. During this period there appeared surveys reviewing different literary works including works of the outstanding contemporary writers.

The author of the article analyzes the literary criticism of Muhammed Geldiyev which he published in connection with the the play «Sultan Sencer Mâzi» (History of Sultan Sencer Mâzi, 1926) written by the famous representative of the Nogai literature Basir Abdullin. The following discussion and reconciliation of M. Geldiyev and B. Abdullin can be considered the first example of literary criticism in Soviet Turkmenistan.

Key words

Turkmen Language, Geldiyev, Abdullin, Critique, Thought

Information about the author

Tahir Ashyrov – PhD in History, Teacher of Bülent Ecevit Zonguldak University; e-mail: tahirashirov@gmail.com

Асиф Аббас оглу Гаджиев

**ФОЛЬКЛОРНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ СИНКРЕТИЗМ
И ЖАНРОВАЯ ТИПОЛОГИЯ
ВЫСЕЛЕНЧЕСКОГО ФОЛЬКЛОРА
АХАЛЦИХСКИХ ТУРОК**

Изучение трудов, посвященных проблеме взаимодействия фольклора и литературы, показывает, что большинство исследователей сосредоточило свое внимание на анализе влияния фольклорных традиций на литературу. Однако связь литературы с фольклором является двусторонним диалектическим процессом, предполагающим активность литературы не только как воспринимающей, но и передающей стороны. В современной культуре также наблюдается обратное влияние литературы на народное творчество. Под влиянием письменной литературы современный фольклор частично олитературируется и превращается в синкретическое художественно-эстетическое явление. Этот аспект взаимодействия двух типов словесности связан с проблемой роли фольклора в современной жизни. В современном обществе народное творчество постепенно меняет свои традиционные функции, в результате чего происходят существенные изменения в поэтике и содержании фольклорных произведений, а также в методологии и условиях фольклорных исследований: «...фольклорист, – как писал К. Леви-Строс, – работает в настоящем времени и внутри зоны машинной цивилизации» [Леви-Строс 1985: 91].

С этой точки зрения особый интерес представляет выселенческий фольклор ахалцихских (месхетинских) турок, исторически заселявших юго-западные регионы Грузии, а в 1944 г. депортированных в Среднюю Азию. Ахалцихские турки, являющиеся этнографической группой, говорящей на обогатившемся мест-

ными грузино-кавказскими заимствованиями восточно-анатолийском диалекте турецкого языка, в настоящее время поселились в более чем десяти государствах и обучаются на восьми языках мира. В условиях отсутствия благоприятной этно-культурной среды важнейшим фактором сохранения национальной идентичности стало устно-поэтическое творчество, которое в новом историческом контексте претерпело глубокие изменения. В настоящее время фольклор этого народа создается литературно образованными авторами, зачастую в письменной форме, и представляет собой промежуточное между литературой и фольклором явление. В фольклорных материалах турок, собранных нами, наблюдаются эстетизация и стилизация текстов, вытеснение традиционной информативной функции, реальная локализация событий, объективность повествования, типичность персонажей и т.п. Магическое мышление уступает место творческой фантазии и авторскому вымыслу, усиливаются личностное начало, психологизм, историчность, формируются новые жанры (рассказ беседа, рассказ-воспоминание, рассказ-быль, путевые заметки и т.д.). В идейно-тематическом аспекте прослеживаются два пути: во-первых, смысловая трансформация традиционного материала в репертуаре современных носителей устной традиции, новая трактовка старых тем, сюжетов и образов, во-вторых, творческое осмысление современными сказителями и сказочниками новой тематики, воспроизведение в устных произведениях актуальных общественно-исторических процессов.

Эти явления неразрывно связаны с изменениями в мировосприятии творцов и носителей современного фольклора, а также социально-исторического контекста функционирования текстов. Если классические фольклорные тексты создавались коллективно и анонимно, то творцами современных устно-поэтических текстов являются индивидуальные личности, конкретные рассказчики, которые перерабатывают традиционные тексты, дополняют их новым материалом, генетически связанным с литературой, порой выражают свою собственную точку зрения на изображаемые события и факты. Поэтому в современной фольклорной среде особое значение имеет характер рассказчика устного текста. В современном фольклоре ахалцихских турок мож-

но выделить несколько типов носителей устной традиции. Тех сказителей и сказочников, которые не осознают себя творцами текстов, можно считать наиболее консервативным типом носителей фольклора. Более современные рассказчики отличаются индивидуальным мастерством, наблюдательностью, стилевым своеобразием. Часто они на основе традиционных поэтических канонов создают относительно оригинальные произведения или же импровизированные варианты известных текстов, что можно считать современным проявлением творческой специфики фольклорного творчества в целом: «Воссоздание по памяти произведений народного эпоса – не столько “репродуцирование” фиксированного памятью материала, сколько творческое воссоздание и “пересоздание”» [Азбелев 1992: 250]. В таких произведениях преобладает творческое начало, литературный стиль, индивидуальный подход к коллизиям. Такие мастера ясно осознают творческий характер своей деятельности и часто считают свои устные рассказы собственным творением, а некоторые из них называют себя рассказчиком-свидетелем.

Совершенно оригинальны также формы бытования современной устной прозы ахалцыхских турок. Многие современные фольклорные тексты турок имеют как устную, так и письменную форму бытования. Дело в том, что большая часть текстов выселенческого фольклора, как правило, создается устно, но затем некоторые из них записываются слушателями или самим рассказчиком. Эти записи иногда бывают систематичными и литературно обработанными. Например, у Дж. Халидова, И. Шахзадаева, Х. Дадаевой имеются более или менее системные сборники их собственных произведений, имеющих как фольклорное, так и литературное значение. Встречаются записи в формах писем, дневников, воспоминаний (записи М. Байрактарова, Л. Бараташвили, М. Мамахова и др.). Многие из этих текстов, в отличие от традиционного народного творчества, современные творцы создают не устно, а пишут. Конечно, подавляющая часть фольклорного наследия ахалцыхских турок создается и бытует в устной форме и хранится в народной памяти. Однако в настоящее время происходит частичная олитературизация фольклора, меняется творческий процесс и поэтика текстов.

Таким образом, современный фольклор ахалцхских турок предстает в виде оригинального эстетического феномена – промежуточного между литературой и традиционным народным творчеством явления. Это явление условно можно назвать как письменным фольклором, так и устной литературой. Тенденция эта, общая для всех основных жанров современного фольклора турок, особенно явственно выступает в устных прозаических произведениях. Очень существенно, что произведения устной прозы дополняются современным материалом, который часто восходит к литературным источникам. Так, например, современные легенды и предания турок, несмотря на фантастичность внешней атрибутики, отражают как реальные исторические факты, так и литературные мотивы. Объясняется это не только субъективными факторами, но и тем, что функции фольклора в жизни этой репрессированной этнической общности чрезвычайно широки и многосторонни. В условиях отсутствия основных атрибутов национальной общественно-культурной жизни фольклор стал важнейшим фактором сохранения социального единства и культурной самобытности, способом выражения эстетических идеалов и передачи этнических ценностей. Поэтому фольклор ахалцхских турок в наши дни выполняет не только традиционную информативную и эстетическую, но и социально-культурную, патриотическую, психологическую и другие функции. Поэтому в современной устной прозе турок практически стирается грань между фольклором и литературой, что характерно для их народного творчества в целом.

Влияние литературы сказалось на всех уровнях поэтики устных прозаических текстов. Образы и сюжеты, стиль и язык устных текстов питаются как фольклорными традициями, так и литературно-книжными источниками. Многие творцы и носители устной традиции ахалцхских турок прекрасно владеют литературным языком, знакомы с родной и зарубежной классикой, читают современную литературу, имеют домашнюю библиотеку. Часто в их репертуаре встречаются реминисценции из литературной классики и религиозных книг (например, сказки о сотворении мира и пророках Хызыре и Мусе). Кроме явной тематической близости к литературным источникам, модернизация охва-

тывает также поэтику устных текстов. Прежде всего, у современных рассказчиков выработались личностное мировосприятие и индивидуальный стиль. Определенный житейский опыт, литературная начитанность обуславливают содержание и поэтику текстов, формируют личностную позицию, диктуют им оригинальные сюжеты и мотивы. Такие рассказчики, как М. Мамахов, Х. Дадаева, Дж. Халидов, А. Байрактаров, М. Пашалиев, Г. Эйвазов, вносят много своего в устное произведение, имеют индивидуальную манеру составления и исполнения текста. Самое главное, этот факт ясно осознается самими рассказчиками. Например, М. Мамахов и А. Байрактаров после каждого устного пересказа отмечают, что рассказанные события являются выдумкой, что они подбирают соответствующие к эпохе и ситуации исполнения текста слова и детали, раскрашивают текст, а им в детстве рассказывали по-другому. Однако, как нам кажется, порой слишком вольные вариации основательно нарушают традиционные каноны и поэтическую целостность устной традиции, иногда встречаются эпигонство, неуместные в фольклорном контексте детали и реалии. Все это невольно приводит к схематизму поэтики и тем самым способствует затуханию устной традиции.

Однако следует отметить, что ломка традиции и вытеснение устаревших форм, связанное с усилением личностного начала, не являются признаками отмирания всего народного творчества как такового. Фольклор в целом переживает новую стадию своего существования – формируются новые формы сочинения, хранения и передачи устных текстов. Одним из путей фольклорной эволюции, как было сказано, является освоение творцами фольклора современных литературных идей и форм и, таким образом, слияние народной традиции с литературой. Происходит своеобразный творческий синтез фольклора и литературы. Это явление характеризуется оригинальными тематическими, композиционно-стилевыми и жанровыми особенностями.

Остановимся сначала на тематических и композиционно-стилевых особенностях современной устной традиции ахалцихских турук. Тематика современного фольклора турук исключительно многообразна: тут и мифологические рассказы, и эпико-героические сказания, и различные сказки, и религиозные повествова-

ния, и исторические мотивы, и бытовые сюжеты, и частные воспоминания. Идеино-тематическое многообразие фольклора – основного хранителя этнической памяти турок – обусловлено компактностью этого сообщества людей, сумевших сохранить свою этнографическую микросреду, позволяющую активно обмениваться богатой общественной информацией: «большие сообщества... имеют гораздо меньше общественно доступной информации, чем малые сообщества, не говоря уже об отдельных людях, из которых состоят все сообщества» [Винер 1968: 200].

Мифологические рассказы, естественно, в современных условиях коренным образом трансформировались и потеряли свой первоначальный сакральный смысл. Трансформация древних мифов в фольклоре турок происходит в двух формах: во-первых, мифические мотивы переходят в современные сказки, легенды и предания, во-вторых, наблюдается новое переосмысление мифа как такового. В легендах, сказках и преданиях мифологические представления, народные верования передаются с большей глубиной и полнотой, чем в других жанрах. Таковы тексты, отражающие культовые представления, связанные с природными стихиями (вода, ветер, огонь и т.д.) и мифическими персонажами (Ал-арвады, Хызыр, Матаур, Назар, добрые и злые духи и т.д.). Новое осмысление же мифа, как будет показано, обычно происходит в ироническом ракурсе и, таким образом, миф превращается в анекдотический рассказ о суеверии и предрассудках.

Особое место в турко-месхетинском фольклоре занимают религиозные мотивы, которые тесно связаны с мифологическими представлениями. Это рассказы о пророках и святых, переработки коранических сюжетов, легенды о священных объектах (горы, деревья, камни, построения, родники и т.д.) и сверхъестественных силах. Интересно, что эти рассказы изменились и в функциональном плане – они зачастую выполняют не познавательно-морализаторскую, а патриотическую функцию. Слушателей эти темы интересуют не столько с религиозной, сколько с историко-этнографической точки зрения, т.е. как рассказы-воспоминания об истории и достопримечательностях далекой родины.

В последние годы в устной прозе ахалцихских турок особую актуальность приобрели исторические и бытовые темы. Процесс

этот связан, несомненно, с фактом депортации – почти все исторические повествования затрагивают тему родины, выражают чувство любви к отчужденному краю и в целом Грузии, веру и надежду на возвращение в отчизну. Бытовые рассказы также имеют патриотический и познавательный характер, служат сохранению национального единства и культурного своеобразия народа. Вообще, как показывают наблюдения, в выселенческом фольклоре турок происходит активная бытовизация мифа и волшебной сказки, преданий и легенд, что придает текстам определенную реалистичность и историчность, жизненность и конкретность. Несомненно, этот процесс связан с воздействием письменной литературы на народное творчество. Этим же влиянием объясняется широкое распространение в современном фольклоре дидактических и морализаторских тем. Эти мотивы характерны для детского фольклора, анекдотов, жизнеописаний, притчевых жанров. Многие сказочники разрабатывают присущие этим жанрам мотивы добра, правды, любви, героизма, придавая им совершенно новое, патриотическое звучание. Стараясь донести до слушателей идею текста, рассказчики часто прибегают к помощи афоризмов, вводят в текст пословицы, поговорки, литературные цитаты из произведений преимущественно турецких, азербайджанских и грузинских авторов.

Как было сказано, под воздействием современного литературного мышления в устной прозе месхетинских турок происходят существенные композиционные и стилевые изменения. В отличие от традиционных композиционных принципов, в современных устно-поэтических текстах турок возникли новые для фольклора элементы и причинно-следственные связи, образительно-выразительные средства. В устно-поэтических жанрах месхетинских турок, помимо традиционных композиционных и стилевых приемов, встречаются и такие литературные явления, как композиционно и психологически мотивированное описание портрета и пейзажа, реалистическая детализация повествования, вводные эпизоды и лирические отступления, внутренний монолог. Эти элементы, однако, преобладают не в традиционных жанрах фольклора (мифологический рассказ, сказка, легенда, притча), а в современных повествованиях о родине, ссылке и т.п.

Пейзаж и интерьер в современных устных текстах обычно создает колорит места, пространственный фон для разработки сюжетных эпизодов. В таких случаях часто применяются обстановочные детали, которые конкретизируют художественный мир текста и придают ему национальный колорит. В современном фольклоре ахалцихских турок сложилась определенная система пространственно-географических образов и символов, которые выражают патриотические идеи, чувства любви к родине, тоски по родным краям [Гаджили 1991: 30–38, 91–96]. Эти элементы, однако, получили более широкое распространение в лирических текстах.

Сочетание традиционной фольклорной поэтики с современным литературным психологизмом наблюдается и в портретном описании – часто даются психологически мотивированные штрихи портрета, характеризующие индивидуальный внутренний мир героя. Психологическая обоснованность портретного описания, изобразительность и конкретность повествования усложняют текст и придают устным рассказам необычный для фольклорной традиции литературный динамизм. В рассказе Р. Байрактарова, например, основная мысль выражается через динамичный и лейтмотивный портрет его дяди М. Байрактарова [Гаджили 1991: 26].

Полнота и конкретность повествования достигаются также с помощью таких литературных композиционных элементов, как вводные эпизоды и лирические отступления, композиционная инверсия. Использование этих элементов свидетельствует об усовершенствовании индивидуального мастерства современных творцов фольклора. Многие сказочники разыгрывают текст, драматизируют сюжет, вводят диалоги, обращаются к слушателям с риторическими вопросами и т.д. Такая динамичная манера рассказывания, принципиально отличающаяся от фольклорных канонов, размеренного сказочного повествования, приводит к возникновению новых жанровых форм, сочетающих в себе устно-поэтические и литературные принципы. Например, опытный рассказчик М. Мамахов свой историко-бытовой рассказ о хозяйственно-культурной жизни народа на исторической родине дополняет интересными вводными эпизодами, изображающими сцены из народной жизни, и глубокими лирическими отступлениями.

Кардинальные изменения происходят и в сюжетосложении устных прозаических жанров фольклора ахалцихских турок. В современных устных повествованиях преобладают короткие и малособытийные сюжеты, основу которых составляет не динамичное действие, а определенный идейно-тематический мотив. Это характерно как для традиционных, так и для современных повествований [Гаджили 1991: 123–129, 151–152, 177–181]. Так же, как и композициям, сюжетам этих текстов свойственны литературные особенности – ориентация на личностную позицию, нечеткость завязки и развязки, бытовизация материала, порой открытость текста. Процесс исторической актуализации сюжетных событий, по нашим наблюдениям, протекает в следующих формах: во-первых, оригинальный сюжет вставляется в каноническое фольклорное обрамление [Гаджили 1991: 128], во-вторых, современные исторические и бытовые фабулы переплетаются со старинными сюжетами [Гаджили 1991: 98, 125], в-третьих, по-новому мотивируются традиционные сюжетные ситуации [Гаджили 1991: 2, 42–43].

Как было отмечено, основу сюжета в современном фольклоре ахалцихских турок составляет идейный мотив, а не событие. Поэтому порой завязка дается в предтексте или во вступительном эпизоде, действие развивается слабо и доходит до кульминационного момента не через развитие действия, а благодаря композиционно-смысловой градации основной темы. Развязка же в современных текстах зачастую скомкана.

В целом же в фольклорных текстах турок, записанных нами, встречаются следующие смысловые мотивации, составляющие основу сюжета: религиозно-мифологические легенды [Гаджили 1991: 95, 123, 124], сказочные фабулы [Гаджили 1991: 98, 125–127], бытовые истории [Гаджили 1991: 99, 127–128, 180], ашугские повествования [Гаджили 1991: 167, 174–180], обрядово-этнографические рассказы [Гаджили 1991: 65–76, 79–83, 95, 106], авантюрно-анекдотические тексты [Гаджили 1991: 149–150], современные иронические рассказы об отдельных лицах и событиях [Гаджили 1991: 97, 151–152], исторические предания [Гаджили 1991: 14, 26, 27, 42, 43] и т.п. Некоторые из этих сюжетов являются вариантами известных фабул («О сотворении мира»,

«Хызыр и Муса», рассказы о похождениях Насреддина и т.д.). Однако основную часть текстов составляют индивидуальные авторские трактовки исторических событий, обрядов и обычаев. Этот репертуар многогранен и в функциональном плане: каждый сюжет выполняет несколько функций – познавательную, воспитательную, морализаторскую, мобилизующую, эстетическую и др.

Многогранность проявляется также в образной структуре произведений, в способах изображения персонажей. Основные персонажи текстов, зафиксированных нами, имеют традиционные черты – обобщенность характера, обнаженность внутреннего мира, однозначность оценок и т.д. Вместе с тем система персонажей и средства изображения героев, как и другие элементы поэтики, даже такие традиционные, как сюжет и композиция, за последние десятилетия приобрели совершенно новые качества, которые, несомненно, восходят к литературным источникам. Прежде чем говорить об этих особенностях, следует рассмотреть типологию персонажей в современной устной прозе турок. Так как турко-месхетинский фольклор не только не изучен, но и полностью не собран, нет возможности подробно классифицировать эту систему. Поэтому ограничимся лишь общей характеристикой основных персонажей.

Несомненно, наиболее древнюю группу составляют религиозно-мифологические образы, среди которых особенно часто встречаются Ал-арвады, Назар, Хызыр, Муса, Матаур, Насреддин, добрые и злые духи, тотемистические персонажи. Эти персонажи, как правило, включаются в сказочную и несказочную прозу и находят свои типологические параллели в других жанрах фольклора. Поэтому поэтическая интерпретация этих образов определяется жанровым контекстом и может быть фантастической, исторической, сатирической и т.д. В мифологических рассказах и сказках фантастичность этих образов подчеркнутая (рассказ об Ал-арвады) [Гаджили 1991: 98], в бытовых повествованиях они даются в аллегорической и гротескно-гиперболической форме (притча о Назаре) [Гаджили 1991: 99], а в иронических текстах служат социальной сатире (легенда об исполненных желаниях) [Гаджили 1991: 97]. Таким образом, мы встречаемся

с индивидуальной интерпретацией мифологических и религиозных образов, связанных с древними народными верованиями, но включенных в новый, литературный и социально-культурный контекст.

К другой группе можно отнести героев сказочной прозы. Персонажей сказочной прозы, так же, как и мифо-религиозной, характеризуют фантастичность и обобщенность: они лишены индивидуальных качеств, психологизма, изображаются в виде статичных типов, а не в процессе становления и развития. Поэтому традиционные сказочники очень бегло и скупо говорят о внутреннем мире и внешности героя. Однако в современных сказках под воздействием литературного мышления появились новые черты. Несмотря на традиционный схематизм сказочной поэтики, в современных сказках, особенно в бытовых текстах, встречаются конкретные предметные детали и исторические реалии, индивидуальные штрихи и прототипы. Отметим, что эти элементы включаются не только в современные тексты, но и в такие традиционные произведения, как сюжеты о людоедах и джиннах, пери, умной жене, мудром шахе и т.д. [Гаджили 1991: 125–128].

Роль литературы особенно сильна в развитии несказочной прозы ахалцихских турок – легенд и преданий, бытовых рассказов и анекдотов, дастанов и дестене и т.д. Героями этих жанров являются синкретические персонажи, сочетающие в себе реально-исторические и ирреально-фантастические черты. В этих текстах повествуется о святых и подвижниках (Шабан деде, Ахмед деде, Начар ходжа, Хасан ходжа, Матос ходжа и др.) [Гаджили 1991: 94–95], о национальных героях и пехлеванях (Али Султан, Балабек, Джавад, Аббас, Надим и др.) [Гаджили 1991: 86], об исторических лицах (султан Ахмед, Ашуг Шенлик, М. Байрактаров, Э. Одабашев и др.) [Гаджили 1991: 14, 174], о простых людях [Гаджили 1991: 27, 42, 43], о персонажах эпических дастанов и лиро-эпических дестене (Керем, Мухаммед, Гызхатун, туркменская красавица и др.) [Гаджили 1991: 167–168, 177–180], о героях авантюрно-анекдотических рассказов (Насреддин, Кая, Бедж, Кудиан и др.) [Гаджили 1991: 149, 152] и т.д. Для изображения этих персонажей иногда используются типичные литера-

турные приемы – индивидуализация речи, психологическая мотивация поведения, детализация описаний и т.д.

Эти новые элементы обусловили новизну стилистики устно-прозаических жанров ахалцихских турок. Стилистика современной устной прозы ахалцихских турок интересна тем, что во многих произведениях, в частности, в текстах, созданных в последние десятилетия, литературная стихия довлеет над фольклорными принципами текстообразования. Поскольку перед нами устная проза – нет оснований искать в них яркие литературные выражения индивидуального авторского мировидения. Произведения эти, как и старинные фольклорные тексты, выражают народное мироощущение и адресуются не индивидуальному читателю, а коллективу. Однако современный коллектив, на восприятие которого рассчитаны эти тексты, принципиально отличается от традиционных адресатов классического фольклорного творчества: во-первых, этот коллектив состоит из современных, образованных людей, во-вторых, его члены активно участвуют в творческом процессе – записывают, литературно обрабатывают, корректируют, развивают эти тексты, в-третьих, они сами являются очевидцами или участниками изображаемых событий. Таким образом, в выселенческом фольклоре турок выделяются традиционные (эпическая идеализация, олицетворение, гиперболизация, градация, параллелизм) и современные (реалистический анализ, детализация изображения, романтическая патетика, ирония, лирический пафос) элементы стиля, придающие текстам как авторскую индивидуальность, так и фольклорную каноничность. Так, например, в сказках и легендах фантастика и вера в чудесное, несмотря на традиционность материала, уступили место творческому вымыслу и гротеску. Если в традиционной сказке фантастика специально подчеркивается, то в современных сказках, записанных нами в 80-е годы прошлого века, рассказывается о реальных людях, даются уточняющие ремарки о том, что эти герои – родственники рассказчика, обычные знакомые люди [Гаджили 1991: 95, 96, 97, 98, 125]. Однако изображение этих реальных героев и ситуаций приобретает настолько гротескные и гиперболические формы, что воспринимается как фантастический вымысел. Поэтому в этих текстах вымысел тесно перепле-

тается с достоверностью, фантастические элементы вводятся в реальный крестьянский быт (сюжет о людоедах, например, локализуется в конкретных селах Гуле и Адыгени, в другой истории с Ал-арвады «встречается» реальная бабушка рассказчика и т.д. [Гаджили 1991: 98, 125]). Такое стремление к конкретности и достоверности повествования, бытовизация рассказа, описание деталей особенно характерны для этнографических и исторических рассказов.

Реалистичность современных сказок и легенд охватывает также способы построения текста. Поскольку рассказываемые сюжеты преподносятся в виде реальных событий – в этих текстах обычно отсутствуют такие традиционные композиционные элементы, как присказка, зачин, концовка, стилистические формулы и т.д. Повествование начинается с краткой вводной формулы, экспозиции («в старину...», «жили-были»), имеющих формальный характер, в большинстве же текстов рассказчик сразу переходит к сюжетному действию [См.: Гаджили 1991: 123–128]. Во многих текстах встречаются реалистические штрихи, детали. Так, например, описание переживаний и чувств султана Ахмеда, М. Байрактарова, Шише-нене поражает литературным мастерством и психологической глубиной [Гаджили 1991: 14, 26, 27].

Реализм и психологизм особенно ощутимы в устных рассказах о современной истории ахалцыхских турок: в детальном изображении природы исторической родины, в драматических повествованиях о национальной трагедии, в полных трагического пафоса описаниях тяжелой жизни на чужбине, в рассказах о борьбе за возвращение на родину. Этим произведениям свойственны в значительной мере литературные языковые особенности – индивидуализация речи, просторечие, диалогичность, обращения к адресату. Все эти элементы придают текстам динамику и эмоциональность, определенным образом ориентируют воспринимающую сторону. При устном исполнении текстов рассказчиками (М. Мамахов, Мелик деде, Мухаммед деде, Ашуг Гафар) динамизм повышается с помощью выразительных жестов, мимики, интонации, обращений к слушателям и т.д. Повышение динамизма речи, углубление психологизма, усиление личностного начала привели к появлению нового для традици-

онной устно-эпической традиции начала – психологически мотивированной лиричности повествования. Лиричность сказок и преданий, как и других эпических жанров, даже такого крупного, как дастан, объясняется, несомненно, воздействием литературного контекста. Различные по жанровой форме, современные произведения устной прозы турок прежде всего выражают личностные, нравственные проблемы и поэтому их характеризует особый интерес к внутреннему миру человека. Лирическое самовыражение личности иногда вытесняет эпическую событийность сюжета, в частности, сюжетов дестене – миниатюрных любовных поэм, состоящих из краткой прозаической повествовательной части и лирического стихотворения [Гаджили 1991: 177–181].

Итак, несмотря на то что перед нами устные эпические произведения, их характеризуют современные литературные особенности. Все эти новаторские качества находят свое художественное воплощение в следующих оригинальных жанровых формах. Жанровое своеобразие устной прозы ахалцихских турок определяется тем, что фольклорные произведения этой народности, в отличие от многих других устных традиций, и в наши дни активно функционируют в живой творческой среде, в репертуаре современных сказителей, творцов и носителей фольклора. Многие тексты до сих пор полностью не стабилизировались и находятся в живом творческом процессе, в процессе становления и формирования. С другой стороны, творчески перерабатываются и некоторые традиционные произведения, восходящие к древним периодам коллективного народного творчества. В таких случаях рассказчики не столько создают новые произведения, сколько по-новому трактуют и комбинируют традиционные мотивы и сюжетные ситуации. Поэтому каждый современный устно-поэтический текст турок, являясь продуктом индивидуального творчества конкретного рассказчика, вместе с тем есть отражение коллективного мышления, традиционного народного поэтического мировидения. Таким образом, как правило, перед нами устные прозаические жанры, в структуре которых взаимодействуют два начала – литературное, связанное с творчеством современного рассказчика, и фольклорное, обусловленное активным участием в творческом процессе народного коллектива (слу-

шателей, пересказчиков, самодеятельных собирателей и т.д.). Поэтому жанровая типология современной устной прозы ахалцхских турок чрезвычайно многообразна и сложна. Поскольку перед нами произведения, занимающие промежуточное место между литературой и фольклором, существующие общетеоретические жанровые классификации не в полной мере исчерпывают типы и особенности этих текстов. Очевидно, для раскрытия жанрового богатства этого своеобразного литературно-фольклорного явления необходимы новые классификационные принципы и системные исследования.

На данном этапе разработанности проблемы можно выделить лишь самые общие жанровые группы современной устной прозы ахалцхских турок: сказки, несказочные жанры и дастаны, полностью стихотворные или сочетающие в себе прозаическую и стихотворную части, путевые заметки, воспоминания, мемуары, этнографические зарисовки, былички и т.д. Каждая из этих жанровых разновидностей отличается как по своим имманентным качествам, так и по степени близости к письменной литературе. Наиболее однородными и консервативными являются сказки и дастаны. Не вызывает сомнений жанрообразующее воздействие на эти тексты классических фольклорных традиций. Несмотря на то что и в этих произведениях встречаются новые реалии, современная атрибутика и литературная лексика, они, как правило, строятся по классическим жанровым канонам устной эпической традиции. В сказках это – сознательная установка на вымысел, символичность образов, однозначность характеристик, замкнутость хронотопа, схематичность сюжетного действия. Поэтому в современном народном творчестве ахалцхских турок сказка как жанр, как нам кажется, постепенно теряет свои первоначальные функции и вырождается. Сказки этого народа, в частности, тексты, сочиненные в последние годы, невелики по объему и однородны по содержанию. Эти особенности характерны для всех видов сказок, из которых в фольклоре турок наиболее популярны волшебные сказки, бытовые сказки, сказки о животных и авантюрно-сатирические сказки.

Воздействие литературы на все эти сказочные жанровые группы проявляется в содержании и поэтике текстов. Так, на-

пример, сказку о людоедах разные информаторы рассказали нам в двух вариантах. В первом, более древнем, варианте мать, грудной ребенок которой после заклинания бабушки-людоедки превращается в людоеда, бросает его в реку и возвращается в отчий дом. Во втором же варианте она после этого трагического события сходит с ума, что совершенно не соответствует жанровой логике традиционной сказки, но свидетельствует о несвойственном для канонических фольклорных жанров современном психологизме. Факт этот, несомненно, связан с воздействием на творчество рассказчика литературных источников, современной лирико-психологической прозы. Действительно, второй информатор, в отличие от первого, был более начитанным и образованным человеком, имел небольшую домашнюю библиотеку. Литературные элементы выявляются и в материале сказки – события локализируются в пространстве конкретных сел Адыгени и Гуле, рассказчик преподносит их в виде реальных историй (Первый вариант, записанный нами в 1989 г. в колхозе им. М.Ф. Ахундова Саатлинского района от Мелик деде, 1909 г.р., находится в нашем архиве, а второй вариант записан в 1990 г. в поселке Вархан Саатлинского района от К.А. Асланова, 1933 г.р., и опубликован [Гаджили 1991: 125]).

Одним из самых древних и распространенных видов устного фольклора ахалцихских турок, несомненно, является ашугское творчество, в частности эпическое направление этой формы народного искусства. Ахалцихско-Чильдирский край справедливо считается родиной самобытной ашугской школы (См. работы А. Гаджили [Гаджили 1991], М. Касымлы [Касымлы 1996], А. Озан (Керимли) [Озан 1994]). Здесь жили и творили такие известные ашуги, как Шенлик, Дервиш Алеми, Хаста Гасан, Сафили, Рагиби, Амрахи, Фираги, Урбани, Топчи-оглу, Гассаб Мамед, Бейтал Касым, Омери, Мурад, Наджаф, Наджиб, Шавги, Байрам и другие. Во время наших фольклорных экспедиций (1986–1998 гг.) мы встречались с ашугами (А. Байрактаров, Г. Гусейнов, Дж. Азиз оглы, М. Пашалиев), владеющими интересным репертуаром. Нам удалось записать оригинальные фрагменты таких дастанов и дестене, как «Асли – Керем», «Гурбани», «Ашуг Гериб», «Арзу – Ганбар», «Махмуд – Махбуба», «Ибра-

гим и Аслан шах», «Латифшах», «Мухаммед – Гызхатун», «Кара севда», «Туркменская красавица», «Горе матери» и т.д. Тексты эти, как правило, консервативны и сохранили традиционные черты древней эпики. Влияние современности на поэтику и содержание почти не ощущается. Можно отметить лишь некоторые новые детали во второстепенных узлах текста – в ремарках и уточнениях рассказчика, в способе исполнения произведения. Например, в пересказе А. Байрактарова Шенлик и Суммани в перерывах между речитативными диалогами «курят папиросу», делают «перекур», во время которого мирно беседуют, что не встречается ни в одном другом варианте [Гаджили 1991: 176]. С помощью таких деталей рассказчик придает повествованию обстоятельность и реалистическую достоверность. Таким образом, дастан как консервативный жанр устной прозы месхетинских турок, как и других народов, постепенно теряет свою актуальность, так как не способен выразить современные реалии, не приспособлен к новым условиям. Поэтому творческая активность сказителей проявляется не в крупных формах дастана, а в миниатюрных стихотворно-прозаических произведениях (дестене, дастанча), сюжетную основу которых составляет лишь один эпизод, важное событие и мгновенная реакция героя на этот факт [Гаджили 1991: 177–181]. Например, дестене «Мухаммед и Гызхатун» можно считать творческой контаминацией из «Асли – Керем», концентрированным выражением основной идеи этого классического дастана [Гаджили 1991: 177]. В целом, как нам кажется, в современных условиях дастан как жанр обречен превратиться в один из элементов «творческой памяти», в реликтовую форму эпической словесности.

Как было отмечено, одной из основных жанровых групп современной устной прозы месхетинских турок является несказочная проза – мифологические рассказы и религиозные легенды [Гаджили 1991: 91–100, 123–124], исторические предания [Гаджили 1991: 13–14, 26, 27, 42–43, 86], этнографические зарисовки и бытовые сюжеты [Гаджили 1991: 65–83, 100–106], анекдоты [Гаджили 1991: 149–152], пословицы и поговорки [Гаджили 1991: 108–119]. Эти жанры отличаются от сказок сознательной установкой на достоверность и реальность рассказываемых ис-

торий. Рассказчик верит в их правдивость, хотя и связывает их с прошлым народа. Поэтому эти истории, как правило, отличаются приуроченностью к реальным лицам, конкретной местности и определенному времени. Рассказчик часто ссылается на другие лица, которые рассказали ему эти истории. Эти черты особенно характерны для легенд и преданий.

Ясно, что мифологические рассказы не являются самостоятельной жанровой формой современной народной словесности. Выражая древние народные верования, современные рассказы-мифы характеризуются бесформенностью и ситуативностью. Поэтому следы мифологического мышления выявляются в различных обрядах и обычаях, верованиях и культовых представлениях, суеверных рассказах и т.д. Современная культура, несомненно, оказала сильное влияние на древние верования. В современном общественном сознании турок мифы постепенно теряют свои изначальные функции. В соответствующих текстах, записанных нами, рассказчики в своих внесюжетных вставках и ремарках подчеркивают фантастичность рассказываемых историй, их связь с седой стариной, с примитивными суевериями. Процесс такого осовременивания происходит в двух формах: путем мистификации и пародирования. В сакральных и мистических рассказах подчеркивается связь рассказываемых событий с древностью, а сами эти факты преподносятся в виде единичных случаев, произошедших с реальными лицами. В других случаях истории о таинственном пародируются и превращаются в анекдотический рассказ, разоблачающий суеверия и предрассудки. Так, например, иронически звучат истории чабана и жадного человека, ждущих щедрого дара от Хыдыр-Эллеза [Гаджили 1991: 97].

К мифологическим сюжетам близки религиозные легенды, которые, однако, в большей степени, чем мифические представления, отражают мировидение и быт современного человека. В религиозных легендах, как и в легендах этимологических, топонимических, генеалогических и т.д., с особым патетическим пафосом повествуется о необыкновенных событиях и идеализированных личностях. Легенда, таким образом, показывая героизм, самоотверженность, святость идеальных персонажей, вы-

полняет воспитательную и морализаторскую функцию. С этой целью иногда в тексты вводятся поговорки и пословицы, цитаты из других источников. Благодаря такой дидактической направленности легенды в современной жизни ахалцхских турок стали чрезвычайно актуальными: религиозные мотивы часто служат нравственному и патриотическому воспитанию молодежи, вдохновляют современников на борьбу за возвращение на историческую родину. Так, например, утверждая в легендах святость и подвижничество эвлия, эренов, шехидов, воинов и т.д., рассказчики отмечают приуроченность этих легенд к родным краям [Гаджили 1991: 94–95]. Думается, актуализация легенд проявляется именно в такой патриотической трактовке традиционных мотивов, а их религиозный контекст отходит на второй план.

В отличие от легенд, сохранивших традиционные особенности, существенные изменения произошли в жанровой структуре исторических преданий и бытовых рассказов. В преданиях и бытовых рассказах обычно сообщается об исторических фактах, имеющих познавательное значение. В поэтической структуре этих жанров появились такие новые элементы, как объективное повествование, реалистический пейзаж, динамические диалоги и панорамные изображения. Некоторые тексты, в частности, рассказы об обрядах, хозяйственной жизни, исторической географии, отличаются экспрессивностью и информативностью одновременно [Гаджили 1991: 30–49, 50–60, 65–83]. Поэтому их характеризуют как литературно-художественные, так и познавательно-дидактические функции. В рамках поэтических традиций преданий формируются такие новые прозапоэтические жанры, как рассказ-беседа, рассказ-воспоминание, рассказ-быль и т.д.

Итак, рассмотренные особенности современного устно-поэтического творчества ахалцхских турок позволяют нам убедиться в синкретическом (литературно-фольклорном) характере современного выселенческого фольклора в целом. Прежде всего, в том, что в фольклорной среде депортированных народов устная традиция не только жива, но и развивается и предстает в виде оригинального культурного феномена, промежуточного между фольклором и литературой эстетического явления, имеющего своеобразную жанровую типологию, нуждающуюся во всесто-

ронных исследованиях. Эти закономерности и особенности типологически значимы, а их изучение может способствовать более глубокому постижению диалектики исторической поэтики, художественного многообразия современных тенденций развития художественной словесности.

Список литературы

- Азбелев 1982 – *Азбелев С.Н.* Историзм былин и специфика фольклора. Л., 1982.
- Винер 1968 – *Винер Н.* Кибернетика, или управление и связь в животном и машине. М., 1968.
- Гаджили 1992 – *Гаджили А.* На чужбине (Этническая культура месхетинских турок). Баку. Гянджлик, 1992.
- Гаджили 2007 – *Гаджили А.* Ахалцихские турки: история, этнография, фольклор // *İrs – Наследие.* 2007. № 2. С. 26.
- Гаджили 2014 – *Гаджили А.* Выселенческий фольклор ахалцихских турок. Баку. Мутерджим, 2014.
- Гаджиев 1991 – *Гаджиев В.* Горизонты нашего фольклора. Баку, 1991
- Леви-Строс 1985 – *Леви-Строс К.* Структурная антропология. М., 1985.
- Касымлы 1996 – *Касымлы М.* Ашугское искусство. Баку, 1996. С. 186–191.
- Озан (Керимли) 1994 – *Озан (Керимли) А.* Сведения о Чилдырской ашугской школе // *Азербайджан мусигиси.* Баку, 1994.

Аннотация

В статье рассматриваются функциональные, семантические и структурные аспекты выселенческого фольклора ахалцихских (месхетинских) турок. Этот народ, исторически заселявший юго-западные регионы Грузии, в 1944 г. был депортирован в Среднюю Азию. Ахалцихские турки, говорящие на восточно-анатолийском диалекте турецкого языка, в настоящее время поселились в более чем десяти государствах. В условиях отсутствия благоприятной этно-культурной среды важнейшим фактором сохранения национальной идентичности стало устно-поэтическое творчество, которое в новом контексте претерпело глубокие изменения. В настоящее время фольклор этого народа создается литературно образованными авторами, зачастую в письменной форме, и представляет собой промежуточное между литературой и фольклором явление. В статье проанализированы идейно-тематические, жанровые, стилевые, композиционные особенности современного фольклора турок. Выявлены и классифицированы особенности фольклорно-литературного синкретизма выселенческого фольклора этой народности.

Ключевые слова

фольклор, литература, депортация, турки, эпос, синкретизм, жанр, стиль

Сведения об авторе

Гаджиев Асиф Аббас оглу – доктор филологических наук, профессор Университета Азербайджан; e-mail: asif.hacili@mail.ru

Asif Abbas oglu Hajiyev

Folklore and Literary Syncretism and the Genre Typology of the Exile Folklore of the Akhaltsikhe Turks

Summary

The article discusses functional, semantic and structural aspects of the exile folklore of the Akhaltsikhe (Meskhetian) Turks. This people, historically populating the southwestern regions of Georgia, was deported to Central Asia in 1944. Akhaltsikhe Turks, who speak the East Anatolian dialect of the Turkish language, have now settled in more than ten states. In the absence of a favorable ethnocultural environment, the most important factor in preserving national identity was oral and poetic creativity, which underwent profound changes in the new context. At present, the folklore of this people is created by authors with literary education, often in writing, and is an intermediate phenomenon between literature and folklore. The article analyzes the ideo-thematic, genre, style, and compositional features of the Turks' modern folklore. The features of folklore and literary syncretism of this nation's exile folklore are identified and classified.

Key words

folklore, literature, deportation, Turks, epic, syncretism, genre, style

Information about the author

Hajiyev Asif Abbas oglu – PhD in Philology, Professor of Azerbaijan University; e-mail: asif.hacili@mail.ru

Г.А. Горбаткина

ОБРАЗЫ СУФИЙСКИХ ШЕЙХОВ В РОМАНЕ ЯШАРА КЕМАЛЯ «ТОШИЙ МЕМЕД»

Влияние суфийских орденов, суфийских шейхов на территории Малой Азии всегда было исключительно велико. Религиозные учения, оппозиционные по отношению к ортодоксальному исламу, привлекали множество сторонников. Эти учения были идеологической основой, духовной опорой тех, кто выступал против существующих порядков. По словам академика В.А. Гордлевского, Малая Азия была рассадником антисуннитских (и антимусульманских) учений. [Гордлевский 1960: 203] Нередко непосредственными руководителями народных восстаний были именно суфийские шейхи. Достаточно напомнить о Бедреддине Симави, возглавившем в XV в. большое крестьянское восстание, которое переросло в народную войну, продолжавшуюся три года. Великий турецкий поэт Назым Хикмет описал эти события в своей поэме «Дестан о шейхе Бедреддине, сыне кадия города Симавне». Возражая тем, кто утверждал, что в истории Турции нет никаких предпосылок для развития социализма, Назым Хикмет анализировал истоки современных народных движений протеста, корни которых уходят в эпоху средневековья. По мнению Назыма Хикмета, идеи Бедреддина Симави о социальном, национальном и религиозном равенстве, о необходимости познания законов природы с помощью науки продолжают жить и в современной Турции.

Влияние суфийских шейхов на события, происходившие в Османской империи, а затем и в Турции, объясняется также их научными знаниями, в частности, в области астрономии и медицины. Именно они помогали определять пути движения караванов, бесплатно лечили больных, готовили и раздавали лекарства. Как в глубокой древности в главе племени сочетались качества

вождя, полководца, целителя, духовного руководителя (а зачастую и поэта), так и в последующие эпохи, и в современной Турции такими качествами обладают суфийские шейхи. В период национально-освободительной войны они сражались с оружием в руках и вдохновляли народ на борьбу с оккупантами. В последних томах романа Яшара Кемалья «Тоший Мемед» эта тема часто звучит в воспоминаниях героев. Однако в основном внимание автора сосредоточено на деятельности суфийских шейхов в новой, республиканской Турции. Я. Кемаль показывает, что основные направления деятельности суфийских шейхов остались прежними, но формы ее частично изменились. Несмотря на официальное закрытие дервишеских орденов, суфийские текке продолжали и продолжают функционировать.

В этой связи особенное значение в романе «Тоший Мемед» приобретают образы Ферхада Ходжи и Анаджик Султан. Они относятся к числу главных героев III и IV томов романа и играют большую роль в развитии сюжета.

Автор рассказывает о системе и способах связи между суфийскими шейхами, проверенных веками: они общаются исключительно через доверенных людей, в преданности которых не сомневаются. Благодаря постоянному взаимодействию шейхи, живущие в далеких друг от друга районах страны, могут помогать, поддерживать тех, кого преследуют официальные власти, и оберегать их семьи. Когда Мемед прекратил действовать как эшкия (что на самом деле оказалось коротким перерывом в этой деятельности), именно шейх Абдулселям Ходжа помог ему остаться неузнанным и начать новую жизнь. Получив письмо от Ферхада Ходжи, он выдал Мемеда за своего племянника, помог ему купить и обустроить дом, наладить отношения с жителями городка. А когда Мемед был вынужден снова уйти в горы, он поручил свою любимую приемную мать Хюрю Ана и жену Сейран, которая ждала их ребенка, заботам шейха и был совершенно уверен в их безопасности.

В романе Я. Кемалья часть шейхов ведет внешне спокойную, мирную жизнь, а другая часть сражается с оружием в руках вместе с эшкия против новых угнетателей. Один из них – Ферхад Ходжа.

Ферхад Ходжа – человек умный, волевой, решительный, обладающий глубокими знаниями и пониманием психологии как друзей, так и врагов. Мемед во всем советуется с ним и считает его своим духовным наставником. Именно Ферхад Ходжа возглавляет отряд, когда Мемед решает спуститься с гор. Ферхад Ходжа действует от имени Мемеда, прекрасно понимая, что само это имя – символ борьбы против насилия. Он даже выдает за Мемеда одного из эшкия, похожего на него внешне. Делает он это для того, чтобы избежать кровопролития: ведь имя Мемеда внушает ужас новым «хозяевам жизни».

На наш взгляд, особенно важно, что Ферхад Ходжа обосновывает необходимость борьбы с угнетателями и угнетением любого человека, опираясь на ислам. Его собственная трактовка вероучения сводится к тому, что Аллах создал человека для сопротивления, протеста, борьбы против всяческого зла как в сфере психологической, так и в сфере социальной. Ферхад Ходжа так говорит об этом:

«Allah, başkaldır ya kulum, demiş ve insan onun cennetine başkaldırmış. Allah, başkaldır ya kulum, demiş, insanların bir kısmı başkaldırmış, onlar, allah indinde mutlu kişiler olmuşlar, bir kısmı, yani çoğunluğu Allahın emrine uymamış, Allah onlara cehennemini vermiş. İnsan kendine, kendi yüreğine, kendi korkusuna toptan başkaldırmadıkça insan soyu bundan da beter olacak, aşağılanacak, zulüm, korku iliklerine işleyecek, insanlıktan çıkacak, bir solucandan da daha mutsuz olacak. Solucanın gözü yok, kulağı, ağzı, dili yok, insanın var. İnsan soyu başkaldırmayı yemek, içmek, yaşamak, uyumak, çocuk yapmak gibi bir yaşama biçimi yapmazsa bugünden de bin beter olacak, içi boşalacak, duymayı, düşünmeyi, sevmeyi, sevişmeyi, dostluğu, arkadaşlığı, göğün, yerin, kurdun kuşun, akarsuyun, tanyerindeki ışığın, yürekteki sıcaklığını unutacak. Allah buyurdu ki, ben sizi yarattım ki baş kaldırasınız, siz beni dinlemediniz, önce kendinize, sonra başka insanlara, sonra her şeye, her şeye boyun eğdiniz, ne buldunuz, ne öğrendinizse, ne yarattınızsa hepsi boyun eğme üstüne oldu. Ve boyun eğdiniz, ve boyun eğdiniz: boyun eğmenleri lanetlediniz: öldürdünüz, kustunuz, ve boyun eğdiniz, boyun

eğmeyi, yemek yemek, su içmek, sevişmek gibi bir yaşama biçimi yaptınız. Ve de oldunuz. Ve de solucandan beter oldunuz. Daha da olacaksınız».

‘Аллах сказал: «Восстань, о раб мой!», и человек восстал против его рая. Аллах сказал: «Восстань, о раб мой!», и часть людей восстали и достигли счастья, а остальные, то есть большинство, не исполнили повеление Аллаха, и он сотворил для них ад. До тех пор, пока человек не восстанет против себя, против своего сердца, против своего страха, ему будет еще хуже, его будут унижать, насилие, страх одолеют его, он перестанет быть человеком, станет несчастнее червяка. У червяка нет глаз, нет ушей, нет рта, нет языка, а у человека есть. Если человек не сумеет создать такой жизни, в которой борьба со всяким злом будет так же важна, как еда, питье, сон, рождение детей, сама жизнь, он будет в тысячу раз несчастнее, чем теперь, душа его опустошится, и он забудет, что значит чувствовать, думать, любить и быть любимым, забудет, что значит дружба, товарищество, забудет небо, землю, волков и птиц, журчащую воду, светящееся на рассвете небо, жар сердца. Аллах повелел: я вас сотворил, чтобы вы сопротивлялись, но вы все меня слушались, вы смирились, подчинились сначала себе, потом другим людям, потом всему, всему. И что бы вы ни обрели, что бы ни познали, эта покорность всегда брала верх. И вы подчинялись и подчинялись, вы проклинали это подчинение, вы убивали, вас тошнило, но вы покорялись, вы превратили эту покорность, эту безропотность в образ жизни, она стала для вас так же важна, как хлеб, вода, любовь. И вы стали такими, какие вы есть, вы стали хуже червей. И станете еще хуже’ [Kemal 2006: 348].

По мнению Ферхада Ходжи причина всех несчастий человека – его личная покорность, смирение, принятие зла, живущего в его душе, а затем и того зла, которое царствует во внешнем мире.

Важно отметить, что Ферхад Ходжа уподобляет борьбу со злом таким жизненно важным процессам, как еда, питье, сон, рождение детей.

С одной стороны, такое толкование основных постулатов далеко от воззрений последователей ортодоксального ислама, а с другой – совпадает с ним. Имеется в виду борьба человека со злом, живущим в его душе, духовное очищение, самосовершенствование. Уместно напомнить, что это – одна из главных целей соблюдения поста, обязательного для любого мусульманина.

Слова Ферхада Ходжи, пользующегося любовью и уважением крестьян, оказывают большое влияние на их сознание, которое в значительной мере остается на средневековом уровне. Ферхад Ходжа обосновывает необходимость протеста против всякого насилия словами самого Аллаха, и это укрепляет веру крестьян в правомерность их борьбы с «власть имущими», вдохновляет на продолжение этой борьбы, несмотря ни на какие репрессии.

В своей практической деятельности Ферхад Ходжа, не ограничиваясь одними проповедями, проводит свои идеи в жизнь. Под руководством Ферхада Ходжи отряд эшкия, следуя древним традициям благородных разбойников, отдает беднякам отнятое у новых хозяев жизни. Но эта древняя традиция приобретает новые черты: прежде всего помощь получают те семьи, кормильцы которых погибли в национально-освободительной войне, и особенно юноши и девушки, чтобы они могли вступить в брак. В присутствии всех жителей деревни Ферхад Ходжа вручает им золото, отобранное у беев, руководствуясь списком, который предоставляет староста деревни.

Ферхад Ходжа умело руководит вооруженной борьбой отряда эшкия в отсутствие Мемеда. Ферхад Ходжа не увеличивает его численность, хотя со всех сторон приходят люди с просьбой принять их под свое крыло. Но Ферхад Ходжа, понимая, что большому отряду трудно уходить от погони, отправляет их обратно, обещая известить, когда это будет необходимо. Он тщательно продумывает действия эшкия и всегда старается избежать лишних жертв.

В душе Ферхада Ходжи уживаются беспощадность и милосердие: когда происходят схватки с наймитами беев, и Ходжа, и члены его отряда стреляют на поражение, но когда они сража-

ются с жандармами, то не убивают их, а ранят в ноги, понимая, что те действуют не по доброй воле, а подчиняясь приказу. Таким образом, эшкия, живущие в XX в. в республиканской Турции, следуют лучшим традициям гуманизма, заложенным их далекими предками и отраженными в фольклоре. Так, в эпосе «Кероглу» главный герой перед началом поединка или сражения предлагает решить дело миром, чтобы воины противника не погибали из-за глупости и жестокости своих хозяев. Например, перед поединком со знаменитым богатырем Араб-оглу Кероглу говорит:

*Gel Arab kardeş olalım
Kılıcı kına koyalım,
Hançere el vurmayalım
Kıyma bana Araboğlu*

‘Араб, давай станем братьями
Вложим мечи в ножны,
Не будем хвататься за кинжалы,
Не губи меня, Араб-оглу’

Одна из главных героинь последних томов романа «Тоший Мемед» – Анаджик Султан, женщина-шейх, которую народ почитает как святую. Автор показывает, что и Анаджик Султан, и Ферхад Ходжа, подобно знаменитым суфийским шейхам средневековья, обладают качествами и духовных, и светских руководителей народных масс. В новых условиях они продолжают бороться против социального неравенства.

Суфийские шейхи и при республиканском режиме продолжают учить и лечить народ. Обитель Анаджик Султан служит прибежищем нуждающихся и гонимых. Как и ее мать, она обладает познаниями в медицине; жители всех окрестных деревень собирают целебные растения, из которых в обители готовят лекарства; у нее есть новые для того времени медицинские инструменты. Только благодаря ее искусству Мемед сумел выжить.

Анаджик Султан понимает, что имя Мемеда превратились в символ сопротивления, борьбы за справедливость и против любого угнетения, насилия, унижения человеческого достоинства.

Анаджик Султан никогда не покидала своей обители. Но когда она узнала, что Мемед при смерти, она приехала в недоступное горное гнездо, где его прятали верные соратники, и сделала операцию, спасшую его жизнь.

В образе Анаджик Султан реалистическое тесно переплетается с фантастическим. Фантазия народа наделяет ее сверхъестественными способностями: она дает Мемеду волшебное кольцо и легендарную рубашку с изречениями из Корана, благодаря которой он неуязвим для любого оружия.

Огромное количество людей считает Анаджик Султан своим духовным наставником. Влияние Анаджик Султан настолько велико, что местные власти до поры до времени не преследуют ее. Каждый из представителей новой власти в душе робеет, испытывает суеверный страх и боится дурных последствий лично для себя. Но когда по требованию Саим-бея в горы прибывают большие силы для подавления движения эшкия, и удастся захватить в плен Анаджик Султан, с ней обращаются как со злейшим врагом, унижают, осыпают оскорблениями, хотя суеверный страх не покидает их души, даже душу палача Кертиша Али. Однако прилюдно враги и мучители продолжают выказывать ей уважение и почтение, т.к. боятся вызвать открытое возмущение населения.

Отряд Мемеда освобождает Анаджик Султан, но она отказывается вернуться в обитель.

Яшар Кемаль как большой мастер-психолог рисует многогранный образ этой удивительной женщины. Она обладает непреклонной волей, огромной духовной силой и выдержкой. Но как человек глубоко верующий и положивший всю жизнь на алтарь этой веры, Анаджик Султан верит в предначертанность своей судьбы и не хочет ей сопротивляться. Она знает, что ее ждет гибель, но не только ничего не делает для своего спасения, но и не дает это делать другим. Анаджик Султан не боится смерти, она говорит: «Я перейду в другой мир». Наряду с чертами восточного фатализма в образе Анаджик Султан запечатлено стремление к мученичеству, желание доказать мученической смертью чистоту своей веры, хотя сама она не говорит об этом ни слова. Стремление к мученичеству, столь характерное для многих религий, присуще и последователям ислама.

Этот внешне пассивный протест приводит к активным действиям, на которые раньше никто не решался.

После мученической смерти Анаджик Султан, которая погибает, так и не проронив ни слова, возмездие настигает тех, кто виноват не только в ее смерти, но и в смерти и мучениях многих и многих людей. Беньямин, верный мюрид Анаджик Султан, который нес ее, как ребенка, на руках, убивает главных карателей – капитана Фарука и палача Кертиша Али. Похороны Анаджик Султан превращаются в грандиозную демонстрацию единства ее приверженцев и последователей. В них участвует огромное количество людей, – живущих поблизости и пришедших издалека. Таким образом, Я. Кемаль показывает, что вместо устрашения народа, на которое рассчитывают власти, не только жизнь, но и смерть женщины-шейха приводит к сплочению ее последователей, к осознанию своего единства и силы. Эта немолодая хрупкая женщина воспринимается как символ духовной силы народа, его упорного и молчаливого, но несокрушимого сопротивления насилию и несправедливости. Об этом грозном молчаливом сопротивлении, сломить которое невозможно, и о страхе перед ним любых властителей, в какую бы эпоху они ни жили, Я. Кемаль пишет и в других своих произведениях («Легенда об Арарате», «Легенда о Тысяче быков»), но особенно много внимания уделяет этой теме в III и IV томах романа «Тошций Мемед». Но наряду с этим писатель-реалист показывает и колебания, и неустойчивость, подверженность различным влияниям, а порой и прямое предательство представителей того же народа.

И если Ферхад Ходжа сражается рядом с Мемедом с оружием в руках, то Анаджик Султан олицетворяет глубинное духовное сопротивление народа любым формам порабощения, какими бы демагогическими речами они не прикрывались.

Важно отметить, что эту великую духовную силу народа олицетворяет женщина. Издревле на земле Анатолии, где скрещивалось влияние различных религий, и женские божества, женское (и прежде всего материнское) начало воспринималось как воплощение любви и милосердия.

Это перекликается с древнейшими тюркскими мифами о Белой Праматери (*Ak Ana*), которая существовала «среди вод» (*«sular arasında»*). Но потом она создала землю и людей [Banarlı 1949].

Знаменательно, что в древних мифах тюркских народов, как и в космогонических мифах многих других народов, зарождение жизни связано со стихией воды.

В позднейшие эпохи традиция почитания женских божеств на территории Малой Азии сохранилась, не изменилась она и после принятия ислама. Так, *Meryam Ana* (Богородица) и дочь пророка Мухаммеда Фатима всегда выступают как защитницы и помощницы обездоленных и гонимых. Рука Фатимы – символ защиты всего мусульманского мира; ее изображение встречается повсюду и в наши дни. Здесь можно провести параллель с омофором Богородицы, простертым над Русью и защищающим ее от всех бед.

В фольклоре тюркских народов создана целая галерея образов женщин-воительниц, в которых гармонично сочетаются любовь, нежность и отвага, мужество, воинское искусство, ум и решительность: Сары Сельджан и Бану-Чечек («Деде Коркуд»); Бенли Ханым, Доне, Харман-дели («Кероглу»); Араб-Озенги («Исмаил-шах»); Гулаим и ее дружина («Кырк Кыз»).

В турецкой литературе нового времени, в частности, в произведениях Я. Кемаля перед читателем предстают героини, перекликающиеся через века со своими дальними предшественницами: Джерен в «Легенде о Тысяче быков», Хюрю Ана и Анаджик Султан в «Тощем Мемед». Эти героини действуют в новых условиях, но наряду с новыми качествами обладают и чертами дев-воительниц. Так писатель создает синтез традиционного и новаторского, столь необходимый для развития современной литературы.

Литература

Бертельс 1965 – *Бертельс Е.Э.* Суфизм и суфийская литература. Москва, 1965.

Гордлевский 1960 – *Гордлевский В.А.* Избранные сочинения. Москва, 1960. Т. 1.

Banarlı 1949 – *Nihat Sami Banarlı.* Resimli Türk edebiyatı tarihi. Ankara, 1949.

Kemal 2000 – *Yaşar Kemal.* İnce Memed 3. İstanbul, 2000.

Kemal 2006 – *Yaşar Kemal.* İnce Memed 4. İstanbul, 2006.

Аннотация

В работе анализируются образы суфийских шейхов, играющих большую роль в третьем и четвертом томах романа Я. Кемала «Тоший Мемед». Автор показывает, что и в условиях республиканской Турции они продолжают бороться против социального неравенства и всех форм насилия. В этой борьбе они следуют лучшим традициям благородных разбойников эшкия. Один из суфийских шейхов Ферхад Ходжа вместе с Мемедом сражается с оружием в руках против новых «хозяев жизни». Женщина-шейх Анаджик Султан олицетворяет глубинное духовное сопротивление турецкого народа всем формам порабощения. Яшар Кемаль показывает, что суфийские шейхи обладают качествами и духовных, и светских руководителей народных масс. На наш взгляд, особенно важно, что Ферхад Ходжа обосновывает необходимость борьбы против всяческого угнетения и насилия, опираясь на свое собственное толкование постулатов ислама. Это оказывает сильное влияние на сознание крестьян, которое в значительной степени остается на средневековом уровне.

Ключевые слова

суфийские шейхи, республиканская Турция, борьба, социальная несправедливость

Сведения об авторе

Горбаткина Галина Аркадьевна – кандидат филологических наук, востоковед-филолог; e-mail: michail@kashevov.ru

Galina Gorbatkina

Sufi Sheikhs Characters in Yaşar Kemal's Novel «İnce Memed»

Summary

The article analyzes Sufi sheikhs characters who play a major role in the third and fourth volumes of Yaşar Kemal's novel «İnce Memed». The author shows that even in the Republican Turkey environment they continue to fight against social inequality and violence. In this struggle they follow the best traditions of *askia* (noble robbers or highwaymen). One of the Sufi sheikhs, Ferhad Khoja, along with Memed, is fighting against the new «masters of life». Woman Sheikh Anagic Sultan embodies the spiritual resistance of the Turkish people to violence and oppression. In the monastery of Anagic Sultan all persecuted and those in need find help and protection. Yashar Kemal shows that Sufi sheikhs can be both spiritual and secular leaders of the masses. In our view, it is particularly important that Ferhad Khoja justifies the need to fight evil and vio-

lence, based on his own interpretation of the postulates of Islam. This has a strong influence on the consciousness of the peasants, which mostly remains at the medieval level.

Key words

sufi sheikhs, Republican Turkey, struggle, social inequality

Information about the author

Galina Gorbatkina – PhD in Philology, Associate Professor;
e-mail: michail@kashevov.ru

**SABAHATTİN ALİ’NİN «İÇİMİZDEKİ ŞEYTAN»
ADLI ROMANINDA
METİNLERARASI İLİŞKİLER***

Sabahattin Ali (1907–1948), çoğu zaman eserlerinin sanat değeri ötelenerek, muhalif kimliği ve en çok da «İçimizdeki Şeytan» (1939) adlı romanı ile – geçmişteki kadar olmasa da – hâlâ hararetli tartışmalara konu olan bir yazardır. Özellikle Türkiye’deki siyasi çevrelerin Sabahattin Ali’ye ve «İçimizdeki Şeytan»’a gösterdiği ilgi edebiyat dünyasında yapılan tartışmaların da yönlendiricisi oldu. Bu yönlendirme o kadar güçlüydü ki eleştirmenler (ve araştırmacılar), «İçimizdeki Şeytan»’a ve yazarına karşı hiçbir zaman nesnel bir yaklaşım sergileyemediler: Yazarı ve eserini ya değişmez bir tutumla onayladılar ya da bütünüyle reddettiler.

Resmî kayıtlara göre, Sabahattin Ali, 1948 yılında illegal yollardan Bulgaristan’a geçmek isterken kendisine rehberlik eden Ali Ertekin tarafından vahşice öldürülmüştür. Bu açıklama Sabahattin Ali’nin yakınları ve sevenleri için hiçbir zaman inandırıcı ve yeterli olmadı. Cinayetin üzerindeki sır perdesinin hâlâ kalkmamış olması ise yazarın muhalif kimliğine duyulan öfkenin dışavurumu olarak yorumlanmaya devam ediyor [Özkırımlı 1978: 16–17; Bayram 1978]. Kesin olarak bilinen, Sabahattin Ali’ye duyulan öfkenin nefrete dönüşmesinde «İçimizdeki Şeytan»’ın birincil derecede etkili olduğudur. Genel kanı, Sabahattin Ali’nin, «İçimizdeki Şeytan»’da eleştiri oklarını bir dönem çok yakın arkadaşı olan Nihal Atsız ve onun da liderliğini yaptığı ideolojiye yönelttiği şeklindedir. Bu algı öylesine

* Bu makalede işlenen sorun daha önce Bulgaristan’ın Ardino kasabasında Sabahattin Ali’nin doğumunun 100. yılı vesilesiyle hazırlanan sempozyumda 20–25 kişilik küçük bir gruba sözlü olarak yapılan sunumda gündeme getirilmiştir.

güçlüdür ki Nihal Atsız, Sabahattin Ali'yi hedef alarak «İçimizdeki Şeytanlar» başlığıyla cevabi bir yazı kaleme almış, bir zamanlar yakın dostu olan muhalifini ve eserini ağır bir dille eleştirmiştir [Atsız 2016: 13–53]. Normal koşullarda iki aydın insanla, en çok da edebiyat dünyasıyla sınırlı kalması beklenen bu tartışma, maalesef karşıt siyasi görüşlere sahip iki grup (sağ ve sol) tarafından benimsenerek önce mahkemeye, sonra da sokağa taşınmış ve şiddet olaylarına dönüşmüştür [Öztekin 2018: 212–236].

Bu çalışmanın amacı, bugüne kadar yapılmış olan siyasete angaje yaklaşımlardan uzak bir tutum sergileyerek «İçimizdeki Şeytan»'ın metinlerarası ilişkilerine dikkat çekmektir. Belirlenen bu amaç doğrultusunda Raymond Radiguet'nin «İçimizdeki Şeytan» (1923) adlı romanı, Christopher Marlowe'un «Doktor Faustus» (yak. 1589 veya 1593) adlı oyunu, Johann Wolfgang Von Goethe'nin «Faust» (1774–1831) adlı trajedisi ve Gonçarov'un «Oblomov» (1859), Turgenev'in «Babalar ve Oğullar» (1862), Dostoyevski'nin «Suç ve Ceza» (1866) adlı romanları çalışmanın ilgi alanında olacaktır.

«İçimizdeki Şeytan» Sabahattin Ali'nin «Kuyucaklı Yusuf» ve «Kürk Mantolu Madonna» arasında yazılmış ikinci romanıdır. Anılan kitapların baskılarıyla ilgili mevcut veriler, yazarın diğer roman ve öykülerine karşı okurun ilgisini tetikleyen ve canlı tutan eserinin «Kürk Mantolu Madonna» olduğu izlenimini veriyor. Bu üç eserin tirajlarıyla ilgili veriler, ilgi sıralamasında «İçimizdeki Şeytan»'ın en sonda yer aldığını gösteriyor. Buna karşın «İçimizdeki Şeytan»'ın tiraj verileri de edebiyat dünyasının ve okurun romana karşı ilgisinin artan bir tempoyla süreklilik gösterdiğine işaret ediyor. Şöyle ki, «İçimizdeki Şeytan» ilk kez 3 Nisan – 29 Haziran 1939 tarihleri arasında «Ulus» gazetesinde tefrika olarak yayımlanmış, kitap formatındaki ilk baskı ise 1940 yılında Remzi Kitabevi tarafından gerçekleştirilmiş. Eser daha sonra uzun aralıklarla ama farklı yayınevleri aracılığıyla okurlarına hep ulaşıyor: Sırasıyla, Varlık Yayınları 1966, Bilgi Yayınları 1974, Cem Yayınları 1982 yılında «İçimizdeki Şeytan»'ın yeni baskılarını yapmış [Korkmaz 1991: 225]. Bu çalışmada incelemek için kullanılan metin Yapı Kredi Yayınları'nın 2010 yılında çıkarttığı 17. baskı olacak. Eserin bu yayınevinden çıkan ilk baskısı 1998 yılına ait: Bundan «İçimizdeki Şeytan»'ın 12 yılda 17 baskısı yapılmış olduğu sonucu çıkıyor. «İçimizdeki Şeytan»'a

duyulan ilginin sürekliliğini kanıtlayan bu tiraj bilgileri, eserin sanatsal değerinin zamanın süzgecinden başarıyla geçip geçmediği sorununu tartışmaya açmak için yeterli olabilir. Buna ilave olarak, siyasi çevrelerden gelen tüm olumsuz tepkilere rağmen yazarın ve eserinin edebiyat dünyasında hak ettiği ilgiden tamamen yoksun kalmadığı, olumlu ve olumsuz eleştiriler aldığı da gözlemleniyor [Filiz Ali ve diğerleri 2014]. Örneğin, üniversitelerin bünyesinde yapılan araştırma ve incelemeler nicelik olarak yetersiz olmakla birlikte renkli bir görünüm sunuyor. 23.01.2020 tarihinde Yükseköğretim Kurulu Tez Merkezinde yaptığımız taramada 1991–2019 yılları arasındaki Sabahattin Ali ve eserlerini konu alan (ikisi İngilizce olmak üzere) toplam 41 tez savunulduğu kaydına ulaştık. Farklı üniversitelerin bünyesindeki eğitim bilimleri fakültelerinde üç, Türk dili ve edebiyatı anabilim dallarında toplam yirmi, dilbilim bölümlerinde üç, karşılaştırmalı edebiyat bilimi anabilim dallarında dört, Mütercim Tercümanlık Bölümü, Batı Dilleri ve Edebiyatı Bölümü, Alman Dili ve Edebiyatı, İspanyol Dili ve Edebiyatı, Leh Dili ve Edebiyatı, Fransız Dili ve Edebiyatı, İnsan ve Toplum, Film ve Drama, Sosyoloji, Uluslararası İlişkiler, Tarih ve Felsefe anabilim dallarında birer tez savunulmuş. Bunlardan üçü doktora, diğerleri yüksek lisans tezi. Bu çalışmaların yalnızca biri doğrudan «İçimizdeki Şeytan»'ı konu alıyor, ancak bu tezde eser dilbilimsel açıdan incelenmiş. Dört tezde ise «İçimizdeki Şeytan» üzerine yapılmış değerlendirmeler var ama hiçbirisi salt «İçimizdeki Şeytan» hedeflenerek yapılmamış.

«İçimizdeki Şeytan»'ı bu çalışma için ilginç kılan başka bulgular da var: Birincisi, Fransız edebiyat tarihinde aynı adla yazılmış bir başka eserin daha kayıtlı olması: Bu eser Raymond Radiguet'nin (1903–1923) «İçimizdeki Şeytan» («Le Diable au corps/ The Devil in the Flesh») [Radiguet 2015] adlı romanı. Bu bağlamda akla şöyle bir soru geliyor: Sabahattin Ali'nin eserinin Fransız yazar Raymond Radiguet'nin romanıyla aynı adı taşıması bir tesadüf olabilir mi? İkincisi, Sabahattin Ali'nin eser kişilerinin Rus edebiyatından bazı eser kişileriyle benzerlikler taşıması. Örneğin, Sabahattin Ali'nin yarattığı eser başkışısı Ömer eylemsizliği ve kararsız oluşuyla Gonçarov'un «Oblomov»'undan, yine Ömer ve arkadaşı Nihat üniversite öğrencisi olmaları ve tartışma biçimleri ile Turgenev'in «Babalar ve Oğullar»'ından esintiler taşıyor. Ayrıca Ömer'in işlediği

suçlar ve bu suçlara verdiği tepkide Dostoyevski'nin eserlerinde yorumladığı suç ve ceza motiflerinden izler bulmak mümkün. Tüm bu benzerlikleri nasıl yorumlamak gerekiyor? Sabahattin Ali'nin Rus edebiyatıyla ne düzeyde bir bağlantısı vardı? Rus yazarların eserlerini özgün metinlerden okuyabiliyor muydu?

Bu noktada yukarıda anılan eserler ve yöneltile sorulardan bir süre uzaklaşıp, İngiliz yazar Christopher Marlowe'un «Doktor Faustus» adlı oyununu ön plana çıkartmak yerinde olacaktır. Çünkü bu eser, Sabahattin Ali'nin «İçimizdeki Şeytan»'ı da dâhil olmak üzere, anılan tüm eserler için esin kaynağı olma potansiyeline sahip.

Mina Urgan, Christopher Marlowe'u Türk okurlarına, «Shakespeare'den önceki tek büyük oyun yazarı<...>» olarak tanıtıyor. Edebiyat dünyasında «Doctor Faustus» (ilk kez 1588'e doğru sahneleniyor) olarak anılan eserin özgün adı «Doktor Faustus'un Trajik Öyküsü»'dür (The Tragical History of Doctor Faustus). Bu esere prototip olan Faust ise, XV. yüzyılın sonlarıyla XVI. yüzyılın ilk yarısında Almanya'da yaşadığı varsayılan ve ruhunu şeytana sattığı rivayet edilen bir sihirbazdır. Mina Urgan'ın aktardığı bilgiye göre, Marlowe, Faust'un efsanesini İngilizceye yapılmış bir çeviriden öğreniyor ve konuyu dönüştürerek eserinde işliyor. Marlowe'un bu eseri, iki yüzyıl sonra Goethe'nin «Faust»'una (1790) esin kaynağı olacaktır [Urgan 2010: 213].

Doktor Faustus'un yaşam öyküsünde bu çalışmanın araştırma konusunu ilgilendiren bölüm şöyle: Faustus bir bilim adamıdır. Öğrenilebilecek ne varsa öğrenmiştir ama o bununla yetinmez; insanlığın sınırlarını aşarak, sıradan insanların öğrenemeyeceği şeyleri de öğrenmek ister. Büyü yapmayı öğrenir ve Mephistophilis adlı şeytani çağırır. İsteklerine kavuşmak ihtirasıyla şeytanla anlaşma yapar. Anlaşma gereği şeytan, Faustus'un ömrünü 24 yıl uzatacak, karşılık olarak da Faustus'un ruhunu 24 yıl boyunca kullanacaktır. Faustus isteklerine kavuşur ama vicdan azabı çeker; ruhu iyilik meleği ile kötülük meleğinin mücadelesi alanına dönüşmüştür. Bu düalistik durum, Sabahattin Ali'nin romanında eser başkışısı Ömer'i eylemsizliğe yönelten ciddi bir sorun olarak işlenmiştir. Ömer'in içindeki iyilik ve kötülüğün mücadelesi, özellikle de gerçekleştirdiği suç eylemlerinin tüm süreçlerinde somut olarak görülür.

Christopher Marlowe'un yorumuyla şeytanın neden olduğu söz konusu ikircikli durum Sabahattin Ali'den önce, Raymond Radiguet tarafından işlenmiştir. Hakkında yeterli bilimsel çalışma olmasa da kronolojik sıralama takip edilirse Raymond Radiguet, Christopher Marlowe'un «Doktor Faustus»'undan ve Goethe'nin «Faust»'undan bihaber olamaz çıkarımı yapılabilir.

Radiguet de Marlowe ve Goethe gibi konuyu dönüştürmüş: Fransız yazarın ilgisi, Marlowe'un kahramanı Faustus'un Troyalı Helena'ya karşı duyduğu aşka odaklanmış. Radiguet, «İçimizdeki Şeytan»'da adını vermediği on altı yaşlarında bir kolej öğrencisiyle Marthe'in ayıplı aşkını anlatıyor. Bu aşk ayıplıdır, çünkü Marthe'in nişanlısı (birkaç ay sonra da kocası) olan delikanlı askerlik görevini yapmaktadır ve ülkesi için savaş alanındadır. Dolayısıyla bu aşkın, ulusal değerleri zedeleyen bir yönü vardır ve ne vicdanlarda ne de toplumda kabul görmesine olanak yoktur. Radiguet'nin isimsiz kahramanı, Marthe'a olan tutkulu aşkıdan vazgeçmesi gerektiğini kendisine fısıldayan iç sesiyle yasak aşkıdan ayrılmasını engelleyen ikinci iç sesi arasında tercihini şeytanla yaptığı iş birliğinin tadını çıkarmak yönünde kullanıyor ve sorunun kaynağının içindeki şeytan olduğunu söylüyor.

Radiguet'nin yeni yetme kahramanına yaptırdığı bu savunma, bu çalışma için önemli. Çünkü bu, Sabahattin Ali'nin «İçimizdeki Şeytan»'da yalnızca Raymond Radiguet'nin eserinin adına değil, eser başkişisinin bu savunmasına da doğrudan atıfta bulunduğu anlamına geliyor. Sabahattin Ali'nin romanında eser boyunca tam 26 kez «şeytan» anılır¹. Ömer'in gündeme getirdiği, kendisini eylemsizliğe iten «içimizdeki şeytan» eserin diğer kişileri tarafından da eleştirilir ve tartışmaya açılır. Romanın sonunda tartışma yine Ömer tarafından sonlandırılır: «İçimizdeki şeytan pek de kurnaz olmayan bir kaçamak yolu... İçimizde şeytan yok... İçimizde aciz var... Tembellik var... İradesizlik, bilgisizlik ve bunların hepsinden daha korkunç bir şey: hakikatleri görmekten kaçmak itiyadı var» [Ali 2010: 162–163]. Böylece Sabahattin Ali hem «içimizdeki şeytanın» varlığını

¹ Sabahattin Ali'nin eserinde «içimizdeki şeytan» 45, 49, 53(üç kez), 54 (iki kez), 122, 134, 150 (iki kez), 171, 190 (iki kez), 193, 194 (iki kez), 240 (iki kez), 262 (beş kez), 263 ve diğer sayfalarda tartışmaya açılmıştır.

sorguluyor hem de Doktor Faustus'un Troyalı Helena'ya duyduğu aşka getirdiği yeni yorumla Christopher Marlowe'un kurmacasına alternatif sunuyor. Özetleyelim: Ömer Macide'ye, Faustus'un Troyalı Helena'ya olan tutkusunu çağrıştıran bir tutkuyla âşık olur ama âşık olduğu kadına, Christopher Marlowe'un eserinde olduğu gibi şeytanın aracılığı ile kavuşmaz. Çünkü Macide de Ömer'i sevmiştir ve kendi isteğiyle Ömer'le birlikte yaşamaya başlamıştır.

Ömer, Faustus'la karşılaştırıldığında aşkına ulaşırken çok daha başarılı olmasına karşın tembeldir, Macide'ye duyduğu aşkı uzun süre sürdürebilecek güçte değildir. Sonunda da âşık olduğu kadını Bedri'ye emanet eder, hem de akıllara durgunluk veren bir sunumla: «İstersen onu al, bir kardeş gibi yanında tut, istersen onunla evlen...» [Ali 2010: 264]. Edebiyatseverler aşkın benzer şekilde tüketilmesine ve tembel âşığın benzer şekilde sahneden çekilmesine çok daha önce Rus yazar Gonçarov'un (1812–1891) 1859 yılında okurlarıyla buluşan «Oblomov» adlı romanında tanıklık etmişti. Bir eser kahramanı olarak Oblomov, ünü içinden çıktığı kültürün sınırlarını aşmış bir tembeldir, o tembelliğin sembolü olmuştur: Tembellik Oblomovluk olarak anılmaya başlamıştır. Oblomov da sevgilisi Olga'nın aşkını sürdürebilecek enerjiye sahip değildi. Olga'ya yazdığı mektupta, «İçinizdeki bilinçsiz aşk ihtiyacı, asıl gıdasını bulamayınca sahte bir alevle yandı» [Gonçarov 1982: 473] diyecektir. Oblomov ve Ömer'in yaşadığı aşk, âşık olunan kadınlar bağlamında şöyle bir benzerlik gösteriyor: Macide de tembel âşiğe verdiği tepkisinde tıpkı Gonçarov'un kahramanı Olga gibidir: Nitekim Ömer'le bir ömür geçirelemeyeceğini anlamış ve ayrılmaya karar vermiştir. Sabahattin Ali'nin uygulamasındaki fark, «İçimizdeki Şeytan»'da mektup yazma eylemini gerçekleştirenin Macide olmasıdır. Ama yazdığı mektubu o da tıpkı Olga'nın gelecekteki hayat arkadaşı Ştolz'a gösterdiği gibi, gelecekteki hayat arkadaşı Bedri'ye gösterir. Sabahattin Ali ve Gonçarov'un eseri arasındaki bir diğer benzerlik, Ömer ve Oblomov'un sevdikleri kadınların müstakbel eşleriyle eski arkadaş, hatta dost olmalarıdır ve aşkı sürdürebilecek güçte olmadıklarını fark edip rollerini bu dostlara (Ömer – Bedri'ye, Oblomov ise Ştolz'a) devrederek sahneden çekilmeleridir.

Christopher Marlowe'un «Doktor Faustus»'unda ve Goethe'nin «Faust»'unda eser başkışileri bilim adamı sıfatını taşıyan yetişkin

erkeklerdi. Onları şeytanla iş birliğine yönelten zaafı ise insanlığı bilgiyle yönetme arzusunun tetiklediği öğrenme isteğinin frenlenemez oluşuydu. Raymond Radiguet'nin 16 yaşındaki kahramanı, İngiliz ve Alman edebiyatlarının Faust'larından farklıydı, o henüz kolejde okuyan bir delikanlıydı. Bu delikanlı kendisinin yaşlılarından daha zeki ve akıllı olduğu iddiasında olsa da bedenine söz geçiremiyor, cinsel arzularına gem vuramıyordu. Sabahattin Ali'nin içindeki şeytana yenik düşen kahramanı Ömer ise, 25 yaşlarında² bir üniversite öğrencisidir. Ömer, öğrenme isteği konusunda öncülleri gibi iddialı olmasa da kendisini ve çevresindekileri eleştirme, yerleşik yargıları reddetme arzusunda ölçsüz bir tavır sergiliyor: «Ben sizi bilirim, civan delikanlılar. Bütün fedakârlık hamleleriniz post kapıncaya kadar sürer!» [Ali 2010: 199]. Tam da bu noktada Sabahattin Ali'nin eserinde yukarıda anılan üç eserde görülenlerden farklı bir damar netleşiyor ve bir kez daha Rus edebiyatına yönelmemize neden oluyor. Yukarıdaki alıntıda Ömer'in eleştirisindeki sertlik Turgenev'in «Babalar ve Oğullar» adlı romanında Bazarov'un Arkadi'yle yaptığı konuşmadaki eleştiri tonunu çağırıştırıyor: «'Aldığı terbiye mi?' diye arkadaşının sözünü kesti, 'Her insan kendi kendini terbiye etmek zorundadır. Ne bileyim işte, hiç değilse benim gibi... Yaşadığı zamana gelince... Ben niçin zamana uyacakmışım?.. İyisi mi, bırak zaman bana uysun! <...>» [Turgenev 1984: 72]. Ömer ve Bazarov'un eleştiri tonlarında yakaladığımız bu koşutluk, tesadüfen oluşmuş yegâne benzerlikten kaynaklanmıyor. «İçimizdeki Şeytan»'ın içerik ve kurgusunda «Babalar ve Oğullar»'daki bazı uygulamalarla koşut olması, Sabahattin Ali'nin bilinçli bir seçim yaptığını belgeliyor. Örneğin, her iki romanda da eser başkışileri üniversite öğrencisi ve belirli bir ideolojinin temsilcisi. Aralarındaki fark; Nihilist Bazarov görüşlerinin doğruluğunu çevresine dayatmaya çalışıyor, Ömer ise, bir zamanlar inandığı Turan ideolojisinden kopma eğiliminde olduğunu gösteren eleştirilerini çevresiyle paylaşıyor ama

² Bu noktada eserin zaman kurgusuyla ilgili açıklanması gereken bir tutarsızlığa dikkate çekmek yerinde olacaktır: «İçimizdeki Şeytan»'da Ömer'in yaşıyla ilgili 13. sayfada verilen bilgiyle 262. sayfada verilen bilgi arasındaki fark açıklanabilecek bir karakter taşımıyor. 13. sayfada anlatıcı Ömer ve Nihat için «Yirmi beş yaşından fazla göstermiyorlar.» diyor, üç ay sonra (262. sayfada) Ömer Bedri'ye «Otuzla yaklaşmaktayım» diyor.

konuşma tonu Bazarov'u aratmayacak sertlikte. Bazarov (Oblomov gibi) Rus edebiyatındaki gereksiz insanlardan birisi. Ömer ise Türk edebiyatındaki gereksiz insanların ilk temsilcilerinden. «Babalar ve Oğullar»'da Bazarov – Arkadi, «İçimizdeki Şeytan»'da ise Ömer – Nihat arkadaşlığı kullanılarak döneme hâkim olan ideolojiler tartışmaya açılmıştır.

Sabahattin Ali «İçimizdeki Şeytan»'ın Dostoyevski'nin «Suç ve Ceza»'sıyla olan akrabalığını şöyle kurmuş: Ömer'in işlediği suçlar (çorap çalma ve tehditle para alma olayları yaşanmıştır) Raskolnikov'un tefeci kadını öldürmesiyle kıyaslanamaz elbette ama Ömer de Raskolnikov da işledikleri suça benzer şekilde tepki veriyor. Her iki kahraman için de suçun iç dünyalarında neden olduğu vicdan azabı taşıyamayacakları kadar ağırdır. Anımsayalım: Ömer bir akşamüzeri Beyoğlu'nda bir mağazada yapılan ucuzluk dolayısıyla oluşan kalabalıktan yararlanarak bir kadın çorabı çalar, amacı çorabı Macide'ye hediye etmektir ama çaldığı nesneyi eve kadar götüremez, en kısa sürede atıp, ondan kurtulur. Aynı şekilde Hüsamettin Efendi'den tehditle aldığı parayı da kullanamaz, iç sesi buna izin vermez ve çok ihtiyacı olmasına karşın bu paradan da en kısa sürede kurtulur. Raskolnikov ise tefecilik yaptığı gerekçesiyle ihtiyar bir kadını ve tesadüfen orada bulunan kız kardeşini öldürür, vicdanını rahatlatmak için polise teslim olur. Ama Ömer'i Raskolnikov'a yakınlaştıran yalnızca suçluluk duygusuyla yaptığı iç hesaplaşmaları değildir: Her ikisi de devamsız üniversite öğrencilerindedir. Raskolnikov maddi sorunları nedeniyle, Ömer ise üşengeç olduğu için üniversitedeki derslerini takip etmez.

Sonuç olarak, yaptığım taramalar sırasında Sabahattin Ali'nin kütüphanesindeki kitaplarla ilgili bir çalışma tespit edemedim. Ama farklı kaynaklardan arkadaşlarının Sabahattin Ali için okul yıllarında çok okuyan bir öğrenci olduğu yönünde verdikleri bilgilere ulaştım [Korkmaz 1991: 10]. Örneğin, Melahat Togar'dan Almanca öğrendiği süreçte Rus yazarların eserleriyle tanıştığını [Korkmaz 1991: 18], yazarın kendisinin yakın çevresine anlattığı öykülerden Goethe'nin «Faust»'unu okuduğunu [Yeşildağ 2017]. Yine üçüncü şahıslardan, Almanca üzerinden aralarında **Turgenev**, Maksim **Gorki**, E. Allen **Poe**, Guy de **Maupassant**, Bernd Heinrich Wilhelm von **Kleist**, Knut **Hamsun**, Ernst Theodor Amadeus **Hoffmann** ve Paul Thomas

Mann'in³ da bulunduđu dünya edebiyatının klasikleriyle tanıştığını öğrendim [Korkmaz 1991: 19]. Bu listeye Dostoyevski'yi de eklemeliyiz [Kalaycı 2017]. Bu bilgiler, öncelikli olarak, «İçimizdeki Şeytan»'ın metinlerarası ilişkilerini tespit etmek için taranması gereken kaynaklara işaret ediyor. İkinci olarak da Sabahattin Ali'nin Türkiye'nin gerçeklerini dünya edebiyatının gerçekleriyle yoğurarak özgün bir metin yarattığını belgeliyor. Toparlırsak, metne bağlı analiz yöntemiyle açığa çıkartılan veriler, «İçimizdeki Şeytan»'ın siyasete angaje bir metin olmaktan çok edebiyat dünyasına ait bir eser olduğunu gösteriyor.

Kaynakça

- Ali 2010 – *Ali, Sabahattin. İçimizdeki Şeytan*. İstanbul: YKY, 2010.
- Ali ve Diğerleri 2014 – *Filiz A., Özkırmı A., Sönmez, S. Sabahattin Ali*. İstanbul: YKY, 2014.
- Atsız 2016 – *Atsız, Nihal. İçimizdeki Şeytan*. İstanbul: İrfan Yayıncılık, 2016.
- Bayram 1978 – *Bayram, Kemal. Sabahattin Ali Olayı*. Cumhuriyet, 14 Ekim 1978. <https://core.ac.uk/download/pdf/38324304.pdf> (erişim tarihi 20.01.2020).
- Dostoyevski 1992 – *Dostoyevski F.M. Suç ve Ceza I-II-III* // çev. Hasan Âli Ediz. İstanbul: MEB Yayınları, 1992.
- Marlowe 1998 – *Marlowe, Christopher. The Tragical History of Doctor Faustus*. Pennsylvania: The Pennsylvania State University, 1998. <http://www.lem.secd.pr.gov.br/arquivos/File/livrosliteraturaingles/faustus.pdf> (erişim tarihi 18.04.2017).
- Gonçarov 1982 – *Gonçarov, Ivan. Oblomov* // çev. Sabahattin Eyubođlu ve Erol Güney. İstanbul: Sosyal Yayınlar, 1982.
- Goethe 1992 – *Goethe J.W. Faust I-II* // çev. Recai Bilgin. İstanbul: MEB Yayınları, 1992.
- Kalaycı 2017 – *Kalaycı, Özgün. Sabahattin Ali'nin «Değirmen»inde Öğütüldük*. İstanbul: Gazete İstanbul, 15 Şubat 2017. <https://gazeteistanbul.com/sabahattin-ali/> (erişim tarihi 18.04.2017).
- Korkmaz 1991 – *Korkmaz, Ramazan. Sabahattin Ali/İnsan ve Eser*. Doktora Tezi. Elazığ: T.C. Fırat Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü, 1991.

³ Not: Bu arada, Paul Thomas Mann'ın da özgün adı «Doktor Faustus: Das Leben des deutschen Tonsetzers Adrian Leverkühn, erzählt von einem Freunde» (1943–1947) olan bir romanı olduğunu, bu eserin Türkçeye «Doktor Faustus» başlığıyla çevrildiğini ve içeriğinde Faust mitine gönderme yapıldığını unutmamak gerekiyor. (Paul Thomas Mann'ın «Faustus»'una ulaşmamı sağlayan Araş. Gör. Fatma Jale Gül Çoruk'a teşekkür ederim).

- Öztekin 2018 – *Öztekin, Hülya*. 1944 Irkçılık-Turancılık Davası ve Basındaki Tartışmalar. Selçuk İletişim Dergisi. 2018. Cilt 11. Sayı 1. S. 212–236.
- Radiguet 2015 – *Radiguet, Raymon*. İçimizdeki Şeytan / çev. Birsel Uzma. İstanbul: Can, 2015.
- Turgenev 1984 – *Turgenev, Ivan*. Babalar ve Çocukları / çev. Hasan Âli Ediz ve Vasıf Onat. İstanbul: Cem Yayınevi. 1984.
- Urgan 2010 – *Urgan, Mîna*. İngiliz Edebiyatı Tarihi. İstanbul: YKY, 2010.
- Yeşildağ 2017 – *Yeşildağ, Arda*. Bir İnsan Olarak Sabahattin Ali. Arsız Sanat. 1 Şubat 2017. <http://arsizsanat.com/bir-insan-olarak-sabahattin-ali/> (erişim tarihi 28.01.2020).

Özet

Bu makalenin amacı, Sabahattin Ali'nin «İçimizdeki Şeytan» adlı romanındaki metinlerarası ilişkilere dikkat çekmektir. Bu amaç doğrultusunda «İçimizdeki Şeytan» metne bağlı analiz yöntemiyle içerik, motif, şeytan imgesi ve eser kişileri bağlamında incelenmiştir. Elde edilen veriler kullanılarak Sabahattin Ali'nin eserinin Raymond Radiguet'nin «İçimizdeki Şeytan», Christopher Marlowe'un «Doktor Faustus», Johann Wolfgang Von Goethe'nin «Faust» ve Gonçarov'un «Oblomov», Turgenev'in «Babalar ve Oğullar», Dostoyevski'nin «Suç ve Ceza» adlı romanları ile bağlantılarına dikkat çekilmiştir. Sabahattin Ali'nin eseri incelenirken benimsenen tutum, bugüne kadar yapılmış olan siyasete angaje yaklaşımlardan uzak durmak olmuştur. Sonuç olarak Sabahattin Ali'nin Türkiye'nin gerçeklerini dünya edebiyatının gerçekleriyle yoğurarak özgün bir metin yarattığı ve «İçimizdeki Şeytan»'ın siyasete angaje bir metin olmaktan çok edebiyat dünyasına ait bir eser olduğu değerlendirilmiştir.

Anahtar Sözcükler

Sabahattin Ali, şeytan, metinlerarasılık, angaje, düalistik, Doktor Faustus, Oblomov, gereksiz insan, Bazarov

Yazar hakkında bilgiler

Karaca, Birsen – Profesör Doktor, Ankara Üniversitesi Dil ve Tarih-Coğrafya Fakültesi Kafkas Dilleri ve Kültürleri Bölümü Başkanı; e-mail: karacabirsen@hotmail.com

Birsen Karaca

Intertextual Relations in Sabahattin Ali's Novel «The Devil in the Flesh»

Summary

The purpose of this article is to draw attention to the intertextual relations in Sabahattin Ali's novel, titled «The Devil in the Flesh». For this purpose, «The Devil in the Flesh» has been examined as part of content, motif, image of the

devil and novel's character by means of text based analysis method. Using the data obtained, attention has been drawn to the connections of Sabahattin Ali's work with Raymond Radiguet's «The Devil in the Flesh», Christopher Marlowe's «Doctor Faustus», Johann Wolfgang Von Goethe's «Faust» ve Goncharov's «Oblomov», Turgenev's «Fathers and Sons» and Dostoyevsky's «Crime and Punishment». While studying the work of Sabahattin Ali, the attitude adopted is to stay away from the engaged approaches to politics that have been carried out so far. As a result, assesment is made that Sabahattin Ali has created a genuine literary text by combining Turkey's realities with the realities of the world literature and «The Devil in the Flesh» is a literary work rather than a politically engaged text.

Key words

Sabahattin Ali, devil, intertextuality, engaged, dualistic, Doctor Faustus, Oblomov, unnecessary person, Bazarov

Information about the author

Birsen Karaca – PhD in Philology, Professor, Head of the Department of Caucasus Languages and Cultures of the Faculty of Philology, History and Geography of Ankara University; e-mail: karacabirsen@hotmail.com

HALİDE EDİB'İN HİNDİSTAN KONFERANSLARI: ORYANTALİZM VE TÜRKİYE ANLATISI

Giriş: Halide Edib Hakkında

Halide Edib Adıvar (1882–1964), Türk Edebiyatının en tanınmış isimlerinden birisidir. Yirminci yüzyılın ilk yıllarında gazete yazılarıyla başladığı yazarlık yaşamına 21 roman, 4 hikaye kitabı, 2 anı kitabı ve 2 oyun sığdırmıştır. Dergi ve gazete yazılarına 1908'de «Tanin» gazetesiyle başlar. «Aşiyân», «Demet», «Musavver Muhit», «Büyük Mecmua», «Mehasin», «Mektep Müzesi», «Yeni Turan», «Resimli Kitap», «Resimli Roman Mecmuası», «Şehbal», «Temaşa», «Türk Yurdu», «Yeni Mecmua», «Hakimiyet-i Milliye», «Doğu», «Vakit», «İkdam», «Akşam», «Son Telgraf», «Tan», «Cumhuriyet», «Yeni Sabah», «Haber», «Hayat», «Yeni İstanbul», «Yeni Ufuklar» ve «Yeni Bilgi» gibi süreli yayınlarda hikaye, roman ve mensur şiirlerinin yanı sıra makaleler de yazar [Enginün 2007: 431–463].

Bunların yanı sıra eğitim ve düşünce dünyasıyla ilgili yazdığı 6 eser daha bulunmaktadır. 1911–12'de büyük ölçüde Horne'dan tercüme ederek, pedagojik bir eser olan «Talim ve Terbiye»'yi yazmıştır. Barnard College'da, misafir öğretim üyesi olarak bulunduğu dönemde verdiği derslerin temelini teşkil eden «Turkey Faces West» isimli kitabı 1930 yılında Yale Üniversitesi tarafından yayınlanmıştır. 1935'te Jamia Millia Islamia Üniversitesinin kurulması için açılan kampanyada davetli olarak gittiği Hindistan'da verdiği konferansları toplayan «Conflicts of East and West in Turkey» isimli eseri aynı yıl Hindistan'da basılmıştır. Halide Edib, 1954 yılında «Turkey Faces West» ve «Conflicts of East and West in Turkey» isimli iki eserinin birleşmesinden meydana gelen «Türkiye'de Şark-Garp ve Amerikan Tesirleri» isimli eserini yazmıştır. Hindistan gezisini anlattığı «Inside

India» ilk olarak 1937 yılında Oxford University Press tarafından yayınlanmıştır. Eserin Türkçesi 1938 yılında «Tan» gazetesinde kısmen ve 1940 yılında «Yeni Sabah» gazetesinde tamamen bir yazı dizisi olarak basılmıştır. Eser, 2014 yılında bu üç farklı yayını göz önüne alınarak «Hindistan'a Dair» adıyla basılmıştır. Ayrıca 1940–1946 yılları arasında 3 cilt olarak basılan «İngiliz Edebiyat Tarihi» adında İstanbul Üniversitesinde profesör olarak çalıştığı dönemde yazdığı bir eseri daha bulunmaktadır [Enginün 2007: 379–414].

Halide Edib, yaşamının belirli dönemlerini anlattığı iki anı kitabını da önce İngilizce yazmış ve yayınlamış; Türkçe baskıları içeriği gözden geçirerek yeniden yazmayı tercih etmiştir. Çocukluk günlerinden 1918 yılına kadar olan dönemini kapsayan hatıraları «Memoirs of Halide Edib» adıyla 1928 yılında Londra'da basılmıştır. Bu döneme dair hatıraları 1955 yılında «Yeni İstanbul» gazetesinde bir yazı dizisi olarak yayınlanmış, 1963 yılında da «Mor Salkımlı Ev» adıyla yayınlanmıştır [Adıvar 2007a: 11]. 1918'den 1923 sonlarına kadar olan dönemi anlattığı anıları ilk olarak 1928 yılında «Asia» dergisinde «My share in the Turkish ordeal» başlığıyla yazı dizisi olarak İngilizce yayınlanmış ve aynı yıl «The Turkish Ordeal» adıyla Londra'da basılmıştır. Bu döneme ait anıları Türkçe olarak önce 1959 yılında «Hayat» dergisinde yazı dizisi olarak ve 1962 yılında «Türk'ün Ateşle İmtihanı» adıyla kitap olarak basılmıştır [Adıvar 2007b: 11].

Halide Edib Adıvar, Osmanlı İmparatorluğunun sonuna, Milli Mücadeleye ve Türkiye Cumhuriyetinin kuruluşuna canlı tanıklık etmiş, hatta tanıklıktan da öte bu sürecin simge isimlerinden birisi olmuştur. Meşrutiyet ve Cumhuriyet dönemi yazar, akademisyen, eylem ve düşünce insanı olarak adını yalnızca Türkiye sınırlarında değil, aynı zamanda dünya genelinde duyurmuştur.

Halide Edib'in Hindistan Seyahati

Halide Edib, Hindistan seyahatini 1937 yılında Londra'da basılan «Inside India» isimli kitapta anlatır. Daha sonra bu seyahate dair izlenimleri, içerik birebir aynı olmamakla birlikte 1938–1941 yılları arasında Türkçe olarak «Tan» ve «Yeni Sabah» gazetelerinde yayımlanır. Bu iki tefrika ve «Inside India»'dan faydalanılarak

seyahat ile ilgili anıları 2014 yılında Can Yayınları tarafından «Hindistan'a Dair» adıyla yeniden yayınlanır. «Hindistan'a Dair»'in sonsözünü de yazan Hülya Adak, edebi açıdan türler-arası bir deney olarak tanımladığı «Inside India»'yı şöyle tanıtır:

«“Inside India”, bir kadın yazarın kaleminden çıkan, katılımcı gözleme, görüşmelere ve biyografiye dayalı, Hindistan'ın bağımsızlık mücadelesinde siyasete ve siyasi aktivizme vurgu yapan, dini pratikleri siyasi aktivizmle iç içe inceleyen, kadın ve erkek aktivistlerin seslerinin mümkün olduğunca duyulmasını sağlamayı hedefleyen bir eser olarak öner çıkar» [Adak 2016: 86].

Çalışmanın konusunu oluşturan konferansların kronolojisinin ve nasıl bir atmosferde gerçekleştiğinin anlaşılabilmesi için Halide Edib'in 1935 yılı Ocak ve Mart ayları arasında gerçekleşen Hindistan seyahatine genel hatlarıyla göz atmak gerekir. «Inside India» ve «Hindistan'a Dair»'de Hindistan seyahati ana hatlarıyla şöyle anlatılmaktadır:

Halide Edib, Hindistan yolculuğuna Cenova'dan kalkan İtalyan yolcu gemisi Victoria ile 1934 yılı Aralık ayının son günlerinde çıkmıştır. «Inside India»'da Bombay'a (Mumbai) 9 Ocak 1935 saat sabah yedide ulaştığından söz eder [Edib 1937: 20]. Ancak Osman Bülent Yorulmaz, «Halide Edib Adıvar'ın Hindistan Hayatı» isimli yüksek lisans tezinde, Hindistan'da yayınlanan «The Hindustan Times» ve «The Bombay Chronicle» gibi gazetelerin haberlerinden yola çıkarak Halide Edib'in Bombay'a 7 Ocak 1935 tarihinde ulaştığını belirtir [Yorulmaz 1988: 9–10]. S.A. Brelvi, 2 Ocak 1935 tarihinde Dr. Ansari'ye yazdığı mektupta «Madam Halide Edib ile ilgili mektubunuzu aldım. Bombay'da karşılanması için tüm ayarlamaları yapacağız. Burada rahat ettiğini ve Delhi'ye gidişinin ayarlandığını göreceğim. Arzu ettiğiniz biçimde size tel göndereceğim...» [Hasan 1960: 233] demektedir. Nitekim, kendisini Hindistan bağımsızlık hareketinde yer alan aktivist Kamaladevi Chattopadhyaya'nın da olduğu Dr. Ansari'nin dostları karşılar. Tüm günü kapsayan yoğun ve yorucu bir programın ardından, aynı gün akşam dokuz buçukta trenle Delhi'ye hareket eder. Delhi'ye ertesi gün akşam dokuzda ulaşır. Tren garında Dr. Ansari liderliğinde öğrenci ve hocalardan oluşan bir kafile tarafından karşılanır ve onu yaklaşık iki ay kalacağı Dr. Ansari'nin evine götürürler. Bu ev,

Hindistan içinden ya da dışından çok sayıda insanın ziyaret ettiği, dönemin siyasi açıdan en önemli buluşma mekanlarından birisidir. Orada kaldığı süre içerisinde Mahatma Gandhi, Muhammed Cinnah, Dr Bhagwan Das, Bhulabhai Desai, Mevlana Şevket Ali, Mevlana Süleyman Nadiri, Muhammed İkbâl, Dr. Zakir Hüseyin, Dr. Selim Zaman, Begum Muhammed Ali, Sarojini Naidu, Profesör Mucip vb. önemli isimlerle birebir iletişim kurma şansı olmuştur. Gandi ile röportaj yapmış ve ayrıca Jamia Millia İslamiye Üniversitesinin açılışı uğruna düzenlenen 19 Ocak tarihindeki konferansa Gandhi de katılmıştır.

Taç Mahal'i görmek için bir geceliğine Agra'ya gitmiş Delhi'deki konferans ve görüşmelerinin ardından Hindistan'ın çeşitli şehirlerini ziyaret etmiştir. Bu seyahatin ilk durağı Aligarh olmuştur. Ziyaret için Aligarh'ın seçilmiş olmasının sebebi, Aligarh Üniversitesi'nin tıpkı Jamia Millia İslamia Üniversitesi'nin yirminci yüzyılda Müslüman düşünce dünyasının ve yaşamının gelişimi açısından oynadığı rolü on dokuzuncu yüzyılda oynayan merkez olmasındandır. Halide Edib, bu okulu kuran Seyit Ahmet'in çağdaş Müslüman Hindistan'ın temelini de attığını; dolayısıyla Müslümanlar arasındaki hareketi anlamak isteyen, Seyit Ahmet'in kim olduğunu ve ne yapmak istediğini anlaması gerektiğini belirtir. Aligarh büyük konferans salonunda yaklaşık bin iki yüz öğrencinin katıldığı bir konferans verir.

Aligarh'tan sonraki durağı Lahor olmuştur. Lahor'dan bir şehir olarak oldukça beğeniyle bahseder. Şehirdeki insan çeşitliliğine vurgu yaparken, inanç olarak çoğunluğun Müslümanlardan oluştuğunu; Hinduların, Sikhlerden de az olduğunu belirtir. Müslüman çoğunluk içinde her türlü mezhebin görülebileceğini, ancak çoğunlukla Sünni ve Ahmedilerin olduğunu söyler. On dokuzuncu yüzyılın sonlarında Gulam Ahmet'in kurduğu bu mezhebin Hinduizmin etkisine kapılan tek İslamiyet akımı olduğu gözlemini paylaşır. Lahor'a bir bilim cemiyetinin davetiyle gitmiştir. Şehrin ileri gelenleriyle misafir kaldığı evde görüşmeler yapar ve kırmızı ipek zemin üstüne sırma işlemeli bir çadırda üç yüz kadar kadının katıldığı bir grupta toplantı yapar.

Lahor'dan sonra Seyit Abdülkayyum'un davetiyle Peşaver'e geçer. Seyit Abdülkayyum kısmen İngiliz taraftarıdır. Orada üç gece iki gün kalır. Akşam yemeklerinde farklı gruplarla özel sohbetler yapılır. Müslüman üniversitesinde bin kadar öğrenci ve bir kaç yüz kişi de

dışardan gelen kalabalık karşısında bir konferans verir. Geldiği gibi sabahın erken saatlerinde Peşaver'dan ayrılır.

Lucknow'da Profesör Mucip'in ağabeyi Vesim'in evinde misafir olur. Halide Edib, Profesör Mucip'i manevi evladı gibi görür. Onun yeni Rus edebiyatını Urdu diline tercüme ettiğinden, Rus düşünce yapısını Müslümanlara tanıttığından bahseder. Bunun dışında İngilizce yazıları, küçük hikayeleri, eleştiri yazıları ve piyesleri de olan bu gencin sanat ve düşünce geleceğini hiçbir ideolojiye esir etmemesinden övgüyle bahseder. Misafir olduğu evin adı Delibağ'dır ve evde üç nesilden ellinin üzerinde insan yaşamaktadır. Konferans 'Kasır' adı verilen tarihi bir binada kulüp üyeleri, işkadınları ve halktan oluşan beş yüz kadar kadımla gerçekleşir. Halide Edib, orada misafir kaldığı günlerde çevre köyleri ve insanların yaşamını, yokluğu ve sefaleti de görme fırsatını bulur. Bunun da etkisiyle biraz hüzünle Lucknow'dan ayrılır.

Dinlenmek ve gezmek için Dr. Bhagwan Das'ın davetiyle Benares'e geçer. Orada, Dr. Bhagwan Das'ın oğlu ve torunlarının evinde kalır. Hindistan bağımsızlık mücadelesinin önemli isimlerinden Babu Shiv Prasad ile tanışır. Hindu Üniversitesi'ni ziyaret eder, Benares sokaklarını gezer.

Benares'ten sonra oldukça yoğun geçen bir programla, üç büyük şehri daha ziyaret eder: Kalküta, Haydarabat ve nihayet gezisinin başladığı Bombay.

Kalküta'ya Hindu Üniversitesi'nin daveti üzerine iki konferans vermek için gitmiştir ve 1913 yılında Dr. Ansari ile İstanbul'a gelen Hint Hilal-i Ahmer heyeti üyesi Abdurrahman Sıtkı'nın misafiri olur. Halide Edib, üniversitenin akademik ve bilimsel havasından etkilendiğini dile getirir. Konferanslarını öğrencilerin talebi üzerine binaların ortasındaki büyük alanda verir. Zira üniversitenin en büyük salonu beş bin kişiliktir, oysa onu dinlemeye yedi binden fazla insan gelmiştir. Kalküta'da kaldığı üç gün içerisinde Hindistan'ın önemli bilim insanlarından Jagadish Chandra Bose ve ünlü şarkıcı Nurucihan'ı ile tanışır. Tagore ile kendisinin Lahor'da bir konferansta olması sebebiyle tanışamaz. Bulduğu üç saatlik boşluğu Kali tapınağını görmek için kullanır.

Osmania Üniversitesinin davetiyle gittiği Haydarabat'ta, Dr. Ansari'nin evinde tanıştığı maliye vekili Ekber Haydari'nin evinde kalır.

12 Mart 1935'te tren yoluyla Bombay'a döner. Hakim Faiz Tyebeği'nin misafiri olur. Her sınıftan Bombaylı kadının katıldığı, aristokratlar ve zenginler kulübündeki konferansa, valinin karısı başkanlık eder. Orada kaldığı süre içerisinde farklı kesimden insanların katıldığı davetlerde yer alır ve son toplantı yaklaşık dört yüz kişinin katılımıyla belediye binasının geniş damında bir akşam yemeği biçiminde gerçekleşir. «Hindistan'a Dair»'in son bölümünde Bombay'dan ayrıldığı 14 Mart 1935 gecesinden, yıldızlı gökyüzü ve tüm katılımcılarla hep bir ağızdan söylediği «Vande Mataram»dan bahseder.

Konferansların içeriği

Halide Edib, 15 Ocak – 9 Şubat 1935 tarihleri arasında Yeni Delhi'deki Jamia Millia Islamia Üniversitesi bünyesinde sekiz konferans vermiştir. Konferansta yapılan sunum metinlerinin uyarlamasıyla oluşturulan «Conflicts of East and West in Turkey» isimli kitap aynı yıl üniversite tarafından basılır. Dr. Ansari, kitabın önsözünde bu konferansların, dış dünyanın sembol kişilikleriyle temas kurma ve diğer insanların sorunlarını ve ideallerini inceleyerek kendi deneyimlerimizi zenginleştirmek gibi çift yönlü bir amaçla organize edildiğinden bahseder [Edib, 1935: i]. Nitekim konferanslar, yalnızca halk tarafından değil, Hindistan'ın siyaset, bilim, sanat, edebiyat camiası tarafından da büyük bir ilgiyle karşılanmıştır. Adak, bilet satın alan onbinlerce izleyicinin konferans salonlarını doldurduğundan bahsederek, «Haydarabad'da Şehir Meclisi'nde yaptığı konuşmaya 5 bin kişi, Kalküta'daki konuşmasına ise 10 binin üzerinde» dinleyicinin katıldığını aktarır [Adak 2016: 84]. Halide Edib, dördü Hindu ve dördü Müslüman olmak üzere konferanslara sekiz ismin başkanlık ettiğinden bahseder [Edip 1937: 81–94]. Yorulmaz, yerel basın kaynaklarından yararlanarak konferans tarihlerini ve oturum başkanlarının isimlerini şöyle aktarır:

1. 15 Ocak 1935 – Dr. Ansari, 2. 19 Ocak 1935 – Mahatma Gandhi, 3. 22 Ocak 1935 – Bhulabhai Desai, 4. 29 Ocak 1935 – Maulana Sulaiman Nadvi, 5. 31 Ocak 1935 – Sir Mohammad Iqbal, 6. 2 Şubat 1935 – Maulana Shaukat Ali, 7. 5 Şubat 1935 – Sarojini Naidu ve 8. 9 Şubat 1935 – Dr. Bhagavan Das [Yorulmaz 1988: 13–15].

Konferansların başlık ve özet olarak içerikleri şöyledir:

1. Devlet Kurucu Olarak Osmanlı Türkleri [Edib 1935: 1–32]: Halide Edib, konuşmasına Doğu ve Batı çatışmasının incelenebileceği en belirgin coğrafyanın, tarih boyunca iki coğrafyayı birleştiren ve Cumhuriyet Türkiye'sinin sınırları içinde kalan bölge olduğunu belirleyerek başlar. Böylelikle anlatımına mekânsal bir sınırlama getirir. Ardından Doğu ve Batı ayrımı yaparken, Kur'an'dan bir alıntıyla insanlığın tek ve ortak bir kaynağı olduğunu, farklı bölgelerde yaşanan renk, özellik, dil, medeniyet ve davranış farklılıklarının iklimsel, çevresel ve tarihsel etkilerden kaynaklandığını savunur. Ardından eski uygarlıklardan örneklerle Doğu ve Batı'da bireyin kişilik özelliklerini şekillendiren siyasi, çevre ve inanç faktörlerine değinir.

Roma'yı Batı medeniyetinin ilk ifadesi olarak gösterir. Edib'e göre Romalılar, tek bir orijinal fikre sahip olmasalar da, mevcut fikirleri sentezlemeyi ve yepyeni bir medeniyet yaratmayı başarmışlardır. Batı'nın, dünyanın yedi harikasından hiçbirini üretmemiş, dini Doğu'dan almış da olsa Eski Yunan'dan gelen felsefe ve bilim ile, Romalıların yönetim ve devlet yapılanması fikirlerini sentezleyerek Avrupa kıtasını inşa ettiğini söyler. Bir din olarak Hıristiyanlığın, Batı'nın putperest Roma'dan miras aldığı aşırı materyalizmi hafifletmesi ve manevi açıdan zenginleştirmesi beklenirken, Batı'yı tek bir isim altında manevi hale getirdiğini ve birleştirdiğini, ancak Hıristiyanlığın da Batı'da temel olarak değiştirildiğini savunur.

Doğu ve Batı arasındaki çatışmaya, Türk tarihindeki aşırı vurgulanmış maneviyat ve aşırı vurgulanmış materyalizm çatışması üzerinden değinir. Anadolu ve Türklerin tarihine kısaca değinerek, Osmanlıların Anadolu'ya geldiklerinde nasıl bir siyasi yapıyla karşı karşıya olduklarından bahseder. Konuşmasında Osmanlı ve Roma devlet yapılanmaları arasındaki benzerliklere değinir. Osmanlıların devlet kurucu hale gelmesine yol açan unsurları şöyle formüle eder: Osmanlı Türklerinin gücü ve göçebelik meziyetleri + İslami adalet ilkeleri ve ırk ayrımcılığı yapmamaları + Yunan beden eğitimi fikirleri + Bizans örgütü + Roma gerçekçiliği ve gücü + Platon'un 'Cumhuriyeti'. Görüşlerini Gibbon, Lybyer gibi bilim insanlarına yaptığı atıflarla desteklemektedir.

Osmanlı sisteminin temellerini bir diyagram yardımıyla anlatır. Bu diyagramda, bir kast yapılanması gibi dört temel sınıftan bahseder.

İlk sınıf (A), yasama ve yürütme organlarından oluşan Merkez Devlettir. Bu sınıfın İslam'ın birleştirici gücü ile Roma'daki gibi Ebedi Devlet idealini benimseyen eğitim sistemine dayandığından bahseder. Bu sınıfın istihdamında yürütülen Devşirme sistemine değinir. İkinci sınıfı Müslümanlar (B), Ortodokslar (B1), çoğunluğu Ermenilerden oluşan Gregoryenler (B2) ve Yahudiler (B3) olmak üzere kendi içinde dörde ayırır. Üçüncüsü (C) Şeyhülislam'ın başını çektiği, görevi Müslümanların dini ve adli işlerini denetlemek olan bağımsız ve eğitilmiş bir sınıftır. Dördüncü sınıf (D), Ordu ve ilk sınıftaki sivil yönetimden oluşur.

Konuşmasının geri kalan kısmında iki konuyu ön plana çıkardığı görülür. Öncelikle Hindistan'da çok karşılık bulmuş hilafet konusuna değinir. Ardından, konuşmasının önceki bölümlerinde Romalılarla Osmanlıları karşılaştırdığı gibi, bu kez de Osmanlı sistemini Sovyet Rusya ile karşılaştırır.

Halide Edib, konferansın sonunda dünyanın, büyük bir karmaşa içinde olduğuna vurgu yaparak sözlerini şöyle bitirir: Doğu ve Batı çatışmasında Osmanlı Devleti'nin kuruluşunda fikir olarak dikkat edilmesi gereken nokta Doğu'nun üstünlüğüdür. Osmanlıların birey haklarının dokunulmazlığını kabul etmesini ve saygı duymasını sağlayan İslam'dı.

2. Osmanlıların Çöküşü [Edib 1935: 33–69]: Halide Edib, oturum başkanlığını yapan Mahatma Gandhi'ye hitaben onu öven sözleriyle konuşmasına başlar. Konuya insanların yeni bir güne güçlü ve enerjik başlayabilmesi için uykuya ihtiyaç duyduğu gibi, devletlerin ve medeniyetlerin de çöküşle birlikte bir yenilenme sürecine girdiklerini anlatan bir benzetmeyle girer. Doğu medeniyetinin Çin, Hindistan ve Yakın Doğu'da uyanış belirtileri gösterdiği tespitini sunarak, “hepsine günaydın!” der.

Edib'e göre Osmanlı Devleti'nin zirvede olduğu Kanuni Sultan Süleyman döneminde, Kafes sistemi gibi yapıyı zayıflatacak uygulamalar ortaya çıkmaya başlar. İlk konferansında belirlemiş olduğu devlet yapısını gösteren diyagram üzerinden on yedinci yüzyıldan itibaren sistemin olumsuz yönde değişimine sınıf bazlı örnekler verir. Bir yandan gerilemenin devlet yönetimi, eğitim sistemi, yargı ve orduda yarattığı tahribatın, toplumun bütün kesimlerinde bozulmaya yol açtığını anlatırken, diğer yandan da

Batı'nın deęiŐen g c dengeleri ierisinde Osmanlı Devleti karŐısında nasıl bir politika geliŐtirdiđine deęinir. Ekonomik k t ye gidiŐ hızlanır, kapit lasyonlar nedeniyle zarar artar ve sadece ticari deęil yabancılardan ayrıcalık elde etmesine yol aan yasal bazı tavizler verildiđinden; Balkanlarda, dine ve milliyetiliđe dayalı ayrılık, bağımsızlık hareketleri baŐladıđından bahseder. Bu noktada Rusya'nın oynadıđı rol n altını izer.

On sekizinci y zyılın sonlarında ve  zellikle K çük Kaynarca AntlaŐması'ndan sonra Osmanlı H k meti'nin tehlikeyi ve reform ihtiyacını fark ettiđini belirtir. Ardından bir dahi olarak andıđı III. Selim'den itibaren Osmanlı Devletinin son d nemine ait  nemli g rd đ  siyasi olayların bir  zetini aktarır. KonuŐmasında yer verdiđi son Osmanlı padiŐahı, «Modern T rkler ve talihsiz Osmanlı hanedanı iin bir ulusal yas g n  belirlenseydi, bu onun tahta ıktıđı g n olurdu» diye bahsettiđi Abd lhamid'dir.

Konferansı, 1909 yılında gelinen durumu deđerlendirerek, «Osmanlı İmparatorluđu'ndan geriye kalana bakıldıđında, Dođu – Batı atıŐması aısından, Batı'nın zafer Őansı daha y ksekti» s zleriyle tamamlar.

3. Devrim ve SavaŐ [Edib 1935: 70–100]: Halide Edib, ilk iki konferansında olduđu gibi kronolojik olarak anlattıđı Osmanlı tarihiyle ilgili bilgiler vermeye devam eder. KonuŐmasının odađına İttihat ve Terakki ile J n T rkleri koyarak, D nya siyasetinin giderek gerildiđi ve sertleŐtiđi yirminci y zyılın ilk yıllarında  zellikle Rusya'nın oynadıđı siyasetin Osmanlı Devletini d Ő rd đ  duruma deęinir. Balkan SavaŐları'nı, B y k SavaŐ'ın genel provası olarak tanımlarken, her ikisinin de hazırlanması ve sahnelenmesine b y k rol oynadıđını iddia ettiđi Iswolsky'nin y nettiđi Balkan siyaseti sonucunda etnik ve din ayrılıđına dayalı ciddi bir atıŐma ortamı dođduđunu savunur. Edib'e g re Batı'nın Osmanlı Devleti'nin iinde olduđu duruma karŐı fırsat kollayan tavrı, aynı zamanda Rusya'nın bođazlar ve geniŐleme politikasının  n n  kesmeye y nelikti.

Halide Edib, Devlet siyasetinde etkin rol oynayan bir grup olarak J n T rkleri, «Tanzimat J n T rkleri» ve «İttihat ve Terakki J n T rkleri» olarak ayırmakta ve karŐılaŐtırmaktadır. Eski J n T rkleri, devlet adamı ya da yazarlardan oluŐan, rahat ve egemen sınıflardan gelen, ok k lt rl  ve uzlaŐmaz idealist insanlar olarak tanımlarken;

İttihat ve Terakki Jön Türklerinin küçük burjuvazi kökenli subaylar ya da küçük memurlar olduğundan, ana şekli veren kademede sağlam bir entelektüel, eski ve yeni dünyayı analiz edebilen ve karşılaştırabilen kimseye rastlanmadığından bahseder.

Edib'e göre İttihat ve Terakki Jön Türklerinin tarihsel eleştirisi zor bir konudur, çünkü politikalarında içsel veya dışsal birlik yoktur. Bununla birlikte dönemin iç ve dış siyasi dengelerine bağlı olarak düşünce ve ideolojilerinin bir hükümet politikası olarak, Milliyetçilik, Panislamizm ve Panturanizm olmak üzere üç temel politik, sosyal ve kültürel hareket ürettiğinden bahseder. Bir dizi ekonomik ve eğitim reformu gerçekleştirdiklerini, verimli bir idari mekanizma kurduklarını söyler.

4. Türkiye Cumhuriyeti [Edib 1935: 101–124]: Halide Edib, konuşmasına Mondros Ateşkes Antlaşması sonrasında, İttihat ve Terakki Partisinin istifa edip, Jön Türklerin önde gelen liderlerinden bazılarının ülkeyi terk ettiği 1918 Türkiye'sinin siyasi atmosferini anlatarak başlar. Hükümet'in kukla bir Parlamento ile yeni seçim emri vermeyen Sultan'ın, işgalci güçlerin elinde kaldığını söyler. Halkı temsil edecek bir muhalefet partisinin önemini vurgulayarak, tek partili hükümet sistemine de bir eleştiri getirir.

Katliamlar ve trajediyle geçen acı dolu on yılın ardından yenilenler kadar galip gelenlerin de özlemle evrensel bir barış arzusu duyduğunu ifade eder. Bu süreçte belki de en çok acı çeken Türkler, barış için yüksek bir bedel ödemeye hazırdır. Llyod George ve Başkan Wilson'dan yaptığı alıntılarla Türkler için belirlenen bedelin Batılı devlet adamlarınca Ateşkes öncesinde tanımlandığının altını çizer. Arnold Toynbee'nin «Türkiye» kitabından yaptığı alıntıyla, Türklerin silahsızlanmaya başlamasıyla ödetecek bedelin tanımlanan sınırlarda kalmayacağını anlaşıldığını vurgular. Edib, Osmanlı Devletinin topraklarının üçte ikisini kaybetmeye razı olurken, Türklerin çoğunlukta olduğu Anadolu'nun kurulacak yeni devletlere paylaştırılma planları hayata geçmeye başladığında, tepkinin önce halktan geldiğinin altını çizer. Bir işgal başlamıştır ve halkın, yapılan katliam, yağma ve kundaklamaları protesto etmek amacıyla toplantılar yaptığından söz eder. Toplumun içinde olduğu bu kargaşa ortamından kadın erkek toplumun her kesiminden insanın katkısıyla bir bağımsızlık mücadelesi doğar.

Konuşmasına bu olağanüstü tarihsel drama, bir tanık ve mütevezzi bir katılımcı olduğunu belirttikten sonra mücadele süreci ve yaşananlarla ilgili detaylar vererek devam eder. Milliyetçi örgütlenmenin Müttefiklerin ve İstanbul Hükümeti'nin tüm çabalarına rağmen giderek güçlendiğini, Mustafa Kemal, Refet ve Ali Fuad Paşalar ile Rauf Bey'in 19 Temmuz 1919'da Amasya'da bir araya gelerek mevcut Türk Devletinin ilk anayasal belgesi olan Amasya Protokolü'nü imzaladıklarını anlatır. Ardından Erzurum ve Sivas'ta yapılan Kongrelerle, Anadolu, Sultan'ın hükümetinden ayrılarak sivil ve askeri yönetimi eline alır. Edib, oluşturulan Ulusal Pakt ile Müttefiklere, ateşkes öncesi tanımlanan koşullara uymaları ve zulmü sona erdirmeleri için bir seçenek sunulduğunu belirtir.

Konuşmasına yeni Türkiye'nin Kurucu Meclisi olan ilk meclisten ve kurduğu Büyük Millet Meclisi Hükümeti'nden bahsederek devam eder. Bu hükümetin, Doğu'da halk tarafından yaratılan ve halk için hareket eden ilk hükümet olduğunu söyler. Bunun, Doğu ve Batı çatışması dediği verme ve alma sürecinde, Batı'nın Doğu'ya yaptığı en iyi armağanlardan biri olduğunu savunur.

Halide Edib, Lozan Konferansında imzalanan Barış Antlaşmasıyla Büyük Millet Meclisi Hükümeti'nin Ulusal Paktın tüm maddelerini Müttefiklere doğrulattığını dile getirirken; konuşmasının savaşla ilgili kısmını, mücadelede adı geçen büyük isimlere haklı ve adil şekilde duyulan hayranlık kadar, milletlerin barış ve onur içinde yaşayabilmesi için acı çeken ve yaşamını vererek insanüstü katkılar sunan adı dahi bilinmeyen her yaş ve cinsiyetteki şehitlerin de hatırlanması gerektiğini söyleyerek tamamlar.

Konferansın geri kalan bölümünde Cumhuriyetin ilanıyla birlikte yaşanan siyasi gelişmelerden bahseder. Yeni Türk devletinin yaşamını üç döneme ayırır. 1920–1923 yıllarını Büyük Millet Meclisi Hükümeti dönemi olarak isimlendirir. Radikaller, Muhafazakar–Liberaller ve azınlıktaki aşırı Muhafazakarlar olmak üzere üç farklı düşünce grubundan oluşan bu meclis döneminde oy birliğiyle Saltanat kaldırıldığını söyler. 1923–1925 yıllarını kapsayan ve aşırı Muhafazakarların yer almadığı ikinci dönemde (Mart 1924) halifelik kaldırılır.

1925 yılında İlerici Cumhuriyetçiler ve Halk Partisi olarak iki partiye ayrılan meclis, aynı yıl tekrar, Halk Partisi tarafından

yönetilen tek partili sisteme döner. Konuşmasında tarih belirtmemiş olmasına rağmen, reformların radikalleşmeye başladığını iddia ettiği 1926 yılı ve sonrasını üçüncü dönem olarak gördüğü düşünülebilir.

Konferansın kalanında özellikle 1926'da benimsenen İsviçre Kanunu değerlendirir. Edib'e göre Osmanlı Devleti'nde yedi yüzyıl boyunca süren Doğu ve Batı çatışması, kabulü ne kadar tatsız olsa da Batı için bir zaferle sonuçlanır.

«Kültür, halkın özü sadece kendi topraklarında büyüeyen ve gelişebilen bir bitkidir» der ve sözlerini sonraki iki konferansta Türk yaşamının bu yönünü gözden geçireceğini söyleyerek bitirir.

5. Edebiyat ve Kültür I [Edib 1935: 125–162]: Konuşmasına Osmanlı Türklerinin, Amerikalılar gibi karışık bir toplum olduğunu, çok sayıda farklı milletin birlikte yaşayarak güçlü bir ulus bilinci ortaya koyduklarını ve bu birliğin dilden geldiğini söyleyerek başlar. Edib'e göre, yabancı etkilere ve farklı dönemlerden itibaren eklenen çok sayıda yabancı kelimeye rağmen, Türk dili yapısal tekliğini ve özelliklerini korumuştur. Türkçenin dilbilim açısından kökenine kısaca değinir ve dilin Osmanlı döneminde gelişiminin doruğuna ulaştığını belirtir.

Halide Edib, bu konferansta İslamiyet öncesi, Selçuklu ve Osmanlı olmak üzere üç farklı dönemde din, toplumsal yaşam ve siyasi gelişmeler ışığında Türk kültürünü edebiyat üzerinden aktarmaya çalışmış ve yorumlamıştır.

İslamiyet öncesi dönemden bahsederken Orhun Anıtlarına değinir ve Oğuzname'den örnekler verir. Düşünce ve edebiyat alanlarında İslamiyet öncesi Türk tarih ve kültürüne olan ilginin son yirmi beş yıl içinde arttığını belirtir. Eski Türk kültürünün izlerinin gündelik yaşamın farklı alanlarında ve edebiyatta hala bulunduğunu savunur. Edib'e göre Türkler bireyden ziyade, her zaman grubu ön planda tutmuştur. Türk kültüründe misafirperverlik, cömertlik, ebeveynlere saygı ve dürüstlük gibi tüm insanlığın benimseyeceği erdemlerin yanı sıra iki özelliğin Türklere özgü olduğunu söyler. Bunlar her zaman daha zayıf tarafa yardımcı olma dürtüsü ve her türlü olası sıkıntıya cesurca dayanabilme azmidir.

Türklerin İslam dinini benimsemesinin ardından edebiyat alanında temel özellikleri kaybetmeksizin yeni değerlerle renklendiğini, Selçuklu edebiyatı ve kültürü açısından değerlendirildiğinde on üçüncü

19. yüzyılda en yüksek düzeyine ulaştığını belirtir. Edib'e göre Selçuklular devlet inşasında olmasa bile edebiyatta Osmanlılardan daha dikkat çekicidir. Selçuklu döneminin edebi faaliyetlerini üç açıdan değerlendirir. İlk olarak dinin, savaşan askerlerin diline ve motive edici destanlarına yansımaya değinir. İkinci sırada din dışı edebiyata değinir. Selçuklu döneminde de eskiden olduğu gibi hayvan ve doğa hikayelerine sıklıkla rastlanırken Selçukluların sonu ve Osmanlıların ilk dönemlerinde özellikle Ege bölgesinde ortaya çıkan, Zeybek veya Efe olarak adlandırılan, güçsüzün yanında, devlet ve zengin zulmüne karşı mücadele veren kişi ya da grupların kahramanlık destanlarından bahseder. Üçüncü ve en önemli gördüğü grup tasavvufa dayalı edebiyattır. Ahmet Yesevi, Hacı Bektaş ve Yunus Emre'nin adını on üçüncü yüzyılda ortaya çıkan bu hareketin en önemli isimleri olarak sayar. Konuşmasında Selçukluların gerileme döneminde düşünceleri şekillendirmede ve sosyal dayanışma yaratmada büyük rol oynadığını belirttiği dergahlara da yer verir. Bektaşî dergahı ve Mevlevî dergahı ile kurucusu Mevlana Celâleddîn-i Rumi hakkında bilgi verir. Yanı sıra Mevlana'nın çağdaşı Muhyiddin İbnü'l-Arabî'ye de değinerek çeşitli alıntılarla anlatımını zenginleştirir. Osmanlı dönemine geçmeden önce bir ekonomik ve sosyal örgüt olarak ortaya çıktığını belirttiği Ahileri ele alır. Edib, konuşması sırasında İbn-i Batuta'nın seyahatnamesi ve Yahya bin Halil'in Fütüvvetnamesi'nden alıntılarla Ahilik hakkında verdiği bilgilere gönderdiği bir makaleyle bazı düzeltme ve eklemeler yapmıştır [Edib 1935: 248].

Osmanlı döneminde Türkçe'nin mahkeme dili olduğunu ve sonrasında gelişerek, kendi özünü bulduğunu söyler. Osmanlı dönemi yazılı edebiyatın gruplara ayrılabilceğini söyleyerek ilk olarak vakayinameleri ele alır. Naima ve Evliya Çelebi'ye atıf yapar. Osmanlı klasiklerinden Divan edebiyatı olarak bahseder ve tasavvuf şiirinin yanı sıra Kaside, Gazel ve Mersiye türlerine değinir. Baki'nin Kanuni Sultan Süleyman'ın ölümü üzerine yazdığı Kasideden alıntı yapar.

Konuşmasının kalanında Tasavvuf, Natüralist ve Tanzimat okulları olarak adlandırdığı farklı tarzdaki üç edebiyat grubuna yer verir. Tasavvuf okulu altında Mevlevî tarikatına mensup iki şair, Süleyman Dede ve Galib Dede'den alıntılar yapar. On sekizinci yüzyılın sonlarında ilginin Kaside ve dini konulardan uzaklaşarak,

yaşamın kendisine ve onu gördükleri gibi tasvir etmeye kaydığını belirtir. On dokuzuncu yüzyılın başlarında ortaya çıktığını dile getirdiği Natüralist okulun temsilcilerinden Enderûnî Vâsıf'ın bir eserinden alıntı sunar.

Edib, Tanzimat dönemine kadar Türk yazar ve düşünürlerin din dışında fikir ve düşüncelere bakmadıklarını, Dinden bağımsız olarak bir ideolojiyi savunmanın ya da yaratmaya çalışmanın Tanzimat yazarları tarafından atılmış yeni bir adım olduğunu savunur. Tanzimat okulunu temsilen ilk olarak kurucusu olduğunu söylediği Şinasi, ardından öğrencisi Namık Kemal ve son olarak da Abdülhak Hamit (Tarhan)'in edebiyattaki yerleri, yaşamları ve eserleri hakkında bilgi verir. Konferansı Abdülhak Hamit'in yazdığı «Tarık bin Ziyad'ın Monologu» isimli eserden yaptığı serbest tercümeyle bitirir.

6. Edebiyat ve Kültür II [Edib 1935: 163–192]: Konuşmasının başlangıcında, Abdülhamid dönemiyle birlikte değişen siyasi yapının edebiyat dünyasındaki yansımalarına değinir. Tanzimat edebiyatına getirilen yasaklamaların yarattığı olumsuz atmosfere rağmen bu dönemde gelişen «Edebiyat-ı Cedide» okulunun Türk edebiyatına sağladığı olumlu katkıdan söz eder. Batıya yakın bir yenilenmeyi savunan bu akımın temsilcisi olarak, roman ve kısa öykü türlerinde Halid Ziya Uşaklıgil'in adını verir. Okulun en büyük figürü şair Tefik Fikret'dir diyerek, şiiirlerinden yaptığı alıntılarla kişiliği ve edebiyata olan katkısını anlatır. Servet-i Fünun olarak da bilinen bu akımın dışında kalan Hüseyin Rahmi Gürpınar ve Mehmet Akif Ersoy'dan övgüyle bahseder. Tefik Fikret ve Mehmet Akif arasındaki görüş ayrılığı ve ideolojik çatışmaya değinerek Mehmet Akif'in «Doğru» adlı şiirinden bir alıntı yapar.

Bu noktada edebiyat alanıyla ilgili kronolojik anlatımına küçük bir ara vererek, Cumhuriyet döneminde dil devrimiyle gerçekleşen, Arapça karakterlerin bırakılarak yerine Latin karakterlerinin kullanılması konusuna kısaca değinir.

Edebiyat-i-Cedide'nin yanı sıra, İttihat ve Terakki rejimi sırasında ortaya çıkan üç edebiyat okulu daha vardı, diyerek edebiyat konusuna geri döner. Üçüncü konferansta daha çok siyasi açıdan ele aldığı Panislamizm, Panturanizm ve Milliyetçilik akımlarının edebiyattaki yansımalarına değinir. Panislamcı akımın en göze çarpan figürü olarak Mehmet Akif'i, yaygın organı olarak da haftalık «Sebilürreşad»

dergisini gösterir. Panturanizm grubunun en önde gelen ismi olarak Ziya Gökalp'i gösterir. Edib'e göre grubun en büyük başarısı, Türkleri sosyolojik açıdan incelemesidir. Ayrıca reformları Batı'nın taklidinden ziyade Türk ruhunun bir sonucu olarak açıklamaya çalışmalarının değerli bir katkı olduğunu belirtir. Milliyetçi akımın kurucusu ya da lideri olarak adlandırılabilir bir figürün olmadığını söyler. Diğer akımlara göre daha yaygın benimsendiğini belirterek, sanatsal başarılarından dolayı temsilen Refik Halid ve Ömer Seyfeddin ile ilgili bilgiler verir.

Roman alanında yeni figürler olarak Yakup Kadri Karaosmanoğlu ve Reşat Nuri Güntekin'i sayar. Yakup Kadri'nin «Nur Baba» ve Reşat Nuri'nin «Çalığışu» romanlarının son derece iyi olduğunu söyler.

Konuşmasının kalanını iki bölüme ayırmak mümkündür. İlk bölümde kültür ve edebiyat açısından Cumhuriyet dönemini de içine alan bir değerlendirme yapar. İkinci bölümdeyse Türk sahne sanatlarının tarihine değinir.

7. Türk Kadını [Edib 1935: 193–223]: Konuşmasının giriş bölümünde geniş bir perspektiften kadının, fizyolojik ve sosyolojik açıdan toplum içindeki yerine dair düşüncelerini dile getirir. Kadının toplumun organik bir parçası olduğunu savunur. Antik Yunan, Sparta ve Roma medeniyetlerini, kadının sahip olduğu haklar ve toplum içindeki konumu açısından karşılaştırır. Böylelikle kadına değer veren, eşit gören toplumların daha sağlıklı, güçlü ve istikrarlı olacaklarına vurgu yapmaya çalışır. Ardından Hıristiyanlık ve İslamiyet'in kadına bakış açısını kısaca değerlendirir. Hıristiyanlığın ilk dönemlerinde görülen cinsiyet eşitliğinin Batı toplumuna güç kattığını savunur. Ortaçağ'da Roma Kilisesiyle ortaya çıkan yeni toplum düzeninde kadının konumunun çok gerilediğinden bahseder. İslamiyet'in kadınlara karşı korumacı ve eşitlikçi bir tavırla yaklaştığını söyler. Edib, kadının tecrit edilmesi ve çok eşliliğin İslam toplumunun gerilemesine yol açtığını savunur. İlk Müslümanlar arasında kadınların tecrit edilmediğini, o dönemlerde öğretmen, şair, vaiz ve hatta asker olarak çalışan bir bazı kadınlar olduğunu söyler.

«Hıristiyan dünyasındaki kadınlar ekonomik eşitlikten yoksun kalırken, Müslüman Doğu'nun kadınları, insan toplumunun temel birimi olan ailede kocasının tam ortağı asla olmadı» [Edib 1935: 202] diyerek kadın hakları konusunda duyulan eksikliği ortaya koyar.

Ardından Batı’da kadın haklarının iyileşmesini sağlayan bazı tarihi olayları sıralar. Şövalyelikle kadınların statüsünün yükseldiğini, Rönesans ile ailenin olması gereken konuma geldiğini ve Fransız Devrimiyle daha da ileri gidilerek kadınlar için eşit hakların savunulmaya başlandığını söyler. Dünya çapında kadın hakları konusundaki hareketin 1848’de başladığını belirterek sosyal açıdan dünyanın en medeni ülkeleri olarak gördüğü Finlandiya, İzlanda, Danimarka ve Norveç’te kadınların hangi tarihlerde oy kullanma hakkı elde ettiklerini sayar.

Edib’e göre Batı’da feminizmin gelişimi, eşit eğitim olanaklarının sunulması ve sanayileşmeyle birlikte kadınlar için de ekonomik açıdan özgürleşmenin yolunun açılmasıyla olmuştur.

Eski Türk geleneklerinde kadının toplum içinde erkekle eşit bir yere sahip olmasına rağmen Osmanlılar döneminde değişikliklerin başladığını söyler. İstanbul’un fethinden sonra toplumun iki sınıfa ayrıldığını, Sultan ve üst düzey yetkililerin aile yaşamlarının değişerek, Bizans benzeri bir modele dönüştüğünü belirtir. Buna rağmen Türk toplumunda kadının yerinden bağımsız olarak anneye ayrıcalıklı bir değer verildiğini vurgular. Olumlu ve olumsuz bulduğu örneklerle Osmanlı sarayında kadının oynadığı role değinir. Kadınlara sunulan eğitim ve sosyal hakların iyileştirilmesiyle ilgili çabanın Tanzimat döneminde başladığını savunur. 1860’larda devletin kadınlar için öğretmen okulu açtığını ve kız çocukları için ilkokullar kurduğunu aktarır. Abdülhamid döneminde bir grup kadın yazarın, *Kadınlar Alemi* isimli haftalık dergi yayınlayarak hayatlarını etkileyen sosyal ve eğitsel soruları derinlemesine incelediklerinden söz eder. Ona göre kadınlar gerçek şansı 1908 yılındaki Jön Türk İhtilali ile elde etmiştir. Nitekim, konuşmasında yer verdiği ve kurucuları içinde kendisinin de yer aldığı Teali-i Nisvan Cemiyeti, Türkiye’deki feminist hareketin öncülerinden kabul edilmektedir. Balkan savaşları, Dünya Savaşı ve yeni Türkiye’nin kuruluşunda kadınların oynadığı rol ve Türklerin geleneksel kültürüne dayandırarak, Türk kadınının, temel toplumsal haklarını, Batılı feminizmden demokratik açıdan farklı olarak, karşı cinsin hakimiyetine karşı başkaldırarak elde etmediğini savunur. Konuşmasının sonunda sayılarla Türk kadının toplumun birçok alanında giderek daha çok yer aldığını, bunun Tanzimat döneminde başlayıp, 1908’de hızlanan değişikliklerin doğal bir sonucu olduğunu

belirtir. Cumhuriyet rejimiyle kadınlar açısından iki önemli kazanım edinildiğini; çeşitliliği ortadan kaldıran, miras hakkını eşit kılan ve boşanmayı mahkemeye bırakan yeni medeni kanunun yürürlüğe girdiğini ve kadınlara belediye seçimlerinde seçme ve seçilme hakkı tanıdığını aktarır.

8. Değerlendirme ve Geleceğin Görünüşü [Edib 1935: 224–247]: Son konferansına önceki konuşmalarda sıklıkla değindiği Doğu ve Batı arasındaki çatışmanın bir işbirliğine dönüştürülebileceğinden bahsederek başlar. Edib’e göre bu işbirliği için maddi (veya görülen) olanı önceleyen Batı ile manevi (veya görünmeyen) olanı önceleyen Doğu arasında bir harmanlama gerekir. Batı ve Doğu için kullandığı bu basit tanımlama, sözlü ve yazılı eleştiriler almıştır. Konuşmasında bu eleştirilere yanıt verirken, alıntılar yaparak Batı ve Doğu uygarlıklarının temel dinamiklerine değinir, tanımlarını genişletir. İşbirliği için tarafların eşit hissetmeleri ve değer tokuş edecek şeylere sahip olmaları gerektiğini söyler.

Yurttaşlık (aynı milletten olmak) ve milliyetçiliğin farklı şeyler olduğunu vurgular. Yurttaşlığın temel ve en basit unsurlarının ırk, din ve dil olduğunu söyler. Bu unsurlar açısından Hindistan’a yönelik kısa bir analiz yapar. Hindistan’ın köylerinde gördüğü yoksulluğu dile getirir ve tüm Doğu’nun yüzde doksanının köylü olduğunu (Japonya’nın hariç tutulabileceğini belirterek) vurgular. Dolayısıyla Doğu’nun sosyal, ekonomik ve ahlaki yenilenmesinin, köy yaşamının gelişmesine bağlı olduğunu savunur. Bu noktada sözü Mahatma Gandhi’ye getirir ve uyguladığı politikanın doğruluğuna olan inancını dile getirir. Edib’e göre yalnızca tüm Hindu Hintlilerin değil, aynı zamanda tüm Müslüman Hintlilerin de kendisini desteklemeleri ve bu davaya hizmet etmeleri gerekir. Ayrıca Doğu kadar, Batı dünyasının da onu ciddiye alması gerektiğini dile getirerek konuşmasını şu sözlerle bitirir: «Geleceğin anahtarı, maddiyatı maneviyatla mümkün olduğunca eşit oranda harmanlayabilen milletin olacaktır».

Sonuç

Halide Edib’in, «Conflicts of East and West in Turkey» isimli kitapta toplanan ve Jamia Millia Islamia Üniversitesinde verdiği sekiz konferans, onun Hindistan seyahati boyunca verdiği diğer

konferansların da özünü teşkil eder. Yaklaşık iki buçuk ay kaldığı Hindistan'da on farklı şehirde bulunur. Bu süreçte, on binlerce dinleyiciye hitaben yaptığı konuşmaların yanı sıra, her kesimden kadının katıldığı toplantılar ve bulunduğu yerlerde dönemin ileri gelenleriyle özel görüşmeler yapar.

Ziyaret süreci, bağımsızlık yolundaki Hindistan siyasi tarihi açısından hareketli bir döneme denk gelmektedir. Gandhi, 1930 yılında başlattığı Sivil İtaatsizlik Hareketi'ni Nisan 1934'te sona erdirir [Chandra, 1989: 270–288]. Ardından Ekim 1934'te Hindistan Ulusal Kongresi'ndeki¹ (Kısaca kullanıldığı biçimiyle Kongre) görevinden ayrılarak aktif siyaseti bırakır. Edib, «Inside India»'da Gandhi'nin bu kararları almasına yol açan olaylardan bahsederek, sürecin kritiğini yapar [Edib, 1937: 272–274]. Halide Edib'i Hindistan'a davet eden Dr. Ansari, üçüncü konferansın oturum başkanlığını yapan Bhulabhai Desai, Asaf Ali, Satyamurthy ve B.C. Roy'un başını çektiği bir grup, Gandhi'den farklı olarak, anayasal mücadele yönteminin yeniden canlandırılmasını ve Kasım 1934'te yapılacak Merkezi Yasama Meclisi seçimlerine katılımı savunurlar [Chandra 1989: 311]. Kongre içinde ve 1930'ların başlarından itibaren Kongre ile Müslüman Birliği² arasında yaşanan görüş ayrılıkları, İngilizlere karşı yürütülen federal hükümet sistemi oluşturulması yönündeki süreçte aksamalar yaşanmasına yol açar.

Böyle bir siyasi atmosferde Halide Edib, tanınmış bir kadın yazar, aktivist, aydın ve eğitimci olmasının yanı sıra, Türkiye'nin kurtuluş ve modernleşme sürecinde önemli rol üstlenmiş Müslüman bir lider olarak Hindistan'da büyük ilgiyle karşılanmıştır. Dolayısıyla konferanslarını değerlendirirken yalnızca aktardıklarının değil, aktarılan kitlenin de göz önünde bulundurulması gerekmektedir.

Enginün, «Turkey Faces West», «The Conflict of East and West in Turkey» ve «Türkiyede Şark-Garp ve Amerikan Tesirleri» isimli üç kitabını karşılaştırırken Edib'in, bu eserleri hitap ettiği kitleyi daima göz önünde bulundurarak yazdığını, ona göre bölümleri

¹ 1885 yılında kurulan Hindistan Ulusal Kongresi (Indian National Congress), 1920'lerden itibaren Mahatma Gandhi başkanlığında Hindistan'ın bağımsızlık mücadelesinde önemli rol oynamış bir siyasi partidir. [Chandra 1989: 71].

² 1906 yılında kurulmuş ve asıl adı Tüm Hindistan Müslüman Birliği (All India Muslim League) olan siyasi grup. [Chandra 1989: 417].

genişlettiğini veya daralttığını belirtmiştir [Enginün 2007: 384]. Ancak, «Mor Salkımlı Ev»’de anlattığı biçimiyle Doğu-Batı birlikteliği ya da çatışması Halide Edib’in, çocukluluğundan itibaren yaşamının merkezinde yer alır ve yalnızca kişiliğinde değil, yaşamı boyunca eserlerinde de kendisini gösterir.

«Halide Edib Doğu-Batı meselesini ilk işleyen şahıs değildir, fakat bu tarihi akış içinde özel bir yeri vardır. Eserleri kronolojik olarak bir bütün olarak incelendiğinde başlangıçtaki bazı istisnalara rağmen onun Doğu (Türk) ile Batı medeniyeti sentezi tezini savunmuş olduğu görülür. Onu, daha önceki ve çağdaş Türk yazarlarından ayıran en önemli özellik, kadını, kadın eğitimini ve kadının aile ve sosyal hayattaki değiştirici gücünü merkez almasıdır» [Enginün, 2007: 416].

Halide Edib, Hindistan’daki konferanslarında konu olarak tarih, edebiyat, kültür, siyaset, eğitim, din ve Hindistan’ın güncel gördüğü sorunlarına değinir. Ele aldığı konuları tarihsel bir süreç içerisinde, ana eksenine Doğu ve Batı çatışmasını koyarak yorumlar.

Doğu-Batı ya da farklı tanımlamalarla güce dayalı ötekileş(tir)me ve/veya kutuplaş(tır)ma, entelektüel, akademik ve siyasi bir konu olarak günümüzde de tartışılmaktadır. Edward Said’in 1970’lerin sonunda ortaya attığı Oryantalizm, güç ve ötekileştirmeyi işleyen en önemli kuramlardan birisidir. Said, Batı’nın Doğu karşısındaki güçlülük duygusunun altını çizer ve Oryantalizmin katı ayrımları temel aldığını, düşünceyi de Doğu ya da Batı olarak ayrıştırarak kutuplaştırdığını savunur [Said 2017: 55].

Edib, Doğu ve Batı arasındaki ayrışmanın başlangıç noktasını sorgular. Ona göre Batılı düşüncenin özü, Antik Yunan’dadır ve sembolü insan bedeni, yani maddeselliktir; Doğulu düşüncenin özü ise salt görünmeyen ve ruhani olana odaklanmış antik Hindu Hindistan’dadır [Edip 1935: 234]. Edib’in maneviyatın merkezi olarak Hindistan’ı adres göstermesi Avrupa’da da erken dönemlerden itibaren gerek edebiyat, gerekse de düşünce dünyasında görülen bir durumdur. Örneğin Said, erken dönem Alman Romantizminin önemli isimlerinden Friedrich Schlegel ve Novalis’i örnek göstererek «<...>onlara göre, Garp kültürünün maddeciliği ile mekanikliğini (ayrıca cumhuriyetçiliğini de) bozguna uğratabilecek olan şey, Hint kültürü ile diniydi» demektedir [Said 2017: 125].

Said, Doğu'yu «Şark, Avrupa'nın sadece komşusu değildir; Avrupa'nın en büyük, en zengin, en eski sömürgelerinin mekanı, uygarlıkları ile dillerinin kaynağı, kültürel rakibi, en derin, en sık yinelenen Öteki imgelerinden biridir» [Said 2017: 11] diyerek tanımlar. Oryantalizm kuramını geliştirirken Doğu'yu Arap-İslam deneyimiyle sınırlandırmayı tercih eder. Batı için de coğrafi bir tanımlama getirmiştir:

«Ben Şarkiyatçılığın, İngiltere ve Fransa ile Şark arasındaki (aslında, on dokuzuncu yüzyıl başına değin yalnız Hindistan ile kutsal toprakları kapsayan bir Şark arasındaki) özel yakınlıktan kaynaklandığı düşüncesindeyim. On dokuzuncu yüzyıl başından İkinci Dünya Savaşının sonuna değin, Şark ile Şarkiyatçılıkta Fransa ile İngiltere egemendi; İkinci Dünya Savaşından sonra Şark'a Amerika egemen oldu, eskiden Fransa ile İngiltere'nin yaklaştığı gibi yaklaştı Şark'a» [Said 2017: 14].

Halide Edib, Jamia Millia Islamia Üniversitesindeki konferanslarda Batı derken coğrafi olarak Avrupa'yı tanımlamaktadır. Amerika'dan oldukça az, fakat Batı'nın bir parçası ve son konferansında ise «Batı medeniyetinin en karakteristik sonucu» olarak bahseder. Bununla birlikte, Batı'nın coğrafi tanımlanması ve Amerika ile ilgili görüşlerine, «Turkey Faces West» ve «Conflict of East and West in Turkey» kitaplarında anlattığı konuların içeriklerini güncelleyerek Türkçe kaleme aldığı ve 1955 yılında yayımlanan «Türkiye'de Şark-Garp ve Amerikan Tesirleri» isimli kitabında oldukça geniş yer verir. Bu kitapta, Batı uygarlığının gücünü tek millette dayanmamasından aldığını savunur: «Garp medeniyetine tam olarak ne İngiliz ne Fransız ne de İtalyan diye bir marka koyabiliriz. Yani bu medeniyete geç olarak iltihak eden bir millet de bunların sadece muakkıbi (takipçisi) değil, Garp medeniyetinin bir parçasıdır» [Adıvar 2009: 21]. Ona göre Batı'nın coğrafi adresi önce Avrupa'dır: «Birkaç asır içinde, doğrudan doğruya veya bilvasıta (dolaylı olarak), Garp, hemen hemen dünyanın her tarafına el atmıştır. Kıtaların milyonlarca insanı, Garplılar'ın yaşadığı Avrupa kıtasının hizmetkârı derecesine düşmüşlerdir» [Adıvar 2009: 32]. Bununla birlikte, «Eski Batı» [Edip 1930: 247] dediği Avrupa'nın yanı sıra, «yeni ve genç Batı» [Adıvar 2009: 270] olarak tanımladığı Amerika'nın yükselişine de işaret eder: «Vaktiyle, Garphlaşma Devri'nde Fransız ve İngiliz tesirlerini

Tanzimat nasıl tetkik etmiş ve ayarlamış ise, biz de bugün Amerikan tesirlerini aynı ciddiyetle tetkik ve bize uyacaklarını ayırt etmek mecburiyetindeyiz» [Adivar 2009: 270].

Edward Said, kuramında coğrafi tanımların ötesine de geçmektedir. «Şarkiyatçılık»ın 2003 basımı için yazdığı önsözde «savunduğum gerçek bir ‘Şark’ım yok benim» [Said 2017: iv], «Şark teriminin de Batı kavramının da ontolojik bir istikrarı olmadığını kitapta vurgulamıştım; bunların ikisi de insanların harcadığı çabalarla, kısmen olumlularla kısmen de Öteki’nin tespiti yoluyla üretilmiştir» [Said 2017: ii] der. Ona göre «Şarkiyatçılık, yakın tarihin çalkantılı dinamikleriyle sıkı sıkıya ilintilidir» [Said 2017: ii]. Doğu’yu Arap-İslam sınırlaması içinde ele alırken ortaya kendi deneyimlerini de koyar.

«Son otuz beş yıldır hayatımın büyük bir kısmını Filistin halkının kendi kaderini tayin etme hakkını savunmakla geçirdim; ama bunu yaparken, Yahudi halkının gerçekliğine, uğradığı zulümden ve soykırımdan kaynaklanan acılara tam bir hassasiyet göstermeye çalıştım hep» [Said 2017: viii].

Göstermeye çalıştığını söylediği hassasiyet, onun gelecek öngörüsünün temelini oluşturur. «Hümanizm, basmakalıp fikirleri ve tescilli otoriteyi değil, bireyin eylemliliğini ve öznel sezgiyi merkeze alır» [Said 2017: xii]. Ona göre hümanizm «İnsanlık tarihini çirkinleştiren gayri insani uygulama ve adaletsizliklere karşı elimizdeki tek – hatta ‘son’ bile diyebileceğim – direniştir» [Said 2017: xii]. Said, güç ve ötekileştirmeye dayalı mevcut yapı karşısında bir mücadele ve bu mücadele için de araç olarak hümanist eleştiriyi önermektedir. Mücadelenin sonucunda bir değişim olacağına inanmaktadır ve gelecek öngörüsünü şöyle dile getirir:

«Sonuç olarak, insanları “Amerika”, “Batı” ya da “İslam” gibi sahte bütünlükler oluşturan başlıklar altında sürüleştiren aslında birbirinden gayet farklı sayısız birey için kolektif kimlikler icat eden korkunç derecede indirgeyici ihtilafların şimdiki kadar güçlü kalamayacağı, bunlara karşı durulması, iktidarı seferber etme güçleri ve etkinliklerinin öldürücü etkisinin iyice azaltılması gerektiği konusunda ısrar ediyorum» [Said 2017: xii].

Edib’in Hindistan’daki konferanslarında ve sonraki yayınlarında savunduğu Doğu ve Batı sentezi de bir bakıma onun gelecek öngörüsüdür. Delhi’deki son konferansında çatışmanın, yerini

işbirliğine bırakabileceğini dile getirerek, iki kutup arasındaki siyasi ve ekonomik güç dengesine vurgu yapar.

«Doğu, Batı ile ne zaman ve nasıl işbirliği yapabilir? Bunu ancak kendisini Batı'ya eşit hissettiğinde, tamamen özgür olarak yapmak istediğinde yapabilir. İşbirliği yapanlar sadece eşit olmakla kalmamalı, aynı zamanda karşılıklı değiş tokuş edecek şeylere de sahip olmalıdırlar» [Edib 1935: 242].

Kutuplar arasında dengeye ulaşmak için, Gandhi'nin öğretilerinde vurguladığı gibi, çatışarak ayrıştıran değil, üretmek birleştiren bir mücadele yolunun izlenmesi gerektiğini savunur. Gandhi'den, şiddetsizliği savunan ve insanı merkeze alan görüşleriyle, sadece Hindistan'ın Hindu ve Müslüman halkı için değil, aynı zamanda hem Doğu, hem de Batı dünyası için kurtuluşu sağlayacak yollardan birini sunan, örnek bir lider olarak bahseder.

Batı'nın, Antik Yunan'dan itibaren hep bir öncekini kapsayan medeniyetler şeklinde gelişerek ilerlediği görüşünü savunarak, birbirini içeren daireler şeklinde bir grafikte aktarır. Doğu'yu ise kısa ya da uzun da olsa birbirine paralel gelişmiş ve kendi çizgisinde doğup, yok olan medeniyetler olarak gösterir. Bu iki grafikte Doğu'nun geri kalmışlığını açıklarken Batı'da da tıpkı öncekiler gibi bu medeniyetin de bir sonu olacağı görüşünü savunur. Batı'yı medeniyetinin gelişimini anlatmak için kullandığı diyagramın aynısını daha önce Osmanlı Devleti'nin yapısını anlatmak için de kullanmıştır. Çünkü Edib'e göre Osmanlılar, Antik Yunan, Roma ve Bizans medeniyetlerinin mirasını, Doğu'dan gelen Türk gelenekleri ve İslam ilkeleriyle harmanlayabilmiş, böylelikle kalıcı ve güçlü bir devlet olmayı başarmışlardır. Ancak, Hıristiyanlık çatısı altında birleşen Avrupa, bilimi, teknolojiyi ve sanayiye önceleyerek gelişmiş, güçlü Batı olarak, zayıf düşen Doğu'yu, yani Osmanlı Devletini alt etmiştir. Buna rağmen modern Türkiye kazandığı bağımsızlık mücadelesiyle tüm Doğu'ya bir umut ışığı olmuştur. Halide Edib, Türkiye'nin, benimsediği Batı değerleriyle sahip olduğu Doğu unsurunu özgürce geliştirip harmanlayabilmesi halinde Doğu ve Batı çatışmasının yerini Yakın Doğu'da işbirliğine bırakabileceğini; böylelikle Akdeniz'de yeni bir medeniyetin ortaya çıkabileceğini ileri sürmüş ve konferansı şu sözlerle tamamlamıştır: «Geleceğin anahtarı, maddiyatı maneviyatla mümkün olduğunca eşit oranda harmanlayabilen milletin olacaktır».

Kaynakça

- Adak 2016 – *Adak H.* Halide Edib ve Siyasal Şiddet: Ermeni Kırımı, Diktatörlük ve Şiddetsizlik. İstanbul: İstanbul Bilgi Üniversitesi Yayınları, 2016.
- Adıvar 2007a – *Adıvar H.E.* Mor Salkımlı Ev. İstanbul: Can Sanat Yayınları, 2007.
- Adıvar 2007b – *Adıvar H.E.* Türk'ün Ateşle İmtihanı. İstanbul: Can Sanat Yayınları, 2007.
- Adıvar 2009 – *Adıvar H.E.* Türkiye'de Şark-Garp ve Amerikan Tesirleri. İstanbul: Can Sanat Yayınları, 2009
- Adıvar 2014 – *Adıvar H.E.* Hindistan'a Dair. İstanbul: Can Sanat Yayınları, 2014.
- Chandra 1989 – *Chandra B.* India's Struggle for Independence. New Delhi: Penguin Books, 1989.
- Edib 1930 – *Edib H.* Turkey Faces West. New Haven: Yale University, 1930.
- Edib 1935 – *Edib H.* Conflict of East and West in Turkey. Delhi: Maktaba Jamia Millia Islamia, 1935.
- Edib 1937 – *Edib H.* Inside India. London: George Allen & Unwin Ltd., 1937.
- Enginün 2007 – *Enginün İ.* Halide Edib Adıvar'ın Eserlerinde Doğu ve Batı Meselesi. İstanbul: Dergah Yayınları, 2007.
- Hasan 1960 – *Hasan M.* Muslims and the Congress: Selected Correspondence of Dr. M. A. Ansari 1912–1935. New Delhi: Manohar Publications, 1960.
- Said 2017 – *Said E.W.* Şarkiyatçılık. İstanbul: Metis Yayınları, 2017.
- Yorulmaz 1988 – *Yorulmaz O.B.* Halide Edib Adıvar'ın Hindistan Hayatı. Yüksek Lisans Tezi. İstanbul: Marmara Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü, 1988.

Özet

Çalışmanın ana konusunu Halide Edib'in 1935 yılının Ocak ve Şubat aylarında Hindistan'ın Yeni Delhi şehrindeki Jamia Millia Islamia Üniversitesinde vermiş olduğu sekiz konferansta, Doğu-Batı çatışmasını nasıl gördüğü ve Türkiye anlatısının incelenmesi oluşturmaktadır. Bu çerçevede, yalnızca Batı ile değil, kendi içinde de çatışmalar yaşayan Hindistan'a hitap eden Edib'in nasıl bir gelecek öngörüsü sunduğunun araştırılması amaçlanmaktadır.

Bu konferanslarda ortaya koyduğu Doğu-Batı çatışması ile Türkiye anlatısını oryantalizm kuramı çerçevesinde değerlendirebilmek amacıyla «Conflicts of East and West in Turkey», «Inside India» ve «Hindistan'a Dair» isimli eserleri çalışmanın materyalini oluşturacak biçimde özetlenerek bölümler halinde verilmiştir. Çalışmada aynı zamanda ikincil kaynaklar ve sonraki dönemde yazdığı «Mor Salkımlı Ev» ve «Türkiye'de Şark-Garp ve Amerikan Tesirleri» isimli kitapları da incelenmiştir.

Halide Edib'in, konferanslarında Batı karşısında zaferle sonuçlanan bağımsızlık mücadelesiyle Doğu milletlerinin dikkatle izlediği Türkiye'yi anlatmaya odaklandığı görülür. Hitap ettiği kitlenin değerlerini ve çatışmalarını göz önüne alarak, din, eğitim, kadın hakları, yurttaşlık ve mücadele ruhu konularına değindiği, lider ve insan olarak Gandhi'yi idealleştirdiği söylenebilir. Yalnızca Doğu değil,

Batı için de çatışmanın yerini işbirliğine bırakmasının gerekliliğini ve buna giden yolu anlatan bir gelecek öngörüsü sunmaya çalıştığı sonucu çıkarılabilir.

Anahtar Sözcükler

Halide Edib Adıvar, conflicts of East and West in Turkey, inside India, Hindistan'a dair, Doğu ve Batı çatışması, oryantalizm

Yazar hakkında bilgiler

Ali Küçükler – Doçent Doktor, Erciyes Üniversitesi Doçenti, Edebiyat Fakültesi Hindoloji Anabilim Dalı Öğretim Üyesi (Kayseri, Türkiye); e-mail: akucukler@erciyes.edu.tr

Ali Küçükler

Halide Edip's Conferences in India: Orientalism and Turkish Narrative

Summary

This study investigates how Halide Edib regarded the East-West conflict and the narrative of Turkey based on the eight conference papers she presented in January and February 1935, at the Jamia Millia Islamia University in New Delhi, India. In line with this, the study aims to examine the future she foresaw for India, which was going through conflicts not only with the West but also within itself.

In order to evaluate the East-West conflict and the narrative of Turkey that she points out in her talks within the framework of orientalism, her works titled the «Conflicts of East and West in Turkey», «Inside India» and «Hindistan'a Dair» were summarized and presented as the material of the study. In addition, secondary resources and her later works titled «Mor Salkımlı Ev» and «Türkiye'de Şark-Garp ve Amerikan Tesirleri» were also investigated.

In her talks, she focused on Turkey, which was instilling hope for the East with its fight for independence against the West, which resulted in victory. Considering the values and conflicts of her addressees, she touched upon subjects like religion, education, woman rights, citizenship and fighting spirit, and idealized Gandhi as a person and a leader. It can be concluded that she highlighted the need for cooperation rather than conflict not only in the East but also in the West, and tried to come up with her vision of the future.

Key words

Halide Edib Adıvar, Conflicts of East and West in Turkey, Inside India, Hindistan'a Dair, Orientalism

Information about the author

Ali Küçükler – PhD in Philology, Associate Professor of Erciyes University, Chair of Erciyes University Indology Department (Turkey); e-mail: akucukler@erciyes.edu.tr

О.Н. Пустогачева

**К ПРОБЛЕМЕ
СОХРАНЕНИЯ МЛАДОПИСЬМЕННЫХ
И БЕСПИСЬМЕННЫХ ЯЗЫКОВ
(на примере фольклора челканцев)**

Язык любого народа – это историческая память, воплощенная в слове. Тысячелетняя духовная культура, жизнь народа своеобразно и неповторимо отражаются в языке, в его устной и письменной формах, в памятниках различных жанров. Культура языка, культура слова предстает как неразрывная связь многих и многих поколений. В языке и через язык выявляются такие важнейшие особенности и черты, как национальная психология, характер народа, склад его мышления, самобытная неповторимость художественного творчества, нравственное состояние и духовность. Если народ теряет язык, то он теряет свою национальную самобытность. К сожалению, сегодняшняя глобализация оказала негативное влияние на тысячелетний уклад жизни многих народов. Многие этнические культуры и оригинальные языки малых народов оказались на грани исчезновения. В том числе эта проблема коснулась и языка челканского народа. На сегодняшний день челканский язык официально является бесписьменным, хотя в 2014 г. вышел Букварь челканского языка. Челканцы – тюркоязычный народ, проживающий в Республике Алтай, в Южной Сибири, впервые вошли как самостоятельный этнос во Всероссийскую перепись в 2002 г. По последней переписи (2010 г.) численность челканцев составила 1181 человек, с 2000 гг. постановлением Правительства Российской Федерации они включены в Официальный Единый Перечень коренных малочисленных народов России и в связи с получением этого статуса челканский

язык, как исчезающий язык, занесен в Красную книгу языков народов России.

Челканцы в течение нескольких столетий до настоящего времени, несмотря на малочисленность, сохранили свою самобытную культуру, обычаи и традиции, фольклор и язык. Они испокон веков являлись рыбаками и охотниками, позже стали и земледельцами. С древних времен язык таяжных охотников, рыбаков сохранился почти без изменений, те или иные явления, ритуальные действия, связанные с обычаями и традициями, предметы обихода в традиционной хозяйственной деятельности обозначаются специальными лексическими терминами. Но с уходом старшего поколения, владеющего родным языком, знающего свою традиционную культуру, постепенно утрачивается знание родного языка и традиционной культуры последующими поколениями.

На наш взгляд, одним из способов сохранения младописьменных и бесписьменных языков является сохранение фольклора этих народов. В фольклоре средствами языка наиболее точно, ясно и образно выражены сложные мысли и чувства, многообразие окружающего мира. Фольклор включает многоцветную палитру жанров: героические сказания, сказки, легенды, мифы, песни, загадки, пословицы, поговорки, скороговорки, слова-благопожелания. Как известно, фольклор у каждого народа свой, он всегда включает в себе как лучшие черты своего народа, так и общечеловеческие. Общими для всех людей являются чувства радости и печали, любви и ненависти, стремление к добру и правде. Фольклор является формой самовыражения народа, именно в нем отражается историческая народная память, преемственность поколений, он также помогает осознать самобытность народных культур и осмыслить их традиции и обряды. Он прививает понятия об этике и нравственных ценностях.

Богатый самобытный фольклор челканского народа емок и содержателен. В фольклоре челканского народа особенное место занимают *кай щорціок* 'героические эпосы', которые исполняются *кайцы* 'сказителями' горловым пением или мелодичным расказом – речитативом. Язык эпоса сочный, живой, выразительно-

точный, иногда одно слово емко, как целое произведение. В героических эпосах отражен характер и самобытность челканского народа. Прослушанные долгими зимними вечерами героические сказания воспитывали в слушателях гордость за свой народ, готовность к взаимопомощи и интерес к историческому прошлому родной земли. В одном из известных героических эпосов «Кара-сагышту Каткы-Мерген» («Крутонравный Каткы-Мерген») очень подробно описан быт, традиции и обычаи челканского народа. В эпосе прослеживается судьба героя от его рождения до становления его сильным при одолении очередных жизненных трудностей и ответственным не только за себя и близких, но и за свой народ. Эпос языка изобилует эпитетами, гиперболами, метафорами, олицетворением, образными выражениями, сравнениями и др. Это можно рассмотреть на конкретных примерах:

*Кижиги жүзи – кызыл өрт,
Ат тыныжсы – куу туван*
‘Лица людей – красное пламя,
Дыхание лошадей – белый туман’ (сравнение)

*Кайыг бажы кайсал жит,
Кал бала тавыжы угул жит,
Караай бажы кайсал жит,
Јаш бала тавыжы угул жит*
‘Вершина березы расщепляется,
Новорожденного слышен крик,
Вершина сосны расщепляется,
Малого ребенка слышен плач’ (синтаксический параллелизм)

*Ак јалан јер
Ава јыш бол калтыр*
‘Белый луг
Превратился в дремучий лес’ (эпитеты)

*Маактыйе-маактыйе,
Узлые-узлые,
Тыны жүл баан.*

‘Кричал, кричал,
Плакал, плакал,
Душа отлетела’ (повторы)

Тексты героических эпосов представляют из себя кладезь богатств речи и языка.

Челканские сказки *щöрщöктөр* подразделяются на волшебные и бытовые, в них восхваляются благородство и справедливость, мужество и отвага, отрицательные герои осуждаются за алчность и жестокость, за трусость и предательство, за лицемерие и угодливость. Часто в конце сказки приводится мораль, которая чаще используется как поговорка. К примеру, в сказке «Апщаш ла Мёёре» («Старик и Волк») морализаторская концовка *Нёмен кижее јакшы этне* ‘Плохому человеку добро не делай’ превращается поговорку. Аналогично и мораль сказки «Тус ла Пус» («Соль и Лед») используется как поговорка *Кöп тарваан оро каспас* ‘Собравшиеся толпой сурки норы не копают’. А в сказке «Алуғ оол» («Глупый парень») такой поговоркой является *Алуғ јок, пай јок* ‘Без дураков нет богатства (удачи)’.

Язык челканских сказок насыщен эпитетами *онъок јараш кыс* ‘очень красивая девушка’, метафорами *канны курјыт* ‘кровь кипит’; повторами *јоктуғ – јоктуғ* ‘бедный – бедный’; антитезой *пурун – пурун, эме эвес тушта* ‘давным-давно, не в наше время’, сравнениями *куш уц ужаскан* ‘птицей пролетел’, олицетворениями *таштар ськтаплыр* ‘камни плачут’, *койыц углапјыт* ‘солнце плачет’; образными выражениями *колотан конам конам* ‘сколько дано, столько прожил’. В небольшой статье невозможно привести множество интересных примеров.

В челканском языке *кен сөстөр ле узредүг сөстөр* ‘пословицы и поговорки’ являются самым распространенным и жизнеспособным жанром устного творчества.

Народ сам отразил особенности этих жанров в сложенных им пословицах о пословицах: *Айткан сös – аткан ок* ‘Сказанное слово – что пущенная стрела’. *Кен сös нузулвас, кен тон јыртылвас* ‘Пословица не разрушится, широкое пальто не порвется’. В пословицах и поговорках присутствуют философия, историческая память этноса, накопленная веками, любовь к ро-

дине, к родной земле, восхваление человеческого благородства, щедрости, трудолюбия; осуждение человеческих отрицательных черт, таких как коварство, жадность, предательство, лень.

К примеру, отношение к родине:

Төрөөн јеры шын алтын уш,

Осген јеры бүдүн алтын уш

‘Родина для человека – настоящее золото,

Родная земля – золотой самородок’.

Отношение к труду:

Ишвекицинын колы ус.

Јыжанын тили ус.

‘У работающего руки – искусные,

У ленивого язык – болтливый’.

О согласии, дружбе:

Агын сууда сал јакшы,

Ас калыкта нак јакшы.

‘В большой реке плот хорош,

В малом народе дружба хороша’.

Как известно, источником пословиц и поговорок является сама жизнь, народ из своих наблюдений над человеческими отношениями, трудом и бытом составляет изречения.

В фольклоре челканского народа *таптыргыштар* ‘загадки’ являются одним из любимых жанров, особенно среди детей. У челканского народа неоднократно проводились конкурсы на разгадывание загадок, в разгадывании участвовали все до единого домочадца, соревновались на находчивость и смекалку, на быстроту ума и молниеносность разгадки. Разгадывание загадок всегда заканчивалась игрой *Таптыргыш тап* («Разгадай загадку»). При разгадке загадок выбирали человека почтенного возраста, который мог оценить ум, смекалистость, находчивость

молодых людей, а бестолковых в шуточной форме наказывали. После окончания игры между ведущим и почтенным человеком шел шуточный диалог, при котором определяли, как наказывать человека, не отгадавшего загадок.

К примеру, загадка, относящиеся к быту:

Тöжи жок куртыйац тёр бакылап жит (кеве) ‘Плоскогрудая бабушка тайком поглядывает на самое почетное место [в доме] (печь)¹’.

К отношению человека: *Кайада жарганат жакталкан (клак)* ‘Летучая мышь прилипла к скале (уху)’.

К природным явлениям: *Каандын кат келди, Калык-һон бажырды. (салгын ла агаштар)* ‘От царя пришел указ, / Весь народ стал кланяться (ветер и деревья)’.

Отгадками были предметы, которые окружают людей в повседневной жизни.

В фольклоре челканского народа *сарын* ‘песня’ являются существенной частью традиционной культуры. В песнях восхваление красотам и щедростям родной земли; о любви к отчизне, о восхищении благородством и смелостью, о доброжелательности и взаимопомощи. Раньше челканский народ в суровой таежной местности мог выжить только благодаря сплоченности, взаимовыручке и взаимопомощи.

К примеру,

Кыйлап жапкан жос жараи,

Кыйлаи басган тис жараи.

Коштоп жапкан уг жараи,

Коштош жоргон тис жараи.

‘Хорош тес плотно покрытый,

Прекрасны мы, рядом шагавшие.

Красив дом, плотно покрытый,

Прекрасно мы, рядом идущие’.

¹ Раньше в домах челканского народа большие печи с гладкими боками стояли возле двери, а печной вход был расположен со стороны переднего угла дома, считающегося почетным местом. Печи стояли долго, служа нескольким поколениям. Потому в загадке печь представлена в образе «бабушки», «старушки».

В фольклоре челканского народа есть жанр *алгыш сөстөр* ‘слова-благопожелания’. Слова-благопожелания и сегодня очень популярны и используются во всех сферах жизнедеятельности народа. К примеру, при рождении ребенка мудрые старцы, почтенные бабушки благословляют ребенка словами: *Јүс јаш јажа, јүзүрүк ат мүн* ‘Живи сто лет, ездь на коне-скакуне’. Уважаемые мужчины благословляют мальчика при достижении юношеского возраста словами: *Јаактуларга айтырва, јарындугларга ыендирве* ‘Злопыхателям-острякам не подавайся, плечистым крепышам не подавайся’. На свадьбе молодожен благословляют словами: *Аларында паллыр пассын, аргаларында мал пассын* ‘Пусть впереди всегда будут дети, пусть сзади вас скот пасется’. Также слова-благопожелания посвящают охотникам, рыбакам, путникам; благословляют дороги, реки, горы, перевалы, озера, родину. Народ издревле знал, что слова материализуются, а добрые слова человека оберегают от бед и невзгод.

В фольклоре челканского народа есть жанр *модор сөстөр* ‘скороговорки’. В качестве примера приведем несколько самых популярных челканских скороговорок:

– *Тү-тү, Түлгүжөк,
Түнде канаа барсын?*
‘– Ли-ли, Лисичка,
Куда ты ночью идешь?’

– *Сары өдбөм түшгааны,
Ааны тындап бартым.*
‘– Потеряла туфельку,
Я иду ее искать’.

Подытоживая, можно отметить, что, отражая быт, мировоззрение, эстетические вкусы народа, героические эпосы, загадки, пословицы, песни, слова-благопожелания являются неоценимым источником истории народа, характеризуя вместе с тем и богатые изобразительные возможности языка, которые непременно необходимо использовать для сохранения языка. Сохранение и популяризация фольклорных материалов младописьменных и бес-

письменных языков создадут условия для поддержания полноценного функционирования языка на перспективу. Здесь язык выступает не только как универсальное средство общения, но, и как мощный ретранслятор культурного наследия, который связывает социальный и культурный опыт многих поколений. Для этого необходимо проводить целенаправленную работу по сохранению фольклора: записывать фольклорные материалы у носителей языка; издавать различные жанры фольклора на двух языках; публиковать для детей сказки, книги-раскраски; аудио- и видеокниги и т.д.

Для сохранения языка можно также включать традиционные песни в школьную программу по музыке; проводить конкурсы сочинений и исполнения современных песен на родном языке на разных уровнях; делать аудиозаписи и транслировать их по региональным программам радио и телевидения; принимать участие в национальных праздниках различных уровней с песнями на родном языке. Народная песня – это живое общение, люди, слушая певца, сопереживают его душевным переживаниям, искренне желают, чтобы судьба была благосклонна к нему.

Как известно, каждое новое поколение, каждый представитель конкретного этноса, осваивая язык, приобщается через него к коллективному опыту, коллективному знанию об окружающей действительности, общепринятым нормам поведения, отвергаемым или принимаемым народом оценкам, социальным ценностям.

В заключение хотелось бы привести изречение Конфуция: «С утратой языка народ тоже уйдет в небытие». И по сей день слова Конфуция остаются актуальными, современными и злободневными по отношению к сохранению языков малочисленных народов. Чтобы язык не исчез, необходимо проводить кропотливую работу по сохранению родного языка.

Литература

- Алтай баатырлар 1974 – Алтай баатырлар. Т. 8. Кара-сагышту Каткы-Мерген (Крутонравный Каткы-Мерген). Горно-Алтайск, 1974.
- Алтайский фольклор 1988 – Алтайский фольклор (материалы по чалканскому диалекту). Горно-Алтайск, 1988.

- Баскаков 1965 – *Баскаков Н.А.* Диалект лебединских татар-чалканцев (куу-кижи). Грамматический очерк, тексты, переводы, словарь. М., 1985.
- Вербицкий 1884 – *Вербицкий В.И.* Словарь алтайского и аладагского наречий тюркского языка. Казань, 1884.
- Вербицкий 1893 – *Вербицкий В.И.* Алтайские инородцы. Сборник этнографических статей и исследований. М., 1893.
- Вербицкий 1995 – *Вербицкий В.И.* Алтайские инородцы. Репринт. Горно-Алтайск, 1995.
- Иванов 1979 – *Иванов С.В.* Челканцы // Скульптура алтайцев, хакасов и сибирских татар (XVIII – первая четверть XX вв.). Л., 1979.
- Кандаракова 2013 – *Кандаракова А.М.* Песни челканского народа (Шалгануг калыктын саарынары). СПб: Алмаз-Граф, 2013.
- Кандаракова 2016 – *Кандаракова А.М.* Сказки, советы бабушки Билвезек. СПб: Алмаз-Граф, 2016.
- Кандаракова 2019 – *Кандаракова А.М.* Загадки челканского народа (Шалгануг калыктын таптыргыштары). СПб: Алмаз-Граф, 2019.
- Конфуций 2007 – Конфуций. Изречения. М.: АСТ, 2007.
- Потапов 1974 – *Потапов Л.П.* Пережитки родового строя у северных алтайцев. Ленинград, 1937.
- Пустогачева 2008 – *Пустогачева О.Н.* Челканско-русский тематический словарь: Пособие для учащихся 1–4 кл. СПб.: филиал изд-ва «Просвещение», 2008.
- Пустогачева 2014 – *Пустогачева О.Н.* Приложение к Букварю на челканском языке. Горно-Алтайск, 2014.
- Радлов 1866 – *Радлов В.В.* Образцы народной литературы тюркских племен. Ч. I: Поднаречия: алтайцев, телеутов, черневых и лебединских татар, шорцев и саянцев. СПб., 1866.
- Суразаков 1985 – *Суразаков С.С.* Алтайский героический эпос. М., 1985.
- Функ 2000 – *Функ Д.А.* Из материалов этнографической поездки к челканцам в августе 1990 г. // Проблемы истории и культуры тюркско-монгольских народов Южной Сибири и сопредельных территорий. Вып. 2. М., 1996.
- Ядринцев 1881 – *Ядринцев Н.М.* Об алтайцах и черневых татарах // ИРГО. Т. 17. 1881.

Аннотация

В статье рассматривается проблема сохранения бесписьменных языков. Автор статьи утверждает, что, сохраняя фольклор, можно сохранить бесписьменные и младописьменные языки, т.е. именно фольклор является формой самовыражения народа, в которой отражается народная память, преемственность поколений; фольклор помогает осознать самобытность

народных культур и осмыслить их традиции и обряды, прививает понятия об этике и нравственных ценностях. Автор приводит примеры основных фольклорных жанров челканского народа, иллюстрируя богатство и разнообразие словесной культуры челканцев. В заключении статьи автор предлагает ряд мер по сохранению языков младописьменных и бесписьменных народов.

Ключевые слова

челканский народ, бесписьменный язык, фольклор, героический эпос, волшебные и бытовые сказки, пословицы, поговорки, песни, слова-благопожелания

Сведения об авторе

Пустогачева Оксана Николаевна – кандидат педагогических наук, старший научный сотрудник Института системного программирования РАН, ответственный секретарь журнала «Российская тюркология»;
e-mail: pustogachevaon@yandex.ru

Oksana Pustogacheva

Upon the Problem of Preseving Newly Written and Unwritten Languages (Exemplified by the Folklore of Chelkans)

Summary

The article deals with the problem of preservation of unwritten languages. The author states that saving folklore can also help to save unwritten and so-called newly written languages. The folklore is a form of self-expression of a folk, it reflects the memory of people and intergeneration links. Folklore helps us to comprehend the uniqueness of national cultures and realize their customs and traditions. Along with everyday life folklore gives us some fundamental notions of people's ethics and moral values. The author gives examples of the main folklore genres of Chelkan people illustrating richness and variety of their verbal culture. In the conclusion the author proposes a number of measures to preserve unwritten and newly written languages.

Key words

Chelkan (Chalkan) people, unwritten language, folklore, heroic epos, fairy and describing the everyday life tales, proverbs, sayings / adages, songs, blessing / inspiring word formulae

Information about the author

Oksana Pustogacheva – PhD in Pedagogical Sciences, Research Scientist of the Institute of System Programming of the Russian Academy of Sciences, Executive Secretary of the «Russian Turcology» scientific journal;
e-mail: pustogachevaon@yandex.ru

М.М. Репенкова

**РОМАНИСТИКА ЗЮЛЬФЮ ЛИВАНЕЛИ
В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ
ТУРЕЦКОЙ ПРОЗЫ**

Турецкую литературу конца XX – начала XXI вв. можно назвать в какой-то степени переходной – от литературы однолинейной, одноуровневой, в которой литературные стили и жанры следовали один за другим, в которой доминировал единый реалистический метод с писателем-учителем жизни и с литературно-ориентированным читателем, к литературе многоголосой, в которой одновременно присутствует целый букет стилей и жанров с размытыми границами (возникают противоречивые и неустойчивые синтезы жанров и жанровых форм), в которой коренным образом изменилась роль писателя и читателя в связи отходом от «литературоцентризма» и «логоцентризма». Совершенно очевидно, что сегодня наблюдается превращение читателя-ученика, столь милого турецкой классической реалистической литературе XX в., в читателя-покупателя. «Поэтому главными технологиями в современной литературе становятся технологии рынка и производства» [Черняк 2018: 13]. Подавляющее число современных турецких писателей, особенно массовых, не стали, да и вряд ли станут, выразителями духовных поисков, которые способны влиять на самосознание читателя. Происходит явная десакрализация книги, которая все чаще и чаще воспринимается как одноразовый продукт. Изменилось отношение к книге и чтению вообще. «Чтение перестало быть человеко- и культурообразующим ресурсом, книги читают либо строго функционально, либо рутинно, примерно так же, как автоматически переключают кнопки телевизионного пульта» [Черняк 2018: 31].

О фрагментации и пестроте сегодняшнего турецкого литературного пространства, о стилистическом расколе национальной литературы говорят многие турецкие литературоведы и критики (Э. Сефероглу, А. Шериф, Б. Мурат, О. Гюндюз, Б. Моран, Ж. Парла, М. Текин и др.). Турецкие исследователи, находящиеся внутри современного литературного процесса страны, в отличие от историков литературы, которые пишут с определенной исторической дистанции, когда исследуемые эпохи и периоды уже закончились, пребывают в трудном положении. Им нужно уловить логику процесса становления литературных форм. И они правильно говорят о «конце логоцентричности», который повлек за собой турецкий постмодернистский мейнстрим 1980–1990-х гг. Именно он во многом привел к кризису распада и разложения привычных форм бытования художественных текстов, которые не могут спасти ни рынок, ни технологии.

В ситуации эстетического раскола и многоголосья 2000-х гг. особое значение приобретает беллетристика (З. Ливанели, А. Умит, Дж. Тан, Т. Киремитчи, А. Кулин, Р. Чамуроглу и др.), которая заполнила в современной турецкой прозе большую и важную лакуну. «Переходные эпохи и периоды кризиса в художественной прозе – это вообще время расцвета беллетристики» [Черняк, Черняк 2018: 16]. Беллетристика очень близко подходит к рубежу, за которым уже начинается серьезная литература. Но она также легко «сползает» к границе массовой литературы. Многие отечественные исследователи утверждают, что «не существует четкой границы между беллетристикой и массовой литературой» [Черняк, Черняк 2018: 16]. Положение «срединной» литературы позволяет беллетристике использовать и развивать формулы и схемы как «высокой» литературы, так и «низкой» массовой. Например, писательницы А. Кулин и Н. Безмен активно используют в своих беллетристических романах жанровую формулу биографии (зачастую выступающую в своей разновидности – автобиографии), одного из наиболее популярных жанров массовой литературы. Показательны в этом отношении романы А. Кулин «Фюрейя» (Füreya, 1999), «Тяжело дыша» (Nefes Nefese, 2002), «Ее имя Айлин» (Adi: Aylin, 1997) и романы Н. Безмен «Курт Сейт и Шура» (Kurt Seyt & Shura, 1992) и «Курт Сейт и Мурка» (Kurt Seyt & Murka, 1993).

С другой стороны, для беллетристики характерна актуальная злободневность поднимаемых в произведениях проблем. Критик Г. Цеплаков говорит о беллетристике как об «актуальном искусстве конца XX – начала XXI в.» с его «ориентацией на конструктивное и по возможности скорое решение актуальных социальных противоречий современного общества, с положительным героем – честным интеллектуалом, уважающим приватность, добродетель и долг, с отрицательным героем – бесчестным интеллектуалом, который стремится любой ценой доминировать и манипулировать» [Цеплаков 2006: 25]. Для турецкой беллетристики актуальна и востребована социально-ориентированная поэтика традиционной реалистической прозы (турецкого социального реализма) с ее устойчивыми мотивами, архетипической связью с фольклором, ростом социального сознания личности. Так, в романе З. Ливанели «Счастье» (Mutluluk, 2002) известный для национальной реалистической прозы сюжет – восстановление чести семьи посредством убийства/самоубийства изнасилованной девушки/женщины (Я. Кемаль «Убить змею» /Yılanı öldürseler, 1978/, Б. Йылдыз «Бедрана» /Bedrana, 1971/ и др.) – обрастает символами, культурными кодами и мотивами фольклора и Корана, петляет, извивается (путешествие в далекий край приравнивается к путешествию в себя), превращается в многоцветный, многофигурный восточный ковер, где все узелки умело спрятаны внутрь.

З. Ливанели является одним из наиболее ярких современных турецких беллетристов, тонко улавливающих требования читателя. Его творчество – это пример борьбы писателя за своего читателя. Любитель авантюрно-исторических, патриотическо-исторических текстов удовлетворится приключениями исторических героев, любитель психологических интриг погрузится во внутренний мир персонажей-участников мелодраматического действия, а филологически озабоченный читатель попробует распутать сетку интертекста с его цитатностью и коллажностью. Иными словами, у З. Ливанели детектив, приключение, мелодрама, политика, история, интеллектуальное чтение присутствуют в разных флаконах, но в одной упаковке.

Показательным примером борьбы за своего читателя и авторской игры с читателем являются названия его произведений. Его

заглавия приглашают читателя к диалогу. В них часто присутствуют прямые указания на реалии из жизни среднего класса: «Счастье», «Тревожность», «Дом Лейлы», «История моего брата», «Прощание», «Отель “Константинополь”». Иногда название завораживает тайной с ключевыми словами «смерть», «последний»: «Кошка, человек, смерть», «Последний остров». Иногда отсылает к романтической истории: «Серенада». В конце концов это может быть просто словесная игра, умная и оригинальная: «Ослепление в глазах гадюки» / «Глаз гадюки».

Омер Зюльфю Ливанели родился 20 июня 1946 г. в ильче Ылгын в 86 км от Коньи¹. Его прадед Омер-бей участвовал в русско-турецкой войне 1877–1878 гг., дослужившись до звания кол-агасы (секунд-майора). Он женился на чеченке, и у него родился сын Зюльфикар. Когда Омер-бей погиб, его сыну было 10 лет. Зюльфикар не стал военным. Он служил на государственной службе, был судьей. Говорили, что он был чрезвычайно честным и порядочным человеком. Когда вышел закон о фамилиях, он взял фамилию Ливанели, исходя из того, что жил он и работал в санджаке Ливанели. У Зюльфикар-бея родилось три сына, самым старшим из которых был отец писателя Мустафа Сабри Ливанелиоглу. В 1940 г. он закончил юридический факультет Анкарского университета, был назначен прокурором в ильче Ылгын, где он и обзавелся семьей. У Мустафы Сабри-бея и его жены Шюкрийе-ханым родилось четверо детей – Омер Зюльфю, Асым, Сейхан и Ферхат. Жизнь прокурора не была легкой. Семья все время переезжала с места на место (Фетхийе, Амасья и др. города Анатолии). С детских лет Зюльфю Ливанели любил музыку. Отец подарил ему саз, на котором мальчик научился играть. Впоследствии пережить невзгоды во многом З. Ливанели помогала музыка.

В 1950-е гг. родители Зюльфю отправляют его в Анкару к дедушке и бабушке для учебы в знаменитом Маариф Коледжи², где

¹ Сведения о биографии З. Ливанели даются по книге воспоминаний писателя «Моя возлюбленная жизнь» (Sevdağım Hayat, 2018) и по монографическому исследованию Э. Сефероглу «Литература Ливанели» (Livaneli Edebiyatı, 2017).

² Колледж первоначально назывался «Колледж при Министерстве просвещения», затем за ним укрепилось более короткое название «Колледж просвещения».

он увлекся английским языком и литературой. По признанию самого Ливанели, на него большое влияние оказали Э. Хемингуэй, Дж. Лондон, Дж. Стейнбек, Э. Колдуэлл. Он так много читал, что его даже ограничивали в чтении. Он читал переводную литературу, которую издавало Министерство просвещения: «Старик и море» Э. Хемингуэя, «Мартин Иден» Дж. Лондона, «Тошнота» Ж.-П. Сартра. Он мог с одинаковым интересом читать детективы про Арсена Люпена и пьесы Г. Ибсена. В 15 лет под влиянием Хемингуэя написал свою первую книгу про жизнь тореадоров «Амарилло». Очень большой интерес у него вызвал «Дестан о национально-освободительной войне» Н. Хикмета, который был опубликован после переворота 1960 г.

В 1964 г. З. Ливанели женился на школьной подруге Юлькер Тунчай, и через два года у них родилась дочь Айлин. В этот период молодой семье пришлось переехать в Трабзон, где З. Ливанели работал в немецкой фармацевтической компании. Здесь, в Трабзоне он познакомился с людьми «левых» взглядов: судьей Али Фаиком Джиханом, поэтом Атаолом Бехрамоглу, учителем рисования Мустафой Бешгеном и др., что стало причиной его обращения к социализму. Он читал «левые», прокоммунистические газеты и журналы, произведения Н. Хикмета, «Капитал» К. Маркса. Его «дружба с коммунистами» привела к увольнению из компании. Затем его забрали в армию на шесть месяцев, после чего он с семьей жил в доме матери в Стамбуле. Безденежье заставило его вновь устроиться в ту же фармацевтическую компанию в городе Эскишехир. Но эта работа была ему совсем не по душе, и З. Ливанели со своим другом организовал в Анкаре сначала фирму по продаже книг «Ana Dağıtım», а затем издательство «Ekim Yayınları», где они издавали такие книги, как «10 дней, которые потрясли мир» Дж. Рида, «Социалистическая Куба» Л. Губермана и П. Сузи, «Герилья и марксизм» Ж. Помероя, «Политические письма» Че Гевары и др. Издательство делило офис с газетой «Aydınlık». В этом же здании находилось руководство отделения Рабочей партии Турции от ильче Чанкая, с многими представителями которого дружил З. Ливанели. После переворота 12 марта 1971 г. его вместе с другими сотрудниками издательства арестовали. В вину вменялось все: книги, ко-

торые они издавали, люди, с которыми они общались, и т.п. В тот раз отцу и дяде удалось ему быстро помочь, буквально через несколько дней он вышел на свободу.

З. Ливанели закрыл издательство «Ekin» и создал новое «Vabil», в котором издавал Дж. Апдайка, переводы писем Чехова, свои собственные первые рассказы. В 1970-е гг. З. Ливанели много занимался музыкой. Работал над выходом дисков «Собери для меня солнце», «Лейлим лей» и др. Начал исследование турецкого фольклора. В старом журнале он нашел слова и ноты тюркю об Индже Мемед, после чего разыскал в Стамбуле адрес Яшара Кемалья и пришел к нему знакомиться. Представившись и показав свою находку мастеру, он исполнил Я. Кемалю тюркю об Индже Мемед, сопровождая себя на сазе. Это стало началом их многолетней дружбы. Об этой дружбе З. Ливанели позже написал книгу воспоминаний «Яшар Кемаль – писатель, от взгляда которого замирает орел» (Gözüyle Kartal Avlayan Yazar Yaşar Kemal, 2016).

В 1971 г., получив заграничный паспорт, З. Ливанели решил уехать за границу, но снова был арестован. На этот раз срок пребывания в тюрьме Анкары был более продолжительным (1 месяц). После освобождения его обвинили в причастности к угону турецкого пассажирского самолета в Софию. Сначала он скрывался, но потом сам сдался полиции. Новый арест продлился несколько месяцев. Через некоторое время его отпустили за неимением улик. Он продолжил заниматься музыкой. Но угроза очередного ареста витала в воздухе. По поддельному паспорту З. Ливанели уехал за рубеж. Около 8 лет с перерывом он прожил в вынужденной эмиграции в Европе (по большей части это была Швеция). В Стокгольме он зарабатывал на жизнь музыкой. Жена училась на педагогическом отделении Стокгольмского университета, а будущий писатель – на философском отделении. Параллельно он занимался музыкой в музыкальном училище имени Эмиля Жака-Далькроза. Воспользовавшись амнистией, З. Ливанели удалось получить паспорт в Турецком посольстве. В 1996–2016 гг. З. Ливанели был послом ЮНЕСКО. В 2002–2006 гг. избирался депутатом в Европарламент, а по возвращению в Турцию – в Великое национальное собрание Турции.

З. Ливанели знаком со многими известными людьми своего времени (политиками, писателями, музыкантами). Он с особой теплотой вспоминает о своих встречах с М. Горбачевым. 13 октября 1986 г. группа писателей-интеллектуалов (З. Ливанели, Я. Кемаль, А. Миллер, Дж. Болдуин) по приглашению Чингиза Айтматова участвовали в Иссык-кульском форуме, который был организован в Казахстане, 21 октября эта же группа встречалась с М. Горбачевым в Кремле. Позднее З. Ливанели еще несколько раз встречался с М. Горбачевым. Содержание этих встреч отражено в публицистической книге З. Ливанели «Разговоры о революции с Горбачевым» (Gorbaçov'la Devrim Üstüne Konuşmalar, 2003). Многолетняя дружба связывает З. Ливанели с Микисом Теодоракисом, с которым они основали «Общество греко-турецкой дружбы».

З. Ливанели выделяется среди ведущих представителей турецкой творческой интеллигенции широтой своего дарования. С ранней юности в его жизни в единое целое соединились литература, музыка и кино. Он считает, что искусство – многослойное образование, что кино, музыка и литература подпитывают друг друга. Поэтому работа в разных областях искусства развивает художника, заставляет преодолеть одномерность творчества. Делает его произведения более многоплановыми, яркими. Например, история, рассказ является одним из краеугольных камней фильма. Поэтому роман и рассказ легко переводятся в видеоряд. Музыка делает фильм более емким и наполненным чувствами. Музыка и фильм могут стать неразделимыми [Seferoğlu 2017: 55]. Экранизация романа З. Ливанели «Счастье» режиссером Абдуллахом Огузом в 2007 г. и саундтрек к фильму, написанный самим З. Ливанели, включающий 12 композиций, исследованы в статье А.В. Образцова и А.С. Сулеймановой [Образцов, Сулейманова 2019: 145–147].

Композитор, писатель, кинорежиссер, он был удостоен более тридцати престижных национальных и международных наград во всех тех областях, куда он направлял свою кипучую энергию. Так, в 1999 г. в итальянском городе Сан-Ремо З. Ливанели получил высшую награду в области популярных современных песен «Лучший композитор года». Его музыкальные композиции ис-

полнялись симфоническими оркестрами Лондона, Берлина, Москвы, Афин и Измира под управлением таких известных дирижеров, как Семен Коган и Зудин Мета. Романы З. Ливанели, переведенные на сорок языков мира, не раз входили в списки бестселлеров в Испании, Китае, Южной Корее, Германии. В Турции произведения писателя неоднократно получали литературные премии имени Юнуса Нади и Орхана Кемалея, что является показателем высокой оценки его творчества литературными критиками и читателями.

Первая книга рассказов З. Ливанели «Ребенок в Чистилище» (*Arafat'ta Bir Çocuk*, 1978) была написана в Швеции. Позднее по всем восьми рассказам сборника был снят телевизионный фильм, показанный по телевидению Швеции и Германии. Писатель с самого начала своей творческой деятельности отстаивает идею визуализации современного искусства. Он понимает, что мышление телевизионными образами становится все более привычным для современного читателя, поэтому кинематографичность текста и превращается в важный стилистический компонент всей его прозы.

Идею названия сборника З. Ливанели позаимствовал у Я. Кемалея, который рассказал ему, что в народе гору Арафат³ называют Араф (т.е. «Чистилище», «место между адом и раем») [*Seferoğlu* 2017: 32]. В рассказах повествуется о турецких детях из бедных эмигрантских семей, которых волею судьбы оказались брошенными в Западную Европу и которые не смогли приспособиться к чужой для них жизни.

В 1996 г. З. Ливанели выпускает первый роман «Ослепление в глазах гадюки» (*Engereğin Gözündeki Kamaşma*), название которого в более поздних изданиях звучит как «Глаз гадюки» (*Engereğin Gözü*). Роман удостоен в 1997 г. Балканской литературной премии. Это историческая беллетристика, в которой писатель использует исторический материал для создания занимательного сюжета, поэтому жанр произведения можно обозначить как авантюрно-исторический. Украшая роман цитатами из Наи-

³ Гора, расположенная в Саудовской Аравии в 20 км от Мекки. На ней, по преданию, Мухаммед произнес последнюю проповедь.

мы и Эвлии Челеби и ставя во главу всего повествования важную проблему власти человека над другими людьми, власти, которая ослепляет даже глаза гадюки, З. Ливанели, как положено писателю-беллетристу, подписывает негласный договор с читателем: все читательские ожидания должны быть удовлетворены, финал предсказуем, исторические сплетни и анекдоты обязательно пересказаны, при этом читатель не утруждает себя особыми размышлениями. Исторический антураж в романе в пределах средне эрудированного человека. Преступление, убийство падишаха, имеет историческую подоплеку, оно опасно для Османской империи. Опасность исходит из самого султанского дворца Топкапы, от обожающей власть матери падишаха.

Личным повествователем в романе является главный (черный) евнух султанского гарема эфиоп Ибрагим, который рассказывает о том, что происходит в султанском дворце, где он живет, и в самом городе Стамбуле. Главный евнух называет себя и имена нескольких рабынь из гарема, остальные обитатели дворца остаются в его повествовании безымянными (Падишах Эфендимиз, Валиде Султан/Бююк Валиде и др.) Это делает временные рамки повествования неопределенными и зыбкими. Однако некоторые события в романе коррелируют с тем, что происходило в Османской империи в XVII в., в период правления Ибрагима I (1616–1648), который в 25 лет стал восемнадцатым османским падишахом, а после восьмилетнего правления был пленен по приказу своей матери Кёсем Султан (1590–1651) и убит.

В 2011 г. роман не без участия З. Ливанели был экранизирован под названием «Страж гарема» (Haremli bekçisi), а в 2012 г. роман, опять же с легкой руки самого писателя, вышел в виде комиксов Чагры Джошкуну под названием «Гарем» (Harem). Переведение романа в визуальную (фильм) и вербально-визуальную (комикс) формы свидетельствует о том, современная турецкая беллетристика не отказывается от уже апробированных маскультом жанров (роман-комикс). С романом З. Ливанели происходит своеобразный круговорот, несмотря на то что в комиксе можно увидеть некоторый компромисс между книгой и экранным медиа, тем не менее он все же стремится стать литературным текстом. В этом можно усмотреть следующую тенденцию

сегодняшнего дня: «комиксы все чаще появляются в качестве продуктов, выпускаемых вслед за успешными экранными – кинематографическими и анимационными – проектами. Здесь комикс разделяет судьбу книг-новеллизаций, назначение которых заключается в том, чтобы пролонгировать рецепцию популярного повествования» [Черняк 2018: 160]. На роль такого «популярного повествования» З. Ливанели выбирает роман «Глаз гадюки».

Роман «Кошка, человек, смерть» (Bir Kedi, Bir Adam, Bir Ölüm) вышел в 2001 г. Работа над романом велась писателем в течение 25 лет. З. Ливанели начал его писать, как только приехал в Швецию в 1974 г. и переписывал его пять раз. Первоначально название у произведения было другое «Анархист, приверженный к порядку» (Düzen Düşkünü Bir Anarşist) [Seferoğlu: 32]. В 2001 г. книга получила премию имени Юнуса Нади. В 2002 г. она была переведена и опубликована в Греции и в Сербии, в 2004 – в Иране, в 2005 – в Швейцарии, кроме того, переведена на французский, английский и немецкий языки под названием «Сезон одиночества».

В романе два повествователя: личный (главный герой, политэмигрант Сами Баран) и безличный (друг Сами Барана, описывающий от третьего лица жизнь главного героя). Оба повествования переплетаются, входят друг в друга, создавая глубинный психологический портрет человека, вынужденно покинувшего родину и живущего на чужбине. Сами Баран приехал в Стамбул из Анкары, чтобы учиться на философском факультете Стамбульского университета. Он интересуется кино, хочет снимать фильмы, собирается жениться на Филиз, студентке из бедной семьи с юго-востока страны. Филиз «левых» взглядов, оппозиционна правящему режиму. В один из дней полицейские убивают Филиз на глазах у Сами Барана, его арестовывают и пытаются получить от него показания о том, что Филиз была членом некоей «левой» организации. Через некоторое время героя отпускают, и он бежит в Швецию. В Стокгольме он с трудом привыкает к жизни политэмигранта (он просит политического убежища у шведских властей). Через несколько лет попав в шведскую больницу, он встречается там с пожилым человеком, в котором

узнает бывшего министра сил безопасности⁴ Турции, причастного к гибели Филиз. Сами Бараном овладевает чувство мести. Он хочет убить смертельно больного пожилого человека (у него опухоль мозга). Но в конце романа герою удается справиться с собой. Он спасает пожилого человека от самоубийства, полагая, что ждать смерти намного тяжелее, чем оказаться убитым.

В романе много автобиографических моментов, которые пережил сам З. Ливанели, будучи политэмигрантом в Швеции. Показателен в этом плане эпизод, когда писатель приходит в полицейский центр с просьбой о статусе политического беженца. Он отражен в книге воспоминаний «Моя возлюбленная жизнь» (Sevda İlm Nayat, 2007): «Однажды я с Айпери Карабуда пошел в шведский полицейский центр с просьбой о политическом убежище. Нас отвели в комнату для допросов. Я рассказал, что в Турции я занимался издательским делом, что три раза сидел в тюрьме, что я имею права просить у Швеции политического убежища. Айпери переводила все, что я сказал на шведский. Офицер в полицейской форме угрюмо слушал» [Livaneli 2018d: 190]

А вот сцена в полицейском центре, происходящая с Сами Бараном. Она вызывает то же тягостное чувство, что и сцена с самим З. Ливанели: «В тот день, когда, он пошел в Стокгольмский полицейский центр, чтобы получить статус политического беженца, он увидел высокого полицейского с поразительно худым и длинным лицом, сидящего за металлическим столом. Полицейский безучастно спросил Сами о целом ряде вещей, связанных с его паспортом. Потом нажал на кнопку звонка и вызвал еще несколько полицейских, с которыми Сами сел в лифт и поднялся на верхний этаж» [Livaneli 2019a: 18].

Автобиографичность не противоречит признакам беллетристики. Наоборот, как уже отмечалось выше, она является одной из ярких черт национальной мидл-литературы. Иногда, правда, создается впечатление, что турецкие писатели просто катастрофически неспособны отделять себя от персонажа. Однако у З. Ливанели романский текст при всей его автобиографичности

⁴ Этот министр (Emniyet Müdürü), как и министр внутренних дел, отвечает за полицейские службы в Турции.

не теряет художественной условности, не устремляется в русло дневниковых откровений. Наоборот, дистанция между автором и героем четко обозначена. А сам автор по-прежнему демиург, а не аранжировщик пережитых фактов.

Роман З. Ливанели «Счастье» – это своеобразный травелог, в котором путешествие в пространстве сопровождается путешествием в себя (поиском утраченного «я»), обрастая символами и культурными кодами. Поэтому судьбы столь разных людей (семнадцатилетней девушки Мерьем, изнасилованной ее дядей-шейхом в далекой деревне близ озера Ван; ее двоюродного брата Джемалю, бывшего спецназовца, вернувшегося из армии и призванного отцом-шейхом совершить убийство чести – уничтожить Мерьем в Стамбуле; профессора Ирфана Курудала, убежавшего от светского стамбульского общества и богатой жены в бедный отчий дом) переплетаются, рождая фантастические в своих совпадениях сюжеты, связывая всех троих и давая возможность каждому найти свое счастье в этом мире.

Своеобразным ключом к пониманию текста романа становится первая глава, в которой Мерьем летит на волшебной белой птице Анка над землей, в чем просматривается ее избранность среди людей (ведь птица выбрала именно ее, девушку с переливающимися разными цветами глазами от карего до зеленого), чтобы забрать в сказочное путешествие [Образцов, Сулейманова 2019: 141–144]. Мерьем действительно приносит успокоение и радость всем, с кем она встречается на своем пути, особенно путешествующим на яхте профессору Ирфану и Джемалю. Последний в конце путешествия отказывается убивать девушку, узнав всю правду о своем отце. Роман в 2006 г. получил в США премию «Barnes & Noble» как новая книга-открытие.

«Дом Лейлы» (Leyla'nın Evi, 2006) – первое произведение З. Ливанели, поставленное на театральной сцене [Seferoğlu 2017: 69]. Писателю-беллетристу удастся вывести избитую тему женского счастья из формульных рамок примитивной мелодрамы, показать, как тривиальные отношения трех женщин (старой аристократки Лейлы-ханым, современной представительницы стамбульского света Неджлы Джевхероглу и бунтарки-рэперши Рокси/Рукийе), которые вначале не могут найти общий язык, благодаря

ярко выраженной авторской интонации вырастают до масштабов серьезной нравственной проблемы – истории вызревания человеческой души, пробуждения чувств.

В 2007 г. З. Ливанели обращается к мемуаристике и пишет книгу воспоминаний «Моя возлюбленная жизнь». Книга оказалась очень популярной. Только в издательстве «Remzi Kitabevi» с 2007 по 2012 гг. она выдержала 36 изданий. Затем в издательстве «Doğan Kitap» с 2012 по 2018 гг. вышло еще 17 изданий. Интерес к книге объясняется тем, что в 2000-е гг. литература факта (дневники, мемуары, автобиографии) вообще уверенно потеснила популярные в 1990-е гг. постмодернистские тексты. Размышление над проблемой «как быть писателем» вызвало к жизни огромное количество жанров письма (автобиографические заметки, записные книжки и т.п.). При этом документальные мемуарные (т.е. периферийные) прозаические жанры турецкой литературы переходного периода, подводящие определенный итог уходящей эпохе, стали не просто актуализироваться, а приобретать отчетливые фикциональные черты: автобиографические записи по своим нарративным характеристикам обрастали признаками беллетристики. Появились нон-фикшн, ауто-фикшн и др.

Заслуживает внимание само заглавие мемуаров З. Ливанели – «Моя возлюбленная жизнь». Оно апеллирует к читательскому ожиданию и провоцирует «эффект подглядывания». Мемуарист намеренно заявляет в названии, что он расскажет читателю нечто интересное о себе, о своих отношениях с известными людьми, о своей работе. Ключевыми моментами повествования у З. Ливанели становятся индивидуально значимые события прошлого («опорные точки памяти»), в связи с чем отличительной чертой его мемуаров является монтажность повествования. Жизнь мемуариста предстает перед читателем как череда воспоминаний-кинокадров, сопровождаемых документами и фотографиями. Последние призваны подтвердить слова автора и заинтересовать читателя. Некоторые исследователи относят мемуары к разновидности романа. Только в них в качестве материала использованы не фиктивные, а реальные факты. Такие мемуарные романы даже разделяют по структурным принципам – мемуары

монологические, мемуары полифонические, мемуары эпические [Черняк, Черняк 2018: 108]. Но на наш взгляд, это довольно спорно. Мемуары действительно показывают реальность сквозь призму авторского сознания. Но само понятие «авторство» здесь очень условно, так как текст представляет собой лишь литературную переработку устных воспоминаний.

В 2008 г. З. Ливанели выпускает роман «Последний остров» (Son Ada), который с уверенностью можно назвать одним из первых турецких антиутопий, генетически связанных с романом Рэя Бредбери «451 градус по Фаренгейту». К этому же выводу приходят и турецкие критики, оценивая это произведение [Belge 2009: 65–74; Seferoğlu 2017: 37, 69]. В 2009 г. роман завоевал одну из самых престижных премий в области романистики – премию имени Орхана Кемала «за реалистический подход к социальным проблемам, воспроизведенным в фантастико-символическом повествовании» [Seferoğlu 2017: 70].

Антиутопия – это жанр, который также становится одним из ведущих в переходную эпоху. «В антиутопии мир, выстроенный на тех же началах, что и в утопии, дан изнутри, через чувства одного человека, испытывающего на себе законы общества тотальной несвободы. Все события в антиутопии происходят после переворота, войны, катастрофы, революции и т.п. и в каком-то определенном, отграниченном от остального мира месте. Идеалом в этом мире становится инкубатор, стирающий любые различия между людьми. Внутренняя атмосфера антиутопии пронизана страхом» [Черняк, Черняк 2018: 11].

З. Ливанели действует точно в соответствии с требованиями жанра. В романе особый тип хронотопа: локализация событий во времени и пространстве. Все события происходят в воображаемой, известной стране на райском острове, которому безымянный личный повествователь дает название «Последний остров» – последнем прибежище счастливых людей. Жизнь на острове (в этом ограниченном от остального мира месте с населением в сорок домов), которую описывает в дневнике личный повествователь (он не является профессиональным писателем), протекает размеренно и спокойно. Люди живут в гармонии с природой и самими собою. Но все это происходит до того момента, пока

на остров не приезжает бывший Президент, пришедший в свое время к власти в результате военного переворота. Теперь он ушел на пенсию и выбрал для жизни этот остров. Активная деятельность бывшего Президента на маленьком острове, подчинение себе, своей воле местных жителей (писателя – друга повествователя, Лары, сына бакалейщика и др.) превращает жизни островитян в ад, с чем не желает мириться личный повествователь. Иными словами, жизнь на острове, как обычно бывает в антиутопии, разделилась на два отрезка – до и после приезда Президента. А между ними разрыв преемственности. Жизнь главного героя-повествователя теперь полностью подчинена ритуалу, установленному Президентом, и поэтому основной темой произведения становится стремление героя этот ритуал сломать, нарушить, восстать против него. З. Ливанели использует типичный для любой антиутопии конфликт «я» и «мы», актуализируя проблему превращения личности в массу. Критика социальных утопий человечества, нравственной деградации сочетается в романе и с гуманитарной катастрофой: Президент уничтожает природу острова, что особенно отражается на жизни чаек.

В романе З. Ливанели легко узнаются реалии современной Турции. Правда, они представлены в утрированно-гиперболизированном виде, даже с некоторым фантастическим сдвигом. Писатель пронизывает предупреждающим пафосом Апокалипсиса все произведение, что характерно вообще для книг данного жанра.

В 2010 г. З. Ливанели публикует роман «Прощание» (Veda). И в этом же году он выступает в качестве режиссера одноименного фильма, снятого по этому роману. Роман «Прощание» обладает всеми качествами патриотической исторической беллетристики, ориентированной на потребности усредненного, массового читателя. В тексте романа не только используется исторический материал для создания интересных сюжетов (развлекательная функция), но и создаются мифы о жизни вождя турецкого народа Мустафы Кемала Ататюрка, воздействующие на сознание народа, диктующие ему образцы поведения и восприятия истории (назидательная функция). Последняя функция «связана уже с экстралитературными факторами социально-идеологиче-

ского порядка: в частности, со стремлением массового читателя к позитивной национальной самоидентификации» [Черняк 2018: 284]. Можно с уверенностью сказать, что роман З. Ливанели, испытывая воздействие дискурса национальной идентификации, сам влияет на этот дискурс, становясь его составляющей. Он воспроизводит свою версию истории страны сквозь призму жизни человека-мифа, человека-легенды основателя республиканской Турции. В нем создается образ лидера турецкой нации просто фантастический по своей положительности, распространенный в околонучных теориях и народной, массовой мифологии.

Доминантная форма повествования в романе эпистолярная. Друг и соратник Ататюрка Салих Бозок (историческая фигура, друг детства первого президента Турции и его главный адъютант) находится в ноябре 1938 г. во дворце Долмабахче и с ужасом наблюдает, как уходит из жизни его кумир 57-летний Мустафа Кемаль. Он пишет прощальное письмо своему сыну Музафферу, в котором описывает свою дружбу с Ататюрком, их годы детства, юности и зрелости, которые они провели вместе, описывает лидерские качества храброго генерала, которые всегда присутствовали в его друге. Салих Бозок не мыслит своей жизни без Ататюрка и принимает решение совершить самоубийство в случае смерти последнего.

События, о которых рассказывает Салих Бозок, даются в его интерпретации. Посредством Салиха Бозока они подвергаются упрощению, авторской адаптации и сворачиваются в некие исторические «ярлыки», репрезентирующие эти события в коллективной памяти последующих поколений. Особенно это касается поведения Ататюрка с разными людьми (он был прост в общении со всеми, уважал своих товарищей, был нетерпим к врагам), его способности предвидеть светлое будущее страны (как он объяснял свои планы и мечты подчиненным), его неудачной личной жизни, любви к матери и т.п. По сути жизнь Ататюрка превращается под пером З. Ливанели в источник массовых сюжетов, транслирующих «массовую социальную мифологию», сводящих многообразие миропонимания человека до элементарной оппозиции (хорошее-плохое), что вполне укладывается в

русло беллетристики, выполняющей, как и массовая литература, компенсаторную, эскапистскую функцию.

Черты беллетристики в романистике З. Ливанели проявляются не только в явной зависимости писателя от определенных шаблонов массовой литературы, но и в использовании (порой даже эпигонском) кодов «высокой», классической традиции. «Беллетристика вообще испытывает потребность в постоянной опоре на существующую литературную традицию, отсюда разработка системы разнообразных отсылок к тексту-посреднику, знание которого объединяет автора и читателя» [Чернов 1997: 277]. Так, в романе «Серенада» (Serenad, 2011) штампы массовой литературы (детектив и дамский/любовный роман) соединяются с кодами романтизма, сентиментализма и реализма [Репенкова 2018], а в романе «Отель “Константинополь”» (Konstantiniyye Oteli, 2015), самом читаемом и продаваемом романе 2015 г. [Seferoğlu 2017: 71], поэтикой модной дамской литературы чиклит⁵ обыгрываются коды турецкого социального реализма [Репенкова 2019]. З. Ливанели уравнивает планки «высокого» и «низкого», адаптируя художественный текст для восприятия его усредненным потребителем. В стратегиях З. Ливанели обнаруживаются черты современной литературной ситуации в стране, ориентированной не на читателя-эстета и интеллектуала, а на читателя-среднячка – наивного, растерянного и беспомощного перед решением актуальных проблем. Такому читателю требуется особая система средств по смысловой адаптации

⁵ Чиклит (англ. chick lit – «женское чтение», «литература для цыпочек») придумали американские писатели Д. Шеллом и К. Маззой в 1995 г. в качестве заголовка к антологии постфеминистской прозы 1990-х гг. «В этих текстах темы любви, брака, карьеры и вообще роли женщины в меняющемся мире раскрывались с самоиронией и стебом, с ощущением женской самости. Первоначально чиклит характеризовался претензией на раскрытие внутреннего мира женщин рубежа веков, но постепенно главными героинями становились обеспеченные представительницы верхнего слоя среднего класса, причем обязательно работающие: телеведущие, арт-директора, пиарщицы, светские обозреватели, юристы и другие представительницы престижных профессий» [Черняк 2018: 298]. Современный чиклит – это рассказ о сильной женщине, борющейся за лучшую женскую долю против слабых ненадежных мужчин, то, что и выбрал главной сюжетной линией в романе «Серенада» З. Ливанели.

и переводу передаваемой информации на уровень обыденного понимания.

Особым в этом ряду выглядит роман «История моего брата» (Kardeşimin Hikâyesi, 2013), в котором писатель использует постмодернистский детективный дискурс, являющийся сам по себе травестийно-игровым [Репенкова 2018]. Этот дискурс упрощается (а значит, и снижается) бесконечными объяснениями автора. В интертекстуальной травестийной игре появляется фигура предельно обезличенного, лишенного всяких индивидуальных примет «человека вселенной» Ахмеда Арслана, живущего в мире книг. В романе имеются элементы жанра библиотравелога, организованного как странствие по книжному миру. «Человек без чувств» у З. Ливанели лишь прикидывается синтетической куклой, а на самом деле он имитирует и жестоко пародирует тот порядок, в котором царствуют люди «без лица», люди-схемы и штампы. Герой рассказывает бесконечные истории молодой журналистке, но говорит он от лица пустоты, выворачивая эту пустоту наизнанку: он выдает свою жизнь за жизнь погибшего в раннем возрасте брата-близнеца, а себя называет именем брата. Вся жизнь Ахмеда/Мехмеда Арслана демонстрирует безжизненность и одномерность существования современных людей.

Интертекстуальные игры З. Ливанели в романе вполне привычны в турецкой беллетристике XXI в. Здесь важно лишь отметить, что «категория интертекстуальности, свойственная в большей степени литературе постмодернизма, в особом упрощенном виде может быть обнаружена и в текстах массовой литературы, и в текстах беллетристики, в которых интертекстуальные включения могут быть представлены разными способами» [Черняк 2018: 280]. Чаще всего маркеры интертекстуальности содержатся в словах Ахмеда/Мехмеда Арслана, объясняющего «наивной девчонке-журналистке», обладающей невысоким уровнем читательской компетентности, общеизвестные тексты классической литературы. Выразительным представляется следующий текстовый фрагмент:

« – Если захочешь, посмотри вот это, чтобы тебе не было скучно в мое отсутствие, – предложил я. – Помнишь, о чем мы с тобой говорили на берегу? Опасности любви и всякое такое.

Смотри, это – “Анна Каренина”, самоубийство из-за любви. А это – “Мадам Бовари”, и тут самоубийство из-за любви. В “Страданиях юного Вертера” то же самое. Это – “Отелло”, здесь из-за любви происходит убийство. А вот трагическая история любви от Физули в поэме “Лейла и Меджнун”. Прочитай другие книги. Ты и в них увидишь помешательство героев от любовной страсти, массовые убийства, самоубийства, преступления. Я же говорю тебе, что любовь – самое опасное чувство на земле. Она навлекает на людей несчастья.

У меня в библиотеке было еще немало книг: “Керем и Аслы”, “Тахир и Зухра”, “Ромео и Джульетта”, “Ферхат и Ширин”. Но я не стал выкладывать их перед ней. И без того девчонка поглядывала на них искоса, словно перед ней была какая-то букашка [Livaneli 2018: 169].

3. Ливанели, четко улавливая невысокий уровень культуры своих адресатов, по-своему наследует «учительско-просветительскую» миссию турецкой литературы. Посредством героя-повествователя он просто растолковывает читателю «кто есть кто». Например, в тринадцатой главе романа используется цитатное название повести Ф.М. Достоевского «Вечный муж». Глава начинается с разъяснения этого цитатного названия: «Я не собираюсь скрывать то, что позаимствовал название этой главы у одного петербургского писателя, страдавшего эпилепсией, потому что нет лучшего способа донести – с учетом моих скромных способностей – то, в каком душевном состоянии был мой сосед Али, который тем утром сначала позвонил, а затем явился ко мне домой. Дело в том, что он по-прежнему ощущал себя “мужем” и испытывал всю гамму чувств: и мужнюю ответственность, и мужнее чувство собственности, и мужнюю нежность. Однако жены у него теперь не было» [Ibidem: 141].

В романистике 3. Ливанели улавливается и фиксируется состояние человека в современной Турции – его беспомощность, растерянность и его тревога, вызванная необходимостью решать проблемы окружающего мира. Социально-политическим причинам, которые порождают это состояние людей в турецком обществе, посвящен последний роман писателя «Тревожность» (Huzursuzluk, 2017), выдержавший в издательстве «Doğan Kitap»

за 2017–2018 гг. 258 изданий [Репенкова 2019а]. Это поразительное по силе эмоционального воздействия реалистическое повествование о расследовании стамбульским журналистом трагедии курдов-езидов, подвергшихся геноциду со сторон ИГИЛ. Одновременно этот роман является и примером того, как в современной беллетристике проявляется четкая авторская позиция в изображении острых социальных проблем.

В заключение можно сказать, что романистика З. Ливанели, ориентированная на потребности массового усредненного читателя, в то же время выдвигает на первый план эстетические качества литературы. Они являются первичными относительно тех функций, которые возлагаются на беллетристические произведения – развлекательной и назидательной. З. Ливанели не отказывается от воспроизведения острых социальных конфликтов в психологическом ключе. Всегда четко выражает авторскую позицию. Но одновременно понимая инфантильность современного читателя, разрабатывает особую систему средств по адаптации высокого искусства до уровня понимания усредненного сознания.

Литература

- Образцов, Сулейманова 2019 – *Образцов А.В., Сулейманова А.С.* Стратегия «Счастья» Зюльфию Ливанели: нарратив и визуальность // Российская тюркология. 2019. № 1–2 (2–23). С. 139–148.
- Репенкова 2018 – *Репенкова М.М.* Поэтика беллетристики Зюльфию Ливанели // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 12. Ч. 2. С. 248–254.
- Репенкова 2019 – *Репенкова М.М.* Образ Стамбула в романе Зюльфию Ливанели «Отель “Константинополь”» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Том 12. № 9. С. 105–111.
- Репенкова 2019а – *Репенкова М.М.* Состояние души современного турка в романе Зюльфию Ливанели «Тревожность» // Восток (Oriens). Афроазиатские общества: история и современность. 2019. № 5. С. 174–182.
- Цеплаков 2006 – *Цеплаков Г.* Битва за гору Мидл // Знамя. 2006. № 8. С. 23–29.
- Чернов 1997 – *Чернов А.В.* Русская беллетристика 20–40-х гг. XIX в. (вопросы генезиса, эстетики и поэтики). Череповец, 1997.
- Черняк 2018 – *Черняк М.А.* Проза цифровой эпохи. Тенденции, Жанры, имена. Учебное пособие. М., 2018.

- Черняк, Черняк 2018 – *Черняк В.Д., Черняк М.А.* Массовая литература в понятиях и терминах. Учебный словарь-справочник. М., 2018.
- Aktaş 2003 – *Aktaş Ş.* Roman Sanatı ve Roman İncelemesine Giriş. Ankara, 2003.
- Belge 2009 – *Belge M.* Edebiyat Üstüne Yazılar. İstanbul, 2009.
- Gündüz 2009 – *Gündüz O.* Geleneksel Anlatma Formlarından Çağdaş Romana // Turkish Studies. 2009. № 4 (1). S. 72–84.
- Livaneli 2008 – *Livaneli Z.* Son Ada. İstanbul, 2008.
- Livaneli 2017 – *Livaneli Z.* Konstantiniyye Oteli. İstanbul, 2017.
- Livaneli 2018 – *Livaneli Z.* Kardeşimin Hikâyesi. İstanbul, 2018.
- Livaneli 2018a – *Livaneli Z.* Leyla'nın Evi. İstanbul, 2018.
- Livaneli 2018b – *Livaneli Z.* Mutluluk. İstanbul, 2018.
- Livaneli 2018c – *Livaneli Z.* Serenad. İstanbul, 2018.
- Livaneli 2018d – *Livaneli Z.* Sevdalım Hayat. İstanbul, 2018.
- Livaneli 2019 – *Livaneli Z.* Engereğin Gözü. İstanbul, 2019.
- Livaneli 2019a – *Livaneli Z.* Bir Kedi, Bir Adam, Bir Ölüm. İstanbul, 2019.
- Moran 2007 – *Moran B.* Edebiyat Kuramları ve Eleştirisi. İstanbul, 2007.
- Parla 2003 – *Parla J.* Don Kişot'tan Bugüne Roman. İstanbul, 2003
- Seferoğlu 2017 – *Seferoğlu E.* Zülfü Livaneli Edebiyatı. İnceleme. İstanbul, 2017.
- Tekin 2001 – *Tekin M.* Roman Sanatı. İstanbul, 2001.

Аннотация

В статье исследуется творческий путь известного турецкого прозаика З. Ливанели (род. 1946), рассматриваются этапы его биографии, эстетические взгляды, проблемно-содержательная и формально-структурная стороны его произведений. Романное творчество З. Ливанели вписывается в контекст современной турецкой беллетристики (мидл-литературы), литературы-посредника между «высокой» классикой и «низкой» массовой литературой. На примере романов З. Ливанели доказывается, что основное свойство срединной литературы – это адаптация кодов классики для усредненного уровня массового читателя и интертекстуальная игра кодами «высокой» и «низкой» литературы.

Ключевые слова

Омер Зюльфю Ливанели, современная турецкая беллетристика, мидл-литература, интертекстуальность, травелог, антиутопия, мемуаристика, чиклит

Сведения об авторе

Репенкова Мария Михайловна – доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой тюркской филологии ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова; e-mail: mmrepenkova@rambler.ru

Mariya Repenkova

**Zülfü Livaneli's Approach to Novel Writing
in the Context of Modern Turkish Prose**

Summary

The article examines the creative path of the celebrated Turkish writer Zülfü Livaneli (born in 1946), considers stages of his life, esthetic views, problematic content, and formal structure of his works. Livaneli's novel writing fits the modern Turkish middle literature, an intermediary between the high-art classics and the low mass-market literature. In the analysis of Livaneli's novels it is demonstrated that the main characteristic of middle literature is the adaptation of classical codes for the average mass reader, as well as intertextual play with the codes of high and low literature.

Key words

Ömer Zülfü Livaneli, modern Turkish fiction, middle literature, intertextuality, travelogue, dystopia, memoirs, chick lit

Information about the author

Maria Repenkova – PhD in Philology, Associate Professor, Head of the Department of Turkic Philology, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University; e-mail: mmrepenkova@rambler.ru

ORHAN PAMUK'UN EDEBİ GÖRÜŞLERİNDE RUS EDEBİYATI

Zengin konu içeriği, yazın deneyimi, insanın maneviyatı ve yaşamın anlamı gibi sorularla değerler sistemini ön planda tutan örnekleri, tarihi ve güncel sorunlarla okuru etkileme ve onun edebî zevkinin gelişimindeki rolü gibi özellikleriyle Dünya edebiyatında önemli bir yere sahip olan Rus edebiyatının bahsedilen özellikleriyle çok sayıda ülke edebiyatı gibi Türk edebiyatına, Türk yazar ve şairlerine etkisi tartışılmazdır. Bu edebiyatın Nobel Edebiyat ödüllü (2006) Türk yazarı Orhan Pamuk (doğ. 1952)'un sanat dünyasını nasıl etkilemiş olduğu ilgi çekmektedir. Nobel edebiyat ödülünü almadan önce Rusçaya çevrilmeye başlayan O. Pamuk'un eserleri Rus okurunun ilgi odağında olduğu gibi Pamuk'un eserlerinde, röportaj ve diğer yazılarında da Rus edebiyatına büyük ilgi gösterdiği görülmektedir. Konuyla ilgili akademik çalışmaların olmadığını, son yıllarda sadece O. Pamuk'un eserlerine L. Tolstoy etkisi ile ilgili bazı çalışmaların yayınlanmış olduğunu görüyoruz¹.

Harvard Üniversitesi'nde verdiği Norton derslerinden derlenen «Saf ve Düşünceli Romancı» (2010 yılında ABD'de İngilizce, 2011 yılında İletişim Yayınları, Türkçe) adlı kitapta O. Pamuk'un edebiyata ve yazarlık sanatına dair görüşleri yer almaktadır. Burada Pamuk, romanlarının yazım sürecinin «mutfağını» – arka planını anlatmakta, roman sanatının evrelerindeki kurgu ve gerçeklik arasındaki sınırı belirlemeye çalışmakta ve edebiyat eserlerinden

¹ Образцов А.В., Сулейманова А.С. В лабиринте интертекста: Орхан Памук и Лев Толстой // *Alkiš Bitig: Scripta in honorem. D.M. Nasilov. Сборник статей к 80-летию Д.М. Насилова. М., 2015. С. 417–427; Учгюль С. Л.Н. Толстой в художественном мире Орхана Памука // Материалы XIII Международного семинара переводчиков. Музей-усадьба Л.Н. Толстого Ясная Поляна. 2019. С. 15–23.*

yazar-metin-okur ekseninde bahsetmektedir. Bu kitapta O. Pamuk, Dünya edebiyatının önemli isimlerini anarken L. Tolstoy (1828–1910), F. Dostoyevski (1821–1881), N. Leskov (1831–1895), M. Bulgakov (1891–1940), V. Nabokov (1899–1977) gibi Rus yazarları, Rus Biçimcilik Okulu ve onun temsilcilerinden olan V. Şklovski (1893–1984)’den bahsetmektedir.

Edebiyatla ilgili görüşlerinde, özellikle söz konusu roman sanatıysa, O. Pamuk ağırlıklı olarak Tolstoy ve Dostoyevski’den bahseder. Kendi kurgu dünyasının herhangi bir evresinde olup bitenleri anlatan yazarın sıklıkla başvurduğu her iki yazarın sanatına yüksek değer verdiği genel kanaat olarak aktarılabilir. O. Pamuk Rus edebiyatının Türk yazarlarına ve kendisine etkisi hakkında şöyle der:

«Türk roman yazarları Rus edebiyatından etkilendiler. Tolstoy, Dostoyevski, Çehov – 20 yy. Türk edebiyatının Fransız yazarları kadar örnek aldığı üç önemli yazar. Şahsen benim için Tolstoy ve Dostoyevski tüm dönemlerin en büyük yazarlarıdır» [Pamuk 2017a].

Bu iki yazarın yanı sıra Marsel Proust ve Thomas Mann da isimlerinden saygıyla bahseden Pamuk, «Saf ve Düşünceli Romancı» kitabında şöyle der:

«Otuz beş yıllık romancılık hayatımda, bana bu sanatı öğreten en büyük romancıların, Tolstoy’un, Dostoyevski’nin, Proust’un ve Mann’ın da hep bunu (sıradan şeylerden harikalığa yönelme – y.n.) yaptıklarını düşündüm» [Pamuk 2011: 135].

Nobel Edebiyat Ödülü’ne (2006) değer görülen Orhan Pamuk’un İsveç’in başkenti Stockholm’de yaptığı «Babamın Bavulu» adlı konuşmasında ismini andığı dört (Sartre, Montaigne, Çehov ve Dostoyevski) yazardan ikisinin Rus olması ilgi çekicidir. Konuşmasında «Çehovcu taşra duygusundan» kitaplarında çok söz ettiğini söyleyen Pamuk, Dostoyevski’nin çelişkili ruh haliyle duygularıyla kendi duygularını özdeşleştirerek şöyle der: «Dostoyevski’nin bütün hayatı boyunca Batı’ya karşı hissettiği aşk ve nefret duygularını pek çok kereler kendi içimde de hissettim. Ama ondan asıl öğrendiğim şey, asıl iyimserlik kaynağı, bu büyük yazarın Batı ile aşk ve nefret ilişkisinden yola çıkıp, onların ötesinde kurduğu bambaşka bir alem oldu» [Pamuk 2006].

Pamuk, «Saf ve Düşünceli Romancı»’da bir romanı okurken kafamızın yaptıklarını dokuz madde halinde sıralarken düşüncelerini

açıklamak için bu maddelerden dördünde Anna Karenina, L. Tolstoy, M. Bulgakov, V. Nabokov gibi isimlere yer verdiği açıklamalarla Rus edebiyatına atıfta bulunur [Pamuk 2011: 23–24]. Okurun okuduğu metne inanması için gerçeklik algısı, tasvir edilen veya bahsedilen şeyle yaşamındakinin benzerlik ve hatta aynı olması sorgusundan bahsederken Anna Karenina’dan örnek verir:

«Mesela 1870’lerde, Moskova’dan St. Petersburg’a giden gece treninde roman okumaya elverişli bir rahatlık, bir sessizlik var mıdır, yoksa Tolstoy “Anna çok kitapsever bir kadındır,” mı demek istiyor? diye sorarız kendimize. Roman sanatının kalbinde, günlük deneyimimizden edindiğimiz bilgilerin, bir biçim verilirse, gerçekliğe dair kıymetli bilgi haline gelebileceğine dair bir iyimserlik vardır» [Pamuk 2011: 23].

Pamuk’un Rus edebiyatına ilgisi genç yaşlarından başlamıştır. Bir postmodern yazar olarak Pamuk’un V. Nabokov’u daha çok okuduğunu, Dostoyevski’nin çelişkili ruh haliyle kendisini özdeşleştirdiğini okusak da L. Tolstoy’a olan ilgisinin daha fazla olduğunu görmekteyiz. 1974 yılında İ. Repin’in çizdiği Tolstoy resminin reproduksiyonunu alıp çerçeveletip duvara asmasından, 23 yaşındayken Tolstoy’un Yasnaya Polyana çizimleriyle dolu bir biyografisinden eserlerine ilgi göstermesine dek, Tolstoy’la bağlantılı her şey, O. Pamuk’un dilinden özenli ve samimi bir biçimde aktarılmaktadır. Yazar ilk romanı “Cevdet Bey ve Oğulları”ndan en son yayınlanan romanına dek sanatında Tolstoy etkisinden bahsetmektedir. «1974’te yazmaya başladığım ilk romanım “Cevdet Bey ve Oğulları”, oldukça muhafazakar bir şekilde, 19. yüzyıl romanını, “Buddenbrooklar”ı ya da “Anna Karenina”yı örnek almıştı kendine» [Pamuk 2011: 140]. En son romanı «Kafamda Bir Tuhafılık»tan bahseden Pamuk romanı altı yıla yakın bir sürede tamamladığını ve köklü, Tolstoy’a has bir yaklaşımla İstanbul’un alt sınıf diye tabir edebilecek kesimini betimlediğini söyler. Bu eseri, 20. yy. hakkında tarihi bir roman olarak tanımlayan ve Tolstoy’un bir tarihi roman yazımında kendisine rol model olduğunu ifade eden Pamuk, «Romanlar bize nasıl yaşamamız gerektiğini söylemez, ama bu dünyada nasıl güzel yaşanır, yaşamın değerleri nelerdir gibi şeyleri gösterebilir» der [Литвинов 2017].

2006 yılında «Novaya Gazeta» muhabirinin O. Pamuk’un Rus edebiyatına olan sevgisinden bahsederek L. Tolstoy ve F. Dostoyev-

ski arasında kimi seçtiğini sormasına yazar şöyle cevap verir: «Mutlu olduğum zaman yaşamla ilgili düşündüğümde ve onun ayrıntılarıyla büyülediğimde Tolstoy tercihimdir. Kendim için bile zor, çözülmez olan bir şeyi düşündüğümde ise Dostoyevski. Ama ben Tolstoy, Dostoyevski, Çehov, Nabokov olarak dört ismi anmak isterim» [Памук 2006].

2017 Şubat sonunda Yasnaya Polyana Edebiyat Ödülü'nü almak için Rusya'ya gelen O. Pamuk ilk gençlik yıllarından Tolstoy'un eserlerini büyük bir merakla okuduğunu, bu «Rus dehasının etkisi altında» kaldığını, Tolstoy'un kişiliğine büyük saygıyla yaklaştığını ve onu duayen bir üstat yazar olarak kabullendiğini söyler ve 2006 yılında kendisine yöneltilen aynı soruyu yine cevaplar gibi konuşur: «Edebiyat böyle olmalıdır diye düşünüyordum. Tolstoy'u okuduğunuzda her detaydan keyif alıyorsunuz. Bu kesinlikle her türlü iddiadan uzak zevk için bir okumadır, Tolstoy bana hayata onun gözleriyle bakmayı öğretti. Mutlu anlarımda, ben elbette ki Tolstoy'dan yanayım. Kendimle barışık, mutlu ve huzurluyken çevremdeki dünyanın çok güzel ve anlamlı olduğunu, tıpkı Tolstoy'da olduğu gibi, Tolstoyumsu hissettiğimde ve bu anları kendi romanlarımda dünyanın uyum ve bütünlüğü olarak ebedileştirmek istiyorum. Ama farklı anlar da oluyor, tüm olup bitenlerin hoşuma gitmediği durumlar, işte o zaman benim kalbimin derinliklerinde Dostoyevski'nin isyankar ruhu uyanıp bana fısıltıyla «Tolstoy yalan söylüyor, onun söylediği her şey bir teselli olup saf kurmacalardır» diyor. O anlarda dünyanın fazla dramatik, aşırı bencil olduğunu görüyorum, bu da bende bir öfke uyandırıyor, bu öfkem Dostoyevski'nin kasıp kavuran gazabı ve acısıyla karışık bir çıkış yoluyla yatıştır. Bir kişilik ve vizyon sahibi olan Dostoyevski'ye hayranım, kızgın, öfkeli, endişeli ve depresif anlarımda ben gayriihtiyari onun safında yer alıyorum» [Юзефович 2016].

Anna Karenina romanından Pamuk «okuduğum en mükemmel, en kusursuz, en derin ve en zengin roman» diye bahsederek şunları yazar: «Tolstoy'un her şeyi gören, herkesin hakkını veren; hiçbir ışığı, hareketi, ruhsal dalgalanmayı, şüpheyi, gölgeyi kaçırmayan; inanılmayacak kadar dikkatli, açık, kesin ve zekice bakışı, bu romanın sayfaları çevirdikçe okura, “Evet, hayat böyle bir şey!” dedirtir. Yarıştan önceki bir atın diriliğini, mutsuz bir bürokratin yavaş yavaş düştüğü yalnızlığı, bir kadın kahramanın üst dudağını,

bir büyük ailedeki dalgalanmaları, hep birlikte yaşanan hayatlar içinde tek tek insanların inanılmaz ve hayattan da gerçek kişisel özelliklerini, Tolstoy, mucizeye varan bir edebi yetenek, hoşgörü ve sanatla önümüze seriverir. Roman sanatı konusunda eğitim için okunacak, defalarca okunacak ilk roman Anna Karenina'dır <...>» [Tolstoy 2003].

Avrupa, Rusya, Petersburg'dan bahsedildiğinde hemen Dostoyevski'yi andığını belirten Pamuk, bizleri (Rusları ve Türkleri – y.n.) endişelendiren şeylerin, günlük yaşamımızın, keder ve sevincimizin ne kadar benzer olduğunu ondan öğrendiğini söyler. «Bu Petersburglu yazar bana sadece Ruslarla Türklerin bir birine bu kadar yakın olduklarını değil, insanlık ve hoşgörüyü öğretti» [Памук 2017].

Pamuk, Borges'in «Dostoyevski'yi ilk kez okumak hayatınızın tıpkı ilk aşkı, denizi ilk kez görme gibi önemli bir evredir» düşüncesini paylaşırken: «Dostoyevski'yi okuduğum ilk gün benim safiyetimle vedalaşma günüm oldu» der [Памук 2007].

İlk kez 18 yaşındayken Dostoyevski'den bir eseri, (babasının kütüphanesinde hem Türkçe hem İngilizcesi olan) – «Karamazov Kardeşleri» okuduğunu söyleyen Pamuk eserden çok etkilendiğini, bu eserin onda ikili duygular uyandırdığını; ilk sayfalarının onda bu dünyadan kopma ve çaresizlik, daha sonraki sayfalarda yalnız olmadığını, roman kahramanlarıyla kendisini özdeşleştirdiğini hatta romandaki onu sarsan olayları sanki kendisinin yaşadığını hissettiğini söyler. Dostoyevski'nin eserlerini tekrar tekrar okuduğunu söyleyen yazar her defasında bu eserlerde kendisi, hayat ve Türkiye hakkında yeni bir şeyler keşfettiğini bildirir [Памук 2017].

Pamuk, Dostoyevski'nin «Karamazov Kardeşleri»'ni okuduğunda yazar (Dostoyevski – y.n.) hangi sırrı açıklamak istiyordu diye sorar kendine. «Benim Tanrıya, inanca hep ihtiyaç duyacağımı mı söylemişti? Yoksa hiçbir konuya aslında sonuna dek inanamayacağımızı mı kanıtlamak istiyordu? Belki en samimi düşüncelerimizi çarpıtmak ve inancımızı yok etmeye susayan içimizdeki şeytanın var olduğuna inanmaya mı beni çağırıyordu? Veya o zamanlar mutluluğun tevazuda olduğuna inanan beni yaşamımızın anlamını belirleyen mutluluğun ne tutku ne de aşkta olmadığına inandıрмаğa mı çabalıyordu?» [Памук 2007].

Pamuk, Dostoyevski hakkında «Rus yazarlarından beni derinliği ve politize edilmişliğiyle en fazla etkileyen Dostoyevski'dir. Gerçi,

kanaatimce Tolstoy daha usta ve yetenekli bir romancıdır. Dostoyevski'nin elbette, aşk ve nefret üzerine kurulu Batıya yaklaşımı beni etkilemektedir. Geçmişimiz ve kültürlerimiz birbirine inanılmaz derecede yakın ve benzerdir. Ve bugün Dostoyevski'den bahsederken kendimi anlattığımı hissediyorum» [Памук 2017].

«“Cinler” bir insan tarafından yazılmış en olağanüstü siyasi romanlardan biridir» diyen ve daha önce okuduğu hiçbir eserin kendisini bu kadar derinden etkilemediğini söyleyen Pamuk, hakimiyet isteğinin bu kadar aşırı olabileceğinden şoke olduğunu, insanın affedebilme yeteneği, kendisini ve başkalarını aldatabilmesi, inanca olan ihtiyacı, sevgisi ve nefreti, günahkar ve evliya olmanın ağır yükünün onu nasıl sarstığını itiraf eder. Kahramanlarla birlikte yalanları, siyasi oyunları ve ölümü yaşadığını belirten yazar, bütün bunları bir eserde bir araya getirebilen Dostoyevski'nin dehası karşısında hayranlığını saklayamaz [Памук 2007].

«Ben her zaman “Cinler”in Avrupa'nın kenar bölgelerinde yaşayıp Batı'yı düşleyen ve Tanrıya inançlarında tereddüt eden entelektüel radikallerden ve onların saklamaya çalıştıkları utanç verici sırlarından bahseden bir roman olduğunu düşündüm» [Памук 2007].

Pamuk, «Dostoyevski'nin insan anlayışı, başka bir şeye kolay indirgenemeyecek bu karmaşık şeyin, modern insan anlayışının mükemmel bir sonucudur» derken Dostoyevski'nin karakterlerinin romandaki her şeyden «daha güçlü ve daha belirleyici» olduğunu ve bu özelliğiyle «romana hakim olup ona damgasını» vurduğunu söyler [Pamuk 2011: 49]. Pamuk Tolstoy'dan farklı olarak Dostoyevski'nin eserlerini yaşamı değil, kahramanları anlamak için okuduğumuzu söyler. Pamuk «“Karamazov Kardeşler”i, bu büyük romanı okumak, onu tartışmak, üç kardeşin üzerinden üç insan tipini, karakterleri tartışmak halini alır. Tıpkı Schiller'in saf ve duygusal karakterleri tartışması gibi, insan Dostoyevski'yi hem kendini kaptırarak hem de hayatın tam böyle olmadığını düşünerek okur» der [Pamuk 2011: 50].

«Yeraltından Notlar'a yazdığı «Aşağılanmanın Zevkleri» adlı önsözde Pamuk Batılı ve modernleşmeci gençler için “Yeraltından Notlar”ın bir romandan öte, «aydınlanmacı, pozitivist iyimserliğin bir ders kitabı niteliğinde» bir şey olduğunu yazar. Fakat 1970'lerde Türkçeye çevrilip Dostoyevski karşıtı önsözle yayınlanmasını da Sovyetler Birliği hayranı gençlere yazarın farklı tanıtılma isteğiyle

açıklanmaktadır. Pamuk «Ama bugün insan anlayışımızda, kendi kokumuz, pisliğimiz, yenilgilerimiz ve acılarımızı sahiplenip sevebilmek ve aşağılanmanın zevklerinde bir mantık olduğunu kabul etmek varsa bu görüşün başlangıcı “Yeraltından Notlar”dadır. Modern edebiyatta pek çok yeniliğin, Dostoyevski’nin Avrupa düşüncesine yakınlığıyla ona duyduğu öfke, Avrupalı olmak ile Avrupa’ya karşı çıkmak arasında hissettiği kahredici gerginlikten çıktığını hatırlamak gene de rahatlatıcı» diye yazar [Pamuk 2000].

Tolstoy ve Dostoyevski’nin yanı sıra Pamuk’un Rus edebiyatında önem verdiği diğer bir yazarın – V. Nabokov’un Dostoyevski’ye olan olumsuz yaklaşımı ve söylemlerinden haberdar olduğunu varsayarsak hiçbir yerde ve konuda bu anlamda onunla polemige girmediğini görüyoruz². Nabokov’un «kara listesinde» yer alan Dostoyevski, Balzac, Freud, Faulkner, Hemingway, T. Mann, T. Eliot, E. Pound, J. Conrad, M. Gorki, M. Şolohov, B. Pasternak gibi yazarların var olduğuna bakacak olursak bu isimlerin hepsini «büyük idealler» için yazıp yarattıklarından dolayı bu listede yer aldıkları onun genel kanaatidir. Nabokov’un tahammül bile etmediği konuların başında kendisinin Dostoyevski’den etkilenmesi gelirdi [Шепелев 2004]. Pamuk, kendisinin etkilendiği yazar ve eserlerinden bahsederken aslında Nabokov’a bir gönderme yapmaktadır: «1974’te yazmaya başladığım ilk romanım “Cevdet Bey ve Oğulları”, oldukça muhafazakar bir şekilde, 19. yüzyıl romanını, “Buddenbrooklar”ı ya da “Anna Karenina”yı örnek almıştı kendine. Daha sonra heyecanla, modernist ve deneysel olmaya zorladım kendimi. İkinci romanım “Sessiz Ev”de, Faulkner’dan Virginia Woolf’a, Fransızların yeni romanından yeni Latin Amerikan romanına etkiler vardır. (Herhangi bir yazardan etkilendiğini reddeden Nabokov’un aksine, bu etkileri abartarak konuşmanın özgürleştirici ve burada yapmak istediğim gibi öğretici olduğuna inanırım.) <...> Ama ben hep okurun görsel hayal gücüne seslenen bir yazar oldum ve roman sanatının – Dostoyevski’nin sarsıcı karşı örneğine rağmen – görsellikle çalıştığına inandım» [Pamuk 2011: 140–141].

² Вкпз.: Владимир Набоков Лекции по русской литературе. Федор Достоевский (1821–1881). URL: <http://nabokov-lit.ru/nabokov/kritika-nabokova/lekciiporusskoj-literature/dostoevskij.htm>.

Bir postmodern yazar olarak Nabokov'a yakın durması beklenirken Pamuk, bu mesafeyi düşünce üzerinden Dostoyevski'ye yakınlığıyla şöyle açıklar. «Bazı yazarların görüşüne göre dünya gelişimini tamamlamış olup ulaşabileceği noktaya varmıştır <...> Flaubert ve Nabokov gibi sanatçılar dünyayı onun düzenini anlamak için değil daha doğrusu onun çok renkliliğini ve simetrisini, ışık ve gölgelerini ve renklerini, gizli veya aşık yarım gölge ve imalarını göstermeye çalışıyorlar. Görünen o ki yazar hayatın kanunlarıyla değil evrenin dış görünümüyle, onun teşekkülüyle ilgileniyor. Flaubert ve Nabokov'un fantezisinde doğan tüm dünya onların fikir ve düşüncelerinden değil ufacık detay ve çizgilerle özenle işlenmiş öykülerinden meydana gelmiştir. Elbette aralarında Dostoyevski'yi ilk ve yegane olarak gösterebileceğimiz diğer yazarlar da vardır. Onlar için dünya kendi gelişimini henüz tamamlamıştır, bizim gelişmekte olan dünyaya ilgimiz de onun esaslı kanunlarını anlamaya ve neyin iyi neyin kötü olduğuna dair kendi düşüncelerimize uygun yaşayabileceğimiz kuytu bir köşesini bulmaya çalışmaktır. Doğrusu, bizim de kitapların anlatmaya çalıştığı bu değişen dünyanın bir parçası olduğumuzu vurgulamak gerek. Bu yüzden roman okuma çabası içimizde sorumluluk, korku ve bazı belirsizlikleri de doğuruyor: biz dünyanın nasıl değiştiğinin tanıklarıyız ve kendimizi de bu süreçte tanımaya çalışmaktayız <...>» [Памук и Достоевский 2009].

Farklı sanat yolunu izleyen yazarların sanat prensibi nelerdir? Romanın merkezi diye sıklıkla bahsedilen kavramdan bakılırsa Rus yazarlarının ve Pamuk'un sanat merkezinin nelerden oluştuğu söylenebilir? Pamuk'un romanlarında yaşamın gerçekleri diye algılanan şeylerin aslında sezgisel oluşu, gerçek değil gerçek dışı, farklı dünyaların olduğunu ve akıp giden zaman içerisinde hayali bir sürecin tanıklığı düşüncesi baskındır. Tolstoy'un hümanizmi, doğa sevgisi ve her şeyin insanın saf doğasında olduğuna Pamuk romanlarında rastlamak mümkün değildi. Yalnız ve bıkkın olan 20. ve 21. yy. kafası «tuhafliklarla» dolu çağın insanları aslında yaşam hakkında felsefe yürütmez, yaşamın anlamının ne olduğunu yorumlamazlar. Dostoyevski'nin çağının sosyo-kültürel değişimini keskin, karmaşık, psikolojik bunalımla aktaran romanlarında zıtlıkları içinde barındıran karakterleriyle ön plana çıkar. Kahramanların histeri, kopuk karmaşık, şiddetli ruhsal acılı Dostoyevski kahramanlarıyla

Pamuk kahramanlarının ortak yönlerini görüyoruz. Pamuk, kahramanlarına dönemin siyasi ve sosyal olaylarını daha fazla yükleyerek altyapılarından gelen bilgisizlik ve yoksunluğun sonucunda kendileriyle çıkmaza giren tipler yaratmaya ve onları çaresizlikle baş başa bırakmaya eğilimlidir. Burada Pamuk'un postmodern esere özgü oyun ve kurmacada farklı yollar denediğini vurgulamak gerekir. Dostoyevski'nin estetiğinde «mükemmel bir insan yaratma» ölçüttür, Pamuk'ta ise idealden daha farklı tenselliğe, materyalistliğe, görülenlerin gerçekliğini kabullenme yanılığısıyla yaşama hayatın anlaşılmazlığını idrak etme ve anlama ağırlık taşır. Pamuk'un kahramanları kaotik ortamlarda kendilerini içlerine kapatan yani kalabalık içindeki yalnızlardır. M. Repenkova «Orhan Pamuk tüm dünyayı saran bu kaosa sadece alaycılığın karşı durabileceğini düşünür. Yazar, parçalanmış ve dağınık olan çağdaş dünya ile mücadele etmeye çağırılmaz, olup bitenleri her yere nüfuz eden ironinin de yardımıyla acıyla algılamaktan kaçınıp bu dünyada yaşamayı öğrenmenin gerekliliğini gösterir» der [Репенкова 2008: 222].

Dostoyevski ve Pamuk'un romanlarındaki urbanist yaşamın insanı ve sorunları konuları paralellik arz etmektedir. Pamuk'un romanlarında olayların irili ufaklı şehirlerde baş vermesi, romanların çoğunun şehir hayatından bahsetmesi, sosyo-siyasi ve günlük yaşam sıkıntılarının mental ve geçim anlamında zıtlıkları, kahraman veya anti-kahramanların iç dünyalarına kaçışları, kimi zaman «ikilemli» kişilikler, aslında ismen bahsedilmese de bir burjuva sınıfı ve alt tabaka diye tanımlayabileceğimiz kişiler Dostoyevski'yi anımsatıyor. İkiz kişilikli karakterlere gelince Pamuk'un roman kahramanları gerçek ve gölge/kopya yaşam, yaşadığı değil, yaşamak istediği hayat, görüldüğü değil, görünmek zorunda kaldığı gibi zorlanmalar ilgi çekmektedir. Pamuk'un bu ikilemi yenme ve kendi olma mücadelesi veren kuvvetli bir karakteri olmamasıdır. Bu karakterler Dostoyevski'nin İkiz'inden farklı olarak sadece kendi dünyalarında bunun farkındadırlar veya yazar tarafından bu farklılık okura sunulur. M. Repenkova bu ikilemin kısmen «Kar» romanında yer aldığı düşüncesini şu sözlerle ifade eder: «Romandaki seçim durumu, ikilem motifi ve var olan diğer ikilemli durumu (aşk – kıskançlık, cennet – Allah'ın bulunmadığı yer, mutluluk – ölü olmak vs. gibi) Ka'nın kendi defterine çizdiği kar tanelerinin parçacıklarında

rizomayı yıkan mekan odağı prensibinde tespit edilmektedir. Ama Orhan Pamuk ne olursa olsun ikili muhalefetin taraflarının hiçbirisine (örneğin Umberto Eco'dan farklı olarak) üstünlük vermemektedir, bu da onun kendisinin de dolambaçlardan çıkış yolunu bilmediğine tanıklık eder.

Romanın kronotopu da ikilemlidir. Olay mevcut yaşamın iki seviyesinde olup bitmektedir. Bunlardan birisi, Ka'nın henüz lise yıllarından en iyi arkadaşı olan ve Ka'nın esrarengiz ölümünden dört yıl sonra Frankfurt'a ardından da Kars'a giderek Ka hakkında "Kar" isimli romanı yazmak ve arkadaşının kaybolan şiir kitabını bulmaya çabalayan anlatıcı şahsen, yazar Orhan'ın hayat mekânıdır. Buradaki yazar Orhan'ı, Orhan Pamuk'la çok sayıda otobiyografik yansımalar birleştirir. (Mesleği, ismi, Rüya adlı kızı, yaşı, "Kar" romanı). Yazar Orhan, Ka gibi soruşturma yapmakta, mesleğinin değil, vicdanının çağrısıyla bir hafiye gibi, bir detektif gibi oynamaktadır: o Frankfurt'ta ve Kars'ta yaşayan çeşitli insanlardan Ka hakkında hikâyeler toplar, arşivden çıkarılan "tiyatrodaki" darbenin yayın bandını ve Ka'nın videokasetlerini izler, onun günlük ve mektuplarına bakar» [Репенкова 2008: 248].

Pamuk'ta ben'in kendi içerisinde var olma mücadelesi değil, ben'in biz olan kitleden uzakta oluşunu fark etmesi ve bu kitleye dönüşmemesi için çabalaması ve başarısız olması gibi genel bir izlenim görüyoruz.

Pamuk, roman yazma sanatının önemli hünere, «genel manzarada roman kişilerinin ruh hallerini görme»dir, der. Dostoyevski'nin romanlarında şaşırtıcı bir derinliğe ulaşma, hayat, insanlar ve dahası kendi ruhumuz hakkında çok derin bir bilgiyle ulaşma, ve bunun okuru korkutacak düzeyde derin ve tanıdık olması durumlarını hissediyor diyen Pamuk bütün bu hissedilenlerin «kelimesel» olduğunu açık ifade etmek için Tolstoy'un "görselliğine" karşı koyarak şöyle der: «Tolstoy'un dünyası incelikle, duyarlılıkla örülmüş eşyalarda kaynaşırken, Dostoyevski'nin odaları sanki bomboştur» [Pamuk 2011: 69–70].

20. yy ortalarına dek tarihi roman yazarlarını olay ve gerçekleri tahrip ettikleri için eleştirenler ve suçlayanların olduğunu söyleyen Pamuk, günümüz edebiyatı artık bir kurmaca dünya ürünü olarak kabul edilmekte, tarihi eserlerin okuru ve satışı tetikleyici yönde

kurgulandığı sıradan bir hal almaktadır. Bu eserlerin arasında yazarların bilinçli bir şekilde tarihi kurmacaları oyun halinde kurguladıklarını ve tarihi gerçeklik uyumu iddiasında olmadıkları postmodern romanlara rastlamak mümkündür. Örneğin, «Üstat ve Margarita» bu romanlardan birisidir [Литвинов 2017].

Pamuk, roman yazma sanatında «romanın merkezinin ne olduğu» sorusuna cevabı yine Tolstoy ve Dostoyevski eserleri üzerinden açıklanmaktadır.

«Dostoyevski, Ağustos 1870 tarihinde, yani “Cinler”i ilk düşünmeye ve yazmaya başlamasından bir yıl sonra, bir sara krizi geçirir ve sonrasında yeğeni Sofya Ivanova’ya bir mektup yazar. “Birden romandaki sorunun ne olduğunu ve nerede hata yaptığımı gördüm,” der Dostoyevski bu mektubunda. “Aynı anda, sanki kendi kendine ve bir ilhamla, bütün boyutlarıyla yeni bir plan çıktı karşıma. Her şeyi kökünden değiştirmeliydim. Bir an bile tereddüt etmedim. Yazdığım her şeyi bir kenara attım ve birinci sayfadan romana yeniden başladım. Bütün bir yılın emeği de silinip gitti <...> son bir yılda yazdığı 240 sayfanın 40 sayfasını değiştiren Dostoyevski Pamuk’a göre yalnızca “romanın merkezini” değiştirmiştir» [Pamuk 2011: 119–120].

Devasa bir emeğin ürünü olan «Savaş ve Barış» romanının en şartırtıcı yönü ise Pamuk’a göre «romanın merkezinin, ana fikrinin dört yıl boyunca aynı kalmasıdır» [Pamuk 2011: 122–123].

Pamuk, romanda ayrıntılara her ne kadar önem verilirse verilirsen önemli olan şeyin «asıl büyük manzaranın sisten sonra bütün renkleriyle beliren koskocaman bir kıta gibi bir anda önümde açılır» olmasıydı diye düşünür. Bu düşüncelerinin en isabetli örneği ise «Savaş ve Barış»ta Borodino Savaşı’nı Pierre’in bir tepeden seyredişinin betimlendiği sahne olduğunu görüyoruz: «Romanın ince ince işlediği, bizi hazırladığı ve okurken hep aklımızda hazır tutmak ihtiyacını hissettiğimiz pek çok ayrıntı, sanki bu sahnede bir anda bir resimde olduğu gibi görünür olur. Sanki bir romanın kelimeleri arasında değil, bir manzara resminin karşısında olduğunu zanneder okur. Burada yazarın görsel ayrıntıya dikkatiyle, okurun kelimeleri kendi hayalinde bir büyük manzara resmine çevirebilmesidir belirleyici olan. Geniş bir manzarada, savaş alanlarında ya da doğada değil de, odalarda, ev içlerinin kapalı ve boğucu ortamlarında geçen

bir romanı da, mesela Kafka'nın "Dönüşüm"ünü de tıpkı bir manzaraya bakar gibi, kafamızda bir resme çevirerek, bu genel manzaranın atmosferine alışarak, ondan etkilenerek ve aslında hep onu arayarak okuruz» [Pamuk 2011: 11].

Roman okurken manzarayı okurun görmesiyle ilgili başka bir örnek yine de Tolstoy'dandır. Pamuk, en beğendiği Anna Karenina'dan şöyle bahseder: «Anna aklını Vronski'ye taktığı, hayatını yaşamak istediği için okumakta başarılı olamayacaktır. Okumaya devam edebilseydi, pencereden bir manzara seyrederek gibi Lady Mary'nin ata binip sürünün arkasından gidişini rahatlıkla gözünün önünde canlandırabilecek ve dışarıdan gördüğü bu manzaranın yavaş yavaş içine girdiğini de hissedecekti. Bir romanın içindeyken kafamız çok iş yapar, ama artık karlı, gürültülü St. Petersburg trenindeki Anna'nın kafası gibi zorlanmaz. Manzaradan ağaçlara, kahramanlara, kahramanların düşüncelerine, sonra onların dokunduğu eşyalara, eşyalardan hatıralara, öteki kahramanlara, genel düşüncelere hiç durmamacasına gider geliriz. Kafamız, algılarımız, yabancı bir çevreye bırakılmış ürkek ve telaşlı bir hayvan gibi yoğun bir şekilde çalışmakta, aynı anda pek çok işlem yapmaktadır, ama çoğumuz bu işlemleri artık yaptığımızı bile fark etmeyiz. Tıpkı araba kullanırken düğmelere, pedallara bastığının, vites değiştirdiğinin, direksiyonu sağa sola pek çok kurala uyararak özenle çevirdiğinin, yol işaretlerini okuyup anlamlandırdığının ve etrafı denetlediğinin farkında olmayan bir sürücü gibiyizdir roman okurken» [Pamuk 2011: 14–15].

Pamuk, Rus formalistlerinin olay örgüsü kuramına, Viktor Şklovski'nin görüşlerine sanatsal anlamda kendini yakın hissettiği söyler. Biçimin içeriği belirleme anlamındaki noktaları «Aristoteles'in atomları»na benzeterek Nabokov'un "Lolita" hakkında «bir kitabı yapan bu noktaların en belirginleri, en unutulmazları için "sinir uçları"» dediğini aktarır [Pamuk 2011: 61–62].

Sonuç olarak, Pamuk'un sanat dünyasında Dünya ve Rus edebiyatının yeri ve rolünün incelenmesi ve araştırılması önemli bir konudur. Konunun Rus edebiyatıyla ilgili boyutu hakkında Pamuk'un sanat anlamında hiyerarşik bir şema çizecek olursak Tolstoy'un ön sıralarda yer aldığını, Dostoyevski'nin ise önemli olduğunu söyleyebiliriz. Pamuk, Tolstoy'un «Anna Karenina» ve «Savaş ve Barış», Dostoyevski'nin «Cinler», «Karamazov Kardeşleri»'nden

daha fazla, Çehov'dan genel anlamda, M. Bulgakov'dan «Üstat ve Margarita»'dan ise yüzeysel bahsetmektedir.

Tolstoy'un sanatının merkezinde insanın aile ve toplumda çocukluğundan başlayarak yetişmesi ve bu süreçteki felsefi, manevi ve toplumsal olaylar gibi önemli etkenlerin rolü gibi bir çizgi takip edilirken Pamuk'ta romanların merkezindeki insanın yetişkin hali, hafıza ve çağrışımlarla geçmişle bu günü arasındaki gelgitler izlenmektedir. Klasik gerçekçi ve postmodern bir dünya görüşüyle çağının insanına bakan yazarların değerler sistemine uyum ve uyumsuzluk gibi yaklaşımları gerçekliğin, felsefi ve estetik arayışların metinler aracılığıyla yorumlanmasını gerektirir. Ahlak ve ahlak dışılık, yücelik ve aşağılık, aşk ve şehvet, doğallık ve yapmacıklık, güzellik ve çirkinlik, gerçek veya gerçekdışılık gibi karşılaştırma konu, kurgu, dil ve üslup, anlatım teknikleri gibi önemli kategorilerle incelenebilirliği ise O. Pamuk araştırmacılarına bir öneri olarak sunulmaktadır.

Bir postmodern yazar olan Pamuk, her ne kadar yalın dil kullanmaya çalışsa da kurguladığı anlatı oyunları bilinç akımlarıyla ifade edilenler, ironi, hatta grotesk, iç içe geçmişlik ve mecazi yoğunluğuyla hayatı yeniden ve farklı şekilde görmeyi sağlıyor. Aslında Pamuk'un romanlarında Tolstoy'un görselliğiyle Dostoyevski'nin kelimeselliğinin harmanlandığı bir yazın dili görülmektedir.

O. Pamuk'un Rus edebiyatına büyük ilgi gösterdiğini, özellikle Tolstoy ve Dostoyevski sanatına saygı ve sevgiyle yaklaştığını, iki devasa yazarın dönemin felsefi ve estetik değerlerine yaklaşımları, yaşam ve onun anlamına dair arayışlarındaki düşünceleri ve bunları iletme biçimlerinden etkilendiği düşünülebilir. Gerçekçi yazar olarak bakıldığında Tolstoy, psikolojik varoluşçu çizgiyi ön plana çıkaran Dostoyevski postmodern yazar O. Pamuk'u etkilemektedir. Tolstoy'un hakikat arayışı, insan maneviyatının yüceliği ve onun köklerinin sıradan insanların doğasında aranması gerektiği düşüncesi, Dostoyevski'nin kendini idrak etme çabası, hakikati geleneksel olmayan yapıda ve postneoklasik yaklaşımla açıklamaya çalışan O. Pamuk'un kesişen yolları ilgi çekicidir.

Kaynakça

- Литвинов 2017 – *Литвинов Д.* Орхан Памук: Я ждал визита в Ясную Поляну 44 года // Молодой. 28.02.2017. <http://mk.tula.ru/articles/a/70377/> (дата обращения 11.02.2020).
- Образцов, Сулейманова 2015 – *Образцов А.В., Сулейманова А.С.* В лабиринте интертекста: Орхан Памук и Лев Толстой // Alkiš Bitig. Scripta in honorem D.M. Nasilov. Сборник статей к 80-летию Д.М. Насилова. М.: ООО «Издательство МБА», 2015. С. 417–427.
- Памук 2006 – *Памук О.* Печаль Стамбула легко перевести на русский. <https://www.novayagazeta.ru/articles/2006/06/05/29044-Orhan-Pamuk-Pechal-Stambula-Legko-Perevesti-Na-Russkiy> (дата обращения 10.08.2019).
- Памук 2017а – *Памук О.* Пророческий голос Достоевского. // Эрмитаж – главный журнал. № 24. 16.05.2017. <http://hermitage-magazine.ru/articles/orhan-pamuk-prorocheskiy-golos-dostoevskogo/> (дата обращения 10.08.2019).
- Памук 2017б – *Памук О.* Писатели не лучше своих романов. Ответы на все вопросы нужно искать тексте. <https://weekend.rambler.ru/items/36219161-orhan-pamuk-pisateli-ne-luchshe-svoih-romanov-otvety-na-vse-voprosy-nuzhno-iskat-v-tekste/> (дата обращения 11.02.2020).
- Памук и Достоевский 2009 – Орхан Памук о Достоевском <https://www.liveinternet.ru/users/2732875/post108898651/> (дата обращения 11.12.2019).
- Репенкова 2008 – *Репенкова М.М.* От реализма к постмодернизму. Современная турецкая проза. М.: «Гуманитарий», 2008.
- ТАСС 2017 – Писателю Орхану Памуку вручили литературную премию «Ясная Поляна». <http://tass.ru/kultura/4049617> (дата обращения 15.05.2018).
- Шепелев 2004 – *Шепелев А.А.* Ф. М. Достоевский в художественном мире В.В. Набокова. Тема нимфолепсии как рецепция темы «ставрогинского греха». 2004. http://lit.lib.ru/i/ishepelew_a_a/text_0180.shtml (дата обращения 15.01.2020).
- Юзефович 2016 – *Юзефович Г.* Интервью с Орханом Памуком // Медузы. 02.11.2016. <https://citaty.info/man/orhan-pamuk> (дата обращения 07.12.2019).
- Pamuk 2000 – *Pamuk O.* Yeraltından Notlar'a Önsöz: Aşağılanmanın Zevkleri, Yeraltından Notlar / çev. Mehmet Özgül. İstanbul: İletişim Yayınları, 2000.
- Pamuk 2006 – Orhan Pamuk'un Nobel konuşması <https://www.hurriyet.com.tr/dunya/orhan-pamukun-nobel-konusmasi-5573561> (дата обращения 07.12.2019).
- Pamuk 2007 – *Памук О.* Другие цвета // пер. А. Аврутина. СПб.: Амфора, 2007; Азбука-Аттикус, 2017.
- Pamuk 2011 – *Pamuk O.* Saf ve Düşünceli Romancı. İstanbul: İletişim Yayınları, 2011.
- Pamuk 2012 – *Pamuk O.* Modası Geçmeyen Kadın Anna Karenina // Hurriyet. 29 Aralık 2012. www.hurriyet.com.tr/kelebek/modasi-gecme-yen-kadin-anna-karenina-22255717 (дата обращения 15.05.2019).

- Pamuk 2016 – *Pamuk O. Dostoyevski Bizi Yazmaya Devam Ediyor Hâlâ //* Birgün Gazetesi. 3 Nisan 2016. www.birgun.net/haber-detay/dostoyevski-bizi-yazmaya-devam-ediyor-hala-108037.html (дата обращения 15.05.2019).
- Tolstoy 2003 – *Tolstoy L. Anna Karenina / çev. E. Altay. İstanbul: İletişim Yayınları, 2003.*

Özet

Geçmişten günümüze kadar manevi değerleri ve tarihi içeriğiyle Rus edebiyatının dünya edebiyatına ve düşünce tarihine etkisi tartışılmazdır. Bu süreçte Rus edebiyatının Türk yazar ve şairlerine etkisi özellikle vurgulanması gereken bir husustur.

Makalede Nobel edebiyat ödüllü Türk yazar O. Pamuk'un Rus edebiyatına ve Rus yazarlarının sanat dünyasına olan ilgisinin özü incelenmektedir. Deneme türündeki yazılarının yer aldığı «Saf ve Düşünceli Romancı» (2011) adlı kitabında O.Pamuk kendi eserlerini yazma sürecini, kurgulama yöntemleri ve genelde bir yazarın dünyaya bakışı süreci gibi hususların kurgu dünyasına nasıl yansıtıldığı gibi konulardan bahsetmektedir. Yazarın L. Tolstoy, M.F. Dostoyevski, N. Leskov, V. Nabokov ve V. Şklovski'nin eserleri ve sanatla ilgili görüşlerinden yola çıkarak kurgu dünyası hakkında kendi düşüncelerini ifade etmesi konuyla ilgili somut değerlendirmeler yapma olanağı vermektedir.

Anahtar sözcükler

Orhan Pamuk, Орхан Памук, «Saf ve Düşünceli Romancı», Rus edebiyatı, L. Tolstoy, F. Dostoyevskiy

Yazar hakkında bilgiler

Sevinç Üçgül – Profesör Doktor, Erciyes Üniversitesi Rus Dili ve Edebiyatı Bölümü Başkanı (Kayseri, Türkiye); e-mail: sevinc@erciyes.edu.tr

Sevinç Üçgül

Russian Literature and Russian Writers in Orhan Pamuk's Lectures on Literature

Summary

Russian literature is one of the literatures which has been giving everyone material for creative thoughts since the ancient times till now. It had and till nowadays has an enormous influence on Turkey's literature, its writers and poets. This paper deals with the impact of the Russian literature and Russian writers on the creative world of the Nobel Prize winner Orhan Pamuk who in his artistic essay «The Naive and the Sentimental Novelist» (Saf ve Düşünceli Romancı,

2011) took a close look at the works of such Russian writers as L. Tolstoy, F. Dostoyevsky, N. Leskov, V. Nabokov and others, as well as at the formalist school and V. Shklovsky.

Key words

Orhan Pamuk, «The Naive and the Sentimental Novelist», Russian literature and Orhan Pamuk, L. Tolstoy, Fyodor Dostoyevsky and Orhan Pamuk

Information about the author

Sevinç Üçgöl – PhD in Philology, Professor, Head of the Department of Russian Language and Literature, Erciyes University (Kayseri, Turkey); e-mail: sevinc@erciyes.edu.tr

**ПРЕДПОСЫЛКИ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ
ТЮРКО-МУСУЛЬМАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ
НА ТЕРРИТОРИИ ИСТОРИЧЕСКОГО
БАШКОРТОСТАНА**

Башкортостан расположен на стыке Европы и Азии, вследствие чего его географическое расположение находит отражение как в литературе, так и – шире – в культуре. В связи с этим мы можем указать на возникновение двух векторов развития: первый – процесс дефрагментации единого евразийского пространства и второй – поиск возможностей диалога между различными этническими и культурными традициями: с одной стороны исконно национальные традиции, а с другой – восточные, в особенности – арабо-тюрко-мусульманские. «Несомненно, взаимоотношение народов, населяющих Россию, особенно тюркоязычных, в том числе и башкир, с Азией, иные, чем народов, скажем, Западной Европы. Исторически они неизбежны, оригинальны, непосредственны <...>. Поэтому евразийство для нас, башкир, проблема не выдуманная, Европа и Азия – это, как представляется, два источника нашей сущности, две стороны одной проблемы. Для башкир, развивающихся до революции в русле восточных культур и литератур, азиатские корни являются и, собственно, национальными» [Баимов 2005: 3].

Башкиры с древнейших времен контактировали с народами Ближнего и Среднего Востока, Центральной Азии. Основой этих связей послужила религия (вначале, возможно, зороастризм, затем – ислам) и торговые отношения. Особо тесные связи были налажены с персидскими и арабскими культурами и, соответственно, всех их влияние на национальную литературу ощущалось

больше всего. В.В. Бартольд отмечает, что начиная с VI в. н. э. наблюдается оживление исторических связей тюркских племен с персами [Бартольд 1925: 23].

На основе исторических фактов можно предположить, что персидские элементы стали проникать в языки тюркских племен с древнейших времен. По мнению Г.Р. Гайсиной, о проникновении в башкирский язык фарсизмов в ранние периоды развития свидетельствует то, что почти все заимствованные слова сильно ассимилировались, часто употребляются в современном языке и составляют неотъемлемую часть активного лексического состава. Самые ранние фарсизмы остались, возможно, со времен формирования башкир как отдельного этноса и связаны с ираноязычными сарматами [Гайсина 2008]. Произведенный лексический анализ текстовых материалов и отрывков из художественной литературы показал, что заимствования из персидского языка в словарном составе башкирского языка находятся в пределах 9,1% [Гайсина 2008: 5].

Влияние арабской культуры наблюдается в более поздние времена и связано с распространением ислама, который упорядочивал почти все стороны жизни общества и определял его духовно-нравственные ценности вплоть до середины 20-х гг. XX в. В этом плане арабская культура представляла целостную и гармоничную религиозно-философскую и духовно-бытовую систему.

В регионах новая религия не была принята в том виде, каком она была характерной для арабов. Высказывание С.М. Прозорова о том, что «народы разных историко-культурных регионов, включившись в духовную жизнь мусульманского сообщества, привнесли в ислам свои религиозно-этические представления, правовые нормы, обычаи и культурные традиции» [Прозоров 2004: 377], отчасти относится и к башкирскому народу. Например, до принятия ислама верховным божеством неба у тюркских и монгольских народов был Тенгре [Бичеев, Кукеев 2011]. Возможно, его почитание явилось первоосновой для возникновения в сознании народа понимания и восприятия единого Аллаха.

При исследовании истории развития национальной литературы дореволюционного периода ученые в своих трудах не могли обойти тему влияния мусульманской культуры. Большая заслуга

в изучение духовного наследия мусульманских народов принадлежит Р. Фахретдинову. Одним из его фундаментальных трудов является четырехтомное биобиблиографическое сочинение «Асар» («Следы», 1900–1908), созданное на основе архива Духовного управления мусульман и других источников. Первый том начинается с биографий Ибн Фадлана и Хамида бин Идриса ал-Булгари, т.е. со времен Булгарского государства и Золотой Орды. Общий объем первого тома составляет 483 страницы, где собраны сведения по 222 личностям, умершими до 1843 г. Во втором томе объемом 564 страницы приводятся обширные биографические данные о людях, умерших в 1843–1847 гг. Автор приводит сведения о родословной человека, о его родителях, детях, женах и родственниках; о наставниках и учениках, в каких медресе получил образование, дает список его трудов и переписанных книг, иногда даже приводит фрагменты из этих книг, размещает тексты писем и других материалов, написанных им (например, о совершенных им делах, о его последователях и единомышленниках), говорит о том, где он похоронен, и кто проводил церемонию погребения. Таким образом, «Асар» представляет собой масштабную энциклопедию, в которой собраны сведения биографического характера о мусульманских деятелях Урало-Поволжского региона и всего мусульманского Востока.

В советский период Г. Амантай поднимает вопрос о том, что башкиры, как и многие тюркоязычные народы, имели свою литературу в арабской графике. В статье «Принципы определения национальной литературы» он аргументировано доказал двусоставность дореволюционной башкирской литературы. Религиозно-дидактические произведения он также рассматривал в системе национальной художественной словесности. Однако репрессии 30-х гг. XX в. и тогдашняя идеология положили конец научным исследованиям в этой области.

В 1960 г. В.В. Виноградов своим труде «О задачах стилистики» впервые подробно проанализировал идейно-тематические и стилистические особенности такого произведения религиозного характера, как «Житие пророка Аввакума», указывая на его роль в истории развития русской литературы. На этой волне А. Харисов одним из первых в тюркоязычных литературах пере-

смаатривает идеологические трактовки произведений башкирской литературы XVIII–XIX вв., доказывая, что произведения религиозно-дидактического характера являются частью национальной художественной словесности [Харисов 1965].

В многотомной «Истории башкирской литературы», в первых двух томах которой раскрывается характер и особенности эволюции тюркоязычных литератур средневековья, анализируются периоды становления и развития национальной литературы, прослеживается единый процесс и постепенная дифференциация национальной литературы от общетюркского потока, особенности развития и взаимосвязи устной и письменной литератур, формирование жанров и поэтических форм. Особое внимание уделяется исследованию генетических корней национальной литературы и ее типологических связей с культурными традициями Востока, суфийской литературе как творческому методу средневековой литературы. Монографические разделы посвящены творчеству писателей Кул Гали, С. Юлаева, Т. Ялсыгулова, Г. Усмана, А. Каргалы, Х. Салихова, Ш. Заки, Г. Сокрья, М. Акмуллы, М. Уметбаева, Р. Фахретдинова, М. Гафури, З. Хади, С. Якшигулова, Ш. Бабича и др., в научных трудах рассматриваются проблемы становления и формирования метода просветительского реализма, взаимосвязи новой литературы с культурно-литературными традициями Востока, особенно арабо-мусульманскими (их жанрами и стилями).

Р.Н. Баимов также ставит вопрос о необходимости изучить эту проблему в контексте литературы Востока. «Почти не учитываются, например, – замечает он, – многовековые эпические традиции восточных литератур, в русле которых развивались до революции (с древнейших времен) многие фарси-тюркоязычные литературы народов Средней Азии, Казахстана, Поволжья (в т.ч. и башкирская) <...> Эти многовековые традиции, как собственно национальные, не могут не участвовать в формировании жанров литературы и в послереволюционный период, <...> и по сей день» [Баимов 1984: 34]. В монографии «Великие лики и литературные памятники Востока» поставлены и успешно решены две большие задачи: исследование восточных корней проблемы евразийства в области литературы и духовной культуры и ирано-арабо-тюркоязычные литературные взаимосвязи как истоки российских тюрко-

язычных культур. Кроме того, в монографии дается развернутая характеристика истории изучения межкультурных отношений Запада и Востока с позиции проблем евразийства, роли межлитературных взаимосвязей в развитии национальных литератур [Баимов 2005].

К X в. окончательно определяется территория древнего Башкортостана. На востоке она простиралась от Волги до Белой, на западе входила в земли Булгарского государства [Кузеев 1978: 162]. Ибн Фадлан писал, что, достигнув юго-западных границ страны у реки Кондурча, башкиры шли до Булгарии еще почти месяц [Ковалевский 1956: 130]. Арабский ученый начала X в. Ибн-Руста писал: «Башкиры – это самобытный народ, который живет на верховьях Волги и Камы, Тобола и Яика по обеим сторонам Уральских гор» [Хвольсон 1869: 598].

Знакомство, а затем и постепенное принятие ислама, скорее всего, тоже относится к этому времени. Некоторая информация содержится в путевых записях Ахмада ибн Фадлана, прибывшего в Булгар в 921–922 гг. Эти записи позднее стали объектом исследования многих именитых ученых-востоковедов – Якута Хамауи, Х.Д. Френа, А.П. Ковалевского, Г.Ф. Вюстенфельда, Р. Фахретдинова, А.З. Валиди и др.

А.П. Ковалевский на основе записей Ибн Фадлана приходит к выводу, что башкиры уже тогда в некоторой степени были знакомы с отдельными постулатами ислама и Корана: «<...> Ибн Фадлан рассказывает, что у них имелись две отличные друг от друга системы религиозных представлений. Об одной из них он пишет достаточно подробно. Так, по его словам, некоторые башкиры считали, что миром управляет верховный бог неба в согласии с двенадцатью богами, ведавшими отдельными явлениями природы. Как видно из контекста, Ибн Фадлан узнал об этой системе верований из личной беседы (через переводчика, конечно) с одним из башкир. Конец его рассказа дает возможность предположить, что он вступил с этим башкиром даже в своего рода диспут по вопросу единобожия. Но Ибн Фадлан не уточняет, какая именно часть башкир придерживалась данной религиозной системы. Он лишь неопределенно сообщает: “<...> кое-кто из них говорит <...>”. Зато о второй категории более примитивных верований он сообщает точно...» [Ковалевский 1956:

130]. Далее ученый поясняет, что здесь, скорее всего, отражена внутренняя полемика по поводу многобожия, изложенная в сурах 17 и 21 Корана [Ковалевский 1956: 193]. Это историческое событие позднее стало основой для романа Р.Н. Баймова «Караван килә Бағдадтан» («Караван идет из Багдада»).

Таким образом, хотя народ еще не принял новую религию, но представление о ней имел. Основной причиной этого следует считать внешний фактор: расположение Башкирии на стыке Европы и Азии, что напрямую связано с функционированием еще в те время большого количества дорог и торговых путей.

Кроме этого, в Научном архиве УФИЦ РАН хранится рукопись Р. Фахретдинова «Ибн Фадланның Булгарға килеүе» («Прибывание Ибн Фадлана в Булгар», представляющая собой папку объемом 18 листов.

Вначале традиционно приводится родословная: «Ахмад – Фадлан – Аббас – Рашид – Хаммад». Далее автор упоминает двух предшествующих ему исследователей – Якута Хамауи и немецкий перевод Х.Д. Френа (Петербург, 1832). Р. Фахретдинов предупреждает, что это скорее всего, переписывание «Мисбах ал-булдан» Я. Хамауи, указывая при этом, что во время работы над рукописью он использовал также публикации Заки-эфенди Валидова (стр. 17 об.).

Основной текст составляет 11 страниц (с. 6–17 об.), который разделен на 16 небольших глав. По всем главам проходит сквозная нумерация абзацев, количество которых достигает 105.

5 глава «Башкурд кәүеме» («Башкирский народ») посвящена башкирам (3 строк стр. 6 об.–стр. 8). В пункте 18 Ибн Фадлан пишет, что башкиры поклоняются 12 раббам (богам) и перечисляет их, а в 19 – коротко изложена башкирская народная легенда о журавлях. Последующие три главы связаны с городом Булгар (6 строк стр. 8–11 об.). В п. 24 Фадлан указывает дату прибытия каравана: 310 год по хиджре, 12 день мухаррама, воскресенье. Таким образом, на современной территории расселения башкир, в Поволжье и на Приуралье, башкиро-булгарские отношения вступают в новый этап своего развития, следствием которого становится распространение ислама и арабо-мусульманской культуры в данном регионе в целом.

Однако в записях ибн Фадлана наблюдается предвзятое мнение относительно других народов. Скорее всего, это было связано с иным восприятием и представлением культуры, а также с религиозной составляющей: для правоверного мусульманина все остальные народы (хазары, башкиры, русичи и др.), воспринимались язычниками и дикарями.

В то же время известный советский археолог С.А. Плетнева о башкирах VIII–XIV вв. писала: «Другой пример – высокоразвитые культуры прабашкир, близкие по общему уровню развития к культурам соседних государств. Как и аланы, они имели глубокие корни в древности, и традиции их сохранились до наших дней. Объяснить жизнестойкость, силу культур этих, по-видимому, следует ранним оседанием этих кочевников и тесным слиянием их оседлыми местными племенами. Развитие их текло по определенному руслу, и никакие катаклизмы не могли уничтожить эти вполне сложившиеся степные цивилизации. Политическое подчинение народа какому бы не было государству не могло существенно изменить многовековые культурные традиции» [Плетнева 1981: 238–139]. Действительно, даже многолетняя борьба народа против татаро-монгольских завоевателей и последующие два века под их властью не смогла полностью уничтожить культурные традиции народа.

По сведениям арабского путешественника Идриси (XII), у башкир были построены города в низовьях Агидели и на Каме, которые имели торговые связи с разными странами [Археология 1971: 324]. «По свидетельству Н.П. Рычкова, в городе Биляр, в котором проживали в тесном общении между собой биляры, юрмйцы, енейцы и другие булгаро-башкирские племена, было много башкир» [Хусаинов 1996: 21].

По другой версии, принятие башкирами ислама и распространение новой религии связано с булгарами. В конце IX – начале X вв. экономическое положение Волжской Булгарии заметно укрепляется, и она превращается в раннефеодальное государство. Налаживаются земледелие и животноводство, развиваются торговля и ремесла, основываются города, появляются просветительские, культурные центры. «Древнебулгарское государство – объединение разных племен. Вместе с булгарами, суварями, бур-

тасами и другими народностями, входили в него и западные башкиры. Были еще более древние связи башкирских племен с булгарами. Если одна ветвь этногенеза башкир берет свое начало в эпохе гуннов (IV–V вв.), то другая относится к периоду совместного проживания баджгардов и бурзянских кочевников на Северном Кавказе – на территории Великой Булгарии. Бурзяне и другие башкирские племена вместе с булгарами переселяются и на Поволжье, возобновляют с ними тесные этнические и этнокультурные связи» [Хусаинов 1996: 5].

По преданиям, новую религию первым принял болгарский хан Алмуш (Алмус). В путевых записях арабского путешественника Абу Хамид ал-Гарнати впервые упоминается история о принятии булгарами ислама. В ней говорится, что в Булгарию приехал из Бухары купец-мусульманин. Он был хорошо осведомлен в медицине и юриспруденции. И однажды тяжело заболели Булгарский хан и его жена. Как ни пробовали их лечить, болезнь только усиливалась. Тогда мусульманин обратился к больному хану и ханше: «Если я вас вылечу, вы примете мою веру?» Те ответили: «Примем». Мусульманин их вылечил, и хан принял ислам, а вместе с ним эту религию принял весь его народ [Путешествие 1971: 31].

Позднее данная история нашла широкое отражение в тюркомусульманской литературе региона. Г.Б. Хусаинов вполне справедливо отмечал, что: «<...> легенда, записанная еще в XII в., имела в башкирской и татарской литературах долгую историю и создала своеобразную традицию. Если в одном случае она продолжала существовать в рукописной и печатной формах, вошла в книги Хисаметдина Муслими, Таджетдина Ялсыгула, Гали Сокрыя под одноименным названием “Тауарих-и Булгарийа”, то в другом случае жила в устных преданиях» [Хусаинов 1996: 12].

В книгах Х. Муслими и Т. Ялсыгула говорится и о башкирах, которые обучались в Булгарии и, вернувшись к себе домой к берегам рек Агидель, Караидель, Ай и Дим, занимались распространением ислама. Также указываются места их могил. Таким образом, распространение ислама среди башкир происходило с двух сторон – с юга (через Среднюю Азию) и запада (булгар).

Распространение ислама в различных районах исторического Башкортостана происходило в течение нескольких веков и в раз-

ной степенью активности. Если на юге исторического Башкортостана, граничащего с мусульманскими центрами Средней Азии такими, как Бухара, Самарканд, Хорасан, ислам стал утверждаться начиная с X в., то в центральных и северных районах он начал распространяться намного позднее, начиная с XII–XIV вв. Об этом свидетельствуют многочисленные этнографические и археологические сведения.

Как известно, средневековая тюркоязычная литература имела зональный характер. В его формировании и обогащении участвовали представители многих народов, живущих на обширной территории, в т.ч. и в Урало-Поволжском регионе. «Здесь рождалась своеобразная культура, общая для многих населяющих эти земли племен, основную массу которых составляли тюрки. Создателями этой культуры являлись ученые, писатели, поэты, которые жили на Урале, в Поволжье, Хорезме и Крыму. Путем слияния древнего книжного тюрки с элементами местного кипчакского говора формируется смешанный тюркский литературный язык. Начиная с академика Бартольда, ученые называют его общим литературным языком входивших в состав Золотой Орды узбеков, татар, башкир, казахов, каракалпаков и других тюркских народов» [История 2012: 87].

На тюрки созданы такие дастаны XIV в., как «Хосроу вэ Ширин» («Хосроу и Ширин», 1342) Кутба, «Мухаббатнамэ» («Книга любви», 1358) Хорезми, «Джумджума султан» («Череп султан», 1370) Х. Катиба, «Гулистан би-т тюрки» («Гулистан по-тюрки») С. Сарай и др., которые получили широкое распространение на территории исторического Башкортостана.

Крупнейший исследователь литературы золотоордынского периода Э. Наджип пишет: «Мы считаем, что в создании этой культуры, этой литературы активное участие принимали предки нынешних татар, башкир, узбеков, казахов, туркмен, ногайцев, каракалпаков и других тюркских народов. Следовательно, эти бесценные памятники культуры и литературы являются их общим достоянием. И все же подобно тому, как прямым наследником литературы на чагатайском языке являются современный узбекский народ, частично – туркмены, точно также наследниками литературы, созданной в Золотой Орде, считаются в основном нынешние татары и башкиры» [Наджип 1957: 294].

В XIII–XIV вв. между Золотой Ордой и Египтом усиливаются политические, экономические и культурные связи. В годы междоусобиц, которые стали происходить в столице Золотой Орды, Сарае, ряд представителей Урало-Поволжского региона, в том числе и башкиры, вынуждены были уехать в Египет, который с середины XIV в. стал центром науки и культуры. В эпоху правления мамлюков турки, которые осели в Египте, стали играть заметную роль в административно-политической, научной и культурной жизни страны.

Мурат Рамзи в своей книге «Талфик ал-ахбар ва талких ал-асар фи вакаи‘ Казан ва Булгар ва мулюк ат-татар» («Собрание сведений из прошлых событий Казани, Булгара и татарских царей») пишет, что среди высокопоставленных мамлюков были два башкира – Гилметдин Санджар аль-Башкорди стал эмиром, а Насретдин ан-Насыри получил известность как ученый и поэт [Рамзи 1907]. Египетский ученый Амин аль-Холи также подчеркивает, что ан-Насыри был видным ученым и писателем своего времени: «Известные его поэтические и прозаические произведения получили высокую оценку современников» [Амин 1968: 31].

Таким образом, данные примеры показывают, что в средних веках башкиры в культурно-материальном плане достигли определенных высот – у них были свои города, ученые и писатели, получившие известность не только в родных краях, но и за их пределами. Эти исконно национальные культурные традиции плавно интегрировались с основными постулатами ислама, развиваясь в едином общетюркском русле.

Литература

- Амин 1968 – *Амин аль Холи*. Связи между Нилом и Волгой в XIII–XIV вв. М., 1968.
- Археология 1971– Археология и этнография Башкирии: В 5 т. Т. 4 / Под ред. *Р.Г. Кузеева, К.В. Сальникова*. Уфа, 1971.
- Баимов 1984 – *Баимов Р.Н.* Судьба жанра. Уфа: Башкирское книжное издательство, 1984.
- Баимов 2005 – *Баимов Р.Н.* Великие лики и литературные памятники Востока. Уфа: Гилем, 2005.
- Бартольд 1925 – *Бартольд В.В.* Место прикаспийских областей в истории мусульманского мира. Баку, 1925.

- Бичеев, Кукеев 2011 – *Бичеев Б.А., Кукеев А.Г.* О религиозных представлениях древних тюрков и монголов // Вестник КИГИ РАН. Этнология. 2011. № 2. С. 75–77.
- Гайсина 2008 – *Гайсина Г.Р.* Персидские заимствования в башкирском языке: автореф. дисс. ... канд-та филол. н. Уфа, 2008.
- История 2011 – История литературы Урала. Конец XV–XVIII вв. / глав. ред. *В.В. Блажес, Е.К. Созина.* М.: Языки славянской культуры, 2012.
- Ковалевский 1956 – *Ковалевский А.П.* Книга Ахмеда Ибн Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. Харьков, 1956.
- Кузеев 1978 – *Кузеев Р.Г.* Историческая этнография башкирского народа. Уфа, 1978.
- Наджиб 1957 – *Наджиб Э.* Поэт XIV века Сайф Сараи и его время // Совет эдабияты. Казань, 1957. №4 (на тат. яз.).
- Плетнева 1981 – *Плетнева С.А.* Заключение // Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. М.: Наука, 1981. С. 238–239.
- Прозоров 2004 – *Прозоров С.М.* Ислам как идеологическая система. М.: Восточная литература, 2004.
- Путешествие 1971 – Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131–1153 гг.) / О.Г. Большаков, А.Л. Монгайт. М.: Наука, 1971.
- Рамзи 1907 – *Рамзи Мурат.* Талфик аль-ахбар вэ талких аль-асар.... В 2-х т. Т. 1. Оренбург, 1907. (Рамзи Мурат. Собрание сведений из прошлых событий Казани, Булгара и татарских царей. Оренбург, 1908).
- Харисов 1965 – *Харисов А.* Литературное наследие башкирского народа (XVIII–XIX веков). Уфа, 1965 (на башк. яз).
- Хвольсон 1869 – *Хвольсон Д.А.* Известия о казарах, буртасах, болгарях, мадырах, славянах и руссах. СПб., 1869.
- Хусаинов 1996 – *Хусаинов Г.Б.* Башкирская литература XI–XVIII вв. Уфа, 1996.

Аннотация

Географическое положение Башкортостана давало широкие возможности к диалогу между различными этносами и их культурными традициями (например, исконно национальные традиции контактировали с арабо-тюркомусульманскими традициями). Башкиры с древнейших времен общались с народами Центральной Азии, Ближнего и Среднего Востока. Основой этих связей послужила религия (вначале, возможно, зороастризм, затем – ислам) и торговые отношения. Распространение ислама в различных районах исторического Башкортостана происходило в течение нескольких веков и в разной степени активности. Если на юге исторического Башкортостана, граничащего с мусульманскими центрами Средней Азии такими, как Бухара, Самарканд, Хорасан, ислам стал утверждаться начиная с X в., то в центральных и северных районах он начал распространяться в XII–XIV вв. А.П. Ковалевский приходит к выводу, что башкиры уже в X в. в некоторой

степени были знакомы с отдельными постулатами ислама. По другой версии, принятие новой религии связано с булгарами. В формировании и обогащении средневековой тюркоязычной литературы, имеющей зональный характер, участвовали представители многих народов, живущих на обширной территории, в т.ч. и в Урало-Поволжском регионе.

Ключевые слова

башкиры, тюркоязычная литература, ислам, тюрко-мусульманская культура

Сведения об авторе

Сибатов Флюр Шарифуллинович – кандидат филологических наук, доцент, заведующий отделом рукописей и редких изданий Национальной библиотеки им. А.З. Валиди РБ; e-mail: jamachta@mail.ru

Flyur Sibagatov

Prerequisites for the Formation and Development of Turkic-Muslim Culture in the Territory of Historical Bashkortostan

Summary

Due to the geographical location of Bashkortostan, we can point a search for dialogue opportunities between different ethnic and cultural traditions: on the one hand, the original national traditions, and on the other, the Arab-Turkic-Muslim traditions. Since ancient times the Bashkirs have been in contact with the peoples of Central Asia, the Near and Middle East. The basis of these ties was religion (first, perhaps Zoroastrianism, then Islam) and trade relations. The spread of Islam in various areas of historical Bashkortostan took place over several centuries and with varying degrees of activity. If in the south of historical Bashkortostan bordering the Muslim centers of Central Asia such as Bukhara, Samarkand, Khorasan, Islam began to develop from the 10th century, then in the central and northern regions it began to spread in the 12th – 14th centuries. A.P. Kovalevsky comes to the conclusion that the Bashkirs already in the tenth century to some extent were familiar with certain postulates of Islam. According to another version adoption of the new religion was connected with the Bulgars. Representatives of many peoples living in the vast territory including the Ural-Volga region played an important role in forming and developing medieval Turkic-speaking literature having a zonal character.

Key words

Bashkirs, Turkic literature, Islam, Turkic-Muslim culture

Information about the author

Flyur Sibagatov – PhD in Philology, Associate Professor, Head of the Department of Manuscripts and Rare books of the National Library named after Ahmed Zaki Validi Republic of Bashkortostan; e-mail: jamachta@mail.ru

Содержание

От редакторов	4
О деятельности Евразийского научно-исследовательского института при Международном турецко-казахском университете имени Ахмеда Ясави	7
Дагыстан Сердар Международный турецко-казахский университет имени Ахмеда Ясави и исследования, связанные с его жизнью и деятельностью (статья на турецком языке)	9
Наши учителя	
Васильев. Д.Д. Турецкая пресса о нашем учителе Жаке Ихмальяне	21
Лингвистика	
Акалын Шюкрю Халюк Новые разработки в турецкой лексикографии: электронные и онлайн-словари Турецкого лингвистического общества	35
Алексеева О.А. Темпоральная организация новостных материалов в современных турецких СМИ	50
Атласова Э.С. Оленеводческая лексика в языке тундренных юакигров Республики Саха (Якутия)	67
Бурнакова К.Н., Боргоякова Т.Н. Глагольные аналитические образования и их роль в формировании видовременной системы в тюркских языках Южной Сибири	72
Верхова К.А. Послеложные обороты времени с формами на <i>-DIğI</i> и <i>-AcAğI</i> : функционально-стилистический и диахронический аспект	81

Гаджиева А.А.	
Морфонологические особенности «Акыл бере тугун кнеге» («Изъ премудрости Иисуса сына Сирахова», Казань, 1891)	95
Глашев А.А.	
Древнетюркские религиозные термины на Северном Кавказе ...	102
Кадырова О.М.	
К проблеме разграничения сочиненных и подчиненных клауз в турецком языке	110
Камалова Ш.Н.	
Копулятивная модель в языке древнетюркских рунических памятников и современном азербайджанском языке	122
Кызласов И.Л.	
Опасность современного письма рунами тюрков	133
Ларионова Е.И.	
Безэквивалентная лексика в детективном романе А. Умита «Воспоминание о Стамбуле»	155
Лосева-Бахтиярова Т.В.	
К вопросу о первых опытах составления словарей сельскохозяйственных терминов в Узбекистане в 1930-е гг.	163
Напольнова Е.М.	
Категория одушевленности-неодушевленности и личности-неличности в турецком языке	171
Оганова Е.А.	
Настоящее-будущее время на <i>-Ar</i> в турецком языке как лингводидактическая проблема	179
Псянчин Ю.В.	
Особенности функционирования пояснительно-дидактического религиозного подстиля башкирского языка	201
Сахатова Г.С.	
Формальные способы выражения предостережения в тюркских языках на примере туркменского и турецкого языков	212
Хисамитдинова Ф.Г.	
Персонажи группы «ущербные люди» в башкирской мифологии	247
Чиврикова А.В.	
Лексический и грамматический аспекты глагольной основы тюркских языков на примере аффиксов <i>-n</i> , <i>-lA</i> и <i>-lAn</i>	256

Экба З.Н.

- К вопросу о классификации семантических изменений
арабо-персидских заимствований в современных тюркских
языках 271

Литературоведение и культурология

Аникеева Т.А.

- Тюркские рукописи по фольклору и литературе собрания
Ялтинского историко-литературного музея 277

Аширов Т.А.

- Литературная критика в первые годы Советской Туркмении
(в контексте критики Мухаммеда Гельдыева
и Басира Абдуллина) 285

Гаджиев А.А.

- Фольклорно-литературный синкретизм и жанровая типология
выселенческого фольклора ахалцихских турок 292

Горбаткина Г.А.

- Образы суфийских шейхов в романе Яшара Кемала
«Тоший Мемед» 313

Караджа Бирсен

- Интертекстуальность в романе Сабахаттина Али
«Дьявол внутри нас» (статья на турецком языке) 324

Кючюклер Али

- Лекции Халиде Эдип в Индии: ориентализм и ее видение
образа Турции (статья на турецком языке) 335

Пустогачева О.Н.

- К проблеме сохранения младописьменных и бесписьменных
языков (на примере фольклора челканцев) 359

Репенкова М.М.

- Романистика Зюльфю Ливанели в контексте современной
турецкой прозы 370

Севинч Учгюль

- Русская литература и русские писатели в литературных
докладах Орхана Памука (статья на турецком языке) 392

Сибгаатов Ф.Ш.

- Предпосылки формирования и развития тюрко-мусульманской
культуры на территории исторического Башкортостана 408

Contents

The editors	4
On the work of Eurasian Research Institute of Ahmed Yassawi International Turkish-Kazakh University	7
Dağstan Serdar	
Studies on Yassawism and Khoja Ahmed Yassawi International Turkish-Kazakh University	9
Our teachers	
Vasiliev D.D.	
Turkish press about our teacher Zhak İkhmalıyan	21
Linguistics	
Akaln Ş.	
New developments in Turkish lexicography: electronic and online versions of Turkish dictionaries prepared by Turkish Language Society	35
Alekseeva O.	
Temporal organization of news materials in modern Turkish media	50
Atlasova E.	
Reindeer herding vocabulary in the language of Tundra Yukagirs of Republic of Sakha (Yakutia)	67
Burnakova K., Borgoyakova T.	
Verbal analytical formations and their role in creating aspect-tense system in Turkic languages of Southern Siberia	72
Verkhova K.	
Postpositional attributes of time with forms <i>-DIğI</i> and <i>-AcAğI</i> : functional-stylistic and diachronic patterns of use	81

Gadzhieva A.	
Morphophonemic features of «Akyl Bere Tugun Knege» («Wisdom of Jesus the Son of Sirach». Kazan, 1891)	95
Glashev A.	
Old Turkic religious terms in the Northern Caucasus	102
Kadyrova O.	
On the problem of distinction between coordinate and subordinate clauses in Turkish	110
Kamalova Sh.	
Copulative model in language of ancient Turkic runic monuments and modern Azerbaijani Language	122
Kyzlasov I.	
Danger of modern writing in Turkic Runes	133
Larionova E.	
Untranslatables in the detective novel «A Memento for Istanbul» by Ahmet Ümit	155
Loseva-Bakhtiyarova T.	
Revisiting the first attempts of compiling dictionaries of agricultural terminology in Uzbekistan in 1930s	163
Napolnova E.	
The categories of animate-inanimate and personal-non-personal in Turkish	171
Oganova E.	
The present future tense (aorist) in the Turkish language as a linguodidactic problem	179
Psyanchin Yu.	
Features of functioning of explanatory-didactic religious substyle of the Bashkir language	201
Sakhatova G.	
Formal ways of expressing warning in Turkic languages exemplified by Turkmen and Turkish	212
Khisamitdinova F.	
Characters of the group «Flawed people» in Bashkir mythology	247
Chivrikova A.	
Lexical and grammatical aspects of Turkic verb stem on the example of the suffixes <i>-n</i> , <i>-la</i> and <i>-lan</i>	256

Ekba Z.

- The issue of classification of semantic changes in Arab-Persian borrowings in modern Turkic languages 271

Literary and cultural studies

Anikeeva T.

- Turkic manuscripts on folklore and literature of the collection of Yalta historical-literary museum 277

Ashyrov T.

- Literary criticism in the first years of Soviet Turkmenistan in the context of criticisms of M. Geldiyev and Basir Abdullin 285

Hajiyev A.

- Folklore and literature syncretism and the genre typology of the exile folklore of the Akhaltsikhe Turks 292

Gorbatkina G.

- Sufi sheikhs' characters in Yaşar Kemal's novel «İnce Memed» 313

Karaca B.

- Intertextual relations in Sabahattin Ali's novel «The Devil in the Flesh» 324

Küçükler A.

- Halide Edip's conferences in India: orientalism and Turkish narrative 335

Pustogacheva O.

- Upon the problem of preserving newly written and unwritten languages (exemplified by the folklore of Chelkans) 359

Repenkova M.

- Zülfü Livaneli's approach to novel writing in the context of modern Turkish prose 370

Üçgül S.

- Russian literature and Russian writers on Orhan Pamuk's lectures on literature 392

Sibagatov F.

- Prerequisites for the formation and development of Turkic-Muslim culture in the territory of historical Bashkortostan 408

Институт стран Азии и Африки
МГУ имени М.В. Ломоносова
кафедра тюркской филологии

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Редакция научного издания «Вопросы тюркской филологии» просит авторов руководствоваться приведенными ниже правилами. Статьи, оформленные по иным техническим параметрам, к публикации не принимаются.

Общие положения

Научное издание «Вопросы тюркской филологии» выходит 1 раз в 2 года; в нем публикуются материалы сообщений, прочитанных на ежегодной Международной научной конференции «Дмитриевские чтения», которая организуется кафедрой тюркской филологии Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова. Заседания проходят в двух секциях: «Тюркское языкознание» и «Тюркское литературоведение и культурология». Тематика сообщений – свободная.

Основным требованием к публикуемым материалам является их соответствие научным критериям:

- ◆ актуальности
- ◆ проблемности
- ◆ научной новизны
- ◆ доказательности
- ◆ фактологической обоснованности.

Журнал индексируется в системе РИНЦ.

Представление статей

Объем статьи – **не более 40 тысяч знаков**, включая список литературы, аннотации на русском и английском языках (не более 120 слов), ключевые слова (не более 10 слов) и постраничные сноски.

К публикации принимаются статьи на русском, английском и турецком языках.

Авторские оригиналы должны быть отправлены в электронном варианте по адресу ova8@yandex.ru (Оганова Елена Александровна).

Файл со статьей должен быть назван следующим образом: «Иванов И.И. Статья для ДЧ»

ВНИМАНИЕ: Авторы обязательно должны предоставить название статьи, аннотацию, ключевые слова и информацию об авторе на английском языке.

Если статья подается на английском языке, то к ней должна прилагаться аннотация, ключевые слова и информация об авторе на русском языке.

Если статья подается на турецком языке, то к ней должна прилагаться аннотация, ключевые слова и информация об авторе на английском языке.

ТРЕБОВАНИЯ К СТАТЬЯМ

Требования к оформлению:

Шрифт – Times New Roman (14 пт) по всему тексту.

Межстрочный интервал – 1,5 строки.

Абзацный отступ – 0,75 см по всему тексту.

Выравнивание – по ширине (заголовки – по центру).

Нумерация страниц – сквозная. Номер страницы указывается внизу страницы по центру.

Параметры страницы – А4, поля для всех сторон – 2 см, ориентация – книжная.

Тире среднее (не заменять дефисом и типографским «длинным» тире!), с двух сторон отделяется пробелами: –

Кавычки внешние – «елочки», внутренние – “лапки”.

Пропуски в цитатах обозначаются многоточием в угловых скобках: <...>.

Между числами (для обозначения временного периода, страниц в издании и т.п.) ставится среднее тире без пробелов. Например: 1941–1945 гг. или С. 55–72.

Век сокращается до в., века – вв., год – до г., года – до гг.

Века обозначаются римскими цифрами, например: XIX–XXI вв.

Букву «ё» использовать только в смысловозначительных случаях.

Примеры на национальных языках приводятся курсивом (фонтом необходимо прислать вместе со статьей) и должны иметь переводы на русский язык. Значения слов, словосочетаний и переводы даются в марровских кавычках (“марровские кавычки”).

Названия работ на национальных языках приводятся в кавычках прямым шрифтом: «Çağdaş Türkçe Dil Bilgisi».

Специальные символы набираются шрифтом **Symbol**. При употреблении сложных или авторских символов, статью необходимо прислать также и в формате **pdf**.

Ссылка приводится внутри текста в квадратных скобках; напр.: [Малов 1951: 430]; в случае необходимости *сноски* должны вводиться в виде верхнего индекса и иметь сквозную нумерацию по всему тексту.

ВНИМАНИЕ: следите за отсутствием двойных пробелов!

Порядок расположения материала:

1. ФИО автора на русском языке (с выравнением по правому краю курсивом, инициалы перед фамилией)
2. Название на русском языке (полужирным шрифтом строчными буквами с выравнением по центру)
3. Текст на русском языке
4. Заголовок «Литература» (полужирным шрифтом с выравнением по центру)
5. Список литературы

Дается в конце статьи и оформляется по ГОСТу (Гост 7.1.-2003).

Вводится под заголовком «Литература». Приводится без нумерации в алфавитном порядке сокращенного обозначения источников по названию или фамилии автора и году издания прямым шрифтом; далее через среднее тире курсивом фамилия и инициалы автора, затем прямым шрифтом полное название труда и выходные данные.

Для книг – фамилии и инициалы всех авторов, полное название книги, далее через точку место издания, через запятую год издания, через точку том или выпуск, через точку номера страниц.

Для периодических изданий – фамилии и инициалы всех авторов, название статьи, через две косые линии – название журнала (или сборника), через точку год издания, через точку том, через точку номер, через точку первая и последняя страницы статьи.

Например:

Абдуллаев 1967 – *Абдуллаев Ф.А.* Фонетика хорезмских говоров. Опыт монографического описания огузского и кыпчакского наречий узбекского языка. Ташкент, 1967.

Бирюкович 1975 – *Бирюкович Р.М.* О первичных долгих гласных в чулымско-тюркском языке // Советская тюркология. 1975. № 6. С. 55–67.

ЭСТЯ 1974 – *Севортян Э.В.* Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на гласные. М., 1974.

При ссылке на электронный источник в скобках указывается дата обращения. Например:

Сосницкая 2008 – *Сосницкая М.* Счастливики долины роз и смерти. <http://www.hrono.ru/text/2008/sos1008.html> (дата обращения 22.06.2015).

Для иностранных авторов после тире вначале фамилия, потом через запятую имя.

Marlowe 1998 – *Marlowe, Christopher.* The Tragical History of Doctor Faustus. Pennsylvania: The Pennsylvania State University, 1998. <http://www.lem.seed.pr.gov.br/arquivos/File/livrosliteraturaingles/faustus.pdf> (erişim tarihi 18.04.2017).

6. Заголовок «Аннотация» (полужирным шрифтом с выравниванием по центру)

7. Аннотация на русском языке

8. Заголовок «Ключевые слова» (полужирным шрифтом с выравниванием по центру)

9. Ключевые слова на русском языке (не более 10). После последнего ключевого слова точка не ставится!

10. Заголовок «Сведение об авторе (авторах)» (полужирным шрифтом с выравниванием по центру)

11. Сведения об авторе (авторах) на русском языке (требования к оформлению представлены ниже). После указания адреса электронной почты точка не ставится!

12. Имя и фамилия автора на английском языке (с выравниванием по правому краю курсивом, имя указывается перед фамилией)

13. Название на английском языке (полужирным шрифтом строчными буквами с выравниванием по центру)

14. Заголовок «Summary» (полужирным шрифтом с выравниванием по центру)

15. Аннотация на английском языке

16. Заголовок «Key words» (полужирным шрифтом с выравниванием по центру)

17. Ключевые слова на английском языке. После последнего ключевого слова точка не ставится!

18. Заголовок «Information about the author» (полужирным шрифтом с выравниванием по центру).

19. Сведения об авторе (авторах) на английском языке. После указания адреса электронной почты точка не ставится!

ОБРАЗЕЦ ОФОРМЛЕНИЯ

Т.В. Лосева-Бахтиярова

К вопросу о первых опытах составления словарей сельскохозяйственных терминов в Узбекистане в 1930-е гг.

Рост профессиональных кадров из представителей местных национальностей в 20-е – 30-е гг. XX в. после установления советской власти на территориях проживания тюркоязычных народов требовал создания специальной литературы, в том числе терминологических словарей, на местных языках.

...

Второй словарь называется «*Raxtasilikka dair qisqaca izahli luqat*» («Краткий толковый словарь хлопководства»).

...

В качестве примеров реже встреченного нами словосложения можно привести слова: *torqanatlar* ‘сетчатокрылые’, *jarqanat* ‘летучая мышь’, *olymtikxorlar* ‘мертвоеды’.

...

Как верно заметил Р.А. Будагов в своем труде «Филология и культура»: «Наука, чтобы действительно влиять на жизнь общества, требует ясного выражения, точной передачи мысли средствами данного языка» [Будагов 1980: 8].

Литература

Будагов 1980 – *Будагов Р.А.* Филология и культура. М., 1980.

Сафаев 1987 – *Сафаев А.С.* Русско-узбекский словарь // Вопросы языкознания. 1987. № 2. С. 150–153. <http://vja.ruslang.ru/archive/1987-2.pdf> (дата обращения 12.01.2020).

Davidov 1935 – *Davidov I.* Luqati terminologi (rusi – jahudigi). Paxtakori. Toshkent, 1935.

...

Аннотация

Предметом рассмотрения в данной работе является один из первых узбекских словарей сельскохозяйственной терминологии, изданный в Ташкенте в 1931 г.

...

Ключевые слова

словарь, сельскохозяйственная терминология, способы номинации, узбекский язык

Сведения об авторе

Лосева-Бахтиярова Танем Валерьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры тюркской филологии Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова; e-mail: uni_philology@yahoo.com

Tanem Loseva-Bakhtiyarova

Revisiting the first attempts of compiling dictionaries of agricultural terminology in Uzbekistan in 1930s

Summary

The subject of this paper is the analysis of one of the first Uzbek dictionaries of agricultural terminology issued in Tashkent in 1931.

...

Key words

dictionary, agricultural terminology, nomination methods, the Uzbek language

Information about the author

Tanem Loseva-Bakhtiyarova – PhD in Philology, Associate Professor, Turkic Philology Department, Institute of Asian and African Studies of Lomonosov Moscow State University; e-mail: uni_philology@yahoo.com

БУДЕМ РАДЫ СОТРУДНИЧЕСТВУ С ВАМИ!

Вопросы тюркской филологии

Выпуск XIII

(Материалы Дмитриевских чтений)

Оформление оригинал-макета: *Е.А. Оганова*

Техническое редактирование: *О.В. Волкова*

Утверждено к печати Ученым советом ИСАА
МГУ имени М.В. Ломоносова

ООО «Издательство МБА»

Москва, ул. Рождественка, 12/1, тел. (495) 726-31-69;
(495) 968-24-16; (495) 623-45-54; (495) 625-38-13.

e-mail: izmba@yandex.ru

Генеральный директор С.Г. Жвирбо

Подписано в печать с оригинал-макета 20.04.2020.
Формат 60×90 1/16. Тираж 100 экз. Заказ № 249